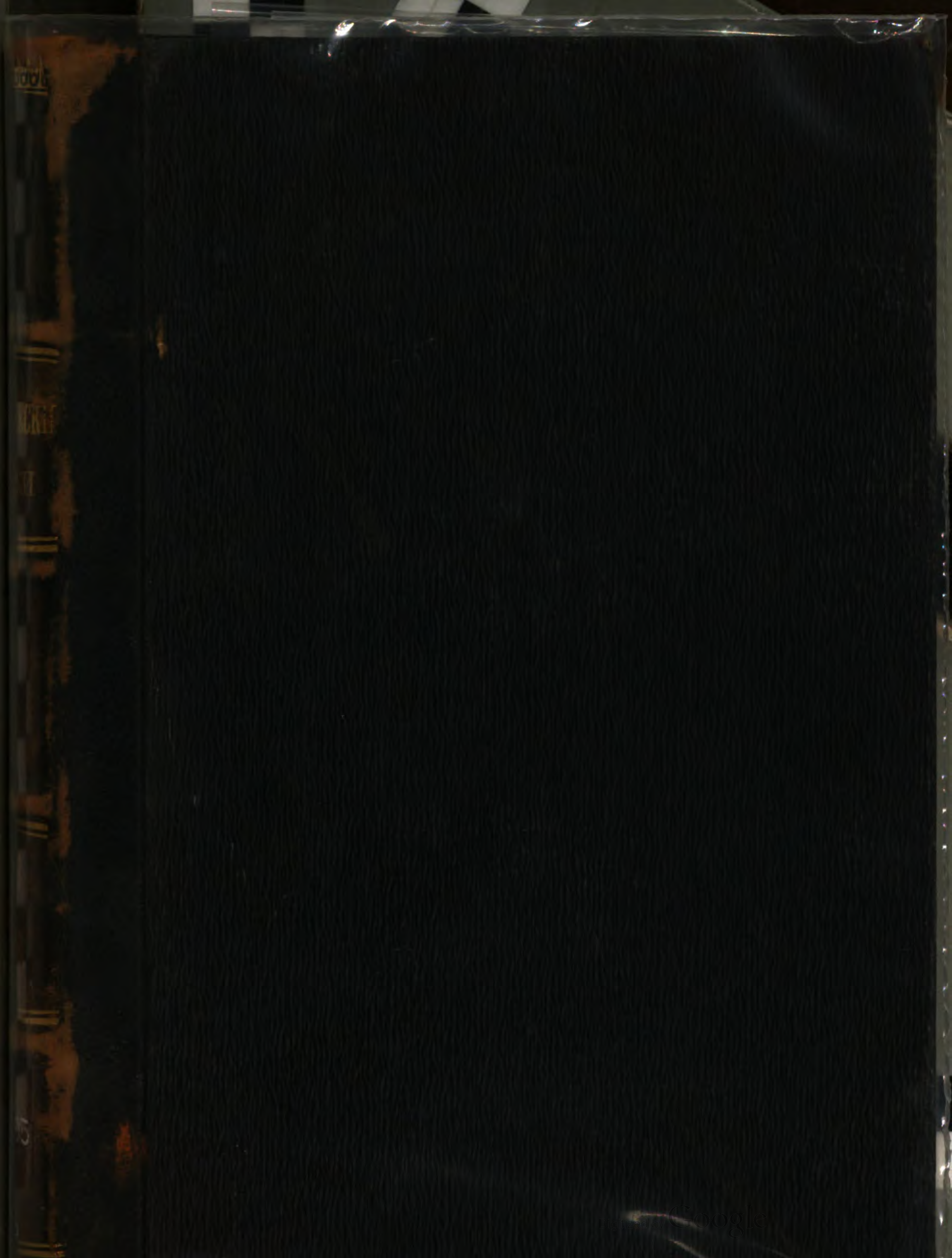
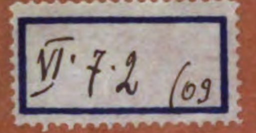
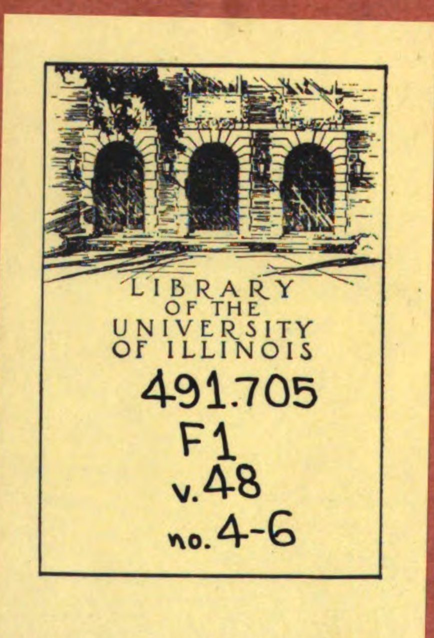

VI·7·2 (09

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.48
no.4-6

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ IV.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (бывш. Исаева).
1908.

Содержаніе IV в. „Филологическихъ Записокъ“.

Графъ Л. Н. Толстой какъ писатель.

Намъ Толстой предстоитъ великаномъ.

Некрасовъ.

Когда въ грязи и лжи возникшему кумиру
Пожертвованъ вездѣ искусства идеалъ,
О вѣчной красотѣ напоминая міру,
Твой мощный голосъ прозвучалъ.
Глубокихъ струнъ души твоя коснулась рука,
Ты въ жизни понялъ все и все простилъ, поэтъ!
Ты изъ нея извлекъ чарующіе звуки,
Ты зналъ, что въ правдѣ грязи нѣтъ.

Апухтинъ.

Вся жизнь Толстого была непрерывнымъ служеніемъ правдѣ, исканіемъ ея, смѣлымъ анализомъ того, что скрывается за блестящимъ покровомъ культуры, за толстымъ слоемъ накопившихся вѣками взглядовъ и понятій. Въ уста своего Николеньки Иртеньева онъ влагаетъ вдумчивыя слова этого пытливаго вопроса жизни. Въ дѣтской, за бесѣдой со старикомъ учителемъ, въ полуосвѣщенной гостиной возлѣ любящей матери, въ скромной студенческой комнаткѣ, на лонѣ природы, въ розмышленіяхъ Левина, думахъ Андрея Болконскаго, житейскихъ столкновеніяхъ Пьера Безухова—всюду пытливый умъ, то неокрѣпшій, то искушенный въ горнилѣ жизни, требуетъ точнаго отвѣта на загадочные и запутанные вопросы бытія. Натановы слова у Лессинга

Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды!
Притомъ наличной, ясной какъ монета.
Еще добро бы старая монета,

Которую по вѣсу оцѣняли,
Но эта новая, что выдается
По счету, новая, которой цѣну
Мы только по чекану узнаемъ—

какъ нельзя лучше опредѣляютъ сущность этихъ исканій, поставившихъ Толстого на высшій кульминаціонный пунктъ современной жизни и культуры. Въ длинномъ рядѣ годовъ, мимо блестящихъ явленій исторіи, мимо громадныхъ духовныхъ переворотовъ въ области мысли, мимо всего, что наполняетъ радостью и скорбью, утѣхой и сомнѣніемъ душу современнаго человѣка, прошелъ этотъ великій старикъ, пронесъ чистый лучъ человѣческагосознанія, освобожденнаго отъ всего случайнаго, проходящаго, чистый, какъ слово вѣчнаго старца Гомера, святого, какъ откровеніе религіи любви, полный жизни, какъ мудрость развѣнчаннаго имъ же британскаго генія, отдававшій блескомъ Пушкина, Мицкевича, Шиллера и Гёте. Эта дивная поэзія въ прозѣ для насъ, его современниковъ, обвѣяна всѣми чарами, какія только способно создавать высшее творчество; въ словахъ этого знатока и цѣнителя жизни кроется то, о чемъ плакалъ юноша Гейне, о чемъ пѣла Лорелей на рейнскомъ утесѣ, о чемъ задумывалась сѣдая древность, на что давали посильные отвѣты лучшіе умы человѣчества. Въ этомъ опредѣленіи широты и глубины творчества Толстого сходятся всѣ лучшіе критики, начиная съ Брандеса, Вогюэ, Геннекена, Дружинина и Страхова, кончая С. Волконскимъ съ его красивыми лекціями о русской литературѣ, читанными въ Америкѣ. «Великій урокъ, который ежедневно преподаетъ жизнь и смерть поэту, заглушаетъ для него весь шумъ земной жизни», говоритъ Брандесъ. «Неоспоримы, какъ сама жизнь, его великолѣпныя изображенія жизни; они, какъ жизнь, ши-

роки и разнообразны, страшны, какъ жизнь, и, какъ жизнь, глубоки, ибо ни предъ кѣмъ жизнь не представала съ такой глубиной, какъ предъ нимъ; никто не измѣрялъ такихъ тайниковъ человѣческой души, никто не провожалъ его такъ далеко до порога земного существованія» (С. Волконскій. Очерки русской исторіи и русской литературы, стр. 317). Въ этихъ словахъ скромнаго русскаго критика мы находимъ подтвержденіе того, на что въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Толстого намекалъ такой тонкій цѣнитель и знатокъ нашей литературы, какъ Дружининъ. Еще при появленіи Севастопольскихъ разсказовъ онъ вполнѣ правильно указалъ основныя свойства творчества Л. Толстого. «Можно находить многіе недостатки въ произведеніяхъ Толстого, говоритъ онъ, но направленію ихъ не можетъ сдѣлать упрека критикъ самый придирчивый. Тутъ нѣтъ мѣста ни преднамѣренной дидактикѣ, ни идиллической несостоятельности передъ темной стороной жизни, ни заранѣе накинутой на себя мизантропіи, ни розоваго свѣта, ни безстрастія, ни сантиментальности. Тутъ все твердо и свободно... Все строго и соразмѣрено съ своею цѣлью, всѣ стороны міра равны передъ поэтическимъ взглядомъ писателя,—и самъ писатель твердо вѣритъ, что ему дано отъ судьбы полное право идти въ ту сторону, куда зоветъ его загадочная и талантливая сила, называемая вдохновеніемъ» (Соч. А. В. Дружинина, т. VII, стр. 174—175). Черезъ полвѣка, въ наши дни, отзывчивый Вл. Г. Короленко подтверждаетъ этотъ взглядъ Дружинина. Говоря о мірѣ явленій и образовъ у Л. Толстого, авторъ «Слѣпого музыканта» и «Сна Макара» замѣчаетъ: «И всѣ эти образы, трепещущіе жизнью, движеніемъ, кипящіе человѣческими страстями, человѣческой мыслью, стремленіемъ

вывсь и глубокими паденіями, созданы въ полномъ соотвѣтствіи съ творчествомъ жизни, ихъ размѣры, ихъ окраска, пропорціи ихъ взаимнаго распредѣленія отражаютъ точно и ясно, какъ экранъ подъ прямымъ зеркаломъ, взаимоотношенія и свѣто-тѣни дѣйствительности. И все это отмѣчено печатью гармоническаго духа, свѣтится внутреннимъ свѣтомъ необыкновенного воображенія и никогда не устающей бодрой мысли». («Русское богатство» 1908, августъ, стр. 128). Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности Толстой шелъ этимъ избраннымъ имъ путемъ; онъ остался вѣренъ идеаламъ своихъ молодыхъ лѣтъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью вопросить жизнь и добиться отвѣтовъ на то, что мучитъ всякій пытливый умъ, всякую отзывчивую душу. Тяжелъ и тернистъ былъ этотъ путь для писателя. Толстой разсказываетъ въ своей «Исповѣди», какихъ духовныхъ жертвъ стоили ему эти шаги, которые привели его къ инымъ, болѣе широкимъ и свободнымъ горизонтамъ. Роковой вопросъ о цѣли жизни, съ такой искренностью обнаженный на страницахъ «Исповѣди», мучилъ Толстого и въ высшіе моменты творчества. Исканія Безухова и Левина—наиболѣе краснорѣчивыя признанія этой мятущейся въ поискахъ истины души. Толстой возводитъ мысль и чувство на такую высоту, съ которой человѣкъ свободно можетъ озирать все тревожащее его, возвышаться надъ разнообразіемъ идей и вещей, возводить къ общему началу сложные постулаты житейской философіи и морали. Потемки жизни освѣщаются для насъ лучами художественнаго творчества, но ни одинъ изъ писателей, не исключая самыхъ выдающихся, не пролилъ въ этой области столько свѣта, сколько Толстой. Къ нему можетъ быть отнесено то, что Бѣлинскій говоритъ о Пушкинѣ и Гете. «По-

добно Гете, Пушкинъ есть поэтъ внутренняго міра души, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ Гете, способенъ воспитать чувство человѣка, разработать и развить его, сдѣлать его эстетически прекраснымъ» (т. VII, стр. 366. Солдатенковскаго изданія). Въ области художественной этики то же дѣлаетъ и Толстой, уступающій по силѣ таланта Данте, Шекспиру и Гете. Онъ очищаетъ это этическое содержаніе искуства, возводя его къ простымъ формамъ, совлекая весь внѣшній декорумъ, яркость красокъ, блескъ образовъ, благоуханіе чистаго лиризма. Толстой простъ и строгъ, какъ древній библейскій пророкъ. Знатокъ и цѣнитель русской литературы Мельхіоръ де Вогюэ справедливо замѣтилъ о произведеніяхъ великаго писателя: «Толстой разорвалъ связи съ прошедшимъ, отбросилъ рабство иностранной манеры. Это новая Россія, устремившаяся во тьму, на поиски новыхъ своихъ собственныхъ путей...». Дѣйствительно, не только мелкіе, оригинальные по своей концепціи и структурѣ разсказы Толстого, но и его большія полотна поражаютъ своеобразной, чисто русской физіономіей. Тутъ на сцену вторгается новый міръ, въ которомъ нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ, гдѣ писатель безпощадно срываетъ маску съ того, что онъ считаетъ мишурнымъ величіемъ, гдѣ міру Наполеоновъ, Кутузовыхъ, Болконскихъ и Карениныхъ противополагается міръ Каратаевыхъ, Дроновъ, Левинскихъ мужиковъ. На этотъ путь художественнаго опрощенія, крайней демократизаціи литературы Толстой сталъ въ раннемъ періодѣ своего творчества. Въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» и послѣдующихъ разсказахъ ясно видно то направленіе, которое достигаетъ своего апогея позднѣе, вырисовываясь ярко и красиво въ «Войнѣ и мирѣ», «Аннѣ Карениной», «Смерти Ивана Ильича», «Воскресеніи». Правда, въ ряду новаторовъ рус-

ской литературы Толстой не стоитъ одиноко. Есть еще другая, выросшая изъ земли сила, могучій и своеобразный талантъ Достоевскаго, чтимый Львомъ Толстымъ. Великій писатель земли русской, смѣло отрицающій Шекспира, бросающій вызовъ всей современной культурѣ, индифферентный къ лучшимъ явленіямъ родного художественнаго творчества, находилъ въ Достоевскомъ близкія, сродныя себѣ черты.

Яркая параллель между Толстымъ и Достоевскимъ, которую провелъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ Мережковскій, выясняетъ тѣ точки соприкосновенія, которыми опредѣляется національное и міровое значеніе Толстого. Можно не соглашаться съ основной точкой зрѣнія изслѣдователя, готоваго видѣть въ Достоевскомъ посланника небесъ, а въ Толстомъ геніальную силу, грубую и страшную въ своей основѣ, но нельзя не признать, вслѣдъ за Спасовичемъ, что въ трудѣ русскаго символиста много вѣрно подмѣченныхъ чертъ, остроумныхъ и ѣдкихъ сближеній, яркихъ страницъ, проливающихъ совершенно новый свѣтъ на многія стороны творчества Толстого, расширяющихъ самую точку зрѣнія на значеніе этого своеобразнаго генія.

Какъ-бы то ни было, по широтѣ захвата жизни, по смѣлости и оригинальности своихъ художественныхъ построеній Левъ Толстой не знаетъ себѣ соперниковъ; онъ перешагнулъ за тѣ этическія рамки, за проповѣдь любви и милосердія, на которой остановился Достоевскій. Онъ, какъ нѣкогда Шекспиръ, выдвинулъ новый міръ, міръ здоровыхъ, простыхъ людей, эти демократическія массы, достойныя лучшей доли, гнетомыя тяготою жизни. «Власть тьмы» онъ противополагаетъ ложнымъ «Плодамъ просвѣщенія», солдата Платона Каратаева графу Пьеру Безухову, мужика Герасима важно-

му чиновнику Ивану Ильичу, роевую силу русскаго народа блестящему баловню судьбы. Онъ ведетъ насъ въ обгорѣлую Москву, этотъ обезматочившійся улей, на кровавыя поля битвы, въ отдаленныя помѣщичьи усадьбы въ общество трудящихся крестьянъ, чтобы показать намъ человѣка въ наиболѣе доступные, интересные моменты его жизни; контрастъ роковаго и обыденнаго, зауряднаго и возвышеннаго у Толстого вовсе не выступаетъ такъ ярко, какъ у Достоевскаго, хотя отмѣченная Владиміромъ Соловьевымъ (Соч. III, стр. 177) жизненная задача твореній Достоевскаго у автора «Войны и мира», можетъ быть, значительно глубже и шире, чѣмъ въ «Идіотѣ», «Бѣсахъ» и «Братьяхъ Карамазовыхъ».—О Толстомъ можно сказать словами того же Владиміра Соловьева, что «вся жизнь его была горячимъ порывомъ къ всечеловѣчеству». Толстой завершилъ собой ту работу, которую началъ въ своей «Божественной Комедіи» Данте, воздвигшій, по прекрасному выраженію Влад. Соловьева, «надъ мрачною пропастью своего ада два огромные міра—очищающаго огня и торжествующаго свѣта» (Соч. VI, стр. 639). Авторъ «Исповѣди» и «Воскресенія» довелъ до конца эту религіозно-этическую эволюцію. Державинская рѣка временъ для Льва Толстого катитъ не блестящія, красивыя, многоцвѣтныя воды; она подернута у него сѣрой дымкой, но сквозь этотъ сѣрый колоритъ видна душа человѣчества, слышны тѣ голоса, которые привлекаютъ вниманіе мыслящаго ума, голоса, идущіе отъ отдаленной древности, чистые своею искренностью и простотою. Величавыя разсужденія въ «Суратской кофейнѣ», размышленія Безухова и Левина о религіозной основѣ жизни, объ оправданіи добра вводятъ насъ въ сокровенные тайники міровоззрѣнія великаго писателя. Чи-

стый и глубокій въ своей основѣ славянскій духъ обнаруживается у Льва Толстого съ такою же силою, какъ и у Мицкевича, но съ гораздо большею простотою и близостью къ жизни.

Слова польскаго поэта въ III части «Дѣдовъ».

Въ краткомъ бѣгѣ жизни
Чувства глубина...
Чувство—только искра,
Жизнь—одна волна *)

вполнѣ примѣнимы къ Толстому. Онъ слѣдитъ за этими человѣческими волнами, за проблесками чувства, хотя послѣднія часто тонутъ у него въ общемъ фонѣ жизни, въ безстрастіи, обнаруживаемомъ самимъ писателемъ. Для Лермонтова

Люди хотятъ имѣть души—и что же?
Души въ нихъ волнъ холоднѣй.

Толстой не знаетъ этого холода; онъ согрѣваетъ изнемогшее въ борьбѣ съ жизнью сердце Позднышева, этого типичнаго Отелло нашихъ дней, лучами своей великой совѣсти. Позднышевъ и Каренина великіе грѣшники въ толстовской галлереѣ типовъ, но они не вызываютъ ужаса и отвращенія, какъ Рогожинъ и Верховенскій у Достоевскаго, а скорѣе жалость и чувство всепрощенія. Одинъ изъ горячихъ почитателей Толстого, словенскій поэтъ Светозаръ Гурбанъ—Ваянскій справедливо замѣчаетъ, что люди въ произведеніяхъ Толстого «и подъ страшнымъ бременемъ грѣха не вызываютъ человѣческаго суда; они могутъ вызывать лишь судъ Божій» (Графъ Л Н. Толстой, какъ художникъ и мудрецъ. Славянское обозрѣніе, 1892 г. февраль, стр. 199). Въ частности объ Аннѣ Карениной, одномъ изъ наи-

*) Переводъ автора статьи.

болѣе яркихъ психологическихъ типовъ у Толстого, тотъ же писатель отзывается такъ: «она не привлекаетъ насъ ни чувственной слабостью своей связи съ Вронскимъ, ни интереснымъ кокетствомъ своего положенія... Мы видимъ, какъ сгущаются надъ нею облака, какъ грѣхъ самъ кличетъ объ отмщеніи, а когда не докричится, грѣшница сама летитъ къ нему навстрѣчу, неодолимо увлекаемая мученіемъ.... нѣтъ, тяжело было бы ее ненавидѣть; вздохнешь себѣ и успокоишься инымъ приговоромъ, высокимъ и справедливымъ» (тамъ же, стр. 199). Эта примиряющая мораль Акима во «Власти тьмы», по справедливому замѣчанію проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, «не ищетъ догмы и не нуждается въ санкціи». «Одинъ изъ новыхъ и высшихъ продуктовъ эволюціи человѣчества, она, повидимому, имѣетъ всѣ шансы стать религіей будущаго. Она призвана смягчать рѣзкія формы соціальной борьбы. Она содѣйствуетъ установленію взаимнаго пониманія и сочувствія между народами, расами, классами, партіями» (Д. Н. Овсянико-Куликовскій Л. Н. Толстой, какъ писатель, 2 изд. стр. 273). Таковъ общественно-историческое значеніе проповѣдуемой Толстымъ морали, основанной на жалости и состраданіи. Но она имѣетъ и индивидуально-воспитательное значеніе. Послѣднее прекрасно выясняетъ тотъ же Гурбанъ—Ваянскій въ слѣдующихъ словахъ: «Авторъ самъ не знаетъ жалости, но будитъ ее въ насъ; онъ самъ строгъ и неподкупенъ, какъ судьба, но въ насъ возбуждаетъ состраданіе; онъ самъ не бранитъ, не казнитъ, но въ насъ освѣжаетъ чувство права, чести и добра...; онъ не морализуетъ, но въ насъ оживотворяетъ глубокое нравственное чувство; онъ не мѣритъ и не вѣситъ, но подаетъ намъ мѣру и вѣсы, чтобы мы измѣряли и взвѣшивали до-

тоинство людей и характеровъ, дѣяній и событій» (Славянское Обозрѣніе, 1892 г. февраль, стр. 199—200). Синтезъ этой морали въ той же народной правдѣ, которую проповѣдывали Некрасовъ и Достоевскій. Слиться съ массою, проникнуться идеалами старика Каратаева, Левинскихъ мужиковъ, Натальи Саввишны, даже дяди Ерошки, опростить душу, очистить совѣсть—вотъ къ чему призываетъ Толстой интеллигенцію. Въ созданіи почвы для единенія этихъ двухъ силъ родной страны ему принадлежитъ одна изъ видныхъ ролей.

Передъ нами фактъ громаднаго значенія—міровая извѣстность Л. Толстого. Писатель справедливо можетъ гордится тѣмъ, что вліяніе его на духовное развитіе человѣчества въ послѣдніе, наиболѣе интенсивные моменты, завершающіе XIX вѣкъ, есть огромный культурный фактъ.—Этимъ Толстой обязанъ исключительно силѣ своего таланта. «Да, это говоритъ В. Г. Короленко—почти нечеловѣческая сила воображенія и почти магическая власть надъ кипящими отраженіями жизни. Можно сказать смѣло, что по непосредственной силѣ творческой фантазіи, по богатству и яркости художественнаго матеріала нѣтъ равнаго Толстому изъ современныхъ художниковъ. Всемірно извѣстный Ибсенъ не можетъ и отдаленно сравниться съ Толстымъ въ этомъ отношеніи: его порой очень глубокая мысль далеко не всегда покрывается слишкомъ для нея скудными образами, и художнику то и дѣло приходится прибѣгать къ заплатамъ сухого, отвлеченнего и безкровнаго символизма» (Русское богатство, 1908 г, августъ, стр. 130). Толстой вписалъ свое имя на свѣтлой страницѣ исторіи. Вопросъ вѣчнаго мира, волновавшій благородную душу В. Гюго, отразившійся на извѣстномъ сенсаціонномъ романѣ Берты Суттнеръ, поднятый въ XVIII в. Кантомъ,

нашелъ убѣжденнаго адепта въ Львѣ Толстомъ. Такова же его заслуга въ области религіозной; поборникъ самой широкой вѣротерпимости, онъ является проповѣдникомъ высокой, гуманной доктрины, въ которой чистое плодотворное зерно евангельскаго ученія взрощено имъ на этической почвѣ современной философіи. Все это широкое, какъ міръ, ученіе опирается на нищихъ духомъ, на простыхъ сердцахъ, на таящихъ въ своей глубинѣ истинное величіе народныхъ массахъ. Заслуги Толстого въ дѣлѣ изученія этой стихійной, роевой психологіи, психологіи массъ, создали ему блестящее положеніе въ міровой литературѣ. Создавая свои простонародные типы въ «Казакахъ», «Севастопольскихъ разсказахъ», «Войнѣ и мирѣ» и «Аннѣ Карениной», Толстой совершилъ дѣло первостепенной важности, рѣшилъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ творчества: онъ уловилъ этотъ неясный тембръ человѣческой души, эту скрытую гармонію простого, стыдливо таящагося отъ человѣческихъ глазъ чувства (напр. въ трогательномъ разсказѣ «Поликушка»), во многомъ усвоилъ трудный и неуловимый синтезъ жизни. Картины жизни и смерти у Толстого достигаютъ высокаго совершенства. Трагическій конецъ Карениной, медленное угасаніе Ивана Ильича, смерть Николая Левина, стараго князя Болконскаго, обоихъ Козельцовыхъ, матери Иртеньева представляютъ такіе удивительные переливы чувства, которые встрѣчаются у очень не многихъ писателей. Самъ Тургеневъ, не оставляющій, можно сказать, ни одного своего произведенія безъ этой тяжелой картины человѣческаго конца, не вноситъ такого потрясающаго реализма, такого драматизма въ эти описанія, какъ Левъ Толстой. Достаточно вспомнить пропитанную кровью, полную ужаса картину убійства Верещагина, чтобы понять, какъ

глубоко въ этомъ своемъ реализмѣ творчество Толстого. Онъ не балуетъ своего читателя, не жалѣетъ его нервовъ, не считается съ его психологіей. Великому писателю нѣтъ дѣла, насколько болѣзненно отразится эта картина смерти въ душѣ читателя. Онъ приноситъ эти побычныя соображенія въ жертву главному своему кумиру—правдѣ, убѣжденнымъ поборникомъ которой онъ является и въ своей жизни и въ творчествѣ.

Подобный огромному, подымающемуся потоку жизни, обнимая всѣ живыя существа, цѣлыя эпохи исторіи и быта, Л. Толстой пріобрѣлъ славу писателя, къ голосу котораго прислушивается весь образованный міръ. Онъ одинъ можетъ въ нашъ измѣнчивый вѣкъ скоропреходящихъ симпатій, склонностей и надеждъ гордиться прочной привязанностью и уваженіемъ цѣлаго ряда поколѣній. Хотя и замолкъ въ немъ голосъ художника, хотя суровое слово обличителя, аскета и мистика заглушило прежніе чистые и звучные аккорды его эоловой арфы, но это не могло поколебать авторитета стараго писателя. Онъ оставался тѣмъ великимъ старикомъ, какими были Гете, В. Гюго, Диккенсъ съ тою разницею, что ему поклонялись люди самыхъ разнообразныхъ вѣрованій, направленій, взглядовъ и общественныхъ симпатій.

Полуфантастическія картины будущаго человѣчества у Ницше, величавыя перспективы философіи Шопенгауэра, культурно-религіозныя построенія Влад. Соловьева, даже глубокая художественная прозорливость Достоевскаго блѣднѣютъ предъ художественной простотою и правдою Л. Н. Толстого. Въ его откровеніяхъ чувствуется біеніе сердца человѣчества, предвѣстіе той отдаленной эпохи,

Когда народы, распри позабывъ,

Въ единую семью соединятся.

Лозунгъ творчества, провозглашенный болѣе полувѣка тому назадъ, сталъ свѣточемъ правды не только для великаго писателя, но и для цѣлаго ряда культурныхъ явленій. Сквозь пестроту и разнообразіе жизни, сквозь декадентство, разочарованіе и скептицизмъ вѣка сіяетъ яркой путеводной звѣздой эта чисто библейская простота, это могучее сліяніе природы и человѣка въ произведеніяхъ великаго писателя. За что умирали на аренѣ римскаго цирка первые адепты религіи любви и всепрощенія, о чемъ мечтали носители вѣчнаго евангелія, надъ чѣмъ глубоко задумывался гетевскій Фаустъ—все это вылилось изъ сердца великаго старика на чистыя и свѣтлыя страницы его произведеній. Не однѣ дышащія глубокой правдою строки «Исповѣди», не одни страшные образы «Крейцеровой сонаты» будятъ совѣсть въ больныхъ и безсильныхъ дѣтяхъ вѣка; ее будятъ въ одинаковой мѣрѣ и художественно-наивныя страницы «Дѣтства и отрочества» и величавыя картины «Войны и мира», залитыя свѣтомъ страницы «Анны Карениной» и безыскуственные, скажемъ, грубые мазки многочисленныхъ толстовскихъ брошюръ и статей. Послѣднему изъ великихъ русскихъ талантовъ выпало надолго обнажить всю правду жизни, показать ее во всей поражающей наготѣ, обнаружить ея мощь, покоряющую умъ и волю человѣка. Въ этомъ нужно искать основу того обаянія, которое производило и производитъ творчество Льва Толстого. Завѣты польскаго поэта—имѣть сердце, и смотрѣть въ сердце, завѣты Салтыкова беречь и лелѣять старыя, забытыя слова, служащія лучшимъ залогомъ обновленія жизни, у Толстого изъ малой искры разгораются въ широкое пламя. Это не одинокій костеръ ибсеновскаго творче-

ства, сіяющій намъ съ отдаленнаго сѣвера, не причудливые огни В. Гюго, не рентгеновскіе лучи Эдгара Поэ, это нѣчто мягкое, теплое, грѣющее насъ своею жизненною правдою. Творчество великаго писателя земли русской-евангельскій призывъ къ любви, миру, общенію душъ и сердецъ. Это могучій порывъ къ идеаламъ, простымъ какъ человѣчество; живучимъ, какъ безконечная исторія, правдивымъ какъ сама жизнь. Не внѣшній блескъ жизни, не обаяніе вѣковой культуры, не завоеванія человѣческаго ума влекутъ къ себѣ Толстого; онъ отзывается своимъ творческимъ геніемъ, своимъ евангельскимъ сердцемъ на горе и радость, утѣху и слезы, на все мирное, чистое, незлобивое...

Тайны вѣчности и гроба раскрыты для насъ въ произведеніяхъ великаго старца съ такой ясностью, на которую способенъ человѣческій умъ и глубоко погружающееся въ тайники жизни чувство. Взаимодѣйствіе всѣхъ могучихъ факторовъ творчества, не всегда поражающее насъ стройностію и гармоніей Гете и Пушкина, но всегда сильное и плодотворное составляетъ отличительную черту таланта великаго писателя. «Искуство Толстого вознесено на небывалую высоту размахомъ его мысли, проповѣдь его оживлена небывалымъ блескомъ его искусства», замѣчаетъ Берта Суттнеръ. Простота и безыскусственность творчества, поражавшая Гоголя въ Пушкинѣ, и въ наши дни оправдываетъ старую славу автора «Дѣтства и отрочества», этого зерна, изъ котораго развилась вся широкая литературная дѣятельность Льва Толстого. Онъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ тайнами вѣчности, съ тою нирваною бытія, за которую проникнуть способна только горячая вѣра въ безсмертіе или суровая пантеистическая мысль. Передъ лицомъ неумолимой природы, безпощадной и страшной для Тургене-

ва, близкой и понятной для Толстого, умолкаетъ въ произведеніяхъ великаго писателя все обаяніе страстей, людскихъ желаній и интересовъ, все величіе исторической и духовной жизни человѣчества. Князь Андрей Болконскій на Аустерлицкомъ полѣ и въ можайскомъ госпиталѣ, Николай Левинъ на смертномъ одрѣ въ гостинницѣ, пристрѣленные французами Платонъ Каратаевъ, изящная Фру-Фру съ переломленной спиной, Холстомѣръ подъ ножомъ врача—все это одинаково художесвенныя и трогательныя, суровыя въ своей простотѣ и величіи, картины и, прибавимъ, одинаково близкія Толстому. Все это образы уничтоженія загадочной, богатой событіями и впечатлѣніями жизни. Въ «Исповѣди» этотъ вѣковой полузадушенный вздохъ человѣчества слышенъ яснѣе. Здѣсь мыслящій духъ, просвѣтленное чувство прорываются наружу съ большею страстностью, съ большею любовью къ жизни, къ ея плодотворному зерну. Великій писатель настойчиво желаетъ разрѣшить загадку жизни; когда на него налегли тѣни старости, въ сердце Толстого заглянулъ яркій лучъ безмертія, отблескъ той міровой художественой эволюціи, этапы которой нужно искать на вѣчныхъ страницахъ Гомера и Данта, Шекспира и Гете. Сравнительно съ своими великими сверстниками, даже сравнительно съ своими учителями и предшественниками Пушкинымъ и Гоголемъ, Толстой ближе подошелъ къ этому трудному вопросу лучше подслушалъ біеніе сердца человѣчества. Художникъ цѣлитель, писатель діагностъ, безпощадный моралистъ, готовый ломать мостъ, перекинутый цивилизаціей отъ зари средневѣковья къ блестящему XIX вѣку, онъ безъ желчи Свифта, безъ горечи Рабле, безъ жгучей скорби Салтыкова приходитъ къ мысли объ очищеніи жизни, о просвѣтленіи человѣческой души и со-

вѣсти. Для него сквозь даль вѣковъ свѣтитъ чистый, вѣчный религіозный идеалъ, одушевляющій и жителя береговъ Ганга, и обитателя римскихъ катакомбъ, и наѣздника аравійскихъ степей, строгаго монотеиста береговъ Іордана. Толстой первый самымъ рѣшительнымъ образомъ стираетъ различіе между племенами и вѣрованіями, обществомъ и народными массами; за это имъ гордится, за это его чтитъ современное человѣчество.

Среди произведеній великаго писателя яркимъ художественнымъ свѣтомъ сіяютъ его старыя вещи «Война и Миръ» и «Анна Каренина», эти откровенія русской жизни, прямое продолженіе «Мертвыхъ душъ» и «Обломова». Въ огромной эпопеѣ, рисующей намъ ужасы, труды и доблести двѣнадцатаго года, какъ и въ севастопольскихъ и кавказскихъ разсказахъ, героемъ является

Народъ и смѣлый и могучій,
Неукротимый во враждѣ,
Въ любви и твердый и кипучій,—

тотъ народъ, о которомъ съ любовью и почтеніемъ говорятъ люди разныхъ лагерей—Достоевскій и Некрасовъ, Вл. Соловьевъ и Кавелинъ, Бѣлинскій и Герценъ. Помимо значенія національной эпопеи «Война и миръ», гдѣ Толстой, по выраженію одного критика (Н. Страхова), «подымается до высочайшихъ вершинъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, до вершинъ, обыкновенно недоступныхъ людямъ», имѣетъ и болѣе широкое общечеловѣческое. Въ этюдѣ французскаго критика Геннекена ярко и вдумчиво указано значеніе «Войны и мира». «Въ пренебрегающемъ всякими удобствами читателя изложеніи этого растянутаго произведенія, говоритъ Геннекенъ—безпорядочнаго во всѣхъ его частяхъ, безобразнаго, сѣраго и огромнаго, какъ туча, высказы-

вается во всемъ своемъ блескѣ то, что составляетъ сущность и обусловливаетъ первостепенный талантъ Толстого. Подобный огромному поднимающемуся потоку жизни, широко обнимая всѣ живыя существа, смѣшивая вымышленныя и историческія лица, соединяя въ одномъ медленномъ и простомъ усиліи всѣ частныя происшествія, цѣлыя эпохи и громадныя, всѣмъ извѣстныя катастрофы, которыя разыгрались на этомъ смиренномъ фонѣ, вдохновляя хоры и корифеевъ этой великой драмы, ихъ вождей и темную массу ея жертвъ и зрителей,— этотъ романъ является книгою человѣчества,...... Окончательное впечатлѣніе этой книги битвъ—религіозно, морально и проникнуто доброжелательностью и любовью».—Французскій критикъ съ почтеніемъ останавливается на спеціально русскихъ мотивахъ романа, въ частности на личности Платона Каратаева. Толстой въ своемъ геніальномъ произведеніи слишкомъ перегнулъ вѣсы на сторону народныхъ мотивовъ, отрицая значеніе личностей въ исторіи. Для него нѣтъ личныхъ героевъ; послѣдніе разсматриваются имъ, какъ своего рода тормазъ, какъ помѣха правильному роевому теченію жизни. Сліяніе съ массою для Толстого—жизненная цѣль интеллигенціи. Наташа, старый графъ Ростовъ, Пьеръ Безуховъ—вотъ любимыя дѣтища великаго писателя, равно какъ и старикъ Кутузовъ, сильный своей духовной близостью къ безсознательному, стихійному, роевому началу. Сложный вопросъ о синтезѣ жизни подъ перомъ Толстого значительно упрощается, пріобрѣтая ясность и отчетливость математической формулы. Въ немъ обнаруживается то, что Короленко прекрасно называетъ «шириною творческаго захвата, огромностью художественнаго горизонта Толстого». (Русское богатство, 1908, август., стр. 128.).

Въ другомъ огромномъ полотнѣ великаго писателя, въ «Аннѣ Карениной» насъ привлекаютъ тѣ же высокія черты мастерства, тоже широкое изображеніе жизни, та же удивительная по своей глубинѣ и ясности психологія. Ни Левинъ, въ сущности, обыкновенная заурядная личность, рано покончившая счеты съ высшими стремленіями и исканіями, ни его антиподы, красивая, страстная, полная жизни Анна Каренина, обрисованная съ присущимъ Толстому мастерствомъ, не заполняютъ собою этого огромнаго полотна. Въ него вторгается разнообразіе типовъ, сценъ положеній, общественныхъ вопросовъ, бытовыхъ особенностей, отличающихъ эту поворотную эпоху близкаго къ намъ прошлаго. Толстой даетъ картины дивной художественной работы, «истинно великолѣпныя страницы», по выраженію Тургенева. Распредѣленіе свѣта и тѣней, высокаго и обыденнаго, трогательнаго и пошлаго даетъ въ цѣломъ вполнѣ законченное произведеніе, одинъ изъ первоклассныхъ бытовыхъ романовъ. Упреки Тургенева Толстому въ томъ, что многое въ романѣ «пахнетъ Москвой, славянщиной, дворянщиной» (Письма, стр. 260) только отчасти справедливы. Толстой поставилъ себя не только внѣ устарѣлыхъ доктринъ и симпатій, но даже возвысился надъ національными идеалами. Въ приведенныхъ выше строкахъ очерка Гурбана—Ваянскаго психологически вѣрно выяснена основная идея романа Толстого. Конечно, его Левинъ не боецъ за идею, не сѣятель свѣта, добра и правды; это личность, рано определившаяся и застывшая въ своемъ квіэтизмѣ. Его нельзя сравнивать съ Лаврецкимъ, Соломинымъ, Тушинымъ, людьми дѣла и мысли, жизни и идеи. Но все-же на немъ лежитъ отпечатокъ той мягкости, той жизненной правды, которую Толстой внесъ въ свою жизнь и

свои произведенія. Поколѣніе, современное появленію «Анны Карениной», съ живымъ интересомъ читало очерки С. Громеки, этотъ живой, поэтическій комментарій къ роману и къ «Исповѣди». Въ нихъ изъ-за личности Левина выдвигалась фигура великаго писателя. «Это чудачище—но несомнѣнно геніальный человѣкъ—и добрѣйшій», характеризуетъ послѣдняго Тургеневъ (Письма, стр. 414), намекая на не избѣжныя для Толстого односторонности и парадоксы. Вогюэ называетъ Толстого скиѳомъ, настоящимъ скиѳомъ, непонятнымъ для западнаго человѣка, «отбросившимъ рабство иностранной манеры». Въ примыкающей къ «Аннѣ Карениной» психологически—художественной «Смерти Ивана Ильича», типичномъ изображеніи великосвѣтской обыденщины, ярко выступаютъ тѣ же свойства многоцѣнной и многогранной души великаго писателя, которыя поражаютъ насъ въ «Исповѣди» и «Воскресеніи», въ трактатѣ объ искусствѣ въ многочисленыхъ брошюрахъ и статьяхъ Толстого, независимо отъ ихъ содержанія и тона.

«Воскресеніе»—послѣднее большое художественное полотно Толстого. Около пятнадцати лѣтъ отдѣляетъ его отъ «Анны Карениной»; не удивительно, поэтому, что мы встрѣчаемъ въ немъ пріемы новой манеры, прямое вліяніе его трактатовъ и статей. Толстой здѣсь скупъ на образы, краски, сравненія. Въ романѣ мы не встрѣчаемъ прежнихъ ослѣпительныхъ картинъ, поражающихъ своей красотою, не видимъ широкой и смѣлой концепціи, могучаго захвата быта. Вся творческая энергія великаго писателя направлена на иное—на отысканіе духовнаго пульса, который бьется внѣ окружающей жизни въ сокровенныхъ тайникахъ духа.

Это кульминаціонная точка второй половины лите-

ратурной дѣятельности Толстого. Въ «Воскресеніи» проповѣдникъ моралистъ, гнѣвный искатель правды, какъ называетъ Толстого въ своемъ послѣднемъ литературномъ этюдѣ А. Ѳ. Кони, заслоняетъ отъ насъ художника. Съ упорствомъ ибсеновскаго Бранда ведетъ насъ Толстой къ своему идеалу, минуя все, чего не вправѣ обойти взыскательный художникъ, утѣхи и обольщенія жизни, запросы ума. Разнообразіе и полнота явленій въ «Воскресеніи» стушевываются, и самый романъ пріобрѣтаетъ какой-то однообразный колоритъ. Старый типъ Нехлюдова, очерченный еще въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», является здѣсь блѣднымъ малоопредѣленнымъ Это alter ego писателя. Въ деталяхъ видно старое мастерство Толстого, но по тону и краскамъ этотъ романъ слабѣе его прежнихъ крупныхъ вещей, слабѣе однородныхъ по содержанію «Записокъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго. Тамъ, гдѣ Толстой въ художественномъ отрошеніи не выдвигается изъ намѣченныхъ имъ рамокъ онъ достоинъ своей старой славы. Таковы его разсказы «Чѣмъ люди живы» и «Хозяинъ и работникъ». Въ первомъ читателя порожаетъ чудный по своей простотѣ языкъ, строгій, чисто библейскій реализмъ и глубина проникающаго разсказъ чувства. «Хозяина и работника» критики оцѣнили по достоинству, какъ одинъ изъ міровыхъ разсказовъ, въ которомъ сливается отдаленный голосъ неба съ духомъ земли, гдѣ юдоль заботъ и скорьби, вѣры., долга и совѣсти; здѣсь виденъ прежній художественный Толстой въ новомъ освѣщеніи.

Въ Толстомъ сильно религіозное начало. Какъ Ренанъ пытается приблизить къ человѣку вѣчные психологическіе устои религіи, такъ Толстой стремится раскрыть не интуитивную, а строго этическую сторону религіи. Вѣчное ученіе нищихъ духомъ, миротворцевъ,

чистыхъ сердцемъ озаряетъ тихую старость великаго писателя.

Какъ и Герценъ, Толстой стоитъ на рубежѣ новой эпохи въ исторіи міра и своей родины. Онъ свидѣтель разложенія старыхъ формъ жизни, «которыя стремятся къ новымъ сочетаніямъ, къ новымъ формамъ» (Герценъ съ того берега). Но авторъ «Былого и думъ», вѣрившій въ живучесть историческаго прогресса, въ конечное торжество Даніиловъ, обновителей жизни, сошелъ въ могилу, не увидѣвъ тяжелыхъ послѣдствій «года крови и безумія» (1871 г.), не будучи очевидцемъ тяжелаго, мучительнаго процесса медленнаго созданія новой жизни. Левъ Толстой далекъ отъ подобной культурной вѣры; съ фатализмомъ сектанта онъ вѣритъ, что міръ во злѣ лежитъ, что спасеніе отъ этого зла заключается въ бѣгствѣ изъ міра, въ самоуглубленіи, въ ячейкѣ семьи, мелкой общины.

Много свѣтлыхъ лучей прежняго творчества погасло у великаго старика; часто слышатся въ его писаніяхъ печальные, однообразные аккорды. На закатѣ дней, у порога вѣчности, онъ не повторитъ девиза великаго Гете: «Свѣта! больше свѣта»! А въ этой, отмѣченной Достоевскимъ молитвѣ великаго поэта-язычника, таится залогъ развитія и силы духовной культуры человѣчества.

Для современниковъ великаго старика всякое его слово есть вѣщій глаголъ. Для нихъ великій писатель сливаетъ въ одинъ чистый и звучный аккордъ все, что есть лучшаго въ природѣ и человѣкѣ. Онъ повторяетъ старый избитый афоризмъ Руссо, что природа лучше человѣка, онъ смѣло идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что проповѣдывалъ міровая литература со временъ создателя Прометея—Эхила. Ему чужды и непонятны Проме-

тей, Гамлетъ, Фаустъ и Манфредъ. Старая библейская мораль вторгается у него въ область художественнаго творчества, гонитъ «свѣтлый рой боговъ любимыхъ».

Въ нашъ вѣкъ унынія и безсилія, индифферентизма, безнадежности, съ одной стороны, стихійныхъ смутныхъ исканій—съ другой—бодрящій голосъ автора «Исповѣди» является наиболѣе громкимъ призывомъ къ обновленію личности, семьи и общества. Кто знаетъ, можетъ быть, Толстому суждено въ грядущей исторіи человѣчества стать тѣмъ же, чѣмъ былъ для XVIII вѣка Руссо.

Въ дни восмидесятилѣтняго юбилея Толстого любящая рука друга и почитателя дала намъ въ воспоминаніяхъ о великомъ старикѣ его портретъ, можно сказать, во весь ростъ. Въ этой характеристикѣ собрано все доброе, чистое, свѣтлое, показанъ Толстой глубоко симпатичный въ своихъ благихъ порывахъ и неизбѣжныхъ заблужденіяхъ.

Въ старѣйшемъ русскомъ историко-литературномъ журналѣ, страницы котораго нѣкогда украшались произведеніями Тургенева, Гончарова, Салтыкова, помѣщены воспоминанія о Л. Н. Толстомъ г. Сергѣя Семенова. Въ простыхъ дышащихъ правдою очеркахъ народный писатель раскрываетъ намъ въ личности великаго писателя земли русской многое, чего мы не находимъ въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони. Полныя мыслей, искреннія по проникающему ихъ чувству, глубоко правдивыя эти воспоминанія прекрасно рисуютъ духовный обликъ Л. Н. Толстого. Съ другой стороны, что̀ не менѣе важно, они проливаютъ новый свѣтъ на тѣ стороны народной жизни, въ которыхъ опредѣленно обнаруживается наличность религіозныхъ и этическихъ исканій. Семеновъ крестьянинъ самоучка, яркій типъ новаго человѣка деревни. Живое сродство этой алчущей

правды народной нови съ ученіемъ Толстого выступаетъ здѣсь во всей силѣ. Живоносное ученіе Толстого для народной массы и сознательныхъ группъ сектантства является болѣе высокой ступенью интелектуальнаго и этическаго развитія. Оно же служитъ средствомъ единенія искреннихъ и чистыхъ душъ интелигенціи и народа, какъ объ этомъ говоритъ почти каждая страница этихъ правдивыхъ, вылившихся изъ души замѣтокъ. Изъ-за нихъ выступаетъ симпатичный своей простотой и духовной мощью обликъ великаго писателя. На этихъ шестидесяти слишкомъ страницахъ, можно сказать, весь Толстой въ томъ освѣщеніи, которое одинаково близко и дорого въ его геніи и образованному обществу и лучшимъ людямъ изъ народа. Можно сказать, что послѣ безыскусственныхъ Плетневскихъ очерковъ о Крыловѣ въ нашей біографической литературѣ не было вещи, отъ которой въ такой степени вѣяло бъ жизненностью, какъ отъ этихъ цѣнныхъ воспоминаній о Л. Толстомъ. Отношеніе Толстого къ народу, интелигенціи, религіи, искусству, его подчасъ своеобразные литературные и общественные взгляды въ цѣломъ представляютъ вполнѣ законченную картину. Въ воспоминаніяхъ проходитъ передъ нами также рядъ представителей русской художественной и научной мысли отъ Н. Н. Ге, И. Е. Рѣпина, В. В. Стасова до Вл. С. Соловьева и Н. С. Лѣскова. Вообще, въ этихъ воспоминаніяхъ, говоря словами Л. Н. Толстого, (см. его предисловіе къ разсказу В. С. Морозова «За одно слово», Вѣстники. Европы, 1908, сентябрь, стр. 64) «выхваченъ кусочекъ жизни и именно русской жизни, съ ея грустными, мрачными и дорогими, задушевными чертами».

Личность маститаго писателя и для грядущихъ по-

колѣній остается столь же почтенной и близкой, какъ и для насъ, его современниковъ. Отдаленное потомство несомнѣнно оцѣнитъ тѣ высокія черты въ жизни и творчествѣ Толстого, которыя заставляютъ забывать о его недостаткахъ. Оно, какъ и мы, поставитъ ему въ заслугу, что онъ остался вѣренъ себѣ, поставилъ высокую цѣль честно послужить жизни и исполнялъ эту святую обязанность до конца своихъ дней. Справедливо говоритъ по этому поводу Гурбанъ Ваянскій: «... мы вѣримъ, что свѣтлое, произведенное Толстымъ, останется навѣки,... а темныя полосы его духовнаго спектра потеряются, когда всѣ цвѣта сольются въ цѣлый, вѣчный солнечный свѣтъ всенародной памяти»! (Славянское Обозрѣніе, 1892 г., апрѣль, стр. 443.) Въ признаніи житейской и художественной правды, которой всю жизнь служилъ Толстой, лучшее оправданіе его мірового значенія.

Адр. Круковскій.

О преподованіи словесности въ женскихъ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго Округа *).

Мысль о реформѣ средней школы обусловливаемая, ея недостатками, стала своего рода аксіомой, и хотя отъ начала попытки рѣшительно провести реформу эту прошло до нашихъ дней болѣе десятка лѣтъ, однако реформа остается неосуществленной. Это обстоятельство въ значительной степени осложняетъ работу педагоговъ, ставя ихъ между Сциллой современныхъ требованій и Харибдой тѣхъ рамокъ, въ предѣлахъ коихъ должна итти школьная работа и кои создаются программами преподаванія. На недостатки ихъ указывали и указываютъ, и въ послѣднее время многія изъ программъ подверглись весьма существеннымъ измѣненіямъ; таковы напр. измѣненія въ программахъ преподаванія русскаго языка и исторіи, а также и другихъ предметовъ. Однако, отмѣчая этотъ отрадный фактъ, необходимо остановить вниманіе на томъ печальномъ исключеніи, какое представляютъ женскія гимназіи Варшавскаго учебнаго Округа и именно въ отношеніи постановки преподаванія словесности. Въ послѣднее время никакихъ измѣненій въ программѣ этихъ предметовъ здѣсь сдѣлано не было.

Выдвигая этотъ важный, по моему мнѣнію, вопросъ о преподаваніи словесности въ женскихъ гимназіяхъ вообще и Варшавскаго учебнаго Округа, гдѣ нѣтъ ни одной 8-классной гимназіи, въ частности, я желалъ-бы 1) обратить вниманіе на недостатки въ постановкѣ пре-

[1]) Докладъ этотъ прочитанъ въ засѣданіи Варшавскаго Педагогическаго Общества 8 апрѣля 1907 г.

подаванія словесности, обусловливаемые отчасти существующей программой, которая даетъ возможность вносить не всегда удобное разнообразіе; 2) выяснить, каково должно быть, по моему мнѣнію, общее расположеніе матеріала, установить цѣль, характеръ преподаванія, намѣтить хотя въ общихъ чертахъ методы.

Приступая къ выполненію поставленной задачи, я долженъ оговориться, что свои предположенія и выводы, касающіеся возбуждаемаго мною вопроса, я не склоненъ выдавать за нѣчто непреложное; указывая на недостатки,—я дѣлаю попытку внести только тѣ измѣненія и исправленія, которыя диктуются указаніями моего личнаго опыта и отчасти опыта моихъ коллегъ, а также тѣми свѣдѣніями, какія заимствованы мною изъ педагогической литературы.

Кому приходилось преподавать въ женской гимназіи Варшавскаго учебнаго Округа тому извѣстно, что на преподаваніе словесности здѣсь отводится три года:— одинъ въ V-мъ классѣ—для изученія теоріи словесности и два въ VI и VII кл. для изученія ея исторіи, при чемъ курсъ исторіи словесности заканчивается Гоголемъ. Кромѣ того, въ V классѣ кромѣ теоріи словесности положено пройти еще и логику. Такова программа.

Аналогичное распредѣленіе матеріала, существовавшее въ мужскихъ гимназіяхъ, признано нецѣлесообразнымъ уже много лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь— лѣтъ 15—20; здѣсь программа измѣнена такимъ образомъ, что преподаваніе теоріи словесности отнесено къ курсу 8 класса. Правда, переходъ отъ грамматики къ изученію теоріи словесности является по мнѣнію нѣкоторыхъ педагоговъ естественнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ теорія словесности служитъ связующимъ звеномъ преподаванія русскаго языка въ низшихъ

классахъ съ исторіей русской литературы въ высшихъ, приводя въ опредѣленную систему все прочитанное въ низшихъ классахъ и распредѣляя по группамъ и отдѣламъ. Однако съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться, во 1-хъ, съ точки зрѣнія цѣли: ученицы до перехода въ V классъ не такъ много образцовъ разучиваютъ, чтобы была настоятельная необходимость именно въ этомъ классѣ подводить такой итогъ.

Что же касается роли теоріи словесности, какъ посредствующаго звена, опредѣляющаго единство и непрерывную связь въ преподаваніи русскаго языка, то этотъ мотивъ довольно искусственный и, какъ таковой, уже признанъ нецѣлесообразнымъ въ мужскихъ гимназіяхъ.

Мало того, сознаніе упомянутой выше связи съ большой опредѣленностью будетъ представляться скорѣе преподающему, чѣмъ учащимся, отъ которыхъ въ данномъ случаѣ требуется навыкъ дѣлать широкія и непосильныя для нихъ обобщенія.

Трудность же изученія теоріи словесности въ V классѣ обусловливается тѣмъ, что требуется во первыхъ, дѣятельность абстрактнаго, отвлеченнаго мышленія, а во вторыхъ, потому что для изученія теоріи необходимо имѣть достаточное количество образцовъ, необходимо хорошо быть знакомымъ съ ихъ содержаніемъ и особенностями, чтобы на нихъ, какъ на основаніи, строить тѣ или другіе выводы, входящіе въ задачу теоріи словесности. Между тѣмъ въ младшихъ классахъ, именно до 4-го включительно, въ большинствѣ случаевъ, даже почти исключительно, читаютъ по христоматіи отрывки извѣстныхъ произведеній; знакомство же съ произведеніями въ ихъ полномъ объемѣ, за исключеніемъ басенъ и стихотвореній, представляется дѣломъ рѣдкимъ и исключительнымъ. Такимъ образомъ основаній въ видѣ хоро-

що изученныхъ образцовыхъ произведеній, могущихъ представлять разнообразіе родовъ и видовъ творчества, для того, чтобы возможно было дѣлать выводы, устанавливать тѣ или другія теоретическія положенія если есть, то очень мало. Между тѣмъ по мнѣніямъ нѣкоторыхъ опытныхъ педагоговъ «только постепенно послѣ образованія значительнаго запаса конкретнаго матеріала можно направлять умъ къ обобщеніямъ и при томъ въ степени, доступной ихъ мыслительной особенности (мнѣніе А. Флёрова); при этомъ слѣдуетъ всегда заботиться о томъ, чтобы отвлеченныя положенія никогда нетеряли тѣсной связи съ единичными образами, фактами и явленіями, изъ которыхъ они добыты. Эти положенія не трудно доказать фактами опыта, которыхъ у каждаго, кто преподавалъ, или преподаетъ, наберется достаточно.

Насколько могу судить на основаніи собственнаго опыта, рефлекторная дѣятельность ума у воспитанницъ вообще проявляется въ томъ возрастѣ, когда проходится курсъ V класса, довольно слабо: при добросовѣстномъ изученіи уроковъ вообще, при достигаемомъ всегда стремленіи основательно изучить извѣстный отдѣлъ или вопросъ, является затрудненіе именно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится прибѣгнуть къ рефлексіи, къ отвлеченію. Не желая быть голословнымъ, сошлюсь на примѣръ. Передавъ хорошо усвоенное содержаніе части извѣстнаго произведенія и показавъ такимъ образомъ надлежащее знаніе фактическаго матеріала, средняя по успѣхамъ и развитію ученица становится втупикъ, если учитель, напр., послѣ хорошо переданнаго ею разсказа главы изъ «Евг. Онѣгина», повѣствующей о дуэли Онѣгина съ Ленскимъ, а также объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за нею, спроситъ: какія главныя мысли выразилъ Ленскій въ своемъ пред·

смертномъ стихотвореніи? Равнымъ образомъ встрѣтится затрудненіе, если послѣ изложенія содержанія письма Татьяны къ Онѣгину спросить: какія же черты можно отсюда извлечь для характеристики Татьяны. Я ограничиваюсь только этими примѣрами, но можно привести цѣлый рядъ наблюденій, съ которыми необходимо считаться, такъ какъ въ зависимости отъ нихъ должна находиться степень возможнаго успѣха изученія того матеріала по словесности, который положенъ для изученія въ V классѣ. Если дѣятельность абстрактнаго, отвлеченнаго мышленія проявляется съ большимъ трудомъ и усиліями въ тѣхъ вопросахъ, которые возникаютъ при изученіи словесности, то что же говорить о логикѣ. Матеріалъ здѣсь является непосильнымъ, и еслибы не работа памятью, то разъясненія и толкованія во многихъ случаяхъ ни къ чему не привели бы. Поэтому матеріалъ, назначенный для изученія въ V классѣ, довольно труденъ, если принять во вниманіе уровень развитія учащихся этого класса вообще и степень развитія у нихъ отвлеченнаго мышленія въ частности. При 4 недѣльныхъ урокахъ пройти весь этотъ курсъ, чтобы онъ былъ вполнѣ сознательно усвоенъ, а не явился лишь средствомъ упражненія одной памяти, представляется невозможнымъ. Насколько мнѣ приходилось дѣлиться своими мыслями съ нѣкоторыми изъ лицъ, преподававшихъ и преподающихъ, всѣ соглашались съ той формулировкой насательно этого вопроса, какая выше приведена. Трудность дѣла увеличивается при преподаваніи въ гимназіяхъ Варшавскаго Учебнаго Округа еще и потому, что русскій языкъ для многихъ—есть только языкъ школы, а не семьи, и съ этимъ особенно приходится считаться при сообщеніи свѣдѣній, имѣющихъ отвлеченный характеръ.

Что же касается способовъ выполненія установленной программы курса V класса женскихъ гимназій, то въ этомъ отношеніи можно говорить о полномъ разнообразіи. Прежде всего, какъ мною уже замѣчено, курсъ въ рѣдкихъ случаяхъ проходится цѣликомъ. Мнѣ лично приходилось слышать, что, держась программы, многіе доходили до разсмотрѣнія нѣкоторыхъ только видовъ лирики, а по логикѣ ограничивались отдѣломъ объ умозаключеніяхъ, при чемъ интересные и важные вопросы изъ теоріи словесности проходились только въ концу года въ апрѣлѣ—маѣ. Нѣкоторые преподаватели игнорируютъ до извѣстной степени программу, занимаются только чтеніемъ и разборомъ произведеній, и на основаніи анализа устанавливаютъ отличительныя черты тѣхъ или другихъ видовъ творчества, знакомятъ съ составленіемъ описаній, характеристикъ, словомъ параллельно съ разборомъ произведеній учатъ писать работы, не дѣлая при этомъ никакихъ теоретическихъ опредѣленій. Болѣе счастливыми оказываются въ отношеніи выполненія программы тѣ, которые придерживаются учебника, какимъ является въ большинствѣ женскихъ гимназій учебникъ Бѣлявскаго. Не удаляясь отъ него, они достигаютъ того, что къ концу года выполняютъ программу.

Таково разнообразіе въ выполненіи програмы словесности V кл. женскихъ гимназій. Не говоря о разнообразныхъ результатахъ, какіе достигаются преподающими тѣмъ или другимъ способомъ, слѣдуетъ замѣтить, что такое именно разнообразіе врядъ ли является цѣлесообразнымъ, а потому и желательнымъ Если курсъ весь въ большинствѣ случаевъ не проходится, то, слѣдовательно остается пробѣлъ, который заполняется обыкновенно въ слѣдующемъ классѣ. Если же ученицамъ

явится необходимость переходить изъ одной гимназіи въ другую, то это разнообразіе крайне невыгодно отражается на ихъ знаніяхъ, на ихъ занятіяхъ и успѣхахъ. Такимъ образомъ программа словесности для V класса является и довольно обширной по объему и не вполнѣ соотвѣтствующей уровню развитія ученицъ по характеру матеріала, входящаго въ объемъ курса.

Въ иномъ, лучшемъ положеніи оказывается дѣло постановки программъ словесности въ 6-мъ и 7 кл., гдѣ положено изучать исторію словесности. Имѣя въ виду объемъ этихъ курсовъ, время, назначенное для ихъ изученія, слѣдуетъ сказать, что здѣсь времени больше и матеріалъ не настолько труденъ, какъ въ V кл. Впрочемъ относительно этихъ программъ приходилось встрѣчать замѣчанія такого рода, что курсъ VI кл., посвященный исключительно почти изученію древней письменности, едвали можетъ вызвать живой интересъ въ учащихся, а курсъ VII класса, оканчивающійся Гоголемъ, какъ бы не признаетъ всего слѣдующаго новаго періода русской литературы, обогатившагося весьма цѣнными произведеніями русскаго творчества, каковы произведенія Тургенева, гр. Л. Толстого, Гончарова, Островскаго, Достоевскаго и др. корифеевъ русской литературы. На этотъ существенный и весьма серьезный недостатокъ программы неоднократно указывали въ педагогической литературѣ, совершенно справедливо замѣчая, что наша родная литература—это сокровищница русскаго духа, хранительница лучшихъ завѣтовъ и идеаловъ великихъ писателей—дала въ эпоху второй половины XIX ст. не мало произведеній, способныхъ оказывать не меньшее воспитательное вліяніе на умы, а также нравственное и эстетическое чувство молодежи, чѣмъ

Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и гораздо больше, чѣмъ Фонвизинъ и Державинъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, нисколько не умаляя значенія и достоинства произведеній нашей древней письменности, что произведенія второй половины XIX ст. способны оказывать гораздо больше вліянія, чѣмъ произведенія древней письменности, которыя и по языку и по сюжетамъ не настолько близки не настолько понятны учащимся, а потому вліянія непосредственнаго быть не можетъ. Всѣ эти соображенія особенно цѣнны и должны заслуживать особеннаго вниманія по отношенію къ женскимъ гимназіямъ Варшавскаго Учебнаго Округа. Преобладающій контингентъ учащихся не умѣетъ хорошо говорить по-русски, а потому задача школы русской-научить правильно говорить и излагать свои мысли по-русски, вызвать сознательный интересъ къ языку и литературѣ русской. Этого можно достигнуть только изученіемъ преимущественно произведеній новой изящной словесности, и отнюдь не произведеній древней письменности.

Такимъ образомъ, недостатокъ программы исторіи словесности, обусловливаемой отсутствіемъ произведеній второй половины XIX ст. и значительнымъ мѣстомъ, отводимымъ произведеніямъ нашей древней письменности, является фактомъ, съ которымъ приходится считаться. Многіе изъ преподавателей, проходя курсъ VI класса, знакомятъ съ содержаніемъ только нѣкоторыхъ и притомъ главнѣйшихъ произведеній древней письменности и только въ пересказѣ, а не въ подлинникѣ, допуская нѣкоторыя сокращенія; они стараются, экономизируя время, восполнить пробѣлы путемъ организаціи домашняго чтенія и литературныхъ бесѣдъ, а то просто дѣлая разборъ нѣкоторыхъ, не вошедшихъ въ програму произ

веденій русской литературы 2-й половины XIX ст. Но эта попытка, объясняемая глубокимъ пониманіемъ своей задачи и пламеннымъ желаніемъ восполнить пробѣлы, достигаетъ цѣли далеко не вполнѣ; она способна только пробудить живой интересъ къ произведеніямъ нашихъ писателей и дать обстоятельное знаніе только разсмотрѣнныхъ и изученныхъ произведеній. О систематическихъ познаніяхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

По вопросу объ изученіи произведеній древней письменности я долженъ удостовѣрить, что изученіе ихъ въ томъ объемѣ, въ какомъ они положены по программѣ при непремѣнномъ чтеніи отрывковъ, не приноситъ никакой пользы: прелести поэтическаго языка и оборотовъ, напр., слова о полку Игоревѣ не поймутъ, какъ бы вы краснорѣчиво ни комментировали и ни объясняли, а «Домострой» своимъ наставленіемъ «жезломъ сокрушать ребра» способенъ вызвать отвращеніе, если вы не станете проводить параллели между «Домостроемъ» и соотвѣтствующими памятниками западно-европейскихъ литературъ, или не обратите вниманія на изображеніе аналогичныхъ сюжетовъ въ западно-европейскихъ литературахъ или наконецъ не укажете такихъ произведеній, гдѣ находится поэтическое изображеніе той эпохи, какая представлена напр. въ «Домостроѣ» (хотя бы «Князь Серебряный»).

Итакъ отсутствіе всякихъ измѣненій въ программѣ словесности, при наличности очевидныхъ недостатковъ, требовавшихъ и требующихъ измѣненій, показываетъ, что въ сравненіи съ первоначальной постановкой въ женской средней школѣ дѣла преподаванія она сдѣлала большой шагъ назадъ. Это и дало правильное основаніе одному изъ дѣятельныхъ учредителей нашего

Общества Н. А. Заболотскому справедливо назвать женскую среднюю школу забытой [1]).

Въ этомъ можетъ убѣждать насъ и то, что въ программѣ отсутствуетъ указаніе на знакомство съ произведеніями зап.-европейскихъ писателей. Правда кое-что сообщается на урокахъ новыхъ языковъ. Но всякій чувствуетъ и понимаетъ всю недостаточность подобной постановки какъ съ общеобразовательной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія осмысленности, ясности и основательности изученія произведеній русскихъ же писателей, возьмемъ ли мы Пушкина, Лермонтова или Грибоѣдова; Байронъ, Шекспиръ и Мольеръ тутъ столько же умѣстны, сколько и необходимы. Недостатокъ этой постановки дѣла особенно ощутителенъ и замѣтенъ при изученіи исторіи словесности въ V классѣ, гдѣ при недостаткѣ времени и обширности курса невозможно пройти даже необходимое количество образцовыхъ произведеній русской литературы, не говоря уже объ иностранной. Въ педагогической литературѣ, обратившей вниманіе на неудовлетворительность постановки курса исторіи словесности, былъ высказанъ рядъ мнѣній, требовавшихъ внести тѣ или иныя измѣненія; такъ напр., одни говорили о необходимости отнести курсъ исторіи словесности къ программѣ VII кл., другіе находятъ достаточнымъ ограничиться элементарными свѣдѣніями изъ теоріи словесности и логики; третьи утверждаютъ, что хороша и существующая программа, по которой курсъ теоріи словесности проходится въ V кл.

Въ послѣднее время по этому вопросу возбуждена полемика, представляющая борьбу двухъ крайнихъ взглядовъ.

---

[1]) Русская школа, 1904 г. т. 1—3, стр. 81—93.

По одному изъ нихъ, формулированному Келтуяла— авторомъ солиднаго труда по исторіи литературы, необходимо предварительно изучить всю исторію литературы, такъ какъ идеальная теорія словесности, если бы она была возможна, обязана считаться со всею совокупностью не только существовавшихъ и существующихъ, но даже имѣющихъ существовать произведеніями; за невозможностью же этого она обязана принимать во вниманіе возможно наибольшее число, т. е. доступную наблюденію всемірную литературу. Теорія словесности, основывающаяся только на одной какой-либо части или группѣ литературныхъ явленій, будетъ крайне односторонней и неполной. Такою была бы теорія словесности, опирающаяся только на одну русскую литературу; такою же была бы теорія словесности, которая могла бы возникнуть въ древней Греціи, когда не родилась еще драма и не были извѣстны многіе другіе литературные виды. Другой противоположный взглядъ, формулированный Дусинскимъ, утверждаетъ, что если имѣть въ виду основательныя занятія ученаго, самостоятельно разрабатывающаго теоретическія вопросы литературы, то тогда необходимо изучить всю исторію литературы или возможно большую ея часть. Но такъ какъ научная разработка какихъ бы то ни было предметовъ въ средней школѣ невозможна и не умѣстна, то достаточно, если учащіеся усвоятъ результаты научной работы. Поэтому необходимо, чтобы школьные учебники постоянно стояли въ уровень съ прогрессомъ науки и чтобы они по инерціи ихъ составителей не передавали устарѣлыхъ и давно опровергнутыхъ наукою мнѣній. Оба взгляда вестаки не рѣшаютъ вопроса удовлетворительно; хотя первый взглядъ съ принципіальной точки зрѣнія болѣе правиленъ и формулированъ можетъ быть такъ: вмѣсто то-

го, чтобы сообщать учащимся сомнительные результаты научной работы, лучше ихъ вовсе не сообщать. Что же касается учебниковъ по теоріи словесности, то въ этомъ отношеніи можемъ сослаться на статью Щербины: «Къ вопросу о нашихъ учебникахъ въ связи съ разборомъ программы курса русской словесности» [1]), которая представляетъ значительный интересъ.

Авторъ этой статьи, приведя рядъ образцовъ неудовлетворительнаго изложенія школьной дисциплины, указываемой теоріей (такъ напр: 1) комедія—подражаніе подлымъ людямъ, но не во всякой подлости; смѣшное безобразіе, безболѣзненное и безвредное; 2)., составить заключительный періодъ на тему: настоящій конецъ не обманываетъ и др.) говоритъ, что составители не могли даже столковаться о предметѣ и задачахъ теоріи словесности (приводитъ до 10 различныхъ опредѣленій этой науки); далѣе приводитъ шесть различныхъ видовъ сбивчивыхъ опредѣленій «трагедіи»; весьма любопытно, что по его словамъ для образца «ироніи» 17 авторовъ разсмотрѣнныхъ имъ учебныхъ руководствъ привели всѣ одинъ и тотъ же примѣръ: «Отколѣ умная бредешь ты, голова?» (изъ Крылова).

Выяснивъ схоластичность нынѣшней теоріи словесности, Щербина приходитъ къ выводу, что въ настоящее время поставить этотъ предметъ какъ слѣдуетъ—нельзя, такъ какъ для обобщенія учащіеся не могутъ собрать и усвоить достаточное количество матеріала; мало того, разные роды и виды творчества въ своемъ историческомъ развитіи нельзя охватить и изучить въ краткій промежутокъ времени, не говоря уже о другихъ требованіяхъ, возникающихъ при изученіи словесности,

[1]) Русская Школа, 1907 г., кн. II, стр. 12—13.

къ числу коихъ слѣдуетъ отнести, напримѣръ, необходимость освѣщать литературныя теченія, налагавшія печать на цѣлые періоды и т. п.

Примиряясь однако съ теоріей словесности, какъ школьной самостоятельной дисциплиной лишь въ томъ случаѣ, если бы она могла войти въ программу, какъ философія исторіи литературы, Щербина находитъ возможнымъ сохранить ее въ настоящее время или въ качествѣ пропедевтическаго курса, или въ качествѣ имѣющаго значеніе прикладного знанія при изученіи исторіи литературы. Всѣ эти выводы Щербина дѣлаетъ, имѣя только въ виду мужскія гимназіи и ни слова не упоминаетъ о преподаваніи этого предмета въ женскихъ. Тѣмъ не менѣе, приглашая своей книгой преподавателей словесности призадуматься надъ вопросами, тѣсно связанными съ постановкой преподаванія словесности, онъ какъ бы устанавливаетъ положеніе, что такъ дальше учить нельзя.

Такимъ образомъ недостатки программы, а затѣмъ неудовлетворительность постановки преподаванія, обусловливаемаго этой именно программой, вызываютъ вопросъ о томъ, что предпринять, какія измѣненія внести въ интересахъ улучшенія постановки преподаванія.

На первомъ планѣ, конечно, стоитъ вопросъ о распредѣленіи учебнаго матеріала по классамъ. Исходя изъ того положенія вещей, какое создалось у насъ, т. е. при существованіи 7 классовъ въ женскихъ гимназіяхъ, гдѣ отводится только три года на изученіе словесности, теорію словесности, какъ самостоятельную дисциплину, изучаемую въ V классѣ, слѣдовало бы устранить, распредѣливъ матеріалъ, назначенный для изученія въ V классѣ, такимъ образомъ: теорію стилистики отнести къ курсу IV кл; здѣсь же удобно познакомить съ

основными элементами описаній и повѣствованія. Что же касается остальной части, то или отнести ее къ курсу VII кл. подводя этимъ итоги изученію исторіи словесности, т. е. примѣнивъ тотъ порядокъ, какой уже съ успѣхомъ примѣняется въ мужскихъ гимназіяхъ, или же проходить ее попутно вмѣстѣ съ изученіемъ исторіи словесности. Въ основаніе курса словесности, по моему мнѣнію, слѣдуетъ положить исторію словесности, раздѣливъ ее на три части соотвѣтственно тремъ классамъ, при чемъ для каждаго класса дать вполнѣ опредѣленно выразившуюся въ произведеніяхъ эпоху или эпохи. Ставя въ центрѣ ея извѣстнаго крупнаго писателя и на его произведеніяхъ характеризуя главнѣйшія черты эпохи литературныхъ направленій, а также тѣхъ интересовъ, коими жило общество, было бы не безполезно давать при этомъ указанія на критику этого писателя въ русской литературѣ и затѣмъ ставить въ связи съ этими главными писателями другихъ менѣе крупныхъ, чтобы получилось нѣчто законченное цѣльное. При этомъ условіи хронологическій порядокъ изученія, основывающійся на запоминаніи послѣдовательности годовъ и являющійся чисто внѣшнимъ, получилъ бы болѣе прочныя основанія въ тѣхъ идеяхъ, которыя нашли свое выраженіе въ произведеніяхъ и дѣйствительно составили эпоху. При возможности осуществленія этого принципа мнѣ казалось бы удобнымъ распредѣлить курсы слѣдующимъ образомъ по классамъ: *V кл.* Начало письменности. Древній періодъ до 16 в. Лѣтопись. Поученіе Владиміра Мономаха. Слово о полку Игоревѣ. Проповѣди. Хожденія. Домострой. Важнѣйшія произведенія устной народной словесности. Періодъ подражанія въ русской литературѣ. Ломоносовъ Сумароковъ. Начало оригинальности. Кантимиръ. *VI кл.* Струя оригинальности въ

произведенiяхъ писателей Екатерининской эпохи. Фонвизинъ. Державинъ. Развитiе журналистики (Новиковъ). Карамзинъ. Жуковскiй. Нацiональное направленiе въ литературѣ. Грибоѣдовъ. Крыловъ. Кольцовъ. *VII кл.* Байронизмъ въ русской литературѣ. Пушкинъ. Лермонтовъ. Реализмъ въ русской литературѣ. Гоголь. Тургеневъ. Гончаровъ. Островскiй. Гр. А. Толстой. Л. Н. Толстой. Бѣлинскiй.

Таковой мнѣ представляется возможная и удобная для осуществленiя программа словесности въ женскихъ гимназiяхъ Варшавскаго Учебнаго Округа, гдѣ ни при одной изъ гимназiй нѣтъ 8-го класса. Переходя теперь къ вопросу о цѣли преподаванiя языка и словесности, умѣстно будетъ вспомнить слова извѣстнаго русскаго педагога и ученаго Ѳ. И. Буслаева. На первомъ планѣ, говоритъ онъ, должна стоять личность учащихся; развитiе этой личности и составляетъ важнѣйшую цѣль обученiя; предметъ обученiя является только средствомъ къ духовному развитiю учащихся. Не грамматика въ ея схоластической системѣ должна быть предметомъ изученiя для дѣтей. На разговорѣ, на чтенiи учащiеся должны привыкнуть всматриваться и въ строй рѣчи и въ измѣненiя словъ. Главное занятiе съ дѣтьми объяснительное чтенiе. Путемъ постояннаго чтенiя и разбора учащiеся потомъ знакомятся и съ литературой». Тоже говоритъ и Срезневскiй въ своихъ статьяхъ [1]). Такъ опредѣляютъ цѣль изученiя языка и литературы авторитетные педагоги и ученые. Несомнѣнно, что влiянiе высказанныхъ ими взглядовъ отразилось въ той формулировкѣ цѣли, какая принята въ объяснительной запискѣ преподаванiя русскаго языка въ мужскихъ гимна

---

[1]) Филолог. Зап. 1906 г вып. III—IV, стр. 119.

зіяхъ, для которыхъ цѣлью, обученія языку и словесности поставлено «научить выражаться на своемъ отечественномъ языкѣ правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ». Если такъ формулируется цѣль преподаванія русскаго языка и словесности для мужскихъ гимназій, то такова же цѣль должна быть и для женскихъ гимназій. Можно только расширить формулировку и опредѣленнѣе выразить детали. Современная наука приходитъ къ выводу, что великіе труженники слова, родоначальники новыхъ теченій въ поэзіи, являются талантливыми выразителями того самосознанія, какое таилось въ умахъ ихъ современниковъ. А. Григорьевъ сказалъ: «Поэты суть голоса массъ народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ и народовъ». Стало быть, въ произведеніяхъ корифеевъ русской литературы выражено самосознаніе русскаго человѣка вообще и образованнаго класса русскаго общества въ частности. Поэтому поэзія, задача которой заключается въ томъ, чтобы схватить и выяснить въ образахъ преходящія формы общественной жизни и незыблемые законы человѣческаго духа, должна занимать особое мѣсто не только какъ средство развитія, но и какъ оружіе и при томъ незамѣнимое для истиннаго воспитанія женщины. Гефдингъ въ своей «Этикѣ» говоритъ, что «женщина, которая хочетъ слѣдить съ пониманіемъ и симпатіей за дѣятельностью мужа и желаетъ быть его совѣтницей и вмѣстѣ правильно руководить воспитаніемъ дѣтей, должна быть какъ можно лучше освѣдомлена въ области психологической», поэтому цѣль при преподаваніи поэзіи въ женскихъ гимназіяхъ состоитъ въ умѣніи повести дѣло такъ, чтобы ученицы вполнѣ понимали внутреннюю сторону изученныхъ ху-

дожественныхъ образовъ, а также идеальное содержаніе поэтическихъ произведеній, чтобы они пріобрѣли навыкъ связывать явленія обыденной жизни съ творческими типами, находя въ послѣднихъ разъясненіе и оцѣнку первыхъ» [1]).

Приведенныя данныя, оттѣняя значеніе поэзіи и указывая на задачи женщины въ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняютъ намъ цѣль преподаванія предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Цѣль эта должна заключаться не только въ томъ, чтобы развить, сообщить знанія, но главнымъ образомъ, чтобы воспитать и притомъ настолько, чтобы женщина, являясь хранительницею свѣтлыхъ идеаловъ, была дѣятельнымъ проводникомъ добра въ жизни.

Исходя для осуществленія этой цѣли изъ изученія литературныхъ произведеній, необходимо имѣть въ виду историко-психологическій методъ, который обыкновенно въ большинствѣ случаевъ и примѣняется. Однако при примѣненіи этого метода необходимо вносить нѣкоторыя измѣненія, обусловливаемыя особенностями женской натуры, на которыя указываетъ извѣстный русскій психологъ Каптеревъ въ своемъ сочиненіи «Душевныя свойства женщины», говоря, что «женскій типъ отличается прежде всего значительнымъ развитіемъ чувствительности, нѣкоторыми сильными и глубокими волненіями (напр. любовь составляетъ неотъемлемую потребность женщины; религіозность въ ней больше развита), способностью быстро доходить до высшихъ ступеней чувства и быстро падать. Это придаетъ всему женскому психическому типу особенный видъ преобладанія и даже господства чувствованій въ сознаніи. Поэтому геній сердца—есть геній женскій—это

---

[1]) Филолог. Записки, 1906 г., вып. II—III., стр 109 и др.

сочувствіе каждому страданію, каждой слезинкѣ, каждому вздоху; это радость съ каждымъ радующимся честному и благородному дѣлу» [2]).

Принимая во вниманіе эти особенности, т. е. богатство сердечной жизни и конкретный складъ ума, а также и то, что съ окончаніемъ гимназическаго курса для большинства дѣвицъ оканчивается образованіе и они вступаютъ въ жизнь: мнѣ кажется цѣлесообразнымъ ослабить при чтеніи и разборѣ литературныхъ произведеній историческую перспективу и сосредоточить главнѣйшее вниманіе на сторонахъ психологической, этической и особенно эстетической. Этимъ я хочу указать на то, что во 1) необходимо давать элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи, необходимыя при выясненіи характеровъ, а затѣмъ 2) дѣлать характеристику выводимыхъ въ произведеніяхъ лицъ, указывая общечеловѣческія, національныя, типическія и индивидуальныя черты, 3) выяснять зарожденіе и развитіе душевныхъ аффектовъ въ человѣкѣ, поскольку это дается изучаемымъ произведеніемъ и 4) наконецъ, дѣлать нравственную оцѣнку изображенныхъ въ произведеніяхъ характеровъ. Что же касается формы и содержанія, то должна быть даваема оцѣнка ихъ съ эстетической стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо дѣлать и историко-культурное освѣщеніе, т. е. 1) давать характеристику эпохи, необходимую для пониманія содержанія произведенія, 2) указывать генетическую связь данныхъ типовъ съ предшествующими и 3) отмѣчать то литературное направленіе, которое господствовало въ данный періодъ времени и выразилось въ произведеніяхъ изучаемаго писателя вообще и въ данномъ произведеніи его—въ частности.

---

[2]) Тамъ же.

Въ заключеніе своего доклада я долженъ сказать слѣдующее: мною обращено благосклонное вниманіе почтеннаго собранія на нѣкоторые недостатки «забытой средней женской школы» не для того, чтобы мы о ней только вспомнили, поговорили и сдѣлали критику, вызываемую какими-либо недостатками настоящаго доклада. Мною еще имѣлась въ виду и другая болѣе важная цѣль.

Такъ какъ въ кругъ задачъ нашего педагогическаго общества входитъ разработка вопросовъ, связанныхъ съ улучшеніемъ преподаванія, то, исходя изъ указанныхъ въ изложенномъ докладѣ недостатковъ, по моему, необходимо поставить вопросъ о преподаваніи словесности, какъ вопросъ подлежащій ближайшему и неотложному своему разрѣшенію, освободившись предварительно отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ и предубѣжденій, выработанныхъ и усердно-поддерживаемыхъ именно у насъ. Къ нимъ относится между прочимъ то, что школа женская есть школа второстепенная и преподающіе въ ней—профессіоналисты низшаго ранга потому уже, что преподаютъ въ женскихъ гимназіяхъ. Я не стану входить въ разсмотрѣніе тѣхъ основаній, которыя вызвали этотъ предразсудокъ; но прежде всего съ принципіальной стороны это не выдерживаетъ самой снисходительной критики, а затѣмъ, если можетъ быть были факты въ пользу этого предубѣжденія, то были и есть противъ него.

Педагогическое дѣло не есть цехъ, который можетъ имѣть ранги; это есть живая сознательная и во многихъ случаяхъ творческая работа, качество которой совершенно независитъ отъ той обстановки, какая создается въ мужской и какая въ женской гимназіи; да въ дѣйствительности такой крупной разницы по существу и

нѣтъ. Равнымъ образомъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ такой порядокъ, когда все или почти все вниманіе въ дѣлѣ улучшенія школы сосредоточено на мужской школѣ. Вѣдь необходимость серьезнаго женскаго образованія въ настоящее время не принадлежитъ къ числу положеній, которыя необходимо доказывать. Важность и значеніе образованія для женщины, какъ для матери и воспитательницы и какъ для человѣка вообще, принадлежитъ къ числу неоспоримыхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что въ настоящее время по показаніямъ статистики болѣе $40^0/_0$ дѣвушекъ, оставаясь незамужними, должны самостоятельно прокладывать себѣ дорогу въ жизни; эта трудная и отвѣтственнія задача можетъ осуществляться надлежащимъ образомъ только при условіи хорошаго образованія. Эти общія истины слѣдуетъ имѣть въ виду при рѣшеніи детальныхъ вопросовъ, къ числу коихъ относится и затронутый въ изложенномъ мною докладѣ. Повторяю, что эти общія истины надо имѣть въ виду, если только школа женская и ея руководители желаютъ выполнить надлежащимъ образомъ свой долгъ передъ родиной и молодежью, а вмѣстѣ гарантировать себя отъ упрековъ въ томъ, что умъ своихъ питомцевъ они «изсушили наукой безплодной».

Вячеславъ Каминскій

Теорія словесности

съ присоединеніемъ хрестоматіи *).

(Опытъ аналитико-историческаго курса).

Ифигенія.

«Прежде всего я должна думать о томъ, что принадлежитъ богинѣ. Развяжите руки этимъ иностранцамъ: какъ скоро они обречены, имъ слѣдуетъ уже не носить цѣпей. Войдите въ храмъ, приготовьте все, что нужно для предстоящаго дѣла и чего требуетъ законъ.—Увы! кто ваша мать, которая дала вамъ жизнь? кто вашъ отецъ? кто ваша сестра, если у васъ есть сестра? Какихъ прекрасныхъ юношей лишится она въ своихъ братьяхъ! Кто знаетъ судьбу, какая кому назначена? Воля боговъ покрыта мракомъ, и никто не знаетъ, какія несчастія ему угрожаютъ: непредвидѣнными путями судьба приводитъ насъ къ бѣдамъ. Откуда вы, несчастные пришельцы? Какой долгій путь совершили вы, чтобъ попасть въ эту страну? И какъ долга будетъ ваша разлука съ родиной! Да, вы разстались съ ней навсегда: отнынѣ и навѣки вы жильцы другаго міра...

Орестъ.

Зачѣмъ ты горюешь объ этомъ? Зачѣмъ печалишь насъ будущими несчастіями,—о, женщина, кто бы ты ни была? Я не считаю мудрымъ того, кто—собираясь убивать—хочетъ побѣдить страхъ смерти выраженіемъ жалости; ни того, кто плачетъ передъ приближеніемъ Аида, когда нѣтъ надежды на спасеніе. Онъ только дѣлаетъ изъ одного два зла: навлекаетъ на себя нареканіе въ глупости, а умирать все же умираетъ. Надобно предоставить судьбѣ идти, какъ ей угодно. Перестань

*) Продолж. См. II—III, IV—V и VI в.в. 1906 г., I, II—III, IV и V—VI в.в. 1907 г., I, II и III в.в. 1908 г.

же ты оплакивать нашу участь: мы очень хорошо знаемъ, какія жертвоприношенія водятся въ здѣшней странѣ!

И ф и г е н і я.

Который изъ васъ зовется именемъ Пилада? Вотъ что хочу я знать прежде всего.

О р е с т ъ.

Онъ — если тебѣ доставляетъ удовольствіе знать это.

И ф и г е н і я

Какого еллинскаго города онъ гражданинъ?

О р е с т ъ.

Что тебѣ будетъ изъ того, когда ты узнаешь это, женщина?

И ф и г е н і я.

Вы братья, рожденные отъ одной матери?

О р е с т ъ.

Мы братья по дружбѣ — не по рожденію.

И ф и г е н і я.

А тебѣ какое имя далъ твой родитель?

О р е с т ъ.

По справедливости, намъ слѣдовало бы называться несчастными.

И ф и г е н і я.

Не о томъ я тебя спрашиваю: это дѣло случая.

О р е с т ъ.

Да. Онъ погубилъ ее ради злой женщины, не стоившей такой жертвы.

И ф и г е н і я.

А сынъ покойнаго отца — живъ и находится въ Аргосѣ?

О р е с т ъ.

Живъ, горемыка, и жилище его — вездѣ и нигдѣ.

Ифигенія.

Прощайте, обманчивыя сновидѣнія! вы—ничто.

Орестъ.

Боги, которые называются мудрыми, не больше правдивы, чѣмъ крылатые сны. Великая смута царитъ и въ божескихъ дѣлахъ и въ человѣческихъ. Одно жалко: когда человѣкъ, будучи въ полномъ разумѣ, повѣритъ словамъ предсказателей—и погибъ, какъ погибъ! Какъ знающимъ-то не жалѣть объ этомъ!

Хоръ.

Увы! Увы! Что же мы и наши родители? живы ли они? или ихъ нѣтъ? Кто скажетъ?

Ифигенія.

Послушайте; спѣшу сказать слово, которое будетъ и вамъ, чужеземцы, на пользу, и мнѣ; а хорошо бываетъ большею частію тогда, когда всѣмъ желается одного и того же. Еслибы я спасла тебя, согласился ли бы ты, возвратившись въ Аргосъ, передать вѣсть отъ меня тамошнимъ моимъ друзьямъ, и отнести письмо, которое написалъ, сжалившись надо мною, одинъ плѣнникъ, видя, что не моя рука повинна въ убійствахъ, которыя она здѣсь совершаетъ, и что онъ умиралъ по уставу богини, считающей это законнымъ? До сихъ поръ я не находила ни одного человѣка, который бы самъ былъ изъ Аргоса и, будучи спасенъ мною, могъ воротиться въ Аргосъ и отдать это письмо кому-нибудь изъ моихъ друзей. Ты же, какъ мнѣ кажется, происходишь изъ хорошаго рода, и Микены знаешь, и тѣхъ, кого мнѣ нужно; прими свободу, а вмѣстѣ и награду, которой нельзя презирать—жизнь—въ замѣнъ за ту услугу, которую ты мнѣ окажешь. Что касается до твоего товарища, то пусть онъ одинъ, безъ тебя, будетъ жертвой богинѣ, такъ какъ это необходимо по нашимъ законамъ.

Орестъ.

Одобряю все, что ты сказала, чужеземка, кромѣ одного: смерть этого друга для меня слишкомъ тяжела.

Я тотъ кормчій, который увлекъ его въ море бѣдствій; онъ же плыветъ вмѣстѣ со мною, дѣля мои страданія. Несправедливо съ моей стороны погубить его, чтобы сдѣлать тебѣ угодное и избавиться самому отъ гибели. Но вотъ что надобно сдѣлать: отдай ему свое письмо; онъ отнесетъ его въ Аргосъ и исполнитъ по твоему желанію; а мою жизнь пусть беретъ, кому она нужна. Ничто не можетъ быть безчестнѣе, какъ спасать себя, подвергая гибели своихъ друзей. А онъ мнѣ другъ, и его жизнь для меня столько же дорога, какъ моя.

Ифигенія.

Возвышенный характеръ! Какъ долженъ быть благороденъ тотъ источникъ, откуда ты почерпнулъ такую преданность къ своимъ друзьямъ! О, если бы тотъ изъ моихъ, кто еще остался въ живыхъ, былъ подобенъ тебѣ! Вѣдь у меня, иностранцы, тоже есть братъ, и единственное мое несчастіе—что я его не вижу. Но если ты такъ хочешь,—мы пошлемъ твоего друга съ письмомъ, а ты—умрешь. Тобой владѣетъ, кажется, великое желаніе этого.

Орестъ.

Кто же будетъ приносить меня въ жертву? Кто будетъ совершать это ужасное священнодѣйствіе?

Ифигенія.

Я: я жрица богини.

Орестъ.

Священнодѣйствіе, недостойное тебя, о юная дѣва, и незавидное.

Ифигенія.

Неволя заставила. Должно повиноваться необходимости.

Орестъ.

Какъ! ты, женщина, сама вонзишь мечъ въ человѣка!

Ифигенія.

Нѣтъ, я только окроплю твои волосы очистительной водой.

Орестъ.

Кто же будетъ меня закалать, если могу позволить себѣ этотъ вопросъ?

Ифигенія.

Тѣ, на комъ лежитъ эта обязанность, находятся въ храмѣ.

Орестъ.

А какая могила приметъ меня, когда умру?

Ифигенія.

Священный огонь и мрачная разсѣлина скалы.

Орестъ.

О, еслибы послѣдній долгъ отдала мнѣ рука сестры!

Ифигенія.

Напрасное желанье, о несчастный, кто бы ты ни былъ! твоя сестра живетъ далеко отъ варварской страны. Но такъ какъ ты изъ Аргоса, то я берусь исполнить надъ тобой всѣ тѣ обряды, какіе я могу совершать: я положу въ твою могилу многочисленныя украшенія, я полью свѣтлымъ елеемъ твое тѣло, я орошу твой костеръ душистымъ сокомъ, который золотая пчела горъ беретъ изъ цвѣтовъ.—Теперь пойду, принесу письмо изъ чертоговъ богини. Ты же не клади на меня своего гнѣва. Стражи! наблюдайте за ними. Но не накладывайте на нихъ цѣпей. Я пошлю въ Аргосъ вѣсти, быть можетъ неожиданныя для одного изъ моихъ друзей, для того, кого я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ; мое письмо скажетъ ему, что тѣ, кого онъ считаетъ мертвыми, находятся въ живыхъ, и эта вѣсть, навѣрное, будетъ для него радостью.

Хоръ (удаляясь, Оресту).

Какъ мнѣ жаль тебя, обреченнаго на кровавое омовеніе!

Орестъ.

Нѣтъ, о моей участи не слѣдуетъ жалѣть; лучше радуйтесь, иностранки!

Хоръ (Пиладу).

А тебя, о юноша! поздравляемъ съ счастливымъ жребіемъ, который тебѣ выпалъ—возвратиться на родину.

Пиладъ.

Для друга нѣтъ счастья, когда онъ видитъ умирающимъ своего друга.

Полухоръ 1-й.

Печальное посольство!

Полухоръ. 2-й.

Увы! увы! ты погибнешь!

Хоръ.

Но ахъ! кто изъ нихъ не погибъ?—Мой умъ не умѣетъ рѣшить: о тебѣ, или о тебѣ должна я плакать.

Орестъ.

Ради боговъ, Пиладъ? то ли же ты испытываешь, что я?

Пиладъ.

Не знаю. Ты дѣлаешь мнѣ вопросъ, на который мнѣ нечего отвѣчать.

Орестъ.

Кто эта дѣвица? Надо думать, что она гречанка, судя потому, какъ она разспрашивала насъ о трудахъ войны троянской, о возвращеніи Ахейцевъ, о птицегадателѣ Калхасѣ и о славномъ Ахиллесѣ. Какъ она жалѣла объ Агамемнонѣ! какъ разспрашивала о его женѣ и дѣтяхъ! Эта чужеземка непремѣнно родомъ изъ Аргоса: иначе, зачѣмъ бы ей посылать письмо въ эту страну и принимать такое живое участіе въ дѣлахъ Аргоса, словно какъ въ своихъ собственныхъ?

Пиладъ.

Ты предупредилъ меня; твои слова выразили мои мысли. Одно только прибавлю: что судьбы царей бываютъ извѣстны всѣмъ, кто сколько-нибудь обращалъ вниманіе на дѣла человѣческія. Но подумай и еще объ одномъ...

Орестъ.

О чемъ? Сообщивъ мнѣ, ты быть можетъ самъ поймешь лучше.

Пиладъ.

Позорно мнѣ оставаться на свѣтѣ, когда ты умираешь. Съ тобою переплылъ я моря, съ тобою долженъ и умереть: иначе, я прослыву трусомъ и подлецомъ въ Аргосѣ и по всѣмъ долинамъ Фокиды. Пожалуй, пройдетъ молва—вѣдь толпа любитъ злословить—что я тебѣ измѣнилъ, а самъ спасся одинъ, или даже что я убилъ тебя, что я нарочно подстроилъ тебѣ гибель, послѣ погибели всего твоего рода, чтобы овладѣть твоимъ царствомъ, какъ супругъ твоей сестры, единственной наслѣдницы вашего достоянія. Вотъ чего я боюсь, вотъ что я нахожу позорнымъ. Нѣтъ! никакъ не могу я убѣдить себя, что мнѣ не должно умереть вмѣстѣ съ тобою, положить подъ одинъ съ тобой мечъ свою голову, сжечь на одномъ съ тобой кострѣ свое тѣло—мнѣ, твоему другу, который боится позора.

Орестъ.

Будь благоразуменъ: мои бѣдствія долженъ переносить я. Довольно сильный для одного испытанія, я не въ силахъ вынести двухъ. Ибо и то, что ты называешь горестнымъ, и то, что позорнымъ, падетъ на меня, если я допущу тебя умереть, раздѣляя мои опасности. Что касается до меня, то это вовсе не горе, что я потеряю жизнь, находясь въ такихъ отношеніяхъ къ богамъ, въ какихъ я нахожусь. Но ты—ты счастливъ; твоя семья чиста и непорочна, тогда какъ моя преступна и несчастна. Если ты сохранишь жизнь и у тебя будутъ дѣти отъ моей сестры, которую я тебѣ далъ въ супруги: имя

мое не погибнетъ, и родъ отца моего не останется безъ потомства. Итакъ поѣзжай, живи и поселись въ домѣ моего отца. А когда ты воротишься въ Элладу, въ Аргосъ богатый конями, тогда—заклинаю тебя этой рукой, къ которой прикасаюсь—насыпь могильный холмъ и поставь мнѣ памятникъ, и пусть сестра подаритъ моему гробу слезу и локонъ волосъ. Разскажи, какъ я, посвященный на закланіе, погибъ у алтаря богини отъ руки какой то Аргивянки. Не оставь моей сестры, видя опустѣлыми семью и домъ отца. Прощай, любимѣйшій изъ друзей, товарищъ моихъ игръ, воспитанный вмѣстѣ со мною отъ самого дѣтства,—ты, который несъ тяжкое бремя моихъ несчастій! А Фебъ, этотъ пророкъ, онъ обманулъ насъ; онъ нашелъ хитрое средство загнать насъ какъ можно дальше отъ Эллады, стыдясь своихъ прежнихъ пророчествъ. Ему отдалъ я все; повѣривъ его словамъ, я убилъ мать и за то гибну самъ.

Пиладъ.

Памятникъ тебѣ будетъ, и сестры твоей я никогда не оставлю, о, несчастный! ибо, умерши, ты будешь для меня также дорогъ, и даже болѣе, чѣмъ живой. А пророчество бога вѣдь еще не погубило тебя, хотя ты и близко отъ смерти. Бываетъ, бываетъ, что несчастіе, перешедши черезъ край, приводитъ къ совершенно противоположной крайности.

Орестъ.

Молчи. Слова Феба мнѣ не помогутъ: женщина уже идетъ изъ храма. (*П. Басистовъ*, стр. 16—31)

Ифигенія (стражѣ).

Вы—удалитесь, идите въ храмъ и приготовьте нужное для тѣхъ, кто будетъ совершать жертвоприношеніе. Иностранцы, вотъ письмо изъ нѣсколькихъ дощечекъ, а теперь слушайте, что я хочу передать устно. Никто не бываетъ одинаковъ въ минуту опасности и тогда, когда оправится отъ страха. Я боюсь, что тотъ, кто долженъ отнести въ Аргосъ мое письмо, забудетъ о немъ, вернувшись на родину.

Орестъ.

Чего жъ ты хочешь? Въ чемъ дѣло?

Ифигенія (указывая на Пилада).

Онъ долженъ поклясться мнѣ, что доставитъ письмо въ Аргосѣ тѣмъ изъ моихъ родственниковъ, кому я намѣрена послать его.

Орестъ.

А ты дашь клятву?

Ифигенія.

Говори, что мнѣ дѣлать и чего не дѣлать.

Орестъ.

Ты должна отпустить его съ чужбины здравымъ и невредимымъ.

Ифигенія (насмѣшливо).

Я думаю,—иначе можетъ ли онъ доставить обо мнѣ вѣсть.

Орестъ.

Но согласится ли на это царь?

Ифигенія.

Я уговорю его и сама посажу посланца на корабль.

Орестъ (Пиладу).

Клянись (Ифигеніи), а ты говори слова священной въ твоихъ глазахъ клятвы.

Ифигенія.

Говори, что ты передашь мое письмо моимъ родственникамъ.

Пиладъ.

Твоимъ родственникамъ отдамъ я твое письмо.

Ифигенія.

А я отпущу тебя живымъ отъ скалъ Симплегадъ.

Пиладъ.

Кѣмъ изъ боговъ ты клянешься?

Ифигенія.

Артемидой, какъ ея жрица.

Пиладъ.

А я владыкой неба, самимъ могучимъ Зевсомъ.

Ифигенія.

А если ты обманешь меня, измѣнишь клятвѣ?

Пиладъ.

Пусть тогда я не увижу родины; въ свою очередь—если ты не захочешь спасти меня?

Ифигенія.

Пусть никогда не вступлю я живою въ Аргосъ!

Пиладъ.

Послушай, мы забыли съ тобой еще одно...

Ифигенія.

Всякое слово кстати, если оно дѣльно.

Пиладъ.

Сдѣлай мнѣ уступку: если корабль погибнетъ, и письмо исчезнетъ съ грузомъ въ волнахъ, спасусь я одинъ,—не связывай меня тогда моей клятвой.

Ифигенія.

Знаешь, что мы сдѣлаемъ?.. Чѣмъ больше подумаешь, тѣмъ больше сдѣлаешь. Я скажу тебѣ наизусть содержаніе письма, чтобы ты могъ передать его цѣликомъ моимъ роднымъ. Тогда я буду спокойна,—если ты спасешь письмо, оно само, молча, передастъ, что въ немъ написано, если же письмо пропадетъ въ волнахъ, ты спасшись, самъ передашь на словахъ мое порученіе.

Пиладъ.

Твое намѣреніе выгодно и для тебя, и для меня. Говори же, кому въ Аргосѣ слѣдуетъ мнѣ вручить твое письмо и что долженъ я передать отъ твоего имени.

Ифигенія.

Скажи сыну Агамемнона, Оресту: вотъ что проситъ передать Ифигенія, въ Авлидѣ принесенная въ жертву, но оставшаяся въ живыхъ, хотя дома ее и считаютъ умершею...

Орестъ (перебивая ее).

Гдѣ-жъ она?!. Неужели она воскресла?!.

Ифигенія.

Она передъ тобою. Но не перебивай меня (продолжаетъ). «Братъ, возьми меня изъ чужбины въ Аргосъ, пока я еще жива, избавь меня отъ обязанности приносить въ жертву богинѣ иностранцевъ»...

Орестъ.

Пиладъ, что мнѣ отвѣтить?.. Гдѣ мы?..

Ифигенія (продолжая).

«Или я сдѣлаюсь проклятіемъ твоему дому,
Орестъ»,—чтобы ты не забылъ его имя, я повторяю его...

Орестъ.

О, боги!!.

Ифигенія.

При чемъ тутъ боги?—Дѣло касается одной меня.

Орестъ.

Ничего... Кончай. Я думаю о другомъ ..

Ифигенія.

Спрашивая тебя, я, вѣроятно, не добьюсь ничего... (Продолжаетъ). «Скажи, что, замѣнивъ меня ланью, богиня Артемида спасла меня и поселила здѣсь. Вонзая въ мое тѣло острый ножъ, мой отецъ думалъ, что принесъ меня въ жертву».—Вотъ содержаніе моего письма.

Пиладъ.

Какъ легко могу я исполнить данную тебѣ клятву и извлечь большую выгоду изъ твоего слова!—Я сей-

часъ же сдержу свое обѣщаніе. На, Орестъ, вручаю тебѣ письмо отъ твоей родной сестры.

Орестъ.

Давай. Но оставимъ письмо въ сторонѣ, я хочу сперва выразить словами свой восторгъ- (Бросается къ Ифигеніи и обнимаетъ ее). Дорогая моя сестра. Я не вѣрю своимъ глазамъ, я теряюсь, но все же обнимаю тебя и счастливъ въ своемъ удивленіи!

Хоръ.

Какъ смѣешь ты, иноземецъ, прикасаться къ священной одеждѣ жрицы своими руками!

Орестъ (продолжая обнимать Ифигенію).

Сестра, дочь одного отца со мною,—Агамемнона, не отталкивай меня отъ себя: я твой братъ, котораго ты не чаяла видѣть когда нибудь!..

Ифигенія (отступая отъ него).

Ты—мой братъ?!. Перестань! Онъ живетъ и въ Аргосѣ, и въ Навпліи *)...

Орестъ.

Твоего брата нѣтъ тамъ, несчастная!!..

Ифигенія.

Неужели же ты сынъ спартанки, дочери Тиндарея?..

Орестъ.

Да, я правнукъ Пелопа.

Ифигенія.

Какъ? И ты мнѣ докажешь это?

Орестъ.

Докажу. Спроси меня о чемъ-нибудь изъ домашней жизни.

Ифигенія.

Говори, ты, я буду слушать.

---

*) Т. е. изгнанникъ. Навплія—городъ въ Арголидѣ.

Орестъ.

Сперва я разскажу тебѣ о томъ, что слышалъ отъ Електры. Ты знаешь, Атрей и Тіестъ сдѣлались врагами...

Ифигенія

Изъ-за златорунной овцы. Да, знаю.

Орестъ.

Помнишь, ты искусно выткала эту сцену на полотнѣ?..

Ифигенія.

Милый, ты будишь во мнѣ самыя дорогія воспоминанія...

Орестъ.

Ты же вышила на полотнѣ, какъ солнце отклоняется отъ своего пути.

Ифигенія.

Да, и этотъ рисунокъ сдѣлала я на тонкой ткани.

Орестъ.

Передъ отъѣздомъ въ Авлиду мать водила тебя купаться.

Ифигенія (насмѣшливо).

Помню, мнѣ не забыть моей веселой свадьбы...

Орестъ.

Ну, а помнишь, какъ ты послала своей матери свои волосы?..

Ифигенія.

На память, чтобы воздать имъ погребальныя почести вмѣсто трупа...

Орестъ

А что я видѣлъ самъ, о томъ скажу, какъ свидѣтель. Во дворцѣ отца хранится старинное копье, которымъ Пелопъ добылъ въ бою въ Пизѣ юную Гипподa-

мію, убивъ Эномая. Оно спрятано въ твоей дѣвичьей комнатѣ...

Ифигенія (бросаясь въ объятія).

Дорогой мой,—только такъ и могу я назвать тебя—мой милый Орестъ, желанный мой! Вдали отъ родного Аргоса нашла я тебя. О, моя радость!!.

Орестъ.

Какъ и я—тебя, которую считали умершею. Изъ глазъ обоихъ насъ катятся слезы, но слезы счастія: мы плачемъ, но плачемъ отъ радости.

Ифигенія.

Когда я уѣхала изъ дому, ты былъ еще ребенкомъ на рукахъ кормилицы, когда я уѣхала, ты былъ еще крошкой!.. О, моего счастья не выскажешь словами!.. Что мнѣ говорить? То, что случилось, больше, чѣмъ чудо, и не поддается описанію!..

Орестъ.

О, если-бъ, намъ быть впредь счастливыми, не разлучаясь другъ съ другомъ!..

Ифигенія (хору).

Милыя, я безмѣрно счастлива!.. Боюсь только, какъ бы онъ не вырвался изъ моихъ рукъ, не вылетѣлъ на воздухъ!.. Городъ, построенный киклопами, моя родина, милыя Микены, благодарю васъ за то, что вы дали ему жизнь, привѣтъ вамъ, что вы воспитали его, что вы выростили мнѣ брата, гордость нашей семьи!.

Орестъ.

Происхожденію нашему можно еще завидовать, но нашимъ несчастьямъ въ жизни никто не позавидуетъ, сестра.

Ифигенія.

Я помню, бѣдная, ту минуту, когда помутившійся умомъ отецъ занесъ надо мною свой ножъ,..

Орестъ.

О, я какъ сейчасъ смотрю на тебя тамъ, хотя меня при этомъ не было.

Ифигенія.

Безъ свадебныхъ пѣсенъ обманомъ привели меня, братъ, въ брачную палатку Ахиллея, и плачъ и вопли раздавалились у алтаря. Увы, увы, тамъ приносили жертву...

Орестъ.

Плакалъ и я видя, на какое ужасное дѣло рѣшился отецъ...

Ифигенія.

Не по-отцовски, не по-отцовски поступилъ онъ со мною. Но одна бѣда родила другую.

Орестъ.

Да, если-бы ты, бѣдная, потеряла брата по волѣ кого-либо изъ боговъ.

Ифигенія.

О, я, несчастная! Ужасна моя рѣшимость на страшное дѣло, на страшное дѣло отважилась, увы, мой братъ!.. Еще не много—и ты погибъ-бы отъ моей преступной руки. Но гдѣ-жъ конецъ всему этому? Что пошлетъ мнѣ въ будущемъ судьба? Какой путь выбрать мнѣ для тебя, чтобы спасти тебя отъ смерти и перевезти изъ чужой стороны въ родной Аргосъ, пока ножъ не обагрился твоею кровью?—Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ подумать тебѣ, мое бѣдное сердце. Но отправить-ли тебя сухимъ путемъ, не водой. И все-таки тебя убьютъ, когда ты станешь пробираться по непроходимымъ дорогомъ чрезъ чуждыя для тебя племена. Ѣхать на кораблѣ чрезъ узкій проходъ между скалъ Симплегадъ—долго. О, я, бѣдная, бѣдная!.. Кто изъ боговъ или людей, или какой непредвидѣнный случай укажетъ выходъ изъ безвыходнаго положенія, прекратитъ страданія двухъ единственныхъ оставшихся въ живыхъ потомковъ Атрея?!..

Хоръ.

То, что мы видѣли собственными глазами и слышали, удивительно, невѣроятно.

Пиладъ.

Друзьямъ, увидѣвшимся съ друзьями, вполнѣ естественно, Орестъ, заключить одному другого въ объятія, но, высказавъ свои жалобы, пора подумать о томъ, чтобы намъ засвѣтилъ отрадный лучъ спасенія, чтобы намъ выбраться изъ чужой стороны,—людямъ умнымъ слѣдуетъ пользоваться выпавшимъ имъ на долю счастливымъ случаемъ, а не предаваться неумѣренному восторгу.

Орестъ.

Ты правъ. Но, мнѣ кажется, въ нашемъ положеніи счастье и такъ не оставитъ насъ,—чѣмъ кто смѣлѣй, тѣмъ больше можетъ онъ разсчитывать на помощь бога.

Ифигенія.

Ничто не удержитъ меня или не запретитъ мнѣ спросить прежде всего, какъ поживаетъ Електра: всѣ мои родные близки моему сердцу.

Орестъ (указывая на Пилада).

Она счастливо живетъ съ нимъ.

Ифигенія.

Откуда онъ родомъ и кто его отецъ?

Орестъ.

Онъ сынъ фокидца Строфія.

Ифигенія.

Значитъ, онъ мой родственникъ, какъ сынъ дочери Атрея?

Орестъ.

Тебѣ—двоюродный братъ, мнѣ—единственный вѣрный другъ.

Ифигенія.

Когда отецъ принесъ меня въ жертву, его еще не было на свѣтѣ?

Орестъ.

Не было,—Строфій нѣкоторое время оставался бездѣтнымъ.

Ифигенія (подходя къ Пиладу).

Здраствуй, мой зять.

Орестъ.

И мой спаситель, не только родственникъ.

Ифигенія.

Какъ рѣшился ты поступить такъ ужасно со своею матерью?..

Орестъ.

Скажу коротко—я мстилъ за отца.

Ифигенія.

За что убила она мужа?

Орестъ.

Оставь мать въ покоѣ,—тебѣ не прилично знать подробности.

Ифигенія.

Хорошо, я замолчу. Аргосъ теперь принадлежитъ тебѣ?

Орестъ.

Въ немъ царствуетъ Менелай, а я скитаюсь вдали отъ родины.

Ифигенія.

Неужели дядя вздумалъ гнать наше несчастное семейство?

Орестъ.

Нѣтъ,—меня гонятъ изъ родины чудовища—эринніи.

Ифигенія.

Потому-то тебя и видѣли въ состояніи бѣшенства здѣсь на берегу?

Орестъ.

Несчастнымъ меня видѣли не разъ.

Ифигенія.

Понимаю,—богини преслѣдуютъ тебя за мать.

Орестъ.

Онѣ даже грозятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ своею окровавленной пастью.

Ифигенія.

Почему ты пріѣхалъ сюда?

Орестъ.

Я здѣсь вслѣдствіе оракула Аполлона.

Ифигенія.

Какого? Это тайна или нѣтъ?

Орестъ.

Слушай, съ чего начались мои безконечныя страданія. Когда я отмстилъ за преступленье матери,—о которомъ я считаю нужнымъ умолчать—я скитался, преслѣдуемый эринніями, пока Аполлонъ не велѣлъ мнѣ идти въ Аѳины на судъ съ богинями, которыхъ избѣгаютъ называть по имени *), такъ какъ тамъ находится судилище, установленное нѣкогда Зевсомъ для Арея за совершенное послѣднимъ убійство. Съ перваго же дня моего пріѣзда туда, никто изъ знакомыхъ не хотѣлъ принимать меня у себя, какъ проклятаго богами, а тѣ, кто былъ сострадательнѣе, садились каждый за отдѣльный столъ, хотя жили подъ одной кровлей. Вино пили они, наливая каждому поровну, въ его собственный кубокъ; своимъ молчаніемъ они не давали говорить и мнѣ, чтобы я не принималъ общенія въ ихъ ѣдѣ и питьѣ. Я не хотѣлъ упрекать хозяевъ и страдалъ молча, дѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаю, а самъ глубо-

ко вздыхалъ, раскаяваясь, что убилъ мать. Мнѣ говорили, что въ память моего униженія аѳиняне учредили празднество,—«праздникъ кубковъ»—справляемый въ Аѳинахъ до сихъ поръ. Когда я пришелъ на посвященный Арею холмъ, явился предъ судомъ, я всталъ на одинъ изъ камней, на другомъ помѣстилась старшая изъ эриннiй. Когда я сказалъ рѣчь и выслушалъ противную сторону, Аполлонъ спасъ меня своимъ заступничествомъ. Аѳина собственноручно считала число голосовъ. Ихъ оказалось по-ровну, и я былъ оправданъ уголовнымъ судомъ по обвиненiю въ убiйствѣ. Тѣ изъ моихъ судей—эриннiй, которыя остались довольны приговоромъ, заявили о своемъ желанiи имѣть возлѣ судилища свой храмъ, но оставшiяся недовольными рѣшенiемъ не переставали неотвязно преслѣдовать меня, пока я не бѣжалъ снова въ Дельфы, простерся у входа въ святилище, отказываясь отъ пищи и поклявшись умереть на мѣстѣ, если Аполлонъ, виновникъ моей гибели, не спасетъ меня. Тогда Аполлонъ обратилъ ко мнѣ свои слова съ золотого треножника и велѣлъ мнѣ идти сюда, взять упавшую съ неба статую богини и перевезти въ Аѳины. Помоги мнѣ сдѣлаться счастливымъ, какъ онъ обѣщалъ мнѣ: если статуя богини будетъ у насъ въ рукахъ, я вылечусь отъ безумiя и перевезу тебя опять въ Микены на своемъ многовесельномъ кораблѣ. Милая, дорогая сестра, спаси отцовскiй домъ, спаси меня: если мы не добудемъ упавшей съ неба статуи богини, весь нашъ домъ, всѣ потомки Пелопа погибнутъ!..

Х о р ъ.

Лютый гнѣвъ боговъ обрушился на родъ Тантала и посылаетъ ему бѣду за бѣдой.

И ф и г е н і я.

Когда тебя не было еще здѣсь, мнѣ хотѣлось уѣхать въ Аргосъ и повидаться съ тобою, мой братъ. Я желаю того же, что и ты: избавить тебя отъ страданiй и вернуть блескъ несчастному дому отца, простить своему убiйцѣ. Если оба мои желанія исполнятся разомъ,

и ты дабудешь статую, и увезешь меня на своемъ корабле съ его красивою кормою, мое опасное предпріятіе удастся, но, если мнѣ въ этомъ не будетъ успѣха, и я погибну, все же хоть ты благополучно вернешься домой, позаботившись о себѣ,—мои руки не обагрятся въ твоей крови, и нашъ родъ будетъ спасенъ. Боюсь, какъ скрыться мнѣ отъ богини, боюсь и царя,—а вдругъ—да онъ войдетъ и увидитъ одно пустое подножіе каменной статуи: какъ спасусь я тогда отъ смерти? Что сказать мнѣ въ свое оправданье? Но я не боюсь ничего: спасши тебя, я не буду дорожить своей жизнью,—жаль, когда въ семьѣ умираетъ мужчина, жизнь женщины—дешева.

Орестъ.

Убійца матери, я не желаю стать и твоимъ убійцей, довольно ея крови. Съ тобою хочу я жить, съ тобою и умереть. Если меня не убьютъ здѣсь, я увезу тебя на родину, или умру съ тобою вмѣстѣ. Слушай, что я думаю: могъ ли бы Аполлонъ устами своего оракула приказать мнѣ перевезти статую богини въ Аѳины, устроить свиданіе съ тобою, еслибъ этого не желала Артемида? Принявъ все это во вниманіе, я надѣюсь вернуться домой.

Ифигенія.

Какъ бы устроить намъ, чтобы и самимъ остаться въ живыхъ и взять то, что мы хотимъ. Въ этомъ-то и состоитъ вся трудность возвращенія нашего въ отечество. Нужно подумать на счетъ этого.

Орестъ.

Не убить ли намъ царя?

Ифигенія.

Что ты?—Гостямъ убивать хозяевъ?!.

Орестъ.

Слѣдуетъ прибѣгнуть и къ этой мѣрѣ, разъ она спасетъ и тебя, и меня.

Ифигенія.

Нѣтъ, я не согласна, хотя и хвалю твою смѣлость.

Орестъ.

А что, если бы ты спрятала меня здѣсь, въ храмѣ?

Ифигенія.

Чтобы мы могли бѣжать ночью?

Орестъ.

Ворамъ—ночь, честнымъ людямъ—день.

Ифигенія.

Въ храмѣ есть сторожа, они увидятъ насъ.

Орестъ.

Увы, мы пропали! Какъ же намъ спастись?

Ифигенія.

Мнѣ кажется, я нашла новое средство.

Орестъ.

Какое? Объясни мнѣ, въ чемъ оно состоитъ.

Ифигенія.

Я пущусь на хитрость, воспользовавшись тѣмъ, что ты страдаешь припадками безумія...

Орестъ.

О, да, женщина хитра!..

Ифигенія.

Скажу, что ты бѣжалъ изъ Аргоса, какъ матереубійца.

Орестъ.

Пользуйся моимъ несчастіемъ, если это тебѣ выгодно.

Ифигенія.

Скажемъ, что тебя нельзя принести въ жертву богинѣ.

Орестъ.

Почему?.. Я начинаю догадываться...

Ифигенія.

Ты проклятъ, а я могу приносить въ жертву только чистое.

Орестъ.

Но развѣ, благодаря этому, мы можемъ легче добыть статую?

Ифигенія.

Я заявлю о своемъ желаніи очистить тебя въ морской водѣ.

Орестъ.

Но статуя, ради которой мы пріѣхали, все-же останется въ храмѣ?

Ифигенія.

Я скажу, что необходимо омыть и ее подъ тѣмъ предлогомъ, что ты прикасался къ ней.

Орестъ.

Гдѣ именно?—Не въ заливѣ ли думаешь ты сдѣлать это?

Ифигенія.

Тамъ, гдѣ стоитъ привязанный канатами твой корабль.

Орестъ.

Кто-жъ понесетъ статую, ты или другой кто?

Ифигенія

Я—прикасаться къ ней имѣю право одна я.

Орестъ.

Какое-же участіе будетъ принимать въ нашемъ планѣ онъ—Пиладъ?

Ифигенія.

Я объявляю, что онъ такой же убійца, какъ и ты.

Орестъ.

Ты сдѣлаешь это тайно отъ царя или съ его вѣдома?

Ифигенія.

Я уговорю его,—дѣйствовать отъ него скрытно мнѣ нельзя.

Орестъ.

Что же касается до корабля, то онъ стоитъ наготовѣ; гребцы на немъ отличные.

Ифигенія.

Устроить остальное—твое дѣло.

Орестъ.

Нужно только, чтобы (показывая на хоръ) онѣ не разболтали объ этомъ. Попроси ихъ, уговори—женщины мастерицы возбуждать къ себѣ состраданіе. Остальное, надѣюсь, уладится.

Ифигенія (хору).

Милыя, къ вамъ обращаюсь я. Моя судьба въ вашихъ рукахъ, отъ васъ зависитъ, сдѣлать-ли меня счастливой, или погубить, лишивъ меня родины, дорогого брата, любимой сестры. И вотъ съ чего начну я: мы женщины, а женщины стоятъ одна за другую и строго хранятъ свои общія тайны. Молчите, что я хочу бѣжать, и помогите мнѣ. Хорошо, если у кого не болтливый языкъ. Вы видите, одна и таже судьба ждетъ троихъ любящихъ,—или возвращеніе домой, или смерть. Но спасусь я—и вы раздѣлите мое счастье: я возьму васъ съ собой въ Грецію. (Подходитъ къ нѣкоторымъ женщинамъ хора). Заклинаю тебя твоею правою рукою и тебя, и тебя, тебя заклинаю твоею щекой, тебя—твоими колѣнами и тѣмъ, дороже чего нѣтъ у тебя въ домѣ, твоею матерью, отцомъ, дѣтьми, у кого изъ васъ есть они!.. Что вы отвѣтите мнѣ?.. Кто изъ васъ согласенъ исполнить мою просьбу, кто нѣтъ?.. Если вы откажете мнѣ, я и бѣдный мой братъ—погибли!..

Хоръ.

Смѣлѣй, добрая госпожа, заботься только о своемъ спасеніи,—мы не выдадимъ твоей тайны, свидѣтель могучій Зевсъ.

Ифигенія.

Будь благословенны ваши слова, будьте счастливы!.. (Обращаюсь къ Оресту и Пиладу). Вамъ пора идти въ храмъ,—скоро придетъ нашъ царь справиться, принесены ли иностранцы въ жертву. (Орестъ и Пиладъ уходятъ). Богиня, спасшая меня въ заливѣ Авлиды отъ грозной руки отца, убивавшаго свою дочь, спаси и нынѣ меня и ихъ, или, благодаря тебя, люди перестанутъ вѣрить предсказаньямъ Аполлона. Обитать здѣсь недостойно тебя, когда ты можешь жить въ счастливомъ городѣ. Переселись же, полная милости, изъ чужой тебѣ страны въ Аѳины!.. (Уходитъ).

(*Алексѣевъ*, стр. 26—39).

Остроумный планъ бѣгства, придуманный Ифигеніей, по началу удается, какъ нельзя лучше: нисколько не подозрѣвая обмана, царь Тавриды Ѳоантъ охотно разрѣшаетъ жрицѣ совершить въ уединенномъ мѣстѣ моря мнимый по-существу обрядъ очищенія статуи Артемиды и предназначенной ей человѣческой жертвы, а грекамъ только и нужно было добиться такого позволенія: придя на морской берегъ, близъ котораго стоялъ ихъ корабль, они дружно и ловко садятся на послѣдній и быстро пускаются въ путь, но тутъ то и произошло несчастіе: внезапно поднявшійся сильный вѣтеръ погналъ судно обратно къ ненавистному берегу; этимъ воспользовались люди Ѳоанта, чтобы забрать бѣглецовъ, а одинъ изъ рабовъ поспѣшилъ къ царю съ подробнымъ донесеніемъ обо всемъ случившемся и съ просьбою поскорѣе помочь слугамъ окончательно захватить обманщиковъ. Уже царь отдавалъ приказаніе подданымъ завладѣть остатками разбитаго греческаго корабля и переловить нечестивцевъ для соотвѣтствующаго наказанія и грекамъ уже угрожала неизбѣжная кара, какъ появившаяся въ воздухѣ Аѳина властно повелѣла Ѳоанту прекратить напрасное преслѣдованіе бѣжавшихъ и отпустить домой рабынь гречанокъ; Оресту построить въ Арафенидскихъ Галахъ на восточномъ берегу Аттики къ Ю. В. отъ Аѳинъ храмъ въ честь Артемиды, помѣстивъ

въ немъ взятую статую богини съ наименованіемъ ея «Артемидой Таврической» и установивъ въ честь ея обрядъ добыванія нѣскольких капель человѣческой крови путемъ надрѣзыванія ножемъ кожи на тѣлѣ, и Ифигеніи быть до смерти жрицей Артемиды на высотахъ Бравронa (близъ нынѣшней Враоны). Ѳоантъ безпрекословно подчиняется велѣнію свыше, и Аѳина, одобряя его покорность, рѣшается сама сопровождать сына Агамемнона въ Аѳины, охраняя священную статую своей сестры. Хоръ желаетъ счастливо обрѣтшимъ спасеніе благополучнаго пути и, высказывая неизмѣнную готовность исполнить волю Паллады, проситъ богиню Побѣды охранять его въ жизни и не переставать вѣнчать его побѣднымъ вѣнкомъ.

Въ трагедіи «Вакханки», содержаніе которой заимствовано изъ миѳологическихъ преданій о странствованіяхъ Діониса, Эврипидъ, какъ-бы въ противовѣсъ другимъ своимъ драматическимъ произведеніямъ, старается показать необходимость признанія установившихся религіозныхъ вѣрованій и опасность всякаго рода сомнѣній и колебаній въ области религіи. Въ длинномъ вступительномъ монологѣ Діонисъ объясняетъ, что онъ превратился изъ бога въ человѣка и явился въ Ѳивы, чтобы заставить населеніе этого города признавать его, какъ настоящаго бога, а также наказать своихъ противниковъ, Ѳиванскаго царя Пентея и дочерей его дѣда Кадма. Приказавъ своимъ спутницамъ, азіатскимъ вакханкамъ подойти къ дворцу Пентея и бить во фригійскіе тимпаны, онъ самъ удаляется на склоны Киѳерона съ цѣлію принять тамъ участіе въ хороводахъ ѳиванскихъ вакханокъ. Во исполненіе воли бога, его азіатская свита поётъ гимнъ, въ которомъ восхваляетъ людей, живущихъ съ богами, говоритъ о рожденіи Діониса, приглашаетъ ѳиванцевъ праздновать вакханаліи, изображая самое совершеніе послѣднихъ. Между тѣмъ къ царскимъ чертогамъ подходитъ въ сопровожденіи рабы старикъ гадатель Тирцій и, вызвавъ Кадма, отправляется вмѣстѣ съ нимъ въ гору водить хороводы. Дорогою старики встрѣчаютъ Пентея, который грозитъ тюрьмою и же-

лѣзными цѣпями всѣмъ участницамъ вакханалій, а самому Діонису, по его понятію, колдуну, фокуснику, позорной смертной казнію. Замѣтивъ старцевъ въ пестрыхъ праздничныхъ облаченіяхъ, царь набрасывается съ обвиненіями на Тирція, но тотъ спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, выясняетъ ему всю несообразность идти наперекоръ богу и совѣтуетъ во всёмъ подчиниться божественному велѣнію. Вполнѣ благоразумное предложеніе Тирція съ настойчивостію поддерживаетъ и его спутникъ Кадмъ, что еще болѣе растроиваетъ ихъ противника: въ сильномъ раздраженіи Пентей приказываетъ одному изъ своихъ рабовъ переломать всё въ домѣ гадателя, а остальнымъ слугамъ отыскивать мнимаго иностранца и въ цѣпяхъ привести его сюда— къ царю, чтобы потомъ побить его камнями Не находя возможности вести далѣе бесѣду съ разгнѣваннымъ повелителемъ, старцы продолжаютъ свой путь за городъ, а хоръ азіатскихъ вакханокъ призываетъ въ свидѣтельницы богохульства Пентея богиню Благочестія, высказывается о неравной участи глупцовъ и умныхъ и, выражая свое желаніе рано или поздно побывать въ священныхъ мѣстахъ Афродиты и музъ, съ похвалой отзывается о Діонисѣ. На сценѣ появляются посланные Пентеемъ рабы со связаннымъ Діонисомъ.

Рабъ. Мы, здѣсь, Пентей, съ добычей, за которой ты насъ послалъ. И не напрасно мы ходили на охоту. Звѣрь не сопротивлялся и не убѣгалъ,—охотно и безъ страха отдался намъ въ руки. Румяныя щеки его не измѣнились; съ улыбкой на устахъ, онъ велѣлъ связать себя и увести; самъ оставался спокойнымъ и тѣмъ облегчилъ намъ трудъ. Тогда я, пристыженный, сказалъ: «Иноземецъ, не по своей волѣ я веду тебя, но по приказанію пославшаго меня Пентея. Вакханки, которыхъ ты поймалъ и, заковавши, бросилъ въ темницу, бѣжали оттуда, свободно пляшутъ въ рощахъ, прославляя бога Бромія Сами собою у нихъ спали съ ногъ оковы, открылись запоры у дверей—безъ участія человѣческой руки. Много чудесъ творитъ этотъ человѣкъ въ нашемъ городѣ. Остальное дѣлай, царь, какъ хочешь.

Пентей.

Развяжите ему руки: отсюда, изъ замка, онъ не уйдетъ, какъ ни проворенъ. Ну, чужеземецъ, красивая наружность твоя, разумѣется, прельщаетъ женщинъ, для чего ты и пришелъ въ наши Ѳивы Такъ, твои длинные волосы, раскинувшіеся, конечно, не отъ горя вокругъ щекъ, полны прелести, да и кожа у тебя бѣла не отъ солнечныхъ лучей, а отъ тѣни, подъ которой ты прельщаешь возлюбленныхъ. Прежде всего, скажи мнѣ, откуда ты родомъ?

Діонисъ.

Это сказать легко; тутъ не требуется напыщенности. Можетъ, ты слыхалъ о цвѣтистомъ Тмолѣ?

Пентей.

Знаю эту гору; она расположена вокругъ Сардъ.

Діонисъ.

Оттуда я Лидія—мое отечество.

Пентей.

Откуда же вносишь ты въ Елладу священныя празднества?

Діонисъ.

Сынъ Зевса Діонисъ, научилъ меня имъ.

Пентей.

Неужели существуетъ какой нибудь другой Зевсъ, рождающій намъ новыхъ боговъ?

Діонисъ.

Нѣтъ, тотъ самый, который сочетался бракомъ съ Семелою.

Пентей.

Во снѣ, или на яву онъ настроилъ тебя къ этому?

Діонисъ.

Совершенно на яву: онъ самъ передалъ мнѣ оргіи.

Пентей.

А какой смыслъ имѣютъ эти оргіи?

Діонисъ.

Высказывать это людямъ непосвященнымъ въ таинства Вакха не дозволено.

Пентей.

Какую пользу доставляютъ онѣ участвующимъ?

Діонисъ.

Тебѣ нельзя этого узнать, а стоило бы.

Пентей.

Ловко подстрекаешь ты мое любопытство!

Діонисъ.

Оргіи бога отвергаютъ нечестивца.

Пентей.

И такъ, ты говоришь, что видѣлъ бога. Каковъ же онъ?

Діонисъ.

Такимъ, какимъ онъ самъ захотѣлъ быть. Я не приказывалъ ему являться мнѣ въ томъ или другомъ видѣ.

Пентей.

Опять и это искусно обошелъ ты и ничего не сказалъ.

Діонисъ.

Дураку кажется глупымъ и мудро говорящій.

Пентей.

Сюда ли ты съ своимъ новымъ богомъ пришелъ въ первый разъ?

Діонисъ.

Нѣтъ, уже всѣ варвары празднуютъ плясками мои оргіи.

П е н т е й.

Потому что они глупѣе еллиновъ.

Д і о н и с ъ.

Напротивъ, въ этомъ они умнѣе; только нравы
их ъ иные.

П е н т е й.

Ночью или днемъ совершаешь ты празднества?

Д і о н и с ъ.

Преимущественно ночью, —та темнота священна

П е н т е й.

Но это опасно и гибельно для женщинъ.

Д і о н и с ъ.

Да вѣдь и днемъ совершають безчинство.

П е н т е й.

Тебя должно наказать за эти подлыя выдумки.

Д і о н и с ъ.

А тебя за непочтеніе къ божеству и невѣжество.

П е н т е й (въ сторону).

Какъ смѣлъ однако этотъ Вакхъ и искусенъ въ
словопреніяхъ!

Д і о н и с ъ.

Скажи же, наконецъ, что я долженъ претерпѣть?
Какой подвергнуться бѣдѣ?

П е н т е й.

Прежде всего, я обрѣжу твои прелестныя кудри.

Д і о н и с ъ.

Но волосы эти священны—я посвятилъ ихъ богу.

П е н т е й.

Потомъ передай мнѣ тирсъ, который держишь въ
рукахъ.

Д і о н и с ъ.

Самъ возьми его у меня!—Это даръ Діониса.

П е н т е й.

Тебя же мы будемъ содержать въ тюрьмѣ.

Д і о н и с ъ.

Меня освободитъ самъ богъ, когда я захочу.

П е н т е й.

Когда, среди вакханокъ, ты будешь взывать къ нему!..

Д і о н и с ъ.

И теперь, вблизи, онъ видитъ, что я терплю.

П е н т е й.

Но гдѣ же онъ?—Вѣдь мои глаза не видятъ его.

Д і о н и с ъ.

Подлѣ меня. Ты не видишь его, потому что нечестивъ.

П е н т е й.

Возьмите-ка его!—Онъ не уважаетъ ни меня, ни ѳиванцевъ.

Д і о н и с ъ (обращается къ рабамъ).

Благоразумно совѣтую вамъ, безумцамъ, не вязать меня.

П е н т е й.

Но приказываю вамъ: вяжите дерзкаго! Вѣдь я сильнѣе его.

Д і о н и с ъ.

Ты не знаешь, зачѣмъ живешь, и не вѣдаешь, кто ты.

П е н т е й.

Я—Пентей, сынъ Ехіона и Агавы.

Д і о н и с ъ.

Самимъ названіемъ способенъ ты навлекать несчастіе.

П е н т е й.

Ступай прочь! Привяжите его къ яслямъ въ темной конюшнѣ, чтобы онъ не видѣлъ свѣта. Тамъ попляши! Твоихъ соучастницъ въ злодѣяніяхъ мы продадимъ въ рабство, или, лишивши ихъ удовольствія производить руками шумъ и барабанить, я посажу ихъ за ткацкіе станки.

Д і о н и с ъ.

Уйду. Къ чему не вынуждаетъ судьба, того вовсе не слѣдуетъ терпѣть. Діонисъ непремѣнно накажетъ тебя за оскорбленія, которыя ты наносишь ему. Вѣдь, налагая оковы на меня, ты оскорбляешь божество. (Діониса уводятъ. Пентей слѣдуетъ за нимъ).

(*П. Канончукъ*).

Послѣ краткой бесѣды хора съ Діонисомъ, въ которой божество сначала невидимо, а потомъ и наяву подбадриваетъ упавшихъ было духомъ вакханокъ, предъ зрителями снова выступаетъ ѳиванскій владыка.

П е н т е й (выбѣгая на сцену).

Какое несчастье для меня!—Иностранецъ, котораго я только что приказалъ сковать, убѣжалъ. (Всматриваясь въ Діониса). А—а, да вотъ онъ!.. Что такое?—Какимъ образомъ очутился ты на дворѣ передъ моимъ дворцомъ, войдя въ него?

Д і о н и с ъ.

Остановись и успокойся.

П е н т е й.

Какимъ образомъ ты снялъ съ себя оковы и бѣжалъ?

Д і о н и с ъ

Развѣ я не сказалъ тебѣ, развѣ ты не слыхалъ отъ меня, что меня освободятъ?

П е н т е й.

Кто? Ты говоришь все загадками.

Д і о н и с ъ.

Тотъ, кто даровалъ людямъ богатую гроздьями виноградную лозу.

П е н т е й.

Этимъ ты не оскорбилъ Діониса, напротивъ, хорошо отозвался о немъ.

Д і о н и с ъ . . . . . . *).

П е н т е й.

Запереть кругомъ всѣ ворота!

Д і о н и с ъ.

Къ чему?—Развѣ боги не перешагнутъ хоть бы даже черезъ стѣну?

П е н т е й.

Уменъ, уменъ ты, только не тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть умнымъ.

Д і о н и с ъ.

Я уменъ, въ особенности, тамъ, гдѣ нужно. (Увидѣвъ вѣстника). Выслушай его и узнай, что онъ скажетъ. Онъ къ тебѣ съ вѣстями съ горы, а я останусь здѣсь; не убѣгу.

М. Соколовъ.

Продолженіе будетъ.

---

*) Въ текстѣ пропускъ.

Элементарная грамматика старо-церковно-славянскаго языка *).

Морфологія.

§ 23. Составныя части слова. Составными частями слова являются корень, приставка, суффиксъ и флексія.

Корень. Корнемъ называется сочетаніе звуковъ, отъ котораго зависитъ вещественное значеніе слова. Остальныя части слова опредѣляютъ формальное значеніе слова, хотя могутъ вліять и на вещественное значеніе.

Корень отыскивается путемъ сравненія слова съ другими словами, близкими къ нему по значенію: напр., изъ сопоставленія словъ: нес-ешн, нес-тн, нес-омъ, принес-еннк, опредѣляется корень этихъ словъ нес-. При опредѣленіи корня необходимо, по возможности, возстановлять первоначальные звуки корня: такъ, напр., опредѣляя корень слова приношеннк, мы, имѣя въ виду, что о является въ данномъ случаѣ усиленіемъ є и что ш представляетъ собою смягченіе зубного свистящаго с, находимъ, что корень разбираемаго слова—нес-. Наиболѣе успѣшно можно опредѣлять корни, если сличать слова, подвергаемыя разбору, не только съ другими словами того же языка, но и со словами родственныхъ языковъ. Обыкновенно думаютъ, что корень представляетъ собою слогъ. Это, повидимому, справедливо относительно первоначальнаго вида корня. Но корень, какъ и другія части слова, подвергается измѣненіямъ, удаляющимъ его отъ первоначальнаго вида. При этомъ замѣчается слѣдующее:

---

*) Оконч. См. III в. 1908 г.

1) Корень часто не совпадаетъ со слогомъ слова, составляясь изъ отдѣльныхъ частей рядомъ стоящихъ слоговъ: напр., въ словѣ въꙁьмѫ корень ьм- составленъ изъ гласнаго звука второго слога и согласнаго звука третьяго слога.

2) Корень можетъ имѣть болѣе одного слога: напр., въ словѣ город-ъ, гдѣ, благодаря полногласію, односложный корень превратился въ двухсложный.

3) Отъ корня съ теченіемъ времени можетъ остаться одинъ согласный звукъ: напр., въ словѣ *пришла* отъ корня шьд- остался только одинъ согласный ш. Вслѣдствіе такого исчезновенія звуковъ отъ первоначальнаго корня можетъ ничего не остаться, а на мѣсто его можетъ быть выдвинута другая часть слова, напр., приставка или суффиксъ.

Корни первоначально имѣютъ конкретное (предметное) значеніе, изъ котораго впослѣдствіи можетъ развиться значеніе абстрактное (отвлеченное): напр., слово брѣгъ (бєрєгъ) съ конкретнымъ значеніемъ земли, примыкающей къ рѣкѣ и возвышающейся надъ ней, а потому предохраняющей прилегающіе къ рѣкѣ предметы отъ разрушительнаго дѣйствія воды, дало абстрактное значеніе, выразившееся въ глаголѣ брѣгѫ (бєрєгꙋ).

Опредѣленіе корней имѣетъ важное значеніе для установленія родства языковъ, такъ какъ далеко не всегда отдѣльныя слова извѣстнаго языка совпадаютъ во всѣхъ своихъ частяхъ со словами родственныхъ языковъ: напр., въ словѣ ѫꙁ-ък-ъ корень совпадаетъ съ корнемъ латинскаго слова angustus, а суффиксы различны.

Приставка. Приставкой называется часть слова, стоящая передъ корнемъ: съ-бьр-ати, въꙁ-ѧ-ти.

Суффиксъ. Суффиксомъ называется неизмѣняемая часть окончанія, стоящаго послѣ корня: блаж-єн-и.

Флексія. Флексіей называется измѣняемая часть окончанія, стоящая послѣ суффикса: вид-и-ши, вид-и-ть.

Приставки, суффиксы и флексіи нѣкогда представляли собою самостоятельные корни и имѣли конкретное значеніе. Хорошее доказательство этого представляютъ итальянскія нарѣчія въ родѣ fieramente (франц. fierement,=гордо). Въ приведенномъ словѣ окончаніе mente теперь имѣетъ такое же значеніе, какъ окончаніе **о** въ русскомъ словѣ *гордо*. Но нѣкогда это mente было творительнымъ падежомъ един. числа отъ сущ. mens, -tis (умъ), и поэтому fieramente буквально значило *гордымъ умомъ* (съ гордымъ умомъ).

Какъ опредѣляется родство корней въ родственныхъ языкахъ, такъ опредѣляется родство приставокъ, суффиксовъ и флексій: напр., оказывается, что приставка **прѣ** (пере) одного происхожденія съ латин. предлогомъ per, суфф. -ьск- одного происхожденія съ греч. суфф. -ισκ-, флексія имен. пад. множ. числа 1-го склоненія -и (ѣ) по происхожденію однородна съ греч. флексіей οι, латин. i, флексія ѫ=латин. am и т. п.

При выдѣленіи приставокъ, суффиксовъ и флексій слѣдуетъ, какъ и при выдѣленіи корня, сравнивать разлагаемое слово съ другими словами: напр., сравнивая слова *подвигъ* и *двигать*, мы находимъ, что въ первомъ словѣ приставка **по**, а не **под**-, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ (подвязать, подкопать).

Основа. Основа, или тема, есть часть слова, входящая въ основаніе склоненія или спряженія, другими словами, все слово за исключеніемъ флексіи: напр., **пооучениѥ**, основа **пооучен**-, **видѣти**, основа **видѣ**-. Гласный, на который оканчивается тема, называется тематическимъ гласнымъ: напр., въ неопред. наклоненіи **видѣти** тематическій гласный **ѣ**. Иногда прежніе тематическіе гласные, которые входили въ составъ суффиксовъ, въ современномъ языкѣ переходятъ въ составъ флексій: напр., въ современномъ русскомъ языкѣ въ формѣ *волкомъ* второй звукъ **о** принадлежитъ къ

флексіи, тогда какъ нѣкогда онъ былъ тематическимъ гласнымъ и входилъ въ составъ суффикса.

Дѣленіе словъ по составу. По составу слова дѣлятся на первообразныя (коренныя), производныя, простыя и сложныя.

Первообразными называются слова, имѣющія только корень и флексію: стол-ъ. вод-а.

Производными называются слова, имѣющія кромѣ корня и флексіи еще и другія части (приставки и суффиксы): по-бѣд-а, вѣр-ьн-ъ, по-пьр-а-н-о.

Простыми называются слова, имѣющія одинъ корень съ вещественнымъ значеніемъ: таковы всѣ приведенныя только что слова.

Сложными называются слова, имѣющія два корня съ вещественнымъ значеніемъ: водо-носъ, слѣпорожденъ. То, что обыкновенно называется въ этихъ словахъ соединительнымъ гласнымъ, есть не что иное, какъ тематическій гласный звукъ, иногда ослабленный (водо- изъ вода).

Слова съ флексіями, дѣлаясь неизмѣняемыми частями рѣчи, сначала доступны для разложенія: въ нихъ можно отдѣлить то, что было флексіей, отъ суффикса, корня и приставки: напр., вьс-ѫү-ьск ы. Но потомъ, по мѣрѣ того, какъ звуки стираются, разложеніе слова становится все болѣе и болѣе труднымъ, и въ концѣ концовъ получаются такія слова, какъ напр., союзъ и, опредѣленіе состава котораго невозможно.

Этимологія.

Имя существительное и краткое (безчленное) прилагательное.

§ 24 Темы склоненій. Темы склоненій именъ существительныхъ с.-ц.-слав. языка оканчивались на гласные и

согласные звуки. Тематическіе гласные склоненій въ дославянскомъ языкѣ были слѣдующіе: ā, ă, ў и и При выдѣленіи славянскаго языка въ особую семью эти гласные ослабились по приведенной выше таблицѣ:

ā ← а ← о ← ъ → ы → у
↑
є ← ь → и

Тематическіе гласные дославянскаго языка.	Ослабленіе ихъ въ слав языкѣ.	Распредѣленіе по склоненіямъ.
ă	о ъ	I склоненіе
ў	ъ	
ā	а	II склоненіе
и	ь	III склоненіе.

Примѣчаніе. Тема на ă иначе называется темой на о, а тема на ў—темой на ъ.

Примѣры:

Санскр. vṛkas, ст.-ц.-слав. влъкъ
„ juga, „ иго
„ sūnu, „ сынъ
„ vidhavā, „ вьдова
Латин. noctis, „ нощть.
Литов. nactis,

Согласныя темы были слѣдующія:

Окончаніе темы.	Окончаніе имен. пад.	ОБРАЗЦЫ.
ен	А	имѧ имене
ѧт	ѧ	орьлѧ орьлѧте
ен	ы	камы камене
ъв	ы	цръкы цръкъве
ер	и	мати матере
ес	о	небо небесе

§ 25. Первое и второе склоненія кромѣ твердыхъ окончаній, равняющихся приведеннымъ выше ослабленнымъ тематическимъ гласнымъ, имѣютъ еще мягкое окончаніе, которое образуется изъ твердаго съ предшествующимъ j.

j+ъ даетъ ь, а послѣ гласныхъ и.
j+о „ є
j+а „ ꙗ (см. § 9).

Такимъ образомъ въ составъ I склоненія входятъ 1) имена существительныя темы ӑ муж. рода, оканчивающіяся на ъ, ь и и и средняго рода, оканчивающіяся на о и є и 2) существительныя темы ў, оканчивающіяся на ъ. Въ составъ II склоненія входятъ имена существительныя женскаго рода темы ā, оканчивающіяся на а и ꙗ. Въ со-

ставъ III склоненія входятъ имена существительныя мужескаго и женскаго рода темы и, оканчивающіяся на ь. Къ IV склоненію относятся существительныя съ темой на согласный звукъ.

Имена прилагательныя краткія (безчленныя) склонялись, какъ существительныя I (темы ă) и II склоненія. Это объясняется тѣмъ, что первоначально не было различія между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ: сравн. *воронъ* (имя существ., обозначающее извѣстную птицу) и народное *воронъ конь*, гдѣ *воронъ* употреблено, какъ имя прилагательное вмѣсто *вороной*. Число прилагательныхъ краткихъ съ теченіемъ времени увеличивается прибавленіемъ къ первообразнымъ, какъ вранъ (воронъ), еще производныхъ. Послѣднія образуются прежде всего при помощи суффикса j: вельбждь изъ вельбжд-jъ. За этими прилагательными слѣдуютъ прилагательныя съ суффиксами: ак, ик, ок, ьн, ък, ок, ьск- и т. п.

Главнѣйшими отличіями ст.-ц.-славянскихъ склоненій отъ современныхъ русскихъ являются: 1) особое окончаніе для звательнаго падежа, 2) двойственное число и 3) мѣстный падежъ. Формы двойственнаго числа обозначали два предмета: напр., влъкл=два волка. Мѣстный падежъ, который въ соврем. русскомъ называется предложнымъ, такъ какъ не можетъ употребляться безъ предлога, въ ст.-ц.-славянскомъ и др.-русскомъ языкахъ употреблялся безъ предлога и обозначалъ мѣсто, отвѣчая на вопросъ: гдѣ? Впрочемъ при немъ встрѣчались, какъ и теперь, предлоги.

Кромѣ указанныхъ различій есть также различія въ звукахъ флексій.

§ 26. Первое склоненіе.

Тема ă.

Твердое окончаніе. Мужескій родъ.

	Един. число.	Множ. число.
И.	влък-ъ ѕъл-ъ	влъц-и (ѣ) ѕъл-и
З.	влъч-е ѕъл-ъ (е)	влъц-и ѕъл-и
В.	влък-ъ ѕъл-ъ	влък-ы ѕъл-ы
Р.	влък-а ѕъл-а	влък-ъ ѕъл-ъ
Д.	влък-оу ѕълоу	влък-омъ ѕъл-омъ
Т.	влък-ъмь (омь) ѕъл-ъмь	влък-ы ѕъл-ы
М.	влъц-ѣ ѕъл-ѣ	влъц-ѣхъ ѕъл-ѣхъ

Двойствен. число.

И. В. Д. влък-а ѕъл-а Р. М. влък-оу ѕъл-оу Д. Т. влък-ома ѕъл-ома.

Средній родъ.

	Един. число.		Множ. число.	
И. З. В.	мѣст-о	ѕлачьн-о	мѣст-а	ѕлачьн-а
Р.	мѣст-а	ѕлачьн-а	мѣст-ъ	ѕлачьн-ъ
Д.	мѣст-оу	ѕлачьн-оу	мѣст-омъ	ѕлачьн-омъ
Т.	мѣст-ъмь [омь]	ѕлачьнъмь	мѣст-ы	ѕлачьн-ы
М.	мѣст-ѣ	ѕлачьн-ѣ	мѣст-ѣхъ	ѕлачьн-ѣхъ.

Двойствен. число.

И. В. З. мѣст-ѣ ѕлачьн-ѣ Р. М. мѣст-оу ѕлачьн-оу Д. Т. мѣст-ома ѕлачьн-ома.

Тема ŷ.

Твердое склоненіе. Мужескій родъ.

Един. число.	Множ. число.	Двойств. число.
И. сын-ъ	сын-ове	И. В. З. сын-ы
З. сын-оу	сын-ове	Р. М. сын-оу
В. сын-ъ	сын-ы	Д. Т. сын-ъма.
Р. сын-оу	сын-овъ	
Д. сын-ови	сын-ъмъ	
Т. сын-ъмь	сын-ъми	
М. сын-оу	сын-ъхъ.	

Существительныя темы ŷ, сперва существовавшія самостоятельно, впослѣдствіи смѣшались съ существительными темы ӑ: напр., отъ Бог-ъ стали образовать дат. пад. ед. ч. Бог-ови, хотя это существительное относится къ темѣ ӑ; съ другой стороны, встрѣчаются формы: сына, сыне, сынѣ вмѣсто сыноу (родит., зват. и мѣстн. падежи ед. числа).

§ 27. Широкимъ гласнымъ звукамъ флексій твердаго склоненія соотвѣтствуютъ въ мягкомъ склоненіи узкіе и йотированные гласные звуки. Соотвѣтствіе слѣдующее:

Твердое склоненіе.		Мягкое склоненіе.
а	соотвѣт.	ꙗ
о	„	є
оу	„	ю
ъ	„	ь
ѫ	„	ѭ
ѣ	„	и
ы	„	ѧ

за исключеніемъ творит. падежа множествен. числа I склон., гдѣ

ы	„	ѧ

Если во флексіяхъ твердаго склоненія находятся узкіе звуки и и є, то они остаются безъ измѣненія и въ мягкомъ склоненіи.

Если флексія падежа имѣетъ два гласныхъ звука, то указанное соотвѣтствіе наблюдается только въ первомъ изъ нихъ, а второй остается безъ измѣненія: напр., омъ—емъ.

Первое склоненіе.

Тема ӑ.

Мягкое окончаніе Мужескій родъ.

	Един. число.		Множ. число.	
И.	оучител-ь	вышьн-ь	оучител-и	вышьн-и
З.	оучител-є(ю)	вышьн-ь	оучител-и	вышьн-и
В.	оучител-ь	вышьн-ь	оучител-ѧ	вышьн-ѧ
Р.	оучител-ꙗ	вышьн-ꙗ	оучител-ь	вышьн-ь
Д.	оучител-ю	вышьн-ю	оучител-емъ	вышьн-емъ
Т.	оучител-ьмь	вышьн-ьмь	оучител-и	вышьн-и
М.	оучител-и	вышьн-и	оучител-ихъ	вышьн-ихъ.

Двойствен. число.

И. В. З. оучител-ꙗ вышьн-ꙗ Р. М. оучител-ю вышьн-ю Д. Т. оучител-ема вышьн-ема.

Примѣчаніе. Конечный ь въ словѣ оучитель=jъ (см. § 9).

Средній родъ.

	Един. число.		Множ. число.	
И. З. В.	мор-є	син-є	мор-ꙗ	син-ꙗ
Р.	мор-ꙗ	син-ꙗ	мор-ь	син-ь
Д.	мор-ю	син-ю	мор-емъ	син-емъ
Т.	мор-ьмь	син-ьмь	мор-и	син-и
М.	мор-и	син-и	мор-ихъ	син-ихъ.

Двойств. число.

И. В. З. мор-и син-и Р. М. мор-ю син-ю
Д. Т. мор-єма син-єма.

Отъ окончаній темы ŭ въ мягкомъ склоненіи сохранились только остатки: царю (зват. п. ед. ч.) кесареви (дат. пад. ед. ч.) и т. п.

§ 28. Второе склоненіе (тема ā).

Твердое окончаніе.

	Единст. число		Множ. число	
И	вод-а	чист-а	вод-ы	чист-ы
З.	вод-о	чист-о		
В.	вод-ѫ	чист-ѫ		
Р.	вод-ы	чист-ы	вод-ъ	чист-ъ
Д.	вод-ѣ	чист-ѣ	вод-амъ	чист-амъ
Т.	вод-оѭ	чист-оѭ [вод-ѫ]	вод-ами	чист-ами
М.	вод-ѣ	чист-ѣ	вод-ахъ	чист-ахъ [19]).

Двойств. число.

И. В. З. вод-ѣ чист-ѣ Р. М. вод-оу чист оу
Д. Т. вод-ама чист-ама.

Мягкое окончаніе.

	Единст. число.		Множ. число.	
И.	ѕемл-ꙗ	господьн-ꙗ	ѕемл-ѩ	господьн-ѧ
З.	ѕемл-ѥ	господьн-є		
В.	ѕемл-ѭ	господьн-ѭ		
Р.	ѕемл-ѩ	господьн-ѧ	ѕемл-ь	господьн-ь
Д.	ѕемл-и	господьн-и	ѕемл-ꙗмъ	господьн-ꙗми
Т.	ѕемл-ѥѭ [лѭ]	господьн-єѭ	ѕемл-ꙗми	господнь-ꙗмъ
М.	ѕемл-и	господьн-и	ѕемл-ꙗхъ	господьн-ꙗхъ.

---

[19]) Въ мѣстномъ падежѣ множ. числа 2-го склоненія х вторичный звукъ, образовавшійся изъ с: вмѣсто вод-ахъ первоначально было вод-асъ (сравн. насъ васъ).

Двойствен. число.

И. В. З. ꙁємл-и господьн-и Р. М. ꙁємл-ю господьн-ю Д. Т. ꙁємл-ꙗма господьн-ꙗма.

Кромѣ именъ существительныхъ на ꙗ по второму мягкому склоненію склоняются еще имена существительныя женск. рода на и, какъ кънѧгыни, поустыни.

§ 29. Третье склоненіе (тема и).

Мужескій родъ.

Един. ч.		Множ. ч.		Двойств. число.	
И.	пѫт-ь	И.	пѫт-иѥ	И. В. З.	пѫт-и
З.	пѫт-и	З.	пѫт-иѥ	Р. М.	пѫт-ию
В.	пѫт-ь	В.	пѫт-и	Д. Т.	пѫт-ьма.
Р. Д. М.	пѫт-и	Р.	пѫт-ии		
		Д.	пѫт-ьмъ (ємъ)		
		Т.	пѫт-ьми		
Т.	пѫт-ьмъ	М.	пѫт-ьхъ (єхъ)		

Женскій родъ.

Един. ч.		Множ. ч.		Двойств. число.	
И.	двьр-ь	И. З. В	двьр-и	И. В. З.	двьр-и
З.	двьр-и			Р. М.	двьр-ию
В.	двьр-ь			Д. Т.	двьр-ьма
Р. Д. М.	двьр-и	Р.	двьр-ии		
		Д.	двьр-ьмъ		
		Т.	двьр-ьми		
Т.	двьр-иѭ	М.	двьр-ьхъ.		

Нѣкоторыя существительныя муж. рода на ь, которыя склоняются по 1-му склоненію, какъ, напр., голѫбь, медвѣдь, гость, первоначально склонялись по 3-му склоненію: конечный звукъ ь въ нихъ представляетъ собою ослабленное и. Если бы это ь=jъ, то приведенныя слова звучали бы голѫбль, медвѣждь, гошть (см. §§ 17 и 18).

§ 30. Четвертое склоненіе. (Тема на согласный звукъ).

Мужескій родъ.

Един. число.	Множ. число.	Двойств. число.
И. камы	И. З. В. камен-є	И. В. З. камен-и
З. камен-и		Р. М. камен-ню[оѵ]
В. камы камен-ь		Д. Т. камен-ьма
Р. камен-є	Р. камен-ъ	
Д. камен-и	Д. камен-ьмъ	
Т. камен-ьмь	Т. камен-ы (ьми)	
М. камен-и	М. камен-ьхъ.	

Женскій родъ.

Един. число.	Множ. число.	Двойств. число.
И. црькы	И. З. В. црькъв-и	И. В. З. црькъв-и
З црькы		Р. М. црькъв-ню
В. црькъв-ь (є)		Д. Т. црькъв-ама.
Р. црькъв-є	Р. црькъв-ъ (ни)	
Д. црькъв-и	Д. црькъв-амъ	
Т. црькъв-нѭ	Т. црькъв-ами	
М. црькъв-и	М. црькъв-ахъ	

Един. число.	Множ. число.	Двойств. число.
И. З. мат-и	И. З. В. матер-и	И. В З. матер-и
		Р. М. матер-оѵ (ню)
В. матер-ь матер-є		Д. Т. матер-ьма.
Р. матер-є	Р. матер-ъ (ни)	
Д. матер-и	Д. матер-ьмъ	
Т. матер-нѭ	Т. матер-ьми	
М матер-и	М. матер-ьхъ	

Среднiй родъ

Един. число.		Множ. число.		Двойств. число.	
И. З. В.	имѧ	И. З. В.	имен-а	И. В. З.	имен-и
Р.	имен-е	Р.	имен-ъ	Р. М.	имен-оу
Д.	имен-и	Д.	имен-ьмъ	Д. Т.	имен-ьма.
Т.	имен-ьмь	Т.	имен-ы		
М.	имен-и	М.	имен-ьхъ		

Во флексіяхъ 4-го склоненія часто наблюдается замѣна ь черезъ е: напр., формы камен-емъ, камен-ехъ, матер-емъ, матер-ехъ, имен-ехъ, имен-ема употребляются вмѣсто камен-ьмъ (дат. мн.), камен-ьхъ, матер-ьмъ, матер-ьхъ, имен-ьма.

§ 31. Мѣстоименія.

Ст.-ц.-славянскія мѣстоименія бываютъ: 1) неразложимыя (напр., и) и 2) разложимыя (напр., къи=къ+и). Кромѣ того они еще дѣлятся на неродовыя и родовыя.

Мѣстоименія неродовыя.

Личныя мѣстоименія.

1-го лица. | *2-го лица.*

	Един. число.	Множ. число.		Един. число.	Множ. число.
И	азъ	мы	И.	ты	вы
Р.	мене	насъ	Р.	теб-е	васъ
Д	мънѣ, ми	намъ	Д.	теб-ѣ	вамъ
В.	мѧ	ны	В	тѧ	вы
Т.	мъноѭ	нами	Т.	тобоѭ	вами
М.	мънѣ	насъ	М.	тебѣ	васъ.

Двойств. число.				Двойств. число			
И.	вѣ	В.	на	Д. М.	ваѫ	Д. Т.	вама
Р. М	наю	Д. Т.	нама	И.	ва, вы	В	ва

Возвратное мѣстоименіе.

И. Р. себе, Д. себѣ, си, В. сѧ, Т. собоѭ, М. себѣ.

Такъ же, какъ и въ родственныхъ языкахъ, ст.-ц.-славянскія личныя мѣстоименія 1 и 2 лица пользуются нѣсколькими корнями (азъ, мы, нами, вѣ).

Мѣстоименія родовыя.

Личное мѣстоименіе 3 лица (оно же и указательное).

Единств. число.

	Муж. р	Жен. р.	Сред. р.
И.	и	ꙗ	ѥ
Р.	ѥго	ѥꙗ	ѥго
Д.	ѥмоу	ѥи	ѥмоу
В.	и (ь)	ѭ	ѥ
Т.	имь	ѥѭ	имь
М.	ѥмь	ѥи	ѥмь.

Множеств число.

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
И.	и	ѩ	ꙗ
Р.	ихъ	ихъ	ихъ
Д.	имъ	имъ	имъ
В.	ѩ	ѩ	ꙗ
Т.	ими	ими	ими
М.	ихъ	ихъ	ихъ

Двойств. число.

И. В. З ꙗ, и, и. Р. М. ѥю, ѥю, ѥю. Д. Т. има, има, има.

Если мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ употребляется съ предлогами, то оно принимаетъ впереди звукъ н: съ нѥго, на нѩ. Это и было конечнымъ звукомъ нѣкоторыхъ предлоговъ:

такъ с.-ц.-слав. съ (сѫ) образовалось изъ sam; такимъ образомъ изъ сочетанія словъ сън юго получилось съ него.

Если винит. падежъ ед. числа муж. рода мѣстоименія и, ꙗ, ѥ употребляется съ предлогомъ, то кромѣ только что указаннаго явленія въ мѣстоименіи звукъ и ослабляется въ ь: къ нь (вмѣсто къ ни), на нь (вмѣсто на ни).

§ 32. Сходно съ мѣстоименіемъ и, ꙗ, ѥ склоняются слѣдующія мѣстоименія:

1) относительное иже, ꙗже, ѥже—который; по звуковому составу это то же мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ только съ прибавленіемъ неизмѣняемой частицы же.

2) Притяжательныя: мои, твои, свои.

3) Вопросительныя: кыи, каꙗ, коѥ (съ нѣкоторыми особенностями); чии, чиꙗ, чиѥ.

4) Указательное: сь, си, се (съ нѣкоторыми особенностями).

5) Опредѣлительное: вьсь, вьсꙗ, вьсе. Вьсь не имѣетъ двойств числа и замѣняетъ звукъ и звукомъ ѣ въ творит. ед. числа, въ родит., дательн. и мѣстномъ падежахъ множеств. числа.

Въ мѣстоименіи указательномъ тъ, та, то именительный и винительный падежи всѣхъ чиселъ имѣютъ окончанія существительныхъ 1 и 2 склоненія. Остальныя падежи имѣютъ окончанія, близкія къ окончаніямъ мѣстоименія и, ꙗ, ѥ, при чемъ 1) звукъ ѥ замѣняется звукомъ о и 2) звукъ и замѣняется звукомъ ѣ точно такъ же, какъ въ мѣстоименіи вьсь.

Единств. число.

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
И.	тъ	та	то
Р.	того	тоꙗ	того
Д.	томоу	тои	томоу

В.	тъ	тѫ	то
Т.	тѣмь	тоѭ	тѣмь
М.	томь	тои	томь

Множеств. число

И.	ти	ты	та
Р.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ
Д.	тѣмъ	тѣмъ	тѣмъ
В.	ты	ты	та
Т.	тѣми	тѣми	тѣми
М.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ

Двойств. число.

И. В. З. та, тѣ, тѣ, Р. М. тою, тою, тою, Д. Т. тѣма, тьма, тѣма.

Какъ тъ, склоняются и нѣкоторыя другія мѣстоименія: напр., какъ, такъ, ѩкъ, инъ, овъ, онъ, самъ и т. п.

Мѣстоименія къто и чьто склоняются только въ единственномъ числѣ, при чемъ то исчезаетъ въ косвенныхъ падежахъ.

И.	къто	И.	чьто
Р.	кого	Р.	чьсо (чьсого)
Д.	комоу	Д.	чемоу (чьсомоу, чесомоу)
В.	кого	В.	чьто
Т.	кѣмь	Т.	чимь
М.	комь	М.	чемь (чесомь).

Мѣстоименія, имѣющія окончанія ъіи, (кромѣ кыи), напр., вьсакъіи, склоняются, какъ имена прилагательныя полныя. (Смотр. слѣд. §).

§ 33. Имена прилагательныя полныя.

Имена прилагательныя краткія склонялись, какъ существительныя 1-го и 2-го склоненій. Съ теченіемъ времени къ именамъ прилагательнымъ краткимъ стало присоединяться указательное мѣстоименіе и ꙗ, ѥ въ качествѣ члена. Такимъ образомъ получились имена прилагательныя полныя, иначе говоря, членныя [20]). Формы склоненія именъ прилагательныхъ полныхъ получились слѣдующимъ образомъ: брался падежъ краткаго прилагательнаго и къ нему присоединялся соотвѣтствующій падежъ мѣстоименія и, ꙗ, ѥ:

добръ+и добра+ꙗ добро+ѥ добра+ѥго доброу+ѥмоу.

Въ ст.-ц.-слав. языкѣ въ формѣ добръи звукъ ъ усилился въ ы, такъ что получилось добрыи, а въ древне-русскомъ ъ усилилось въ о: доброи. Въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ полныхъ въ нѣкоторыхъ ст.-ц.-слав. памятникахъ, напр., въ Остромировомъ Евангеліи замѣчается ассимиляція гласныхъ звуковъ окончанія: изъ добраѥго получилось добрааго, изъ доброуѥмоу-доброуоумоу. Впрочемъ первая часть прилагательнаго полнаго не во всѣхъ падежахъ сохраняетъ флексію имени существительнаго: такъ въ твор. единств. муж. и сред. рода, въ дат. и твор. двойственнаго, родительномъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ падежахъ множ. числа мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ присоединяется прямо къ основѣ на ъ (это ъ во многихъ памятникахъ усиливается въ ы): напр., добрънхъ или добрыихъ.

---

[20]) Имена прилагательныя краткія иначе называются безчленными.

Склоненіе прилагательнаго полнаго а) Твердое склоненіе.

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Средній родъ.	Жен. родъ.
Им.	ꙁълы-и	ꙁъло-ѥ	ꙁъла-ꙗ
Род.	ꙁъла аго [ꙁъла-ѥго]		ꙁълыꙗ
Дат.	ꙁълоу-оумоу [ꙁълоу-ѥмоу]		ꙁълѣ-и
Вин.	ꙁълы-и	ꙁълоѥ	ꙁълѫ-ѭ
Тв.	ꙁълы-имь		ꙁъло-ѭ
М.	ꙁълѣ-ѥмь		ꙁълѣ-и.

Падежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Средній родъ.	Жен. родъ.
Им.	ꙁъли-и	ꙁъла-ꙗ	ꙁълы-ꙗ
Род.	ꙁълы-ихъ		
Дат.	ꙁълы-имъ		
Вин.	ꙁълы-ꙗ	ꙁъла-ꙗ	ꙁълы-ꙗ
Твор.	ꙁълы-ими		
М.	ꙁълы-ихъ		

Падежи.	Двойственное число.		
	Муж. родъ.	Средн. родъ.	Жен. родъ.
И. В. З.	ꙁъла-ꙗ	ꙁълѣ-и	ꙁълѣ-и
Р. М	ꙁълоу-ю		
Д. Т.	ꙁълы-има.		

б) *Мягкое склоненіе.*

Зная окончанія падежей твердаго склоненія прилагательнаго полнаго, легко найти окончанія падежей мягкаго склоненія. Для этого нужно взять сложную флексію имени прилагательнаго полнаго, оставить безъ измѣненія мѣстоименную часть флексіи, а предшествующій послѣдней гласный звукъ замѣнить соотвѣтствующимъ звукомъ по таблицѣ, помѣщенный въ § 27, при чемъ ы усиленное изъ ъ, слѣдуетъ замѣнять звукомъ и: напр., добраго—синꙗ-аго, добры-ꙗ—синꙗ-ꙗ, добры-ихъ—сини-ихъ.

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Средній родъ	Жен. родъ.
Им.	въıшьни-и	въıшьнє-є	въıшьнꙗ-ꙗ
Род.	въıшьнꙗ-аго		въıшьна-ꙗ
Дат.	въıшьню-оумоу		въıшьни-и

Вин.	вышьни-и	вышьнѥ-ѥ	вышьнѭ-ѭ
Твор.	вышьни-имь		вышьнѥ-ѭ
М.	вышьни-ѥмь		вышьни-и

Падежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Среднiй родъ.	Жен. родъ.
И. З	вышьни-и	вышьнꙗ-ꙗ	вышьнѩ-ѩ
Род.	нышьни-ихъ		
Дат.	вышьни-имъ		
Вин.	вышьнѩ-ѩ	вышьнꙗ-ꙗ	вышьнѩ-ѩ
Твор.	вышьни-ими		
М.	вышьни-ихъ.		

Надежи.	Двойственное число		
	Муж. родъ.	Среднiй родъ.	Жен. родъ.
И. В З.	вышьнꙗ-ꙗ	вышьни-и	вышьни-и
Р. М.	вышьню-ю		
Д. Т.	вышьни-има.		

§ 34. Образованіе степеней сравненія именъ прилагательныхъ. Для образованія. сравнительной степени въ ст.-ц.-слав. языкѣ употреблялись слѣдующія окончанія.

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
1)	-ии	-ьши	ѥ
2)	-ѣи	-ѣиши	-ѣѥ

Первое окончаніе примѣнялось:

а) въ именахъ прилагательныхъ съ утраченною положительною степенью: напр., бол-ии, бол-ьши, бол-ѥ, мьн-ии, мьн-ьши, мьн-ѥ и т. п.

б) въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, которыя, повидимому, сначала были первообразными, а потомъ приняли суффиксъ ок: глжб-ок-ъ—глжбл-ии, глжбл-ьши, глжбл-ѥ. Сравнительная степень въ данномъ случаѣ образуется отъ первоначальной основы.

с) Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ первообразныхъ: напр., хоудъ, сравн. ст. хоужд-ии, хоужд-ьши, хоужд-є.

Второе окончаніе примѣнялось:

а) въ прилагательныхъ съ суффиксомъ ок-, при чемъ форма сравнительной степени образуется отъ вторичной основы: глжбоу-аи, глжбоу-аиши, глжбоу-аѥ.

б) отъ производныхъ прилагательныхъ съ другими суффиксами: напр., добр-ъ, срав. ст. добр-ѣи, добр-ѣиши, добр-ѣѥ.

Въ ст.-ц.-слав. языкѣ не было особыхъ окончаній для превосходной степени. Послѣдняя образовывалась посредствомъ прибавленія къ положительной или сравнительной степени приставокъ: прѣ- и наи-: напр., прѣславьнꙑи, наиѵьстьнѣиши.

Въ современномъ намъ русскомъ языкѣ форма сравнительной степени стала обозначать превосходную степень: честнѣйшій не значитъ болѣе честный, какъ въ ст.-ц.-слав. и др.-рус. языкахъ, а самый честный.

Приведенныя выше окончанія сравнительной степени — краткія. Полныя окончанія образуются при помощи присоединенія мѣстоименія и, ꙗ, ѥ.

Окончанія краткой формы сравнительной степени именъ прилагательныхъ сходны съ мягкими окончаніями именъ существительныхъ 1-го и 2-го склоненія (исключаются имен. пад. ед. числа муж. и жен. рода и имен. пад. множ. числа муж. рода).

Присоединеніе мѣстоименія и, ꙗ, ѥ производится по правилу, приведенному въ § 33; исключается отсюда имен. падежъ муж. и средн. рода единств. числа.

§ 35. Склоненіе сравнительной степени.

Падежи.	Единственное число.		
	Муж родъ.	Среднiй родъ.	Жен. родъ.
Им.	бол-ии больш-ии	бол-ѥ больш-ѥѥ	боль-шии большии-ꙗ
Род	больш-а больша-аго		больш-ѧ большѧ-ѩ
Дат.	большоу большоу-оумоу		больш-и болбши-и
Вин.	больш-ь больши-и	бол-ѥ больш-єѥ	больш-ѫ большѫ-ѭ
Твор.	больш-ємь больши-имь		больш-єѭ больш-єѭ
М.	больш-и больши-ѥмь		больш-и больши-и.

Надежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Средній родъ.	Жен. родъ.
Имен.	больш-є большє-и	больша больша-ѩ	больш-ѧ большѧ-ѩ
Род.	больш-ь больши-ихъ		
Дат.	больш-ємъ больши-имъ		больш-амъ больши-имъ
Вин.	больш-ѧ большѧ-ѩ	больш-а больша-ѩ	больш-ѧ большѧ-ѩ
Твор.	больш-и больши-ими		больш-ами больши-ими
М.	больш-ихъ больши-ихъ		больш-ахъ больши-ихъ.

Пад.	Двойственное число.		
	Муж. родъ.	Сред. родъ	Жен. родъ
И. В. З.	больш-а больша-ѩ	больш-и больши-и	
Р. М.	больш-оу большоу-ю		
Д. Т.	больш-єма больши-има		больш-ама больши-има.

Причастія.

§ 36. Причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога имѣли слѣдующія окончанія:

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
1)	-ꙑ	-ѫщи (ѧщи)	-ѧ
2)	-ꙑ	-ѫщи	-ꙑ.

Суффиксы этихъ причастій ѫщ, ѧщ равняются суффиксамъ причастій настоящаго времени дѣйств. залога въ латинскомъ и греческомъ языкахъ: въ латин. ant-, ent-, въ греческомъ οντ-. (Напр.. латин. videns, videntis имѣетъ основу vident-, которая равняется ц.-сл. видѧщ-).

Окончанія склоненія краткаго причастія наст. вр. дѣйствит. зал. сходны съ мягкими окончаніями именъ существительныхъ 1 и 2 склоненія (за исключеніемъ имен. падежа единств. числа всѣхъ родовъ и именительнаго падежа множ. числа муж. рода). Образованіе причастій полныхъ производится по правилу, указанному въ § 33.

Исключеніе представляетъ именит. и винит. падежъ средняго рода единств. числа.

Склоненіе причастія настоящ. времени дѣйств. залога

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Средній родъ.	Жен. родъ.
Им.	вид-ѧ вида-и	вид-ѧ видѧщє-є	вид-ѧщи видѧщи-ꙗ
Род.	видѧщ-а видѧща-аго		видѧщ-ѧ видѧщѧ-ꙗ

Дат.	видащ-оу видащоу-оумоу		видащ-и видащи-и
Вин.	видащ-ь видащꙗ-аго	вид-ѧ видащіє-ѥ	видащ-ѫ видащѫ-ѭ
Тв.	видащ-ємь видащи-имь		видащ-єѭ видащ-єѭ
М.	видащ-и видащи-ѥмь		видащ-и видащи-и

Падежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Среднiй родъ.	Жен. родъ.
Им.	видащ-є видащє-и	видащ а видаща-ꙗ	видащ-ѧ видащѧ-ꙗ
Род.	видащ-ь видащи-ихъ		
Дат.	видащ ємъ видащи-имъ		видащ-амъ видащи-имъ
Вин.	видащ-ѧ видащѧ-ꙗ	видащ-а видаща-ꙗ	видащ-ѧ видащѧ-ꙗ
Твор.	видащ-и видащи-ими		видащ-ами видащи-ими
М.	видащ-ихъ видащи-ихъ		видащ-ахъ видащи-ихъ.

Падежи.	Двойственное число.		
	Муж. родъ.	Средн. родъ.	Жен. родъ.
И. В. З.	видящ-а видящая-ꙗ	видящ-и видящии-и	видящ-и видящии-и
Р. М.	видящ-оу видящоу-ю		
Д. Т	видящ-ема видящии-има		видящ-ама видящии-има.

Причастія прошедшаго времени дѣйствительнаго залога имѣли слѣдующія окончанія:

Муж. р. Жен. р. Сред. р.
-ъ -ъши -ъ.

При употребленіи этого окончанія наблюдаются слѣдующіе случаи:

1) Если основа, отъ которой образуется причастіе прош. вр. дѣйств. з., оканчивается на согласный звукъ, то окончаніе присоединяется непосредственно къ ней: напр., вєд-ъ, вєд-ъши, вєд-ъ.

2) Если основа оканчивается на гласный звукъ, то между ней и окончаніемъ причастія вставляется звукъ в: напр., отъвѣща-въ, отъвѣща-въши, отвѣща-въ.

3) Если основа оканчивается на гласный звукъ и, то окончаніе ъ непосредственно присоединяется къ ней, но и для устраненія зіянія обращается въ j и превращаетъ ъ въ ь; напр., люби-ъ, любjъ, любль, любльши, любль.

Склоняются причастія прошедш. вр. дѣйств. залога по образцу причастій настоящ. времени дѣйств. залога.

Причастія страдат. залога склоняются, какъ существительныя 1 и 2 склоненія твердаго окончанія, принявшія же въ концѣ мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, какъ имена прилагательныя полныя.

Имя числительное.

§ 37. Имена числительныя до тысячи въ старо-церк.-слав. языкѣ представляютъ большое сходство съ числительными родственныхъ языковъ.

Количественныя.	*Порядковыя.*
1) ѥдинъ	прьвъıи (латин. primus)
2) дъва (латин. duo, греч. δύο)	въторъıи (изъ дъвторъıи, сравн. греч. δεύτερος)
3) трие (латин. tres, греч. τρεῖς)	третии (лат. tertius, греч. τρίτος)
4) четъıре [рие] (санскр. ĉatvāras, литов. keturi)	четврьтъıи (литов. ketvirtas)
5) пать (санскр. pañĉa, греч. πέντε)	патъıи
6) шесть (лат. sex, гр. ἕξ)	шестъıи
7) седмь (санскр. sapta, лат. septem, греч. ἑπτά)	седмъıи
8) осмь (лат. octo, греч. ὀκτώ)	осмъıи
9) девать	деватъıи
10) десать (латин. decem, греч. δέκα).	десатъıи.

Затѣмъ слѣдуютъ сложныя числительныя: 11—ѥдинънадесате и т. д., 20—дъвадесате, 21—дъвадесате и ѥдинъ и т. д., триндесате, 40—четъıредесате, 50—пать-десатъ, 60—шестьдесатъ, 70—седмьдесатъ, 80—осмьдесатъ, 90—деватьдесатъ.

Послѣ простого имени числительнаго съто (100) начинаются опять сложныя: 200—дъвѣсътѣ, 300—трисъта, 400—четырєсъта, 500—патьсътъ и т. д. 1000—тысаща, 10000—тьма и 100000—легеонъ.

Склоненіе именъ числительныхъ. Числительныя количественныя имѣютъ разнообразныя окончанія склоненій.

Ѥдинъ склоняется, какъ мѣстоименіе онъ, р. п оного.

Дъва склоняется, разумѣется, только въ двойственномъ числѣ и имѣетъ флексіи послѣдняго.

И. В. З. дъва, дъвѣ, дъвѣ, Р. М. дъвою или дъвоу. Д. Т. дъвѣма.

триѥ, три, четыриѥ (четырє), четыри склоняются почти такъ, какъ существ. III склоненія во множественномъ числѣ.

	М. р.	Ж. и ср. р.	М. р.	Ж. и ср. р.
И.	триѥ	три	четыриѥ (рє)	четыри
Р.	трии		четырь	
Д.	трьмъ		четырьмъ	
В.	три		четыри	
Т.	трьми		четырьми	
М.	трьхъ		четырьхъ.	

Числительныя отъ пяти до десяти включительно склоняются, какъ имя существительное дверь

Склоненіе числительнаго десать.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	десать	десати, десатє
Р.	десати	десатъ
Д.	десати	десатьмъ
В.	десать, десатє	десати, десатє
Т.	десатиѭ	десаты, десатьми
М.	десати	десатьхъ

И. В. З. десати, десате, Р. М. десатоу, Д. Т. десатьма.

Числительное съто склоняется, какъ мѣсто, числительное тысаща, какъ тѫча.

Числительныя юдинъ, дъва, трию, четыре, употребляются всегда какъ имена прилагательныя, т. е. согласуются съ существительными, числительныя же пать шесть и далѣе до десяти включительно употребляются, какъ имена существительныя, и при нихъ существительное ставится въ родительномъ надежѣ: пать дѣвъ, пати дѣвъ, патиѭ дѣвъ. Вслѣдствіе указаннаго числительныя, сложныя съ дъва, трию, четыре, склоняютъ обѣ части: напр., дъвадесате, род. п. дъвоудесатоу, а числительныя, сложныя съ пать и далѣе, склоняютъ только первую часть: напр., патьдесатъ, р. п. патидесатъ, тв. п патиѭдесатъ (десатъ—род. пад. множ. числа). Въ числительныхъ отъ 11 до 19 включительно (юдинънадесате, дъванадесате и проч.) вторая часть остается неизмѣнной, такъ какъ она представляетъ собою винит. падежъ въ зависимости отъ предлога на.

Имена числительныя порядковыя склоняются, какъ имена прилагательныя полныя.

Глаголъ.

§ 39. Формы ст.-ц.-славянскаго глагола производятся отъ двухъ темъ: 1) отъ темы настоящаго времени и 2) отъ темы неопредѣленнаго наклоненія. Чтобы опредѣлить первую, нужно взять 2 лицо ед. числа наст. времени и отбросить флексію ши; чтобы опредѣлить вторую, нужно взять неопредѣленное наклоненіе и отбросить флексію ти. Напр., возьмемъ глаголъ полага-ти (неопр. накл.), полагаю-ши (2 л. ед. ч. наст. вр.): тема настоящаго времени—полагаю-, тема неопредѣленнаго наклоненія полага-. Чтобы обозначить классъ, въ которому принадлежитъ этотъ глаголъ, пишемъ суффиксъ темы настоящаго времени, а внизу подъ

чертой пишемъ суффиксъ неопред. наклоненія: такимъ образомъ получаемъ, что глаголъ полагати принадлежитъ къ классу глаголовъ съ примѣтой аѥ/а. Также обозначаемъ и классъ другихъ глаголовъ.

Таблица обыкновенныхъ ст.-ц.-славянскихъ глаголовъ съ распредѣленіемъ ихъ по спряженіямъ и классамъ.

	Классы.	Примѣты.	Примѣры глаголовъ.
1-е спряженіе.	1	є/″ ѥ/″	несе-ши, нес-ти биѥ-ши, би-ти
	2	є/а ѥ/а	зове-ши, зъва-ти дрѣмле-ши, дрѣма-ти
	3	ѣѥ/ѣ	имѣѥ-ши, имѣ-ти
	4	аѥ/а ꙗѥ/ꙗ	полагаѥ-ши, полага-ти [illegible]-ши, [illegible]-ти
	5	оуѥ/ова	радоуѥ-ши, радова-ти
	6	не/нѫ	тъкне-ши, тъкнѫ-ти
2-е спряженіе.	7	и/и	роди-ши, роди-ти
	8	и/ѣ	види-ши, видѣ-ти мльчи-ши, мльча-ти.

Изъ приведенной таблицы видно, что обыкновенные ст.-ц.-славянскіе глаголы раздѣлялись на 2 спряженія и 8 классовъ. Первое спряженіе отличается отъ второго тѣмъ, что въ первомъ тематическій гласный основы настоящаго времени є, а во второмъ и.

§ 39. Спряженіе настоящаго времени. Слѣдуетъ различать два вида спряженія ст.-ц.-слав. глаголовъ: 1) спряженіе архаическихъ глаголовъ и 2) спряженіе обыкновенныхъ глаголовъ. Архаическіе (древніе) глаголы, которыхъ въ ст.-ц.-слав. памятникахъ имѣется очень немного, отличаются тѣмъ, что, образуя какъ настоящ. время, такъ и неопред. наклоненіе, приставляютъ флексію прямо къ корню: напр., вѣ-мь (изъ вѣд-мь), вѣ-си (изъ вѣд-си), вѣс-ти (изъ вѣд-ти) Обыкновенные же глаголы, какъ показываетъ приведенная выше таблица, образуя настоящее время и неопредѣленное наклоненіе, пользуются суффиксами. На половину представляютъ исключеніе глаголы 1-го класса. Окончанія настоящаго времени глаголовъ архаическихъ отличаются отъ окончаній настоящаго времени глаголовъ обыкновенныхъ, при чемъ вторыя образовались изъ первыхъ. Нѣкогда архаическіе глаголы были общераспространеннымъ явленіемъ, а потомъ понемногу они стали вытѣсняться глаголами которые теперь являются обыкновенными, и наконецъ остались въ видѣ исключенія.

	Лица.	Въ дослав. языкѣ.	Окончанія настоящаго времени въ старо-церк.-слав языкѣ.	
			Архаическ. спр.	Обыкновен. спряженія.
Единственное число.	1	-mi	-мь	-ѫ -ѭ
	2	-si	-си	-ши
	3	-ti	-ть [тъ]	-ть [тъ]

Двойственное число.	1	-vas	-вѣ	-вѣ
	2	-thas	-та	-та
	3	-tas	-та [тє]	-та [тє]
Множественное число.	1	-mas	-мъ	-мъ
	2	-tas-	-тє	-тє
	3	-nti	-ѫть, -ать [тъ]	ѫть, ѧть, ать, ѩть [-ѫтъ и пр.].

Обыкновенное окончаніе 1-го лица единственнаго числа наст. времени образовалось изъ соотвѣтствующаго архаическаго окончанія слѣдующимъ образомъ: возьмемъ для примѣра глаголъ бьрати; первоначально первое лицо наст. времени этого глагола было бера-мь (сравн. санскр. bharami). Потомъ а ослабилось въ о (беромь); наконецъ конечный ь исчезъ и по правилу, изложенному въ § 13, носовой согласный звукъ присоединился къ о, образовавъ въ сочетаніи съ нимъ большой юсъ (берѫ=беро^{н}). Такимъ же образомъ имѫ образовалось изъ нмамь, при чемъ на ряду съ первой, позднѣйшей формой сохранилась и вторая, болѣе древняя.

Относительно образованія формъ настоящаго времени слѣдуетъ замѣтить слѣдующее:

1) Въ 1-мъ спряженіи тематическій гласный є, усиленный въ о, въ сочетаніи съ согласнымъ носовымъ звукомъ переходитъ въ ѫ въ 1-мъ лицѣ един. числа и въ 3 л. множ. числа: нєс-єм-, нєс-ом, нєсо^{м}, нєсѫ; нєс-єнть, нєс-онть, нєсо^{н}ть, нєсѫть.

2) Во 2-мъ спряженіи тематическій гласный и въ соединеніи съ носовымъ гласнымъ звукомъ переходитъ въ ѧ въ 3-мъ лицѣ множ. числа: видѧть (сравн. латин. vide-s, vide-nt).

3) Въ 1-мъ лицѣ един. числа 2-го спряженія къ темѣ присоединяется ж, по звуку совершенно независимый отъ тематическаго гласнаго: види-ж, видјж, виждж (сравн. латин. vide-s, video).

§ 40 Аористъ и преходящее время. Въ старо-церковно-славянскомъ языкѣ для обозначенія прошедшаго времени употреблялись аористъ и преходящее время. Первое по значенію соотвѣтствовало прошедшему времени совершеннаго вида, второе—прошедшему времени несовершеннаго вида.

Примѣтой аориста былъ звукъ х, происшедшій изъ первоначальнаго с. Эту примѣту имѣли всѣ формы аориста кромѣ 2-го и 3-го лица един. числа. Наблюдаются слѣдующія различія въ образованіи аориста отъ темы на согласный звукъ и отъ темы на гласный звукъ.

Въ случаѣ образованія аориста отъ темы на согласный звукъ

1) формы, имѣющія примѣту, присоединяютъ ее къ основѣ при помощи суффикса о: вед-о-хъ, нес-о-хъ;

2) формы, не имѣющія примѣты, равняются основѣ съ прибавленіемъ звука е: вед-е, нес-е.

Въ случаѣ образованія аориста отъ темы на гласный звукъ

1) формы, имѣющія примѣту, присоединяютъ ее непосредственно къ основѣ: ꙁъва-хъ, бьра-хъ, видѣ-хъ.

2) формы безъ примѣты равняются чистой основѣ: ꙁъва, видѣ.

		Окончанія аориста.	
		Отъ темы на согласный звукъ.	Отъ темы на гласный звукъ.
Единственное число.	1	—— о-хъ	—— хъ
	2	—— є	——
	3	—— є	——
Двойственное число.	1	—— о-х овѣ	—— х-овѣ
	2	—— о-с-та	—— с-та
	3	—— о-с-та [тє]	—— ст-а [тє]
Множественное число.	1	—— о-х-омъ	—— х-омъ
	2	—— о-с-тє	—— с-тє
	3	—— о-ш-ѧ	—— ш-ѧ

Примѣчаніе. Въ приведенной таблицѣ длинная черта обозначаетъ основу.

Звукъ с во 2 и 3 л. двойственнаго и во 2 лицѣ множ. числа представляетъ собою первичный звукъ, изъ котораго потомъ появился звухъ х (сравн. § 16).

Глаголы, тема которыхъ оканчивается на коренные и, ѣ, ѧ, могутъ принимать въ 3 л. ед. числа аориста окончаніе тъ: обитъ, оумрѣтъ, принѧтъ вмѣсто оби, оумрѣ, принѧ.

Преходящее время имѣетъ двойную примѣту: какъ аористъ, оно имѣетъ примѣтой звукъ х, и сверхъ того пе-

редъ звукомъ х принимаетъ одинъ изъ слѣдующихъ суффиксовъ: ѣа, аа, ꙗа.

Примѣты преходящаго времени.	Употреблялись въ классахъ глаголовъ
ѣа	1 є/», 3, 6, 8 (безъ шипящаго звука).
аа	2, 4 аѥ/а, 5, 8 (съ шипящимъ звукомъ).
ꙗа	1 ѥ/», 2 ꙗѥ/ꙗ . .

Отъ глаголовъ 7-го класса преходящее время, повидимому, непосредственно не образовывалось: для образованія преходящаго времени нужно было, чтобы отъ глагола 7-го класса образовался глаголъ 4-го класса: напр., родити — рождати, рождаахъ, ꙗвити — ꙗвлꙗти, ꙗвлꙗахъ

		Окончанія преходящаго времени.
Единственнаго числа.	1	—— аа-х-ъ
	2	—— аа-ш-е
	3	—— аа-ш-є
Двойственное число.	1	—— аа-х-овѣ
	2	—— аа-с-та
	3	—— аа-с-та[тє]

Множественное число.	1	—— аа х-омъ
	2	—— аа-с-те
	3	—— аа-х-ж

Всѣ формы преходящаго времени въ отличіе отъ формъ аориста имѣютъ примѣту х [21]).

§ 41. Сигматическій аористъ и аористъ второй (асигматическій). Въ обыкновенномъ аористѣ примѣта х представляетъ собою вторичный звукъ, на мѣстѣ котораго въ нѣкоторыхъ формахъ мы находимъ и первичный звукъ с. Было время, когда аористъ имѣлъ примѣтою звукъ с во всѣхъ формахъ. Въ ст.-ц.-слав. памятникахъ сохранились остатки такого аориста, который называется сигматическимъ, т. е. имѣющимъ сигму (сигма названіе греческой буквы Σ, σ=с). Этотъ аористъ образуется прямо отъ корня, при чемъ коренной звукъ усиливается: напр., отъ глагола нести: аористъ нѣсъ (изъ нес-съ, нѣс-съ), отъ глагола чьсти (чьт-ти)—чисъ (изъ чьт-съ, чьс-съ, чис-съ, отъ бости (бод-ти)—басъ (изъ бод-съ, бос-съ, бас-съ).

Въ глаголахъ 1-го класса съ примѣтой є/о сохранился еще аористъ 2-ой, асигматическій (т. е. безъ примѣты с).

Ед. ч.	1.	вед-ъ	Дв. ч.	1.	вед-овѣ
	2.	вед-е		2.	вед-ета
	3.	вед-е		3.	вед-ета [те]

Множ. ч.	1.	вед-омъ
	2.	вед-ете
	3.	вед-ж

---

[21]) 2-е и 3-е л. дв. ч. и 2 л. мн. числа имѣли еще окончанія: дашета и т. д.

Возможно, что 2-е и 3-е л. ед. числа обыкновеннаго аориста (веде, несе) представляютъ собою остатки 2-го аориста.

§ 42. Сложныя формы прошедшаго времени. Кромѣ аориста и преходящаго времени въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ есть два сложныхъ прошедшихъ времени. Оба они составляются изъ формъ глагола быти и несклоняемаго причастія прошедшаго времени на -лъ, -ла, -ло.

1) Сложное прошедшее совершенное составляется изъ несклоняемаго причастія прошед. вр. на -лъ и настоящаго времени глагола быти: зъвалъ юсмь (=я есмь звавшій). Оно обозначаетъ дѣйствіе прошедшее по отношенію къ настоящему моменту.

2) Сложное давно прошедшее (преждепрошедшее, plusquamperfectum) составляется изъ причастія на -лъ и преходящаго времени глагола быти: зъвалъ бѣахъ (=я былъ звавшій). Оно обозначаетъ дѣйствіе прошедшее по отношенію къ раньше бывшему моменту.

Изъ сложнаго прошедшаго совершеннаго времени образовалось современное намъ прошедшее время глагола (я звалъ).

§ 43. Будущее время. Ст.-ц.-славянскій языкъ не имѣлъ особыхъ флексій и суффиксовъ для будущаго времени и для обозначенія его пользовался флексіями и суффиксами настоящаго времени (берѫ—настоящее время, съберѫ—будущее время). Даже будущее время отъ глагола быти бѫдѫ по окончанію представляетъ собою настоящее время. Но въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ сохранилось причастіе будущаго времени бышѫште, показывающее, что нѣкогда въ ст.-ц.-слав языкѣ существовала форма будущаго времени отъ глагола быти, а именно бышѫ и что существовало особое окончаніе для будущаго времени (шѫ).

Сложная форма будущаго времени составлялась, какъ и теперь, изъ формы бѫдѫ и неопредѣленнаго наклоненія.

Но вмѣсто бѫдѫ употреблялись также имамь, начьнѫ, хощѫ: имамь зъвати=буду звать, не радити начьнеть=не будетъ стараться.

§ 44. Неопредѣленное наклоненіе. Неопредѣленное наклоненіе въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ имѣло флексію ти: бити, пѧти, обоути. Окончаніе неопр. наклоненія щи представляетъ собою только видоизмѣненіе ти подъ вліяніемъ предшествующаго гортаннаго звука (см. § 19).

§ 45. Достигательное наклоненіе. Кромѣ неопредѣленнаго наклоненія въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ существовало еще достигательное наклоненіе, соотвѣтствующее латинскому супину на—um. Какъ послѣдній, оно употреблялось при глаголахъ движенія для обозначенія цѣли. Оно имѣло окончаніе -тъ: ловитъ, възатъ, искоуситъ. Идѫ ловитъ рыбъ (=иду ловить рыбъ). Отъ глаголовъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на щи достигательное наклоненіе образуется при помощи окончанія щь: лещь, пещь.

§ 46. Повелительное наклоненіе. Повелительное наклоненіе въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ образовалось изъ желательнаго наклоненія, которое имѣется въ древне-греческомъ языкѣ. Примѣтой его въ ст.-ц.-славян. языкѣ былъ звукъ ѣ (соотвѣтств. греч. οι). Это ѣ ослабилось въ и во 2-мъ лицѣ единственнаго числа (живи), а потомъ и во 2-мъ лицѣ множественнаго и двойственнаго числа, такъ что изъ формы живѣте, которая встрѣчается въ ст.-ц.-славянскихъ памятникахъ, образовалась форма живите.

§ 47. Условное наклоненіе. Условное наклоненіе, обозначающее дѣйствіе предполагаемое, имѣетъ въ ст.-ц.-славян. языкѣ двѣ формы: 1) форму условнагo прошедшаго времени и 2) форму условнаго будущаго времени. Условное наклоненіе прошедшаго времени составляется изъ несклоняемаго причастія на—лъ и аориста отъ глагола быти: далъ быхъ, далъ бы. (Отсюда современное д а л ъ б ы). Условное

наклоненіе будущаго времени составляется изъ того же причастія съ будущимъ временемъ глагола бытн: далъ бѫдѫ.

§ 48. Производство глагольныхъ и отглагольныхъ формъ. Всѣ формы глагола, а также причастія производятся или отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, или отъ темы настоящаго времени.

А. Отъ темы неопредѣленнаго наклоненія образуются слѣдующія глагольныя и отглагольныя формы:

1) аористъ: ꙁъва-тн—ꙁъва-хъ, вєс-тн (вєд-тн)—вєд-охъ.

2) преходящее время: ꙁъва-тн—ꙁъваахъ, вєс-тн (вєд-тн)—вєдѣахъ, ꙗвлꙗ-тн—ꙗвлꙗахъ.

Какъ исключеніе, наблюдается производство аориста и преходящаго времени отъ темы настоящаго времени: нд-охъ, дад-ѣа-хъ [22]).

3) Достигательное наклоненіе: бн-тн—бн-тъ, ловн-тн – ловн-тъ.

4) Склоняемое причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: отъ плєстн (плєттн)—плє-тъ, плєт-ъшн, плєт-ъ; отъ глаг. бьра-тн—бьра-въ, бьра-въшн, бьра-въ; отъ глаг. любн-тн—любль, любльшн, любль (см. § 36).

5) Несклоняемое причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: напр., отъ глагола бьра-тн мы имѣемъ слѣдующія формы несклоняемаго причастія:

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
Ед. ч.	бьра-лъ	бьра-ла	бьра-ло
Дв. ч.	бьра-ла	бьра-лѣ	бьра-лѣ
Мн. ч.	бьра-лн	бьра-лы	бьра-ла

[22]) Возможно, что и суффиксы о въ аористѣ нєс-о-хъ и є въ причастіи нєс-є-нъ явились подъ вліяніемъ основы настоящаго времени.

Какъ видно, это причастіе имѣетъ флексіи именительныхъ падежей именъ существительныхъ I и II склоненія твердаго окончанія.

6) Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога на нъ и на тъ: нес-ти—нес-енъ, пи-ти—пи-тъ.

Окончаніемъ -тъ пользуются глаголы 1-го класса съ примѣтой ѥ/„, корень которыхъ оканчивается на гласные звуки: и, ѣ, ы, оу, а: пи-ти—пи-тъ, пѣ-ти—пѣтъ, ры-ти—рытъ, обоу-ти—обоутъ, въꙁа-ти—въꙁатъ, и глаголы 6-го класса: тъкнѫ-ти—тъкнѫтъ.

Остальные глаголы пользуются окончаніемъ нъ, причемъ въ глаголахъ 1-го класса съ примѣтой є/„ и въ глаголахъ 7-го класса при образованіи причастія между основой и окончаніемъ нъ вставляется суффиксъ є: нес-ти—нес-е-нъ, люби-ти—люблєнъ (изъ люби-є-нъ, любјєнъ). Прочіе глаголы присоединяютъ окончаніе нъ прямо къ основѣ неопредѣленнаго наклоненія: да-ти—данъ, видѣ-ти—видѣ-нъ, ꙁъва-ти—ꙁъва-нъ.

Существуютъ исключенія изъ перваго правила: напр., бити вмѣсто ожидаемаго причастія прош. вр. страд. залога битъ имѣетъ причастіе биѥнъ. Благодаря разложенію коренного двугласнаго звука, мы имѣемъ отъ глаголовъ оумыти и ꙁабыти, кромѣ причастій оумытъ и ꙁабытъ, еще оумъвенъ и ꙁабъвенъ.

Отъ причастій прошедшаго времени страд. залога образуются многочисленныя отглагольныя существительныя: напр., приꙗтиѥ, приꙁъваниѥ, нынѣниѥ, оумъвениѥ, оуницениѥ и т. п.

В. Отъ темы настоящаго времени образуются слѣдующія глагольныя и отглагольныя формы:

1) повелительное наклоненіе: береши—бери, бер-ѣ-те, радоуѥшися—радоуися. Послѣдній тематическій звукъ на-

стоящаго времени при образованіи повелительнаго наклоненія или исчезаетъ или сливается съ примѣтой наклоненія.

2) Причастіе настоящаго времени дѣйствит. залога.

Окончаніе причастія настоящ. вр. дѣйств. залога ꙑ, ѫщи, ꙑ (см. § 36) принимаютъ глаголы I спряженія, основа настоящаго времени которыхъ оканчивается на є (нейотированное): ведє-ши —ведꙑ, несє-ши — несꙑ, ȥовє-ши — ȥовꙑ.

Остальные глаголы принимаютъ другое окончаніе (ѧ, ѧщи, ѧ), при чемъ ѧ сохраняется во всѣхъ формахъ причастія только у глаголовъ 2-го спряженія (лоѵѧ, лоѵѧщи, лоѵѧ, лоѵѧщѧ; видѧ, видѧщи, видѧ, видѧщѧ; млъчѧ, млъчѧщи, млъчѧ, млъчѧщѧ и проч.). У остальныхъ глаголовъ ѧ замѣняется ѭ въ именительномъ падежѣ един. числа женскаго рода, во всѣхъ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа, а также во всѣхъ падежахъ двойственнаго и множественнаго числа (глаголѧ, глаголѭщи, глаголѧ, глаголѭщѧ, отъвѣщаѧ, отъвѣщаѭщи, отъвѣщаѧ, отъвѣщаѭщѧ и пр.).

3) Причастіе настоящаго времени страдательнаго залога. Оно образуется прибавленіемъ къ темѣ настоящаго времени суффикса—м, при чемъ глаголы 1-го спряженія, у которыхъ тема настоящаго времени оканчивается на є (нейотированное), усиливаютъ это є въ о; если передъ є находится смягченный благодаря ему согласный звукъ, то послѣдній замѣняется первичнымъ (не смягченнымъ): дѣлаѥ-ши—дѣлаѥ-мъ, влѣчє-ши—влѣко-мъ, несє-ши—несо-мъ

§ 49. Архаическое спряженіе. Въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ употребляются архаическіе глаголы: бꙑти (ѥсмь), вѣсти (вѣмь), дати (дамь) ѩсти (ѩмь). До нѣкоторой степени примыкаетъ къ архаическимъ глаголъ имати (имамь).

Спряженіе глагола ѥсмь, бꙑти. Формы этого глагола образуются отъ двухъ корней: ѥс- и бꙑ

Настоящее время.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1.	ѥс-мь	ѥс-вѣ	ѥс-мъ
2.	ѥс-(с)и	ѥс-та	ѥс-те
3.	ѥс-ть [тъ]	ѥс-та [те]	(ѥ) сѫть [тъ]

Аористъ.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1.	бы-хъ	бы-ховѣ	бы-хомъ
2.	бы	бы-ста	бы-сте
3.	бы, бысть	бы-ста [те]	бы-шѧ

Преходящее время.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	бѣахъ, бѣхъ	бѣаховѣ, бѣховѣ	бѣахомъ, бѣхомъ
2.	бѣаше, бѣ	бѣаста, бѣста	бѣасте, бѣсте
3.	бѣаше, бѣ	бѣаста [те], бѣста	бѣа-хѫ, бѣшѧ

Прошедшее совершенное сложное.

	Ед. ч.		Дв. ч.		Мн. ч.	
1.	ѥсмь	былъ	ѥсвѣ	была	ѥсмъ	были
2.	ѥси	—а	ѥста	—ѣ	ѥсте	—ы
3.	ѥсть	—о	ѥста [те]	—ь	сѫть	—а

Давнопрошедшее сложное.

	Ед. ч.		Дв. ч.		Мн. ч.	
1.	бѣахъ	былъ	бѣаховѣ	была	бѣахомъ	были,
2.	бѣаше	—а	бѣаста	—ѣ	бѣасте	—ы
3.	бѣашс	—о	бѣаста [те]	—ѣ	бѣахѫ	—а

Будущее время.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	бѫд-ѫ	бѫдевѣ	бѫде-мъ
2.	бѫде-ши	бѫдета	бѫде-те
3.	бѫде-ть	бѫдета [те]	бѫд-ѫть

Повелительное наклоненіе.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	—	бѫд-ѣ-вѣ	бѫд-ѣ-мъ
2.	бѫд-и	бѫд-ѣ-та	бѫд-ѣ-те
3.	бѫд-и	—	—

Условное наклоненіе прошедшаго времени.

Ед. ч.		Дв. ч.		Мн. ч.	
1. быхъ	былъ	быховѣ	была	быхомъ	были
2. бы	—а	быста	—ѣ	быстε	—ы
3. бы	—о	быста [тε]	—ѣ	бышѧ	—а

Условное наклоненіе будущаго времени.

Ед. ч.		Дв. ч.		Мн. ч.	
1. бѫдѫ	былъ	бѫдевѣ	была	бѫдемъ	были
2. бѫдеши	—а	бѫдета	—ѣ	бѫдете	—ы
3. бѫдеть	—о	бѫдета [тε]	—ѣ	бѫдѫть	—а

Неопредѣленное наклоненіе.

быти

Достигательное наклоненіе.

[бытъ].

Причастія настоящаго времени.

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	сы	сѫщи	сы
Дв. ч.	сѫща	сѫщи	сѫщи
Мн. ч.	сѫще	сѫщѧ	сѫща

Причастіе прошедшаго времени склоняемое.

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	бывъ	бывъши	бывъ
Дв. ч.	бывъша	бывъши	бывъши
Мн. ч.	бывъше	бывъшѧ	бывъша.

Причастіе прошедшаго времени несклоняемое.

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	былъ	была	было
Дв. ч.	была	былѣ	былѣ
Мн. ч.	были	былы	была.

§ 50. Спряженіе архаическихъ глаголовъ вѣмь, дамь, ѩмь и имамь.

Изъ перечисленныхъ только что глаголовъ имамь по архаическому спряженію спрягается только въ настоящемъ времени. Форма настоящаго времени имамь можетъ быть названа архаической не вполнѣ: въ ней флексія присоединяется къ корню не непосредственно, а при помощи суффикса а, а второе лицо ед. числа имѣетъ флексію ши, а не си.

Настоящее время.

Ед. ч.	1.	вѣмь	дамь	ѩмь	имамь
	2.	вѣси	даси	ѩси	имаши
	3.	вѣсть	дасть	ѩсть	имать
Дв. ч.	1.	вѣвѣ	давѣ	ѩвѣ	имавѣ
	2.	вѣста	даста	ѩста	имата
	3.	вѣста [тє]	даста [тє]	ѩста [тє]	имата [тє]
Мн. ч.	1.	вѣмъ	дамъ	ѩмъ	имамъ
	2.	вѣстє	дастє	ѩстє	иматє
	3.	вѣдать	дадать	ѩдать	имѫть.

Аористъ.

Ед. ч.	1.	вѣдѣхъ	дахъ	ѩхъ
	2.	вѣдѣ	да, дасть	ѩ, ѩсть
	3.	вѣдѣ	да, дасть	ѩсть
Дв. ч.	1.	вѣдѣховѣ	даховѣ	ѩховѣ
	2.	вѣдѣста	даста	ѩста
	3.	вѣдѣста [тє]	даста [тє]	ѩста [тє]

Мн. ч.	1.	вѣдѣхомъ	дахомъ	ꙗхомъ
	2.	вѣдѣсте	дасте	ꙗсте
	3.	вѣдѣша	даша	ꙗша.

Отъ глаголовъ дати и ꙗсти употребляются еще аористы дадохъ и ꙗдохъ.

Преходящее время.

Ед. ч. 1. вѣдѣахъ, дадѣахъ [23]), ꙗдѣахъ и т. д.

Повелит. наклоненіе.

Ед. ч.	2.	вѣждь [ди]	даждь [ди]	ꙗждь [ди]
Дв. ч.	1.	вѣдивѣ	дадивѣ	ꙗдивѣ
		вѣдита	дадита	ꙗдита
Мн. ч.	1.	вѣдимъ	дадимъ	ꙗдимъ
	2.	вѣдите	дадите	ꙗдите.

Прич. наст. вр. дѣйств. залога.

вѣды дады ꙗды

Прич. прошед. вр. дѣйств. залога.

Склоняемое	вѣдѣвъ	давъ	ꙗдъ
Несклоняемое	вѣдѣлъ	далъ	ꙗлъ.

Причастіе настоящ. времени страд. залога.

вѣдомъ дадомъ ꙗдомъ.

Причастіе прошед. времени страдат. залога.

вѣдѣнъ данъ ꙗденъ.

Образованіе прочихъ формъ понятно [24]).

[23]) Въ формахъ дадохъ и дадѣахъ наблюдается удвоеніе коренного согласнаго (да-д).

[24]) Глаголъ вѣсти въ 1 л. ед. ч. наст. вр. кромѣ формы вѣмь имѣетъ еще форму вѣдѣ (греч. οἶδα, ϝοῖδα).

§ 51. Образцы спряженія обыкновенныхъ глаголовъ.

I спряженіе. Настоящее время.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	нес-ж	несе-вѣ	несе-мъ
2.	несе-ши	несе-та	несе-те
3.	несе-ть [тъ]	несе-та [те]	нес-жть [тъ].

Аористъ

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	нес-о-хъ	нес-оховѣ	нес-охомъ
2.	нес-е	нес-оста	нес-осте
3.	нес-е	несос-та [те]	нес-оша.

Преходящее время.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	нес-ѣа-хъ	нес-ѣа-ховѣ	нес-ѣа-хомъ
2.	нес-ѣа-ше	нес-ѣа-ста [25])	нес-ѣа-сте
3.	нес-ѣа-ше	нес-ѣа-ста [те]	нес-ѣа-хж.

Прошед. совер. сложное.

неслъ юсмь и проч.

Давнопрошедшее сложное.

неслъ бѣахъ и проч.

Будущее время.

бждж нести и проч.

Повелительное наклоненіе

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	—	нес-ѣ-вѣ	нес-ѣ-мъ
2.	нес-и	нес-ѣ-та	нес ѣ-те
3.	нес-и	—	—

---

[25]) Также несѣашета; подобнымъ же образомъ и въ 3 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч.

Условн. наклоненіе прошед. вр.

несл̑ъ быхъ и проч.

Условное наклоненіе будущаго времени.

несл̑ъ бѫдѫ и проч.

Неопредѣленное наклоненіе.

нес-ти.

Достигательное наклоненіе.

нес-тъ.

Причастія.

Дѣйств. залога наст. вр. несы
„ „ прош. вр. склоняемое несъ
„ „ прош. вр. несклоняемое несл̑ъ
Страд. залога наст. вр. несо-мъ
„ „ прош. вр. нес-енъ.

§ 52. Второе спряженіе.

Настоящее время.

Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1. виждѫ	види-вѣ	види-мъ
2. види-ши	види-та	види-те
3. види-ть [тъ]	види-та [те]	вид-ѧть [тъ]

Аористъ.

Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1. видѣ-хъ	видѣ-ховѣ	видѣ-хомъ
2. видѣ	видѣ ста	видѣ-сте
3. видѣ	видѣ-ста [те]	видѣ-шѧ.

Преходящее время.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	видѣа-хъ	видѣа-ховѣ	видѣа-хомъ
2.	видѣа-ше	видѣа-ста [26])	видѣа-сте
3.	видѣа-ше	видѣа-ста [те]	видѣа-хѫ.

Прошедшее совершенное сложное.

видѣлъ есмь и проч.

Давнопрошедшее сложное.

видѣлъ бѣахъ и проч.

Будущее время.

бѫдѫ видѣти и проч.

Повелительное наклоненіе.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1.	—	вид-и-вѣ	вид-и-мъ
2.	виждь	вид-и-та	вид-и-те
3.	виждь [27])	—	—

Условное наклоненіе прошед. вр.

видѣлъ быхъ и проч.

Условное наклоненіе будущ. вр.

видѣлъ бѫдѫ и проч.

Неопредѣленное наклоненіе.

видѣ-ти.

Достигательное наклоненіе.

видѣ-тъ.

---

[26]) видѣашета и т. д.

[27]) Форма виждь представляетъ собою исключеніе: остальные глаголы 2-го спряженія во 2 и 3 л. ед. ч. повелит. наклон. имѣютъ окончаніе и: сиди, зьри, люби, моли.

Причастія.

Дѣйств. залога наст. вр. вида
» » прош. вр. склон. видѣвъ
» » » несклон. видѣлъ.
Страд. залога. наст. вр. види-мъ
» » прошед. вр. видѣ-нъ.

§ 53. Спряженіе страдательнаго залога. Для обозначенія страдательнаго залога въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ употребляется, какъ и въ русскомъ 1) глагольная форма на сѧ (напр.: сластьми житиискыми подавлѣютьсѧ) и 2) причастныя формы страдательнаго залога въ соединеніи съ глаголомъ быти. (напр., быти несомоу).

Образецъ спряженія. Несоверш. видъ.

Неопр. наклон. быти несомоу.
Настоящ. время. несомъ юсмь
Аористъ несомъ быхъ.
Преходящее вр. несомъ бѣахъ.
Будущее время несомъ бѫдѫ.
Повелит. наклон. несомъ бѫди.

Совершенный видъ.

Настоящ. время несенъ юсмь.
Аористъ несенъ быхъ и т. д.

Неизмѣняемыя части рѣчи.

§ 54. Всѣ не измѣняемыя (нефлексивныя) части рѣчи образовались отъ измѣняемыхъ (флексивныхъ). Иногда возможно опредѣлить происхожденіе неизмѣняемыхъ частей рѣчи: напр., слово кромѣ произошло отъ мѣстнаго падежа существ. крома (край); слово междѫ (междоу) сопоставляется съ существ. между, русск. межа и латинскимъ прилагательнымъ medius, media, medium. Во многихъ случаяхъ опре-

дѣленіе происхожденія неизмѣняемаго слова невозможно: таковы слова и, нѣ, съ и т. п.

Нарѣчія. Нарѣчія образуются отъ разныхъ частей рѣчи: отъ существительныхъ (напр., кромѣ), отъ прилагательныхъ (напр., грьчьскы), отъ мѣстоименій (напр., къде, сьде), отъ числительныхъ (напр., дъвашьды), отъ глаголовъ (см. предыдущій примѣръ).

Для образованія нарѣчій берутся разные падежи склоняемыхъ частей рѣчи съ предлогами и безъ нихъ. Нарѣчіе качественное образуется отъ винительнаго падежа единств. числа имени прилагательнаго средняго рода: напр., глѫбоко.

Предлоги. Въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ употреблялись почти тѣ же предлоги, что и въ современномъ русскомъ языкѣ: въ, на, отъ, съ и т. д. Предлогъ съ являлся также въ формѣ сѫ.

Форма съ произошла вслѣдствіе того, что въ первоначальномъ sam конечный звукъ m былъ отброшенъ, а форма сѫ—вслѣдствіе того, что въ томъ же словѣ конечный m не отпалъ, а соединился съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ и образовалъ большой юсъ (sam, сом, съм, съ; sam, сом, сон — сѫ).

Предлогъ въз-, который теперь въ формѣ *воз*, *вз* употребляется только въ качествѣ приставки, въ древнемъ языкѣ употреблялся и какъ самостоятельный предлогъ: благодать въ благодать.

Союзы. Въ противоположность предлогамъ въ ст.-ц.-слав. языкѣ употреблялись союзы не только употребительные въ современномъ русскомъ языкѣ, какъ, напр., нъ (нѫ), и, да, но и многіе другіе, нынѣ неупотребительные: напр., занѥ, понѥ, аще, ѥда, негъли (некъли), небонъ. Иногда возможно опредѣленіе состава союзовъ: напр. занѥ состоитъ изъ предлога за и винит. пад. ед. ч. сред. рода мѣстоименія и, ꙗ, ѥ

Главнѣйшія особенности синтаксиса ст.-ц.-славянскаго языка.

§ 55. Особенности въ употребленіи падежей.

1. *Родительный раздѣлительный*. Родит. раздѣлительный употреблялся или безъ предлога, или съ предлогомъ отъ: комоужьдо насъ, гл҃ааxѫ юдини отъ фарисеи.

2. *Мѣстный падежъ*. Мѣстный падежъ употреблялся для обозначенія мѣста на вопросъ: гдѣ? и времени на вопросъ: когда?

3. При достигательномъ наклоненіи обыкновенно употреблялся родительный падежъ: чьсо изидосте видѣтъ.

Особенности простого предложенія.

4. Связка въ составномъ сказуемомъ никогда не опускалась: Азъ юсмь свѣтъ мироу.

5. Въ составномъ сказуемомъ всегда употреблялся именительный падежъ: бѣаxѫ видѣли прѣжде, ꙗко слѣпъ бѣ. Єда и вы хощете оучєници юго быти. рьци да каменнє се xлѣби бѫдѫть.

6. При подлежащемъ, выраженномъ именемъ существительнымъ собирательнымъ единственнаго числа, ставилось сказуемое во множественномъ числѣ: народъ же стоꙗ и слышаѣ глаголааxѫ

7. Имя прилагательное, мѣстоименіе и причастіе средняго рода, употребленное въ смыслѣ существительнаго, ставилось не въ единственномъ числѣ, какъ теперь, а во множественномъ: събєрѫ тоу вьсꙗ жита моꙗ и благаꙗ моꙗ... И моꙗ вьсꙗ твоꙗ сѫть и твоꙗ моꙗ.

Особенности сложнаго предложенія.

8. *Дательный самостоятельный*. Вмѣсто придаточнаго предложенія обстоятельства времени употреблялся особый оборотъ, называемый дательнымъ самостоятельнымъ (соотвѣтствуетъ латинскому ablativus absolutus и греческому

родительному самостоятельному). Вмѣсто подлежащаго придаточнаго предложенія ставился дательный падежъ имени существительнаго, а вмѣсто сказуемаго причастіе въ томъ же падежѣ: съпащемъ же ҷлкомъ приде врагъ его (когда люди спали, пришелъ врагъ его).

9. Причастіе вмѣсто глагола. Если одно предложеніе подчиняется другому при помощи относительнаго слова (мѣстоименій къто, чьто, нарѣчія кѫдѣ и т. п.), то въ придаточномъ предложеніи глаголъ сказуемое замѣняется причастіемъ: не вѣдать бо са, чьто творащє (=не знаютъ, что творятъ).

Б. Гвоздиковъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію.

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. т. XXI. 1906 г. Историко-филологическое отдѣленіе. 1907.

2) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ С.П.Б. 1908 г. №№ 8, 9, 11.

3) Славянскія Извѣстія № 8. 1907 г. № 1—3. 1908 г.

4) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1908 г. Тома XIII кн. 1-ая.

5) Русская школа № 5 и 6 1908 г. С.П.Б.

6) Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1908 г., №№—1 и 2.

7) К. Ельницкій. Преподаваніе педагогики. Изд. 2. Цѣна 25.

8) Мирный Трудъ. 1908 г. №№—1, 2, 3, 4, 5, 6—7, 8, 9, 10.

9) Ljetopis Iugoslavenske Akademije Znanosti i Umjétnosti za godinu 1907. 22 svezak. U Zagrebu 1908.

10) Rad Iugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Knjiga 172. U Zagrebu 1908.

11) Н. Громцовъ. Четвертая буколика Виргилія. Воронежъ. 1908.

12) В. М. Гуссовъ. Принципы грамматическаго анализа простого предложенія. Воронежъ 1907.

13) П. Никольскій. Къ вопросу о методикѣ разсужденія. Воронежъ 1908.

14) Л. Леже. Славянская миѳологія. Перев. съ фран. подъ ред. проф. Шляпкина В. А. Пасенко Воронежъ. 1908 г.

15) К. Бархинъ. О Гоголевскомъ направленіи. Воронежъ 1908.

16) Литературный Сборникъ «Вѣнокъ» въ память И. В. Клагина Воронежъ. 1908 г.

17) Д. Ѳоминъ. Справочникъ по русскому правописанію (сводъ ороографич. правилъ). Воронежъ. 1908.

18) М. И. Тимофеевъ. Естественный звуковый методъ. Одесса. 1908 г. 50 к.

19) М. И. Тимофеевъ. Азбука первые уроки. Обученіе чтенію по естественному звуковому методу. Одесса. 1908 г. 20 к.

20) Работы комиссіи по русскому языку при Одесскомъ кадетскомъ корпусѣ съ февраля 1907 по май 1908 г. Одесса 1908 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

4-й годъ изданія журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ.
на единственный въ Россіи двухнедѣльный, рѣдкій по изяществу,

XI-й годъ издательск. дѣятельн.

Художественно-Литературный и Научный Журналъ

ПРОБУЖДЕНІЕ

издаваемый по образцу дорогихъ заграничныхъ изданій

съ роскошными многокрасочными картинами.

четвертый годъ изданія

Въ журналѣ принимаютъ участіе выдающіеся современные русскіе писатели: Леонидъ Андреевъ, Арцыбашевъ М. П., Андрусонъ Л. И., Баранцевичъ К. С., Бунинъ И. А., Будищевъ А. Н., Гусевъ-Оренбургскій С. И., Гнѣдичъ П. П., Городецкій Сергѣй, Измайловъ А. А, Измайловъ Вл., Каменскій А. П., Корецкій Н. В., Купринъ А. И., Купчинскій Ф. Ф, Лазаревскій Б. А., Ленскій В. Я., Лихачовъ В. С., Муйжель В. В., Найденовъ С. А., Невѣжинъ П. М., Немировичъ-Данченко Вас Ив., Потапенко И. Н., Позняковъ Н. И., Первухинъ М. К., Рышковъ В. А., Серафимовичъ А. С., Скиталецъ, Тихоновъ Вл. А., Тимковскій Н., Толстой А. Н., Умановъ-Каплуновскій Вл., Федоровъ А. М., Фофановъ К. М, Чириковъ Е. Н., Чеховъ М. П., Щегловъ И. Л., Щепкина-Куперникъ Т. Л. и мног. друг.

Въ 1909 г. журналъ будетъ издаваться по значительно расширенной програмѣ:

Романы, повѣсти и разсказы. Историческая беллетристика. Очерки изъ исторіи и исторіи литературы—русской и всеобщей. Фельетоны. Новости литературы—русской и иностранной. Сатирическіе и юмористическіе разсказы. Критика. Искусство, театръ и музыка. Путешествія. Этнографическіе очерки. Записки и воспоминанія. Политическое обозрѣніе и

научныя политическія статьи на современныя темы. Текущія событія. Обозрѣніе провинціальной общественной дѣятельности. За рубежомъ. Естествознаніе Научныя новости. Вопросы гигіены и физическаго развитія. Драматическія произведенія. Ноты. Хроника. Библіографія.

Подписавшіеся на 1909 годъ получатъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца):

24 рескошно-иллюстрированныхъ выпуска Художественно-Литературнаго и Научнаго Журнала въ изящныхъ художественныхъ обложкахъ.

12 роскошныхъ многокрасочныхъ картинъ знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

12 картинъ наклеенныхъ, на паспарту, исполненныхъ цвѣтными красками.

24 картины, отпечатанныхъ автотипіей.

12 портретовъ выдающихся современныхъ дѣятелей.

12 выпусковъ «юмористическіе разсказы».

12 выпусковъ «веселый театръ». Пьесы.

5 выпусковъ въ листахъ художественныхъ работъ изъ картона исполненныхъ множествомъ красокъ съ оригиналовъ всемірно-извѣстныхъ художниковъ: Ганса Макарта, Бугеро, Виссона, Асти и друг.

Изъ нихъ:

1) Изящный, художественный стѣнной портфель для писемъ.

2) Художественныя ширмочки для украшенія письменнаго стола съ картинами Ганса Макарта

3) Изящный, исполненный множествомъ красокъ вѣеръ.

4) Художественный абажуръ.

5) Большая художественная рамка для кабинетнаго портрета.

12 изящныхъ томиковъ разсказовъ современныхъ иностранныхъ писателей: 1) Франціи, 2) Германіи, 3) Англіи, 4) Италіи, 5) Испаніи, 6) Даніи, 7) Швеціи и Норвегіи, 8) Турціи, 9 Японіи и Китая, 10) Польскіе разсказы, 11) Австро-Венгріи, 12) Разсказы Американскихъ писателей.

Роскошный художественный альбомъ для фотографическихъ портретовъ въ великолѣпно исполненной красками и тисненой золотомъ папкѣ.

Право на полученіе альбома имѣютъ только годовые подписчики подписавшіеся на журналъ своевременно до 1-го января 1909 года.

ПОДПИСНАЯ: ЦѢНА На годъ (безъ доставки) 6 руб.; съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 руб.; на полгода 4 рубля, на 3 мѣсяца 2 руб.; за границу 10 рублей. На сроки менѣе 3-хъ мѣсяцевъ подписка не принимается.

Адресъ редакціи: С.-П.-Б. Троицкая 6. Редакція журнала «ПРОБУЖДЕНІЕ».

1-4 Редакторъ-Издатель *Н. В. Корецкій.*

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ V.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (бывш. Исаева).
1908.

Содержаніе IV в „Филологическихъ Записокъ“.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

49-й годъ изд. въ 1909 году— **49-й** годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ВОПРОСАМЪ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

«Филологическія Записки» ОДОБРЕНЫ И РЕКОМЕНДОВАНЫ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед., 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.»: въ концѣ текста за страницу—10 р., $^1/_2$ стран.—5 р., $^1/_4$ стран.—3 р., $^1/_8$ стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., (приложеніемъ) вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 12 р., за два—20 р., за три 25 р.

Отвѣтственный Редакторъ Ѳ. М. Ильинскій.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

Адресъ Редактора и Издательницъ: Старо-Московск. ул. д. № 20-й.

ПРОГРАММА „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ".

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по русскому языку и словесности; 2) пробныя и другія лекціи или отрывки изъ нихъ по рус. яз. и сл., поэзіи, исторіи литературы; будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ; разные мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія; разныя методы и программы; указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствѣ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библіографія учебныхъ руководствъ по рус. яз. и сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой-либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библіографическій указатель книгъ и статей по рус. яз. и словесности, отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго, (народная словесность, народные говоры); 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ-либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной миѳологіи и народной психологіи.

Перепечатано изъ «Филолог. Зап.».

Воронежъ. Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К° (бывш. Исаева).

Императрица Екатерина II и ея литературно-просвѣтительная дѣятельность.

I.

«Если, защищая этимъ путемъ общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины, я могу спасти отъ ужасовъ и мученій смерти хотя одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ, то слезы и благословенія, вырвавшіяся изъ груди невиннаго въ порывѣ восторга, вознаградятъ меня за презрѣніе толпы».—Беккарій (О преступленіяхъ и наказаніяхъ).

Новыя требованія общественно-политической жизни XVIII вѣка нашли себѣ яркое отраженіе въ «литературѣ просвѣщенія». Безличное положеніе народныхъ массъ, какъ тяжелое наслѣдіе средневѣковаго феодализма, давало все новыя и новыя доказательства неудовлетворительности старыхъ правовыхъ нормъ. «Традиція», еще такъ недавно стоявшая на недоступной высотѣ, уже не возбуждала довѣрія къ своей тщательно скрываемой пустотѣ. Общество какъ-то незамѣтно для самого себя выросло и предъявило къ жизни новыя права и требованія. Глухое броженіе, начавшееся среди народовъ «Западной Европы, скоро передалось литературѣ, которая облекла его въ увлекательную форму скептицизма и научной критики существующихъ порядковъ. Невѣжество и предразсудки были причиной безсилія общества въ борьбѣ со все еще не сдававшейся традиціей. И вотъ, чтобы избавить человѣка отъ путъ безправія, необходимо было прежде подготовить его къ

пониманію истинныхъ основъ общежитія, развить въ немъ стремленіе къ самоусовершенствованію. Такую задачу взяли на себя знаменитые дѣятели «вѣка просвѣщенія» —энциклопедисты. Волна великаго умственнаго движенія перекинулась далеко за предѣлы Франціи, начавъ собою новую эру въ исторіи европейской мысли. Широкая и стремительная, волна эта почти не встрѣчала противодѣйствія со стороны своихъ противниковъ. Вліяніе идей «просвѣщенія» проникло и въ Россію, гдѣ нашло ревностныхъ защитниковъ и покровителей, между которыми почетное мѣсто занимаетъ Императрица Екатерина II.

До своего вступленія на престолъ Екатерина провела въ Россіи восемнадцать лѣтъ. Въ одно и то же время она испытываетъ на себѣ подозрительное отношеніе со стороны императрицы Елизаветы и нескрываемое презрѣніе своего супруга, великаго князя Петра Θеодоровича. Въ эти годы сосредоточенной уединенности она успѣла присмотрѣться къ окружающей обстановкѣ, посвятила себя своему любимому занятію—чтенію. Она читаетъ все, что попадетъ подъ руку, начиная отъ древнихъ классиковъ и кончая философско-политическими сочиненіями энциклопедистовъ. Все интересуетъ Екатерину,—исторія и изящная литература, политическая экономія и право. Читая и размышляя, она записываетъ свои впечатлѣнія. Среди многочисленныхъ авторовъ, съ которыми она ознакомилась, особенное вниманіе и любовь возбуждаютъ представители такъ называемой освободительной философіи и между ними главнымъ образомъ Вольтеръ. Еще въ юности, живя въ скромной обстановкѣ родного Цербста, Екатерина подъ руководствомъ своей гувернантки Кардель познакомилась съ лучшими произведеніями французскихъ клас-

сиковъ: Расина, Корнеля и Мольера. Въ 1745 году графъ Гюлленборгъ, уже видѣвшій въ пятнадцатилѣтней княжнѣ «философское направленіе ума», рѣшительно совѣтуетъ ей прочесть «Жизнеописанія знаменитыхъ мужей» Плутарха, «Жизнь Цицерона» и «Причины величія и паденія Римской Республики» «Монтескьё» [1]). Нѣтъ основаній полагать, что совѣтъ Гюлленборга не былъ исполненъ Екатериной, потому что вскорѣ послѣ этого юная княжна уже пишетъ свой «Портретъ философа въ 15 лѣтъ». Годъ спустя Екатерина впервые прочла одно изъ произведеній только что входившаго тогда въ моду Вольтера. Какое впечатлѣніе произвелъ на Екатерину Вольтеръ [2]), видно изъ ея перваго письма къ Arouet 1763 г.. На ряду съ этимъ она прочитываетъ Dictionnaire historique et critique Бэйля, который сообщилъ ей немало новаго и незнакомаго матеріала изъ области философской мысли. «Словарь» Бэйля подготовилъ Екатерину къ «Encyclopédie». Послѣ рожденія цесаревича Павла Петровича чтеніе императрицы сдѣлалось еще болѣе разнообразнымъ. «Я читала тогда, читаемъ мы въ Mémoires, «Исторію Германіи» и «Всеобщую Исторію» Вольтера [3]), послѣ чего прочла я въ эту зиму столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два толстые тома Баронія въ русскомъ переводѣ; потомъ мнѣ попался «Духъ законовъ» Монтескьё, послѣ чего я прочла «Лѣтописи»

---

[1]) См. у Бильбасова, т. I. 143.

[2]) Les oeuvres de Voltaire me tombèrent sous la main. Après cette lecture je cherchai des livres avec plus de choix», — отмѣтила Екатерина въ своихъ Запискахъ. Mémoires, 74.

[3]) Подъ «Всеобщей Исторіей» Екатерина разумѣла Essai sur les moeurs et l'esprit sur les nations.

Тацита, которыя произвели страшный переворотъ въ моей головѣ» [4]). «Analles» и «Esprit des lois», дѣйствительно, должны были произвести «переворотъ» въ міросозерцаніи Екатерины, которая познакомилась теперь съ основами государственнаго устройства и раціональной политики. Будущей императрицѣ, вдумчивой и наблюдательной, отъ природы надѣленной «философскимъ» складомъ ума, глубоко запали въ душу простыя, логически правильныя разсужденія Тацита о вредѣ деспотическаго правленія и убѣдительные доводы Монтескьё о необходимости политической свободы гражданъ. Екатерина называетъ «Esprit des lois» своимъ молитвенникомъ: такъ велико, слѣдовательно, было его вліяніе на нее. Да и какъ было не поддаться этому вліянію, когда «Духъ законовъ» съ поразительной ясностью излагалъ и защищалъ права человѣческой личности и въ увлекательныхъ образахъ рисовалъ истинное значеніе той или иной формы правленія. «Когда дикари Луизьяны хотятъ добыть плоды, они рубятъ въ корнѣ дерево—вотъ деспотическое правленіе» [5]). Такъ картинно объяснялъ Монтескьё самодержавіе. И Екатерина въ своемъ благоговѣніи передъ идеями «апостола правъ человѣка» доходила до того, что позже даже называла себя «республиканкой».

Но если Монтескьё открылъ передъ Екатериной новые горизонты въ области государственнаго и гражданскаго права, то Вольтеръ указалъ ей на вѣротерпимость, какъ на необходимѣйшее условіе общественныхъ правоотношеній. Вальтеръ былъ замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ, его геній обнималъ собой поэзію и

---

[4]) См. у Бильбасова, 294 (Mémoires, 225).
[5]) Esprit des lois Paris. 1851. lib. V. ch. 13.

философію, исторію и соціологію. Блестящій умъ, необыкновенная легкость и ясность выраженія, ѣдкое остроуміе и сила убѣжденія соединялись въ Вольтерѣ въ одно гармоническое цѣлое и, естественно, создавали ему небывалый еще успѣхъ. При колоссальности своихъ дарованій, онъ развилъ въ себѣ холодный анализирующій скептицизмъ, котораго стрѣлы сыпались то на причудливые предразсудки невѣжественныхъ массъ, то на казавшіеся непобѣдимыми догматы теологіи. Глубокій психологъ и великій художникъ, онъ сталъ во главѣ того общественнаго движенія, которое привело къ событіямъ 1789-го года. То, что долго считалось закрытымъ отъ взоровъ непосвященной массы вдругъ обнажилось: авторитетъ власти, какъ и обаяніе церкви, были поколеблены энергичнымъ натискомъ свободолюбиваго философа, объявившаго теоретическіе выводы свободнаго разума выше законовъ схоластическаго «преданія».

Екатерина читаетъ «Опытъ о правахъ», романы и повѣсти съ ихъ легкимъ, подчасъ даже фривольнымъ содержаніемъ. Ея мысль, не видѣвшая выхода въ фальшивой и натянутой придворной средѣ, устремляется къ Вольтеру, который привлекалъ ее своимъ безразличнымъ отношеніемъ къ неизвѣстному будущему человѣческой души и рѣшительнымъ протестомъ противъ невѣжества, суевѣрій и ханжества, такъ старательно оберегаемыхъ католической церковью. «Масса лжи, заблужденій и самаго возмутительнаго вздора, въ которомъ мы погрязали столько вѣковъ, была однако безсильна причинить малѣйшій вредъ нашей религіи; она, безспорно, божественна, если даже семнадцать вѣковъ обмана и глупости не могли разрушить ея», высказывался Вольтеръ о христіанствѣ. И Екатерина устанав-

ливаетъ непосредственныя сношенія съ Вольтеромъ, съ этимъ «богомъ» невѣрующей Европы; она расточаетъ ему похвалы, заискиваетъ въ немъ, называетъ его своимъ учителемъ. «Вы меня мыслить пріучили» —пишетъ, между прочимъ, ему Екатерина.

Въ перепискѣ съ императрицей были всѣ главнѣйшіе представители «освободительной» философіи: д'Аламберъ, Денисъ Дидро, Мельхіоръ Гриммъ, который состоялъ политическимъ корреспондентомъ почти всѣхъ европейскихъ дворовъ, и другіе. Философы пользуются милостивымъ вниманіемъ и довѣріемъ императрицы. Она настойчиво приглашаетъ д'Аламбера руководить воспитаніемъ сына, обѣщая ему въ Петербургѣ «больше свободы и спокойствія», чѣмъ то могло быть въ умственномъ центрѣ тогдашней Европы-Парижѣ. Дидро получаетъ предложеніе основать въ Россіи стройную систему народнаго обученія. Переписка съ Гриммомъ, длившаяся до самой смерти Екатерины, была дружескимъ обмѣномъ мнѣній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ жизни. Отношенія къ энциклопедистамъ были настолько доброжелательны, даже сердечны, что Дидро и Гриммъ побывали въ гостяхъ въ Петербургѣ и испытали здѣсь щедрыя милости императрицы. Екатерина съ интересомъ слушала восторженную бесѣду Дидро, передъ «Dictionaire Encyclopedique» котораго она положительно благоговѣла. «Я не могу оторваться отъ этой книги, писала въ 1767 году она Фальконэ, это неисчерпаемый источникъ превосходныхъ вещей». И этотъ отзывъ объ энциклопедіи, въ которой собраны были великія мысли XVIII вѣка, въ которой высказались кромѣ Дидро и другіе философы, какъ Вольтеръ, Монтескьё, д'Аламберъ, Руссо, Бюффонъ, Гольбахъ, Кондорсэ, нельзя признать совершенно неискреннимъ.

Конечно, обильныя похвалы Екатерины могли быть отчасти извѣстнымъ тактическимъ пріемомъ, направленнымъ изъ постороннихъ побужденій; однако, идейное воздѣйствіе на Екатерину Вольтера, какъ и Монтескьё, не подлежитъ никакому сомнѣнію и нашло себѣ ясно очерченный исходъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ императрицы.

Гоненія, обрушившіяся на энциклопедію со стороны французскаго правительства, высоко подняли ея обаяніе въ Европѣ. И покровительственная поддержка Екатериной философовъ создала необычайную популярность царственной «республиканкѣ» среди европейскаго общества.

Идейное воздѣйствіе энциклопедистовъ на Екатерину выразилось прежде всего въ самой дѣятельности ея, какъ государыни. Въ виду того, что характеръ литературныхъ произведеній находится въ зависимости отъ ея законодательно-административныхъ дѣяній, мы позволимъ себѣ указать на главнѣйшія изъ послѣднихъ. «Весь секретъ царствованія Екатерины заключается въ искорененіи самыхъ идей деспотизма и внушенія народу чувства свободы»—говорилъ лично знавшій императрицу одинъ иностранецъ [6]) Это свидѣтельство носитъ въ себѣ несомнѣнную долю истины. Если мы прослѣдимъ длинное царствованіе Екатерины II, если взвѣсимъ отдѣльные факты ея разносторонней дѣятельности, то, вѣроятно, убѣдимся, что ею, по крайней мѣрѣ въ первые двѣнадцать лѣтъ царствованія, руководили высокія начала гуманности и стремленія насадить въ Россіи свободу, просвѣщеніе, правосудіе и достатокъ. Другой вопросъ, восторжествовали ли въ концѣ концовъ

---

[6]) Θеатръ Россійскій. V, 293.

эти начала, или нѣтъ. Для насъ достаточно установить побужденія и цѣли просвѣтительныхъ начинаній императрицы, вполнѣ довольно доказать связь между идеями энциклопедистовъ и литературнымъ направленіемъ Екатерины. Изъ этой связи и должна вытекать, какъ слѣдствіе, самая государственная дѣятельность.

«Дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ» [7], Екатерина въ 1767 году созываетъ въ Москвѣ знаменитую Комиссію изъ представителей русской земли. Она желала узнать «нужды и недостатки каждаго мѣста» отъ людей земли, долженствующихъ просто и правдиво высказаться, обмѣняться взглядами и тѣмъ самымъ положить начало участію народа въ государственномъ законодательствѣ. Извѣстно, что Комиссія эта по своему составу была, дѣйствительно, народной. Рядомъ съ знатными и богатыми дворянами тутъ были представители «средняго сословія»—купечества и мѣщанства и избранники земледѣльцевъ крестьянъ. Правительство впервые встрѣтилось лицомъ къ лицу съ самою жизнью народа, съ его многообразными нуждами, которыя раньше безслѣдно тонули въ пыли канцелярскихъ архивовъ. Созваніе Комиссіи было торжествомъ справедливости къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», актомъ признанія правъ за личностью. Развѣ въ этомъ необычномъ стремленіи къ совершенствованію формъ государственнаго управленія и законодательства, а слѣдовательно и къ истинному благу гражданъ не выступаетъ во всей полнотѣ облагораживающее вліяніе «Духа законовъ»? Развѣ въ «Наказѣ» не находимъ мы ясныхъ и точныхъ заимствованій изъ трактатовъ Монтескьё и Беккарія?

[7] Сборн XXVII. 175.

Но взглянемъ на постоянную и упорную борьбу императрицы съ общественной грубостью. Она обрушивается на суевѣріе и бездушное ханжество, объявляетъ войну тому «одурачиванію» людей, которое скрывалось подъ таинствами мартинистовъ. Во всемъ этомъ видѣнъ духъ скептика Вольтера, котораго разсудочный умъ пронизывалъ насквозь и бредни мистиковъ и шаткіе тезисы традиціонной морали. Усиленная дѣятельность Екатерины въ насажденіи просвѣщенія, въ содѣйствіи развитію изящнаго вкуса, прямо отражаетъ гуманитарныя задачи энциклопедистовъ. Учреждается Комиссія объ устройствѣ училищъ. Изъ Австріи приглашается опытный педагогъ Янковичъ, которому поручаютъ открыть нѣсколько школъ новаго типа. Екатерина при участіи И. И. Бецкаго стремится воплотить въ жизнь новый способъ воспитанія, который, несомнѣнно, подсказалъ ей Локкъ и Базедовъ и, можетъ быть, ненавидимый ею Руссо.

II.

Разбору важнѣйшаго произведенія Екатерины — Наказа мы считаемъ необходимымъ предпослать краткое обозрѣніе общаго характера ея литературной дѣятельности. Чтобы судить объ этой дѣятельности, полезно вспомнить мнѣніе самой писательницы о себѣ, записанное въ автобіографіи незадолго до кончины: «Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко — достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе основательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна, какъ овечка. Причина этого кроется въ силь-

вомъ желаніи, которое я всегда имѣю, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинные принципы, чему я и обязана большими успѣхами.... Я никогда не стѣсняла ничьево мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго... Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ» [8]). Въ основѣ литературной дѣятельности Екатерины, дѣйствительно, легли «благіе принципы». Ученица Вольтера, прославляемая всѣми «знаменитостями» вѣка, она въ своихъ произведеніяхъ послѣдовательно проводила идеалы гуманности и просвѣщенія, какъ это ни расходилось подчасъ съ ея административно-политическими шагами. Литературные труды императрицы значительны по объему и разносторонни по содержанію. Они обнимаютъ собою исторію и педагогику, журналистику и бытовую комедію, политику и право. Кажется, что писательница интересовалась всѣми областями народной жизни, вездѣ хотѣла внести собственный взглядъ и личное участіе.

Желаніе способствовать освѣщенію фактовъ русской исторіи выразилось въ составленіи объемистыхъ «Записокъ касательно Россійской исторіи», обработанныхъ Екатериной по имѣвшимся въ ея распоряженіи источникамъ. Трудъ этотъ былъ выполненъ очень тщательно и появился въ 1735 году въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова». Цѣлью сочиненія было показать читателямъ, что «родъ человѣческій вездѣ и повселенной единакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употреблялъ нерѣдко единакіе способы» [9]) Записки стараются защитить нашихъ предковъ

[8]) Сборникъ. XLII. 116.

[9]) См. въ «Запискахъ»—предисловіе.

отъ тѣхъ нападокъ въ грубости, которыя позволяли себѣ историки-иностранцы. Екатерина доказываетъ существованіе въ древней Руси глубокаго стремленія къ добродѣтели и сознанію долга въ отношенія отечества. Другой чертой «Записокъ» нужно признать господство идей «просвѣщеннаго деспотизма», воспринятой отъ философовъ XVIII вѣка. Уже въ далекую пору начальной исторіи русскіе князья, по мнѣнію Екатерины, были источникомъ благополучія своихъ подданныхъ. Монархическая власть признается существовавшей во всей своей полнотѣ уже въ первые вѣка русской государственной жизни. При всей односторонности своихъ взглядовъ, «Записки» были въ свое время полезной учебной книгой, содержащей достаточное количество фактовъ и цѣлый рядъ вполнѣ правдоподобныхъ историческихъ построеній. Добролюбовъ указываетъ, что императрица, «давъ намъ образецъ своихъ взглядовъ на исторію, вмѣстѣ съ тѣмъ представила и образецъ умѣнья провести свою мысль во всемъ трудѣ и направить его къ подтвержденію своей идеи, не прибѣгая ни къ явнымъ натяжкамъ, ни къ совершенному искаженію достовѣрныхъ фактовъ» [10]). Историческаго характера были также «вольныя подражанія Шекспиру»: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрикъ» и «Начальное управленіе Олега» [11]). Эти драмы служили какъ-бы развитіемъ «Записокъ». Въ нихъ проводится тотъ же взглядъ на существо монархической власти, а условіемъ благоденствія народа считается повиновеніе его правителямъ. Однако, къ главѣ государства Екатерина

---

[10]) Добролюбовъ, Собр. сочиненій. Т. I стр 31.

[11]) Соч. И. Екатер. изд. Акад. Наукъ, II—219. С.П.Б. 1862 года.

предъявляетъ требованія милосердія, кротости и глубокаго уваженія къ нравамъ и обычаямъ народа.

Большаго вниманія заслуживаютъ комедіи Екатерины, направленныя противъ отрицательныхъ сторонъ современной жизни и быта. Въ ряду такихъ пьесъ наиболѣе замѣчательна комедія «О, время» [12])! Характерными лицами являются здѣсь три сестры: Ховжахина, Вѣстникова и Чудихина. Это выразители грубости, невѣжества, суевѣрія и ханжества. Нравственныя качества Ховжахиной отчетливо вырисовываются изъ описанія ея дневныхъ занятій. Рано утромъ она оправляетъ передъ образами лампадку, потомъ прочитываетъ утреннія молитвы и акаѳистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: «блаженъ, кто и скоты милуетъ»! Среди этого молитвеннаго пѣнія она своихъ слугъ «также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ». Во время заутрени она «посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ» и одновременно «подаетъ попу кадило». Внучка Ханжахиной Христина, наоборотъ, представляетъ идеалъ честной и добродѣтельной дѣвушки, неизуродованной «моднымъ» воспитаніемъ и не поддавшейся пагубному вліянію своей бабки.

Пристрастіе къ иноземщинѣ нашло себѣ осмѣяніе въ комедіяхъ. Въ «Именинахъ г-жи Ворчалкиной» [13]) выведена развращенная модница Олимпіада, въ своей пустой и цинической болтовнѣ постоянно прибѣгающая къ услугамъ крылатахъ французскихъ словечекъ. Картину безнравственности и слѣпой подражательности

[12]) Т II. стр. 259.
[13]) Соч. Ек. С.П Б. 1901 I. 5.

дворянскаго общества дополняетъ щеголь Фирлюфюшковъ, галломанъ и волокита, считающій книги и науку «дурачествомъ». Крѣпостное право въ изображеніи комедій представляется тяжелымъ; его жестокость кажется Екатеринѣ совершенно безцѣльной. Резонеръ-слуга Антипъ высказывается по этому поводу такъ: «будто можно побоями перемѣнить человѣческій нравъ? Посмотри-тко ты, у Невѣждова всякій день то и дѣло, что людей порютъ батожьемъ, и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину, кожу съ нихъ спускаютъ, а люди всѣ воры и пьяницы» [14]). Такимъ образомъ, драматическія произведенія Ечатерины различаются по тѣмъ задачамъ, которыя проводятся въ нихъ. Съ одной стороны, историческая драма развивала благодѣтельное значеніе въ народной жизни «просвѣщеннаго деспотизма», съ другой—бытовая комедія осмѣивала общественные недостатки и пороки. Сатира комедіи, была вполнѣ искренней и откровенной. По своему характеру она приближалась къ смѣлымъ обличеніямъ журналовъ Новикова.

Педагогическіе взгляды были высказаны Екатериной по поводу необходимости дать опредѣленное направленіе воспитанію ея внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Въ 1785 году императрица написала особую «Инструкцію князю Николаю Ивановичу при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей» [15]). Во взглядахъ императрицы на дѣло образованія и воспитанія ясно сказалось вліяніе раціо-

---

[14]) Соч. Ек. I—49. Сословная гордость осмѣяна устами Дремова: «какая глупая гордость, говоритъ онъ, хвалиться родомъ!» (Ib. III.).

[15]) Полн. Соб. соч. И. Екатерины. Изд. Смирдина, 1849. I—1907.

налистической философіи XVIII вѣка; особенно чувствуется преклоненіе ея предъ воззрѣніями Локка [16]) и Ж. Ж. Руссо. Сущность педагогическихъ ученій этихъ великихъ мыслителей сводилась къ признанію необходимости устраненія отъ дѣтей всѣхъ вредныхъ вліяній окружающей дѣйствительности. Въ дѣлѣ воспитанія Руссо проповѣдывалъ близость къ природѣ и предоставленіе дѣтской душѣ права развиваться свободно, внѣ стѣсняющихъ условій свѣтской жизни. Обученіе, по мнѣнію Руссо, необходимо вести по практическому пути, не заботясь объ обогащеніи ума спеціальными свѣдѣніями, но развивая въ немъ его индивидуальныя наклонности. Авторъ «Инструкціи» полагаетъ, что воспитаніе должно имѣть большее значеніе, чѣмъ образованіе. «Воспитаніе, говоритъ императрица, замыкается въ четырехъ вещахъ: а) въ добродѣтели, в) въ учтивости, с) въ добромъ поведеніи и д) въ знаніи» [17]). Екатерина считаетъ необходимой особенную заботу о воспитаніи физическомъ. По ея словамъ, «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе». Рекомендуется также закаливать дѣтскій организмъ умѣренностью въ образѣ жизни и пріученіемъ къ выносливости. Увлеченіе идеей «просвѣщеннаго деспотизма» сказалось и въ изложеніи системы воспитанія. Екатерина требуетъ отъ дѣтей безпрекословнаго повиновенія волѣ наставниковъ, которые не должны исполнять никакихъ прихотей своихъ питомцевъ. Педагогическая цѣль положена и въ основу сказокъ: «О царевичѣ Хлорѣ» и «О царевичѣ Февеѣ» [18]) Въ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ «Инструк-

---

[16]) См. Соч. Локка «О воспитаніи», русск. изд. Поповскаго, 1760.

[17]) П. С. соч. Екат. изд. Смирдина, I—279.

[18]) Ib. стр. 256.

ціи», подчеркивается обязательность внушенія дѣтямъ правилъ добродѣтели, скромности и гуманнаго отношенія къ людямъ, которые стоятъ ниже по своему положенію. И здѣсь авторитетъ «старшихъ» признается условіемъ правильнаго воспитанія. Выводомъ изъ всѣхъ педагогическихъ взглядовъ Екатерины было сознаніе необходимости создать «новую породу» людей путемъ установленія способовъ къ болѣе раціональному воспитанію юношества. Всѣмъ извѣстно, что эти мысли имѣли своимъ послѣдствіемъ учрежденія учебно-воспитательныхъ заведеній особаго типа. Такъ, въ 1764 году было издано «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества». Типъ новаго учебнаго заведенія представлялъ собою закрытый пансіонъ, совершенно исключавшій всякое вліяніе на дѣтей со стороны и отдававшій ихъ въ полное и продолжительное руководство воспитателя.

Участвовала Екатерина и въ повременныхъ изданіяхъ своего времени. Въ 1769—70 гг. подъ редакціей Г. В. Козицкаго, бывшаго впослѣдствіи статсъ-секретаремъ императрицы, издавалась «Всякая всячина» [19]). Изданіе это имѣло своимъ образцомъ журналъ Аддисона «The spectator» и ставило своей задачей побуждать читателей «смѣяться самимъ себѣ». Въ этомъ журналѣ фактическимъ редакторомъ и авторомъ многихъ статей была сама Екатерина. Однако, смѣхъ «Всячины» не походилъ на обличительное рвеніе Новиковскаго «Трутня». Журналъ императрицы, подъ видомъ нежеланія осмѣивать «лица», ослабилъ самое значеніе своей сатиры, лишивъ ее общественнаго интереса. Смѣхъ «Всячины» простодушный; тонъ дидактическій, предпочитаю-

---

[19]) См.: Неустроевъ. «Розыск о повpем. изд. СП.Б.. 1874 Стр. 126

щій говорить о добродѣтели и снисходительно относящійся къ «порокамъ». Изъ-за разницы во взглядахъ на значеніе и характеръ сатиры возникла даже горячая полемика между «Всячиной» и издателемъ «Трутня». Мораль «Всячины», дѣйствительно, была слишкомъ снисходительной. Екатерина хочетъ видѣть въ порокахъ только «слабости», которыя должны быть извиняемы изъ чувства «человѣколюбія». «Исправленіе» же пороковъ печатнымъ смѣхомъ она называетъ жестокимъ и «скучнымъ». Споръ между двумя журналами закончился неблагополучно для Новикова, силою обстоятельствъ принужденнаго, какъ извѣстно, прекратить навремя свою публицистическую дѣятельность. Но нѣсколько спустя Екатерина и Новиковъ примиряются, и «Живописецъ» пользуется расположеніемъ императрицы. Очевидно, она сознала свою неправоту во взглядѣ на задачи сатирика и возвратила знаменитому издателю возможность продолжать свое дѣло. Она даже лично участвовала въ его журналѣ своими статьями [20]).

Остается еще указать на «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» [21]) который помѣщалъ на своихъ страницахъ произведенія всѣхъ важнѣйшихъ писателей того времени: Фонвизина, Державина, Хераскова, Капниста, Княжнина, Богдановича и др. Журналъ редактировался президентомъ Академіи Наукъ княгиней Е. Р. Дашковой, хотя главное руководство изданіемъ находилось въ рукахъ самой императрицы. Большую половину «Собесѣдника» заняли «Записки касательно Россійской Исторіи». Въ журналѣ было помѣщено и другое произведеніе Екатерины—«Были и небылицы»,

---

[20]) Неустроевъ. 172.

[21]) 1783—1784. У Неустроева—344.

представляющія собою легкую сатиру на второстепенные по своей важности пороки: ложь, щегольство, мелочность и др. Сатира «Былей и небылицъ» лишена глубокаго общественнаго характера, за исключеніемъ развѣ нападокъ на французоманію, по существу своему довольно невинныхъ. Въ отвѣтахъ же Екатерины на вопросы Фонвизина виденъ уже задоръ оскорбленнаго достоинства. Такъ, на вопросъ о томъ, «почему многіе добиваются чиновъ пронырствомъ и плутовствомъ, чего прежде не было»,—Екатерина указываетъ, что «сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли» [22]). Легко понять, что въ это время Екатерина уже далека была отъ мыслей своего «Наказа».

Письма императрицы представляютъ не только бытовой, но и общественно-литературный интересъ. Въ нихъ можно прослѣдить исторію цѣлой эпохи, живо написанную человѣкомъ, который являлся однимъ изъ рычаговъ общественнаго движенія. Въ этомъ смыслѣ особенно любопытна переписка автора «Наказа» съ представителями «освободительной» философіи. Она прекрасно владѣла перомъ и умѣла извлечь выгоды изъ своей «дружбы» съ энциклопедистами. Наиболѣе яркой чертой въ ея письмахъ къ послѣднимъ было желаніе выставить передъ иностранцами благополучіе и счастіе своихъ подданныхъ. Ея корреспонденты обладали могучимъ вліяніемъ на общество Европы и могли служить прочной опорой политической репутаціи своей «ученицы». Потому-то Екатерина иногда говорила въ своихъ письмахъ не то, что отвѣчало ея взглядамъ или дѣй-

---

[22]) Въ изданіи «Сочиненій Смирдина Т. III. стр. 31. Вопросъ 14.

ствительному положенію дѣла: Она увѣряла д'Аламбера, что въ Россіи «больше свободы», чѣмъ во Франціи [23]). Вольтеру доказывала наличность въ Россіи вѣротерпимости [24]). Эта неискренность не можетъ однако ослабить положительной стороны въ ея письмахъ. Ея личность, характеръ и даже скрытыя желанія могутъ быть поняты именно изъ писемъ, которыя служатъ цѣннымъ разъясненіемъ всей ея литературной дѣятельности

III.

Русское законодательство до Екатерины находилось въ очень плачевномъ состояніи. Преобразованія Петра Великаго совершенно измѣнили внѣшній складъ русской жизни. Возникла промышленность, развилась торговля, усложнились общественныя отношенія. Между тѣмъ, законодательство почти нисколько не подвинулось впередъ. Судъ отправлялся по Уложенію Алексѣя Михайловича, въ основу котораго легла Русская Правда. Рядомъ съ Уложеніемъ дѣйствовало множество указовъ, артикуловъ и регламентовъ, вносившихъ путаницу и безпорядочность въ дѣлопроизводство. Вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ Екатерина рѣшила созвать въ Москвѣ «Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія». Эта Комиссія должна была состоять изъ представителей отъ всѣхъ сословій: дворянства, крестьянъ и горожанъ. По мнѣнію императрицы, необходимо было установить порядокъ и единообразіе въ законахъ и соотвѣтствіе послѣднихъ жизни и дѣйствительнымъ потребностямъ населенія. Если принять

---

[23]) Сборникъ. VII 179.
[24]) Ib. X. 39

въ разсчетъ, что правительственная власть, дѣйствительно, пришла въ «необыкновенную разстройку», что масса населенія чувствовала на себѣ всю тяжесть административной дезорганизаціи, то станетъ понятнымъ, почему Екатерина въ своей преобразовательной дѣятельности рѣшила обратиться къ помощи общественныхъ силъ. Поручая законодательной комиссіи составленіе проекта новаго уложенія, Екатерина хотѣла сообщить законамъ необходимое единство плана, основаннаго на новыхъ принципахъ гуманности и уваженія къ личности. Эти принципы уже получили тогда научную и философскую обработку въ трудахъ знаменитыхъ писателей «просвѣщенія» и приводили въ восторгъ все мыслящее общество Европы и Екатерину, которая горѣла желаніемъ провести ихъ въ дѣйствительную жизнь. Ея цѣль была «споспѣшествовать выбору способовъ, коими бы народъ Россійскій, сколько возможно по человѣчеству, учинился во свѣтѣ благополучнѣйшимъ» [25]). Чтобы дать собранію народныхъ представителей руководящія указанія о самомъ направленіи новой законодательной работы, императрица представила Комиссіи свой знаменитый «Большой Наказъ», состоящій изъ 22 главъ, раздѣленныхъ на 655 статей. Это произведеніе Екатерины должно быть признано однимъ изъ главныхъ по своему значенію культурно-историческихъ памятниковъ восемнадцатаго столѣтія.

Въ 1764 году въ Италіи вышла книга Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», вскорѣ переведенная на всѣ европейскіе языки и доставившая авто-

---

[25]) Хорошій русскій переводъ данъ г. Зарудныиъ, который сравнилъ произведеніе Беккарія съ «Наказомъ». С.П. Б. 1879.

ру громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность. Простыя, понятныя и неопровержимыя разсужденія итальянскаго правовѣда доказывали необходимость для человѣчества суда быстраго, правдиваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ гражданъ. Онъ полагалъ, что законъ долженъ быть строгъ, но не жестокъ; что наказанія предназначаются или для исправленія преступника, или для охраны безопасности общества, а не ради мщенія. Вслѣдствіе всего этого Беккарій возставалъ противъ пытки и рѣшительно высказывался противъ сословныхъ привилегій. Екатерина прочла книгу, вѣроятно, вскорѣ послѣ ея выхода въ свѣтъ. Она тщательно изучила великіе принципы уголовнаго права и сочла долгомъ положить ихъ въ основаніе своего «Наказа». Глава X этого сочиненія, трактующая «Объ обрядѣ криминальнаго суда» и заключающая въ себѣ свыше ста статей, почти цѣликомъ заимствована изъ книги Беккарія.

Другимъ писателемъ, оказавшимъ непосредственное вліяніе на «Наказъ», былъ Монтескьё, произведенія котораго Екатерина изучала особенно старательно: «два уже года мои главныя занятія заключаются въ перепискѣ и оцѣнкѣ началъ Монтескье». [26]) «Духъ законовъ», содержавшій въ себѣ общія основанія гражданскаго и государственнаго права, былъ «молитвенникомъ» императрицы. Изъ него она почерпнула содержаніе около двухъ-сотъ статей, о чемъ откровенно писала д'Аламберу: «Вы увидите изъ «Наказа», какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что еслибъ онъ съ того свѣта увидалъ меня, работающую, то простилъ бы этотъ плагіатъ ради блага двадцати милліоновъ людей, которое

[26]) Сборникъ. X. 131.

изъ того послѣдуетъ» [27]). Помимо этихъ двухъ основныхъ источниковъ нужно предполагать существованіе и другихъ, которые такъ или иначе отразились въ «Наказѣ». Вообще говоря, могучее вліяніе на Екатерину освободительныхъ идей энциклопедистовъ наиболѣе ярко сказалось въ «Наказѣ», который внесъ въ русское законодательство, а, слѣдовательно, и въ жизнь свѣтлую струю правды и человѣчности.

Какъ мы уже сказали, содержаніе «Наказа» состоитъ изъ XXII главъ, изъ которыхъ первоначально были изданы лишь двадцать, заключавшія 526 статей. Двѣ послѣднія главы были выпущены въ видѣ «дополненій» уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя (23 февр. и 8 апр. 1768 года). Наказъ начинается указаніемъ на тѣ побужденія, которыя заставили Екатерину озаботиться лучшей постановкой судебно-административнаго дѣла въ Россіи. «Всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть, или будетъ, видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія» [28]). Екатерина желаетъ «всякаго гражданина особо видѣть охраняемаго законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его отъ всѣхъ сему правилу противныхъ предпріятій». «Наказъ» считаетъ состояніе государства «естественнымъ» въ томъ случаѣ, когда законы соотвѣтствуютъ «расположенію народа, ради котораго они учреждены». Первыя четыре главы содержатъ общія указанія о государствѣ, власти и управленіи. О состояніи гражданъ говорится въ V главѣ. Общія понятія о законѣ даются

---

[27]) Сборникъ. X. 31. L'Esprit des lois est le breviaire les souverains pour peu qu'ils agent le sens commun. I. 209.

[28]) Собр Соч. Екатерины, въ изд. Смирдина. I—3.

въ двухъ слѣдующихъ главахъ. Особая глава (VIII) посвящается вопросу о наказаніяхъ. Очень важны сужденія Наказа, касающіяся суда: IX глава говоритъ «о производствѣ суда вообще, а слѣдующая очень подробно останавливается на «обрядѣ криминальнаго суда». 13 статей 81 главы представляютъ взглядъ Екатерины на крестьянскій вопросъ и на способы къ его улучшенію. Есть въ Наказѣ попытки къ разрѣшенію и болѣе частныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, мысли о мѣрахъ къ увеличенію народонаселенія въ государствѣ (XII). При великомъ благополучіи государства легко умножиется число гражданъ», а «воздержаніе народное служитъ къ размноженію онаго» [29]). Среди практическихъ средствъ къ увеличенію земледѣльческаго класса Екатерина предлагаетъ «раздѣлить земли всѣмъ семьямъ, которыя никакихъ не имѣютъ; подать имъ способы вспахать оныя и обработать» [30]). Развитіе промышленности и торговли Екатерина и считаетъ необходимымъ условіемъ процвѣтанія государства. Въ XIII главѣ она высказываетъ рядъ соображеній, относящихся къ этому развитію. Наибольшаго поощренія со стороны закона заслуживаетъ, по мнѣнію императрицы, земледѣліе. Затѣмъ, необходимо оказывать возможную поддержку «рукодѣлію изъ собственнаго произращенія», т. е. кустарной промышленности. Торговля «водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ». Поэтому, всякое стѣсненіе торговли является тягостнымъ для народнаго благосостоянія. Система откуповъ «разоряетъ торговлю своимъ неправосудіемъ, притѣсненіями и чрезмѣрными налогами» [31]).

---

[29]) Ib. Статьи 272 и 287.

[30]) Статья 280.

[31]) Ib. Ст. 319.

Расширеніе внѣшней торговли приносить несомнѣнную прибыль государству, почему таможенные сборы не должны служить препятствіемъ для обмѣна товаровъ. Банки представляютъ большое удобство для торговли; эти кредитныя учрежденія необходимо присовокупить къ установленіямъ святости причастнымъ, не зависящимъ отъ правительствъ и жалованьными грамотами снабденнымъ» [32]).

Не оставленъ безъ вниманія въ Наказѣ и вопросъ о воспитаніи. Ему посвящена XIV глава. «Правила воспитанія, говоритъ Екатерина, суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами». Цѣлью воспитанія должно служить внушеніе дѣтямъ «любви къ отечеству» и «почтенія къ установленнымъ гражданскимъ законамъ» [33]). Статьи о дворянствѣ и «среднемъ родѣ людей» заключаются въ XV и XVI главахъ. Въ слѣдующей XVII главѣ выясняется значеніе городовъ, долженствующихъ быть центрами торговли и ремеслъ. Для развитія послѣднихъ Екатерина считаетъ очень важнымъ существованіе цеховъ.

XVIII глава довольно подробно говоритъ о наслѣдствахъ, которыя должно с образовать съ «основаніями права государственнаго», а не «права естественнаго». Слѣдствіемъ несовершенства закона о наслѣдствахъ у римлянъ Наказъ считаетъ «весьма великую и погибельную разность между богатыми и убогими гражданами» [34]).

XIX глава трактуетъ «о составленіи и слогѣ законовъ». Въ расположеніи законовъ должна быть соблюдаема система, причемъ «всякій законъ долженъ на-

---

[32]) Ib. 329.

[33]) Статьи: 348 и 352.

[34]) Статьи 405 и 416.

писавъ быть словами вразумительными для всѣхъ и притомъ очень коротко»[35]). Законы уже по своему назначенію должны отличаться «чистосердечіемъ», («великой добродѣтелью» и «незлобіемъ», они не могутъ содержать въ себѣ ничего неопредѣленнаго и неяснаго, «чтобы всѣ люди оные и разумѣть могли»[36]).

XX глава состоитъ изъ нѣсколькихъ вполнѣ самостоятельныхъ частей. Первой служитъ «Преступленіе въ оскорбленіи величества», т. е. дѣйствія, противныя безопасности Государя и государства. Въ квалификаціи этого рода преступленій авторъ «Наказа» предлагаетъ соблюдать особенную осторожность, въ противномъ же случаѣ «довольно изъ сего можетъ произойти различныхъ злоупотребленій»[37]). Всякіе исключительные суды, «суды по особливымъ нарядамъ», императрица считаетъ не только не удовлетворяющими своему назначенію, но и могущими «произвести злоупотребленія весьма вредныя для спокойствія гражданъ»[38]) Въ отдѣлѣ «Правила весьма важныя и нужныя» имѣется нѣсколько замѣчаній о свободѣ вѣры и о волшебствѣ, которыя будутъ нами приведены въ послѣдующемъ изложеніи. Въ послѣдней части той же X главы императрица указываетъ признаки «паденія» и «конечнаго разрушенія» государства: «Поврежденіе всякаго правленія, говоритъ она, начинается всегда съ поврежденія начальныхъ своихъ основаній»[39]). Съ увеличеніемъ числа казней усиливается опасность для само-

---

[35]) Статья 448.
[36]) 458.
[37]) 469.
[38]) 489 ст.
[39]) 502 ст.

го существованія государства; «ибо казни умножаются по мѣрѣ поврежденія нравовъ, что такъ же производитъ разрушеніе государствъ» [40]). Что же касается средствъ къ упроченію государства, то «хорошее мнѣніе о славѣ и власти Царя могло бы умножить силы державы его» въ той же мѣрѣ, какъ и «хорошее мнѣніе о его правосудіи» [41]). Въ двухъ дополнительныхъ главахъ собраны статьи «о благочиніи» и финансовомъ управленіи. Проводя рѣзкую грань между властью судебной и административной, Екатерина опредѣляетъ кругъ обязанностей послѣдней. Полиція наблюдаетъ за благолѣпіемъ богослуженій и «цѣломудріемъ нравовъ», заботится о народномъ здравіи и общественной безопасности. Цѣлью учрежденія полиціи долженъ быть «хорошій порядокъ и благочиніе въ гражданскомъ сожитіи» [42]). Расходы государства должны соотвѣтствовать его дѣйствительнымъ нуждамъ. Бремя налоговъ слѣдуетъ распредѣлять между отдѣльными членами государства справедливо, не вызывая истощенія плательщиковъ. «Чѣмъ народъ будетъ достаточнѣе, тѣмъ будетъ въ состояніи платить вѣрнѣе». Богатства, имѣющіяся въ государствѣ, могутъ быть «существенныя» или «мысленныя». Какъ тѣ, такъ и другія одинаково важны въ народной жизни и должны всѣми способами поддерживаемы и развиваемы. При распредѣленіи государственныхъ расходовъ необходимо соблюдать бережливость, помня лишь о пользѣ гражданъ и заботясь о томъ, чтобы »счеты всегда были въ порядкѣ и ясными утверждены доказательствами» [43]).

---

[40]) Ст. 509.
[41]) Ст 519.
[42]) Ст. 516.
[43]) Ст. 654.

«Наказъ» былъ плодомъ горячаго увлеченія Екатерины философскими воззрѣніями энциклопедистовъ. Онъ затронулъ наиболѣе острые вопросы современности какъ политическіе, такъ и общественные,

Приступая къ выясненію тѣхъ основъ, которыя должны были лечь во главу русскаго законодательства, Екатерина не могла не коснуться самаго существа государственнаго устройства въ Россіи. Шутливо называвшая себя «республиканкой», она въ «Наказѣ» высказала себя сторонницей самодержавнаго строя. «Всякое другое правленіе, говоритъ она, не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно» [44]). Необходимость неограниченной формы она оправдываетъ удобствомъ управленія обширнымъ государствомъ: «Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое» [45]). Цѣль самодержавія Наказъ видитъ не въ томъ, чтобы «у людей отнять естественную ихъ вольность», а въ томъ, чтобы «дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра». Но неограниченная власть не должна быть жестокой, потому что «въ самодержавіи благополучіе правленія состоитъ отъ части въ кроткомъ и снисходительномъ правленіи» [46]). Самодержавіе, по мнѣнію Екатерины, не можетъ замѣнять силу закона: «лучше, чтобы Государь ободрялъ а законы бы угрожали» [47]). Подводя итогъ сказанному въ различныхъ главахъ «Наказа», Екатерина рѣшительно заявляетъ, что благо народа

---

[44]) Ст. 11.

[45]) Ст. 10.

[46]) Ст. 513.

[47]) Ст. 515.

выше интересовъ носителя верховной власти. «Мы думаемъ, пишетъ она въ 520 статьѣ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны».

Въ связи съ положеніемъ власти находится и система управленія, сущность котораго «Наказъ» объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Самое высшее искусство государственнаго управленія состоитъ въ томъ, чтобы точно знать, какую часть власти, малую ли или великую, употребить должно въ разныхъ обстоятельствахъ» [48]). Удовлетворительность государственнаго управленія обусловливается наличностью соотвѣтствующихъ органовъ. «Наказъ» останавливается на сенатѣ и «полиціи». «Въ Россіи Сенатъ есть хранилище законовъ» [49]). Это учрежденіе обнародываетъ законы и наблюдаетъ за точнымъ ихъ исполненіемъ, оберегая ихъ «отъ желаній самопроизвольныхъ и отъ непреклонныхъ прихотей» [50]). Дѣятельность полиціи какъ «градской», такъ и «земской» направляется къ «сохраненію благочинія въ обществѣ» [51]).

Широкому освѣщенію подвергла Екатерина судебное дѣло. Въ вопросѣ о законѣ и провосудіи «Наказъ» усвоилъ воззрѣнія Монтескье и Беккарія. Законы не должны запрещать лишь то, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу». Кромѣ того, они должны быть «наполнены всѣми способами къ достиженію самаго большаго для людей блага веду-

---

48) Ст. 513.

49) Ст. 26.

50) Ст. 29.

51) Ст. 530.

щими» [52]). Цѣль хорошаго законодательства, по мнѣнію Екатерины, заключается въ предупрежденіи преступленій: «Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать ихъ» [53]). Мѣру наказанія слѣдуетъ строго сообразовать съ тяжестью вины, причемъ служители правосудія должны въ своихъ приговорахъ держаться «самой точной средины» [54]). Самымъ строгимъ наказаніемъ за преступокъ, при «правленіи умѣренномъ», «Наказъ» полагаетъ то, «когда кто въ томъ изобличится [55]). Наказаніе, по своему существу есть «трудъ и болѣзнь». Поэтому, «всякое наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранское» [56]). Тѣлесныя наказанія могутъ приносить человѣку непоправимый вредъ, вслѣдствіе чего «всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить» [57]). Но если наказаніе должно быть налагаемо съ осторожностью и лишь въ случаѣ явной виновности, то такое орудіе правосудія, какъ пытка, и по своей жестокости, и по безполезности должно быть безусловно отмѣнено. «Употребленіе пытки, читаемъ мы въ «Наказѣ», противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество воціетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожено» [58]). Обвиняемый, терпящій пытку, невластенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду»... Претерпѣвая пыт-

---

52) Ст 41—43.
53) Ст. 240.
54) Ст. 96.
55) Ст. 82.
56) Ст. 63.
57) Ст. 96.
58) Ст. 123.

ку, и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали». «Посему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложенiе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго» [59]). Пытка, бывшая самымъ больнымъ вопросомъ русскаго законодательства, обращаетъ на себя особенное вниманiе Екатерины. Она очень подробно и убѣдительно доказываетъ непригодность въ судебной практикѣ допроса «съ пристрастiемъ». Законъ долженъ быть строгъ и неумолимъ, долженъ въ наказанiи преслѣдовать цѣль исправительную и для преступника, и для гражданъ. Смертная казнь считается императрицей не удовлетворяющею этому. Въ государствѣ, пользующемся покоемъ и безопасностью, нѣтъ никакой нужды, «чтобъ отнимать жизнь у гражданина», потому что «разрушенiе бытiя человѣческаго» способно производить «великое дѣйствiе въ сердцахъ гражданъ» [60]), безусловно нежелательно въ общественно-воспитательномъ смыслѣ. «Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконiя, нежели долговременный и непрерывно пребывающiй примѣръ человѣка, лишеннаго свободы» [61]). «Наказъ» признаетъ совершенно очевиднымъ, что «впечатлѣнiя въ человѣческой душѣ стремительныя и насильственныя тревожатъ сердце и поражаютъ, но дѣйствiя ихъ долго въ памяти не остаются». Такимъ образомъ, «Наказъ», пользуясь ясными доводами Беккарiя, рѣшительно возстаетъ противъ примѣненiя судомъ высшей мѣры наказанiя—лишенiя жизни

Отличаются интересомъ взгляды Екатерины на со-

---

[59]) Ст. 194.

[60]) Ст. 210—211

[61]) Ст. 212.

словность. Хотя Наказъ и не даетъ радикальнаго рѣшенія вопроса, но и въ сдержанномъ отзывѣ о дворянахъ и крестьянахъ мы находимъ нѣсколько здравыхъ и по тому времени необычайныхъ сужденій. По мнѣнію Екатерины, дворянство есть «нарицаніе въ чести», могущее быть предоставляемо людямъ за нравственныя качества и усердную службу. «Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства» [62]). Чтобы быть достойнымъ этого почетнаго званія, нужно воспитать въ себѣ «любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ Государю» [63]). «Измѣна, разбой, воровство всякаго рода, нарушеніе клятвы и даннаго слова» суть поступки, несогласующіеся съ дворянскимъ званіемъ. Но не одна военная служба можетъ возводить людей въ дворянство. «Пріобрѣтать сіе достоинство можно и гражданскими добродѣтелями такъ, какъ и военными» [64]). Преимущества, связанныя съ дворянствомъ, должны основываться на «правилахъ, составляющихъ существо дворянскаго званія» [65]). Въ то время, какъ дворянству и «среднему роду людей» посвящены въ «Наказѣ отдѣльныя главы, о крестьянахъ говорится лишь вскользь, хотя послѣдніе и «обработываютъ землю, изъ которой произрастающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей» [66]). Такая неравномѣрность въ матеріалѣ, удѣляемомъ важнѣйшимъ вопросамъ современной жизни, убѣждаетъ насъ, что слишкомъ прямолинейное сужденіе о крѣпостномъ правѣ встрѣтило энергич-

---

[62]) Ст. 363.
[63]) Ст. 364.
[64]) Ст. 368.
[65]) Ст. 375.
[66]) Ст. 358.

ную оппозицію въ придворномъ кругу. Но тяжесть положенія рабовъ не была совершенно замолчана, хотя наиболѣе смѣлыя мѣста «Наказа», касавшіяся крестьянъ, подверглись строгой цензурѣ высшихъ сановниковъ и не увидѣли свѣта. То, что уцѣлѣло въ произведеніи Екатерины по вопросу о крѣпостномъ правѣ, носитъ на себѣ слѣды недомолвокъ и явныхъ уступокъ императрицы консервативному настроенію ея совѣтниковъ. Такъ, въ главѣ «О размноженіи народа въ государствѣ», указывается на громадную смертность дѣтей крестьянъ и на происходящую изъ этого медленность въ «размноженіи» населенія. Если же «при великомъ благополучіи государства легко умножается число гражданъ» [67]), то, слѣдовательно, отсутствіе ощутительнаго прироста среди крестьянъ есть результатъ ихъ «убожества». Бѣдность же обусловливается безсовѣстной эксплоатаціей помѣщиковъ, которые облагаютъ своихъ подданныхъ чрезмѣрными налогами, «не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги» [68]). По мысли Екатерины, «весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось» [69]). Признается негоднымъ правовое положеніе крестьянъ, которые не владѣютъ даже неотъемлемой собственностію. «Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго» [70]). Екатерина выска-

---

[67]) Ст. 272.

[68]) Ст. 269.

[69]) Ст. 270.

[70]) Ст. 295.

зываетъ Коммиссіи свое желаніе, чтобы законы могли «учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества» [71]). Произволъ помѣщиковъ надъ личностью крестьянъ вызываетъ неудовольствіе въ авторѣ «Наказа». Она недоумѣваетъ, почему «безъ дѣйства осталася» та статья указа Петра великаго, которая требовала, чтобы дворяне, подданныхъ своихъ мучащіе, были подъ смотрѣніемъ опекуновъ» [72]). Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывали уже случаи кровавыхъ возмущеній крѣпостныхъ противъ своихъ помѣщиковъ, то Екатерина признаетъ нужнымъ изслѣдовать самый корень безпорядковъ, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры для ихъ устраненія. «Нужно, говорить она, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто приводили въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ» [73]) Императрица, въ порывѣ своего увлеченія просвѣтительной философіей, вполнѣ сознавала, что рабство должно быть уничтожено; что только этимъ путемъ можно достигнуть того «благополучія» народа, о которомъ она говоритъ почти въ каждой главѣ «Наказа». Но практическое выполненіе этой грандіозной реформы немедленно представлялось ей опаснымъ. Съ одной стороны, она не хотѣла поставить въ убыточное положеніе всего дворянства, съ другой—боялась, чтобы темная народная масса, озлобленная вѣковыми утѣсненіями, не употребила во зло неожиданно полученной свободы. «Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ» —говоритъ 260 статья Б. Наказа.

---

71) Ст. 261.

72) Ст. 256.

73) Ст 269.

Ученица Вольтера, восхищавшаяся идеалами Монтескье, Екатерина первая изъ русскихъ государей желала видѣть въ своихъ «подданныхъ» гражданъ. Но положеніе гражданъ предполагаетъ обладаніе необходимыми политическими правами. Среди послѣднихъ «Наказъ» упоминаетъ «разумъ вольности», который можетъ въ государствахъ «произвести столько же великихъ дѣлъ и столько поспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и сама вольность» [74]. Но «вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно». Сущность ея заключается въ «возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобъ не быть принужену дѣлать то, чего хотѣть не должно» [75]. «Вольность есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ» [76]. Вольность гражданина, какъ члена государства, даетъ «спокойство духа», основанное на сознаніи своей безопасности. Для обезпеченія вольности въ государствѣ» надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялися бы всѣ однихъ законовъ» [77]) «Наказъ» пытается категорически установить принципъ гражданскаго равенства. Сужденіе объ этомъ главнѣйшемъ правѣ государственнаго общежитія сохранилось, повидимому, нетронутымъ суровой рукой цензоровъ. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ» [78]. Такое общее положеніе представлялось справедливымъ и не требующимъ доказательствъ. Но окружающая дѣйствительность, съ своимъ еще прочнымъ господствомъ

---

[74]) Ст. 16.

[75]) Ст. 36 и 37.

[76]) Ст. 38.

[77]) Ст. 39.

[78]) Ст. 34.

крѣпостничества и рабскаго подчиненія всякой «власти» понуждала законодательство дать въ слѣдующей статьѣ нѣкоторыя «разъясненія» и ограниченія основного принципа... «Сіе равенство, говорить она, требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньше ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученные имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства» [79]). Такимъ образомъ, соціальное равенство представляется Екатеринѣ лишь въ формѣ нѣкотораго ослабленія рѣзкихъ классовыхъ противоположностей, способнаго улучшить тяжелое состояніе бѣдняковъ. Впрочемъ, весьма возможно, что такое суженное толкованіе идеи равенства послѣдующей статьей также было извѣстной натяжкой со стороны императрицы въ угоду «разныхъ персонъ, вельми разномышленныхъ», представлявшихъ собою значительную моральную силу [80]).

Гражданская свобода должна распространяться на мысль, которая дѣлается независимой отъ факторовъ, несогласныхъ съ нею. Но мысль выражается изустно или письменно: слѣдовательно, граждане должны пользоваться свободою слова и печати. Говоря о наказуемости преступныхъ дѣяній, «Наказъ» утверждаетъ: слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному» [81]). Законъ никоимъ образомъ не можетъ словъ подвергнуть смертной казни», потому что «слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію» [82]). Екатертна не считаетъ справедливымъ стѣ-

[79]) Ст. 35.

[80]) Русскій Архивъ. 1865 г. стр. 488.

[81]) Ст. 480.

[82]) Ст. 481–482.

снять свободу слова до тѣхъ поръ, пока это слово не соединяется съ явно незаконнымъ дѣйствіемъ.

Что касается печатнаго слова, то »Наказъ» находитъ правильнымъ запрещать «въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя». Однако, «оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе». Всякое же притѣсненіе въ области мысли, по мнѣнію Екатерины, «ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнете дарованія разума человѣческаго и охоту писать отнимешь» [83]. «Великое несчастье въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія» [84].

Въ числѣ возвѣщанныхъ «Наказомъ» правъ гражданскихъ была и свобода вѣроисповѣданія. Признаніе вѣротерпимости Екатерина оправдываетъ практически, съ точки зрѣнія непосредственно государственной пользы. «Запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ» [85]. Нельзя также грубой силой воздѣйствовать на тѣхъ, которые впали въ ересь или пустосвятство: «просвѣщенные законы» всегда имѣютъ возможность «разсыпать аки прахъ удивленіе, могущее возгнѣздиться въ слабыхъ умахъ о ложномъ ученіи» [86].

Заканчивая обозрѣніе взглядовъ Наказа на вопросы глубокаго общественнаго значенія не оставимъ безъ вниманія и того, какъ относилась императрица къ во-

---

[83]) Ст. 484.

[84]) Ст. 517.

[85])

[86]) Ст. 218.

спитанію народа. Въ XIV главѣ мы находимъ нѣсколько мыслей, которыя изобличаютъ глубокій интересъ Екатерины къ задачамъ народнаго просвѣщенія. «Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами» [87]). «Хотите предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми» [88]). Наряду съ нравственнымъ воспитаніямъ должно даваться и гражданское: необходимо «вперяти въ дѣтей любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣти почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ закономъ» [89]).

Заботы о благосостояніи населенія всегда занимаютъ Екатерину. Признавая слишкомъ тяжелое положеніе народа, авторъ «Наказа» знаетъ тѣ способы, которыми возможно поднять его благосостояніе. Способы эти приводятся въ видѣ ссылокъ на практикующіяся мѣры у другихъ народовъ [90]). Облегченіе податного бремени считается настоятельно необходимымъ; кромѣ того, слѣдуетъ «способствовать и вспомоществовать разнымъ искуствамъ и званіямъ по мѣрѣ различныхъ степеней надобности ихъ и пользы» [91]). Содѣйствіе земледѣлію, какъ основѣ народнаго хозяйства, и торговлѣ Екатерина представляетъ себѣ наиболѣе вѣрнымъ залогомъ благосостоянія.

Заботливость «Наказа» касается и вопроса о народномъ здравіи: «здоровье—третій предметъ полиціи и обязуетъ распространити свое тщаніе на безвредности воздуха, на чистоту улицъ, рѣкъ, колодезей и другихъ

[87] Ст. 348.
[88]) Ст. 245.
[89]) Стр. 352.
[90]) См. ст. 276—292.
[91]) Ст. 605.

водныхъ источниковъ, на качество съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, наконецъ на болѣзни, какъ въ народѣ размножающіяся, такъ и на прилипчивыя» [92]).

IV.

Общественно-политическое значеніе «Наказа» явствуетъ уже изъ самого содержанія. Если созваніе законодательной коммиссіи было явленіемъ чрезвычайнымъ въ исторіи русской общественности, то обращеніе императрицы къ выборнымъ отъ земли, сдѣланное въ формѣ, которая поражала своею искренностью и довѣріемъ, должно было оставить достаточно глубокій слѣдъ въ ходѣ развитія русской политической идеи. Сама Екатерина придавала «Наказу» громадное значеніе, говоря, что «должно сей наказъ почаще твердить, дабы онъ знакомѣе сдѣлался и тогда всякій твердо надѣяться можетъ, что его пойметъ» [93]). Законодательной Коммиссіи предлагалось читать «Наказъ» «единожды въ началѣ каждаго мѣсяца до окончанія комиссіи» [94]), чтобы всѣ ея дѣйствія точно согласовались съ началами, изложенными Екатериной. Насколько «Наказъ» въ своей первоначальной редакціи не походилъ на вышедшій затѣмъ изъ сенатской типографіи, можно судить по отзывамъ современниковъ. Н. И. Панинъ, который однимъ изъ первыхъ прочелъ «Наказъ», выразился о немъ: «Ce sont les axiomes à renverser dec murailles» [95]). Подъ давленіемъ придворной партіи пришлось обойти крестьянскій вопросъ, пришлось оставить открытымъ рѣшеніе и другихъ насущныхъ потребностей. Но при всѣхъ недо-

[92]) Ст. 554.
[93]) Ст. 523
[94]) Ст. 525.
[95]) Русск. Архив. 1865 г. стр. 487.

молвкахъ и ловкихъ затушевываньяхъ, бывшихъ плодомъ усердія довѣренныхъ «персонъ», «Наказъ» всетаки оказался трудомъ громадной политической важности. Требованія «Наказа», представляющіяся теперь намъ элементарными и далеко неполными, въ то время казались верхомъ радикализма. «Наказъ» показался опаснымъ французскому правительству и былъ оффиціально запрещенъ. По мнѣнію Бильбасова, «Наказъ» «весь продиктованъ просвѣтительной гуманностью XVIII вѣка, съ ея стремленіемъ къ общему благу, съ ея признаніемъ правъ личности. Въ немъ впервые «вѣрноподданные рабы» объявлены равноправными гражданами и за ними признаны права не только вѣровать и мыслить, но говорить и дѣйствовать, не опасаясь никого, кромѣ законовъ» [96]). Екатерина понимала, что неволя крестьянъ является постоянной угрозой государственному спокойствію. Крестьяне сдерживались силой лишь благодаря своей темнотѣ. Какой-нибудь исключительный случай жестокости могъ «привести ихъ въ отчаяніе» и подвинуть на бунтъ ради полученія свободы. Покончить съ рабствомъ было необходимо; но какъ быть съ дворянами, которые никакъ не хотѣли разстаться съ своими классовыми привилегіями? Дворянство было въ то время единственной средой, на которую могло опереться и положиться правительство; разореніе правящаго сословія поставило бы верховную власть въ очень тяжкое положеніе. Вотъ почему положеніе «Наказа» въ необходимости освобожденія не имѣло фактическихъ послѣдствій. Нужно было противопоставить дворянству новую силу, новый общественный классъ, который могъ бы наравнѣ съ дворянствомъ служить поддержкой монархіи; нужно было такимъ путемъ покончить съ исклю-

---

[96]) Бильбасовъ. Монаграфіи. Т. II, стр. 326.

чительной ролью дворянъ. Мысли «Наказа» объ образованіи новаго «средняго рода людей» были великимъ по своему общественному значенію шагомъ впередъ. Трудъ Екатерины неизбѣжно долженъ былъ оказать хотя нѣкоторое вліяніе на наше законодательство. Онъ, не взирая на всѣ стѣсненія, которыми поспѣшили обусловить его распространеніе въ обществѣ, долженъ былъ служить прекрасной популяризаціей тѣхъ идей, предъ коими преклонялась вся Европа. По замѣчанію Веселовскаго, трудъ Екатерины «представлялъ искусное сочетаніе гуманныхъ принциповъ, высказанныхъ великими учителями всего тогдашняго поколѣнія, Монтескье, Вольтеромъ, Локкомъ, Беккаріемъ, и пріобрѣлъ европейское значеніе лишь по необычайности офофиціальнаго заявленія этихъ идей именно въ русской средѣ. Изреченія великихъ философовъ и юристовъ были сгруппированы талантливо, съ проблесками еще молодого энтузіазма, который они возбуждаютъ въ составительницѣ сборника» [97]). Законодательная Коммиссія, какъ извѣстно, не удалась; ея открытіе создало славу Екатеринѣ въ Европѣ, но показало совершенную неподготовленность общественной массы и невозможность согласованія правильнаго представительства съ господствомъ сословныхъ порядковъ. Какъ ни старалась впослѣдствіи Екатерина оправдать свое предпріятіе, пытаясь найти въ кратковременной дѣятельности Коммиссіи практическіе успѣхи, всеже значеніе перваго нашего парламента сводится къ нулю. Но самый «Наказъ», какъ смѣлая систематическая программа великихъ общественныхъ переустройствъ, остается прекраснымъ памятникомъ литературнаго движенія второй половины XVIII вѣка. Общественное значеніе «Наказа» сказалось уже въ бли-

[97]) **Веселовскій**, Западное вліяніе в. н. р. л., стр. 65.

жайшіе годы. Здоровыя силы, скрывавшіяся въ народной массѣ, вдругъ какъ бы созрѣли подъ живительнымъ воздѣйствіемъ идей, высказанныхъ въ «Наказѣ». Въ 1769 году нарождается замѣчательная журнальная литература, которая не замедлила воспользоваться въ своихъ обличеніяхъ правомъ «свободнаго мнѣнія», признаннаго самою императрицею. «Наказъ» воспиталъ цѣлое поколѣніе новыхъ людей, которые глубоко прониклись его духомъ и готовы были, по мѣрѣ силъ, способствовать осуществленію его стремленій. Рядъ современныхъ писателей настойчиво признавалъ, что просвѣщенныя начинанія «мудрой монархини» уже дали желанные результаты, что жить стало легче, потому что думать, говорить и писать сдѣлалось свободнѣе. Конечно свидѣтельства о какихъ бы то ни было улучшеніяхъ въ управленіи, судопроизводствѣ и благосостояніи нужно принимать съ большой осторожностью, но гласность съ выходомъ «Наказа», несомнѣнно, выиграла настолько, что явилась на нѣкоторое время возможность подвергнуть серьезной литературной критикѣ самыя разнообразныя явленія общественности и государственности. Это право критики, даже въ сравнительно краткій періодъ своего существованія, съ небывалымъ успѣхомъ было использовано нашими сатирическими журналами. По словамъ одного изъ историковъ литературы Екатерининской эпохи, «Наказъ» остался «источникомъ, изъ котораго въ то время и долго послѣ почерпали опору тѣ писатели, которые стремились разъяснить здравыя требованія человѣчности и просвѣщенія»[98])

П. Генри.

---

[98]) Пыпинъ Истор. лит. т. IV, стр. 16.

Изъ уроковъ по теоріи словесности.

(Систематическое изложеніе)

Словесное произведеніе и теорія словесности.

Словесное произведеніе. Предметъ теоріи словесности. Двѣ стороны словеснаго произведенія; связь между ними.

Словеснымъ произведеніемъ называется письменное или устное изложеніе мыслей, относящихся къ опредѣленному предмету.

Систематическое изложеніе выводовъ и правилъ о словесныхъ произведеніяхъ составляетъ предметъ теоріи словесности.

Въ каждомъ словесномъ произведеніи, какъ и въ каждомъ знаменательномъ словѣ, различаются двѣ стороны: внутренняя, т. е. мысли, идеи, чувства, однимъ словомъ, то, что составляетъ вообще содержаніе сочиненія, и внѣшняя или форма, т. е. планъ сочиненія, подборъ словъ для выраженія мыслей и вообще способъ изложенія—слогъ сочиненія.

Обѣ указанныя стороны словеснаго произведенія (внѣшняя и внутренняя) находятся въ органической связи между собою, онѣ могутъ быть лишь различимы, но не отдѣлимы одна отъ другой, подобно тому, какъ въ каждомъ отдѣльномъ словѣ могутъ быть различимы внѣшняя (звуковая) и внутренняя (смысловая) стороны, но не могутъ быть отдѣлимы одна отъ другой безъ уничтоженія самого слова.

Внутренняя сторона сочиненія.

Тема сочиненія. Заглавіе. Содержаніе сочиненія; общія требованія отъ содержанія его: истинность, соотвѣтствіе темѣ, полнота развитія, соразмѣрность и согласіе частей.

Подъ внутренней стороной сочиненія, какъ видно уже изъ сказаннаго, разумѣется, во-первыхъ, основная мысль, предметъ или тема сочиненія и, во-вторыхъ, содержаніе его, т. е. тѣ сужденія, факты, которые служатъ къ раскрытію или развитію основной мысли.

Предметомъ или темой сочиненія можетъ быть или а) какая-нибудь общая мысль, которую нужно развить или доказать, напр., раскрыть смыслъ пословицы: «трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ»; или б) описаніе какого-нибудь предмета, напр., описаніе города Ярославля, или в) изложеніе послѣдовательнаго развитія какого-нибудь предмета, напр., развитіе письменности въ древней Россіи, или г) изображеніе жизни и дѣятельности даннаго лица или народа, напр., жизнь и дѣятельность Ломоносова, исторія норманновъ и т. п.

Тема или основная мысль сочиненія иногда точно обозначается заглавіемъ его. Такъ, напр., заглавіе сочиненія: «Крестьянскія работы лѣтомъ и зимою» точно обозначаетъ предметъ сочиненія. Но нерѣдко заглавіе, являясь лишь названіемъ сочиненія, не опредѣляетъ еще предмета или темы его. Такъ, напр., заглавіе сочиненія: «друзья человѣка» далеко не обозначаетъ еще, что въ сочиненіи говорится о значеніи собаки и лошади для человѣка. Иногда заглавіемъ сочиненія служитъ названіе выведеннаго въ сочиненіи лица («Тарасъ Бульба»), или названіе мѣстности, гдѣ происходило изображаемое событіе («Полтава»), или названіе какого-либо

факта, входящаго въ содержаніе сочиненія («Исповѣдь») и т. п.

Основная мысль сочиненія, тема его раскрывается **содержаніемъ** сочиненія, т. е. рядомъ сужденій или фактовъ, приводимыхъ авторомъ для раскрытія ея. Чѣмъ вѣрнѣе основная мысль, чѣмъ яснѣе и полнѣе раскрывается она и чѣмъ тѣснѣе связь между нею и приводимыми сужденіями, фактами, тѣмъ сочиненіе выше по своему достоинству. Отсюда вытекаютъ слѣдующія общія требованія относительно содержанія сочиненія:

а) истинность содержанія, т. е. соотвѣтствіе его дѣйствительности и логическимъ законамъ. Невѣрное содержаніе можетъ ввести читателя въ заблужденіе, влекущее за собою нерѣдко вредныя послѣдствія;

б) соотвѣтствіе содержанія сочиненія основной мысли или темѣ его. Сужденія или факты, не имѣющіе отношенія къ основной мысли или темѣ сочиненія, нисколько не уясняя предмета, отвлекаютъ вниманіе и читателя отъ него. Предметы, посторонніе темѣ или главному предмету сочиненія, могутъ входить въ сочиненіе лишь въ томъ случаѣ, если они нужны для поясненія или раскрытія предмета сочиненія. Въ этомъ отношеніи допускаются иногда въ сочиненіи **эпизоды**, хотя и излагающіе мысли о постороннемъ предметѣ, но служащіе къ поясненію главной мысли сочиненія или имѣющіе къ ней какое-либо отношеніе;

в) полнота развитія, т. е. раскрытіе основной мысли или темы съ надлежащею полнотой, при чемъ, ничто существенное, служащее къ раскрытію темы, не было бы опущено;

г) соразмѣрность частей, при чемъ каждая часть сочиненія была бы развита сообразно своему значенію: главныя части сочиненія—полнѣе второстепенныхъ;

д) согласіе частей, при чемъ между ними не замѣчалось бы противорѣчія.

Внѣшняя сторона (форма) сочиненія.

Съ внѣшней стороны сочиненія различаются:

А. Планъ;

Б. Способъ изложенія мыслей по лицу излагающему;

В. Слогъ и языкъ сочиненія.

А. Планъ.

Планъ сочиненія; значеніе и зависимость его. Примѣры плановъ

При изложеніи мыслей о предметѣ слѣдуетъ расположить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Такое расположеніе называется планомъ сочиненія.

Отъ удачно составленнаго плана въ значительной мѣрѣ зависитъ ясность и раздѣльность сочиненія.

Для планированія мыслей авторы нерѣдко предварительно намѣчаютъ себѣ планъ, обозначая въ немъ не только главныя, но и второстепенныя части.

При выдержанности плана, мысли не повторяются въ сочиненіи и слѣдуютъ одна за другой въ удобовоспринимаемомъ видѣ.

Порядокъ (планъ) мыслей въ сочиненіи зависитъ отъ намѣренія пишущаго или отъ хода его мыслей. Ходъ этотъ обусловливается или цѣлью автора, или точкой зрѣнія его на предметъ, или послѣдовательностью во времени событій, излагаемыхъ въ сочиненіи, или сторонами разсматриваемаго предмета, или же чисто логическими законами.

При соблюденіи плана второстепенныя мысли группируются около соотвѣтственныхъ имъ главныхъ мыслей, которыя идутъ одна за другою въ надлежащемъ порядкѣ. Отсюда является дѣленіе сочиненія на главныя его части, а послѣднихъ—на второстепенныя. (Каждая главная часть сочиненія въ письменномъ изложеніи начинается обыкновенно красной строкой).

Приведемъ планы описаній: 1) «Классная комната»—Л. Толстого, 2) «Постоялый дворъ»—Тургенева, 3) «Рейнскій водопадъ»—Жуковскаго, 4) повѣствованія «Куликовская битва»—Карамзина, 5) стихотворенія «Три пальмы»—Лермонтова и 6) разсужденія «О любви къ отечеству»—Карамзина.

1. Классная комната.

I. Стѣна съ входною дверью
- а) полочка Карла Ивановича.
- б) полочка дѣтей.

II. Другая стѣна. Ландкарты.

III. Третья стѣна. По сторонамъ двери въ низъ
- а) двѣ линейки
  - дѣтская,
  - Карла Ивановича.
- б) черная доска;
- в) уголъ для наказаній.

IV Средина комнаты
- а) столъ,
- б) табуреты.

V. Четвертая стѣна. Три окна. Видъ изъ нихъ
- а) дорога,
- б) аллея,
- в) лугъ.
  - гумно,
  - лѣсъ, избушка.
- г) часть террасы.

2. Постоялый дворъ.

(Планъ и подборъ признаковъ въ зависимости отъ удобства для проѣзжающихъ).

I. Выгодное мѣстоположеніе постоялаго двора.

II. Другія удобства
- А, для лошадей
  - а) хорошая вода,
  - б) дворъ съ навѣсомъ,
  - в) запасъ овса.
- Б, для проѣзжающихъ
  - а) теплая изба,
  - б) двѣ чистыя комнаты.

3. Рейнскій водопадъ.

А. Общее впечатлѣніе.

Б. Видъ водопада издали
- спереди,
- сверху.

В. Видъ съ галлереи
- 1) безъ солнца,
- 2) при солнцѣ.

Г. Утесы.

Д. Видъ водопада въ камеръ—обскурѣ.

4. Куликовская битва.

А. Событія передъ битвой:
- 1) Совѣщаніе о мѣстѣ битвы; необходимость перейти рѣку.
  - а) для удержанія трусливыхъ;
  - б) для предупрежденія соединенія Мамая съ Ягайломъ,
  - в) благословеніе Сергія.
- 2) Переходъ черезъ Донъ, какъ слѣдствіе совѣщанія.
- 3) Осмотръ войска.
- 4) Молитва Димитрія и ободреніе войска.

Б. Битва:
1) Сближеніе войскъ.
2) Рѣшимость Димитрія быть въ передовомъ войскѣ и просьбы бояръ стать въ безопасномъ мѣстѣ.
3) Начало битвы.
4) Кровопролитная битва въ передовомъ войскѣ.
5) Нападеніе засаднаго полка, побѣда русскихъ надъ татарами и бѣгство послѣднихъ.

В. Событія послѣ битвы:
1) Князь Владиміръ созываетъ войско.
2) Отсутствіе Димитрія, исканіе и спасеніе его. Радость войска и князя.
3) Осмотръ мѣста битвы.
4) Слезы князя надъ убитыми и благодарность живымъ.
5) Установленіе дня поминовенія убитыхъ.

5. Три пальмы.

А. Картина природы: оазисъ
а) пальмы,
б) ручей.

Б. Желаніе пальмъ:
1) уединенность пальмъ,
2) ропотъ ихъ.

В. Осуществленіе желанія:
1) приближеніе каравана,
а) навьюченные верблюды,
б) походные шатры съ женами и дѣтьми,
в) джигитовка фариса;
2) станъ каравана;
3) радость, удовольствіе пальмъ.

Г. Слѣдствіе осуществленія желанія пальмъ:
- 1) гибель пальмъ,
  - а) пальмы срублены,
  - б) листья сорваны,
  - в) стволы (тѣла) сожжены;
- 2) уходъ каравана,
- 3) слѣдствіе пребыванія человѣка въ оазисѣ,
- 4) ручей высохъ и оазисъ исчезъ.

6. О любви къ отечеству.

I. Дѣленіе предмета (любви къ отечеству).

II. Любовь физическая:
- 1) Всеобщность этой любви.
- 2) Духовное основаніе любви къ родинѣ (плѣнительное воспоминаніе).
- 3) Примѣры.
- 4) Физіологическое основаніе любви.
- 5) Доказательства
  - а) цѣлесообразность привычнаго воздуха;
  - б) человѣкъ сохнетъ и скучаетъ на чужбинѣ;
  - в) сравненіе: растеніе лучше развивается въ сродномъ климатѣ.
- 6) Красота природы не составляетъ необходимой причины любви къ отечеству.

III. Любовь нравственная:
- 1) Разъясненіе понятія.
- 2) Доказательства:
  - а) примѣръ (встрѣча съ соотечественникомъ);
  - б) свидѣтельство (голландскаго патріота).

IV. Любовь политическая:
1) Опредѣленіе.
2) Основаніе: сознаніе связи личнаго блага съ благомъ отечества.
3) Сознаніе національнаго достоинства. Примѣръ.

Б. Способы изложенія мыслей по лицу излагающему

Монологическій, діалогическій, эпистолярный и смѣшанный способы изложенія мыслей.

Въ описаніи «Классная комната» авторъ (Толстой) самъ излагаетъ признаки описываемаго предмета; въ повѣствованіи «Куликовская битва» тоже самъ авторъ разсказываетъ событія, составлявшія эту битву; въ разсужденіи «О любви къ отечеству» тоже авторъ самъ выражаетъ мысли, служащія къ раскрытію предмета (любви къ отечеству). Въ баснѣ же «Любопытный» мы видимъ разговоръ двухъ пріятелей и изъ разговора ихъ узнаемъ то, что авторъ хотѣлъ выразить въ своей баснѣ. Точно также въ драмѣ «Скупой рыцырь» Пушкина мы видимъ разговоръ выведенныхъ лицъ и изъ разговора ихъ знакомимся съ предметомъ этой драмы.

Такимъ образомъ мы различаемъ способы изложенія мыслей: монологическій и діалогическій.

Монологическій способъ изложенія мыслей является наиболѣе употребительнымъ. По этому способу обыкновенно составляются описанія предметовъ и явленій, повѣствованіе о жизни отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ. Учебныя и ученыя сочиненія пишутся большею частью монологическимъ способомъ.

Діалогическій или разговорный способъ изложенія мыслей мы видимъ въ драматическихъ произведеніяхъ.

Иногда и разсужденія пишутся въ разговорной формѣ. Такъ, напр., разсужденіе Батюшкова «Вечеръ у Кантемира» представляетъ собою разговоръ выведенныхъ лицъ.

Встрѣчаются сочиненія, изложенныя въ видѣ переписки лицъ между собою. Мысль автора раскрывается въ письмахъ выведенныхъ лицъ. Этотъ способъ изложенія можетъ быть названъ эпистолярнымъ. Само собою разумѣется, что эпистолярный способъ изложенія мыслей можетъ быть подведенъ или къ монологическому, или діалогическому способу изложенія ихъ.

Въ большей части сочиненій мы находимъ и описаніе или разсказъ самого автора, и разговоръ выведенныхъ имъ лицъ. Такъ, напр., въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» мы видимъ и описаніе усадьбы помѣщиковъ, изложенное отъ лица автора, и разговоръ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны между собою и съ гостями. Въ басняхъ мы тоже видимъ и изложеніе самого баснописца, и разговоръ выведенныхъ имъ животныхъ или людей. Такимъ образомъ является смѣшанный способъ изложенія мыслей. Этотъ способъ мы встрѣчаемъ преимущественно въ повѣстяхъ, романахъ и вообще въ художественныхъ произведеніяхъ.

В. Слогъ сочиненій (стилистика).

Понятіе о слогѣ сочиненія. Стороны слога.

Слогомъ или стилемъ *) сочиненія называется складъ рѣчи, которымъ писатель пользуется при

---

*) Слово стиль (στῦλος) греческое и означаетъ палочку. Древніе писали на вощаныхъ дощечкахъ стилемъ (палочкой), одинъ конецъ котораго былъ заостренъ для писа-

изложеніи своихъ мыслей. Ученіе о слогѣ называется стилистикой.

Въ стилистикѣ слогъ сочиненій разсматривается:

А) со стороны подбора словъ и выраженій;

Б) со стороны сочетанія предложеній (строенія рѣчи), и

В) со стороны благозвучія рѣчи.

А) Подборъ словъ и выраженій въ зависимости отъ цѣли изложенія. Прозаическій и художественный слогъ.

Дѣленіе сочиненій по изложенію на художественныя и простыя; художественный и простой слогъ. Отчего зависитъ достоинство слога?

Сравнимъ описаніе Днѣпра Гоголя съ описаніемъ Урала Пушкина. (Хрестом. Поливанова, ч. 3). Въ первомъ описаніи мы видимъ образы Днѣпра въ ясную тихую погоду, въ звѣздную ночь и въ бурю. Во второмъ находимъ указаніе постоянныхъ признаковъ Урала, дающее извѣстныя знанія объ этой рѣкѣ, но не находимъ живыхъ образовъ ея. Первое описаніе можетъ быть сравнено съ ландшафтомъ, а второе съ ландкартой. Цѣль перваго описанія—вызвать въ воображеніи читателя такія же картины, какія рисовались въ воображеніи поэта; цѣль же второго—указать постоянные, существенные признаки Урала и тѣмъ дать точныя знанія о немъ. Первое описаніе дѣйствуетъ преимущественно на воображеніе читателя, а второе—на разсу-

---

нія, а другой—тупой, для стиранія (сглаживанія) невѣрно написаннаго. Отсюда выраженіе: «почаще перевертывай стиль», которое означало: почаще исправляй написанное или очищай слогъ.

довъ его. Первое описаніе—художественное, а второе—простое или прозаическое.

Такимъ образомъ сочиненія по своему изложенію бываютъ художественныя и простыя. Слогъ первыхъ—художественный, слогъ вторыхъ—простой, прозаическій.

Художественность слога достигается подборомъ словъ и выраженій, рисующихъ предметы и признаки ихъ.

Само собою разумѣется, что нѣтъ рѣзкой границы между художественнымъ и простымъ слогомъ. Переходъ отъ сочиненій съ художественнымъ слогомъ къ сочиненіямъ съ простымъ слогомъ и обратно бываетъ еле уловимъ. Случается, что сочиненіе, имѣющее цѣлью дать вѣрное знаніе о предметѣ, изложено бываетъ въ значительной степени художественнымъ, образнымъ слогомъ (напр., нѣкоторыя сочиненія Костомарова), и наоборотъ: сочиненіе, имѣющее цѣлью возбудить въ читателѣ живые образы, имѣетъ нѣкоторыя мѣста, изложенныя простымъ слогомъ.

Достоинство слога словеснаго произведенія зависитъ отъ а) чистоты, б) ясности, в) изобразительности съ выразительностью и г) благозвучія рѣчи,

Въ зависимости отъ своего содержанія и своей цѣли сочиненіе въ большей или меньшей мѣрѣ удовлетворяетъ тому или другому изъ этихъ качествъ слога. Такъ, напр., сочиненіе, имѣющее цѣлью живо изобразить образы, созданные фантазіей поэта, отличаются преимущественно изобразительностью и выразительностью слога; сочиненіе же, имѣющее цѣлью дать читателю точныя и ясныя знанія о предметѣ, отличается преимущестуенно чистотой и ясностью слога.

Скажемъ въ отдѣльности о каждомъ изъ названныхъ качествъ рѣчи.

а) Чистота рѣчи.

Въ чемъ состоитъ чистота рѣчи. Неумѣстное употребленіе а) варваризмовъ, б) архаизмовъ, в) неологизмовъ, г) провинціализмовъ. Заимствованіе словъ и образованіе новыхъ словъ. Употребленіе архаизмовъ и провинціализмовъ, умѣстность употребленія ихъ.

Чистота рѣчи состоитъ въ употребленіи въ сочиненіи только словъ и выраженій, принятыхъ въ чистомъ литературномъ языкѣ. Нарушеніемъ требованія чистоты рѣчи является неумѣстное употребленіе—

а) варваризмовъ βάρβαρος, barbarus—иностранецъ, иностранный), то есть чужеземныхъ словъ и выраженій, невошедшихъ во всеобщее употребленіе, взамѣнъ имѣющихся уже въ родномъ языкѣ словъ и выраженій. Напр.. «вояжъ», вмѣсто путешествіе, «променадъ», вм. прогулка, «руины» вм. развалины, «ситуація» вм. положеніе, «дѣлать уроки» вм. приготовлять уроки, «радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство» вм. радуюсь, что познакомился съ вами.

Выраженія и обороты рѣчи, взятые изъ другихъ языковъ, обыкновенно носятъ названія по тѣмъ языкамъ, изъ которыхъ заимствованы. Напр.: «пріѣхавши въ Ригу, квартира мнѣ была нанята»—галлицизмъ; «хорошо выглядѣть»—германизмъ; «государство отъ великихъ историковъ (вм. великими историками) прославленное»—латинизмъ; «кончилъ университетъ» (вм. кончилъ курсъ въ университетѣ)—полонизмъ;

б) архаизмовъ (ἀρχαῖος -древній, старый), т. е. словъ и выраженій устарѣлыхъ, вышедшихъ изъ употребленія. Напр.: понеже, реку, поелику;

в) неологизмовъ (νεος λόγος—новое слово), т. е. словъ, вновь составленныхъ, взамѣнъ существующихъ и извѣстныхъ уже всѣмъ словъ. Напр.: «одинецъ» вм.

единственный сынъ, «онаглядить» вм. сдѣлать нагляднымъ;

г) провинціализмовъ, т. е. словъ и выраженій, употребляющихся не въ общемъ литературномъ языкѣ, а въ какой-нибудь одной мѣстности и потому не общеизвѣстныхъ. Напр.: «жупанъ» (малороссійск.) вм. кафтанъ, «пекло» (малороссійск.) вм. адъ, «отчинить» (смоленск). вм. отпереть.

Слова языка служатъ выраженіемъ понятій и представленій народа. Кругъ понятій и представленій народа послѣдовательно расширяется. Расширеніе это совершается или путемъ заимствованія ихъ отъ другихъ народовъ, или путемъ выработки ихъ собственной духовной дѣятельностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и количество словъ языка и расширеніе это совершается или путемъ заимствованія словъ изъ чужаго языка, или путемъ образованія ихъ изъ корней родного языка. Отсюда въ каждомъ языкѣ получается, съ одной стороны множество заимствованныхъ словъ, а съ другой—значительное количество вновь образованныхъ словъ. Слова эти до такой степени входятъ въ общее употребленіе народа, что становятся неотъемлемою принадлежностью его языка и теряютъ характеръ варваризмовъ или неологизмовъ. Результатомъ сношенія русскихъ съ греками явились въ русскомъ языкѣ такія слова, какъ: евангеліе, ангелъ, іерей, налой, діаконъ и друг.; отъ татаръ заимствованы слова: кушакъ, армякъ, сундукъ, чердакъ и многія другія. При знакомствѣ русскихъ съ западно-европейскою цивилизаціей вошло въ русскій языкъ много словъ изъ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и друг. языковъ. Таковы, напр., слова: парикмахеръ, галстухъ (нѣм.), мода, багажъ (фр.) и др.

Для выраженія новыхъ понятій Карамзинымъ со-

ставлены слова: «вліяніе», «трогательно», «развитіе», «сосредоточить» и друг.; Пушкинымъ составлено слово: «временщикъ». И слова эти, вошедши въ общее употребленіе, сдѣлались принадлежностію нашего языка.

При изображеніи древней жизни и древняго быта оказывается иногда необходимымъ употребить слова, служившія въ старину для обозначенія нѣкоторыхъ предметовъ этого быта и этой жизни (архаизмы). Точно также, при изображеніи жизни и быта народа какой-нибудь мѣстности, является надобность употребить мѣстныя выраженія (провинціализмы).

Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что подъ требованіемъ чистоты языка слѣдуетъ разумѣть не безусловную, а лишь относительную чистоту его, при чемъ не допускались бы такіе варваризмы, неологизмы, архаизмы и провинціализмы, которые съ удобствомъ могутъ быть замѣнены словами родного литературнаго языка и которые не соотвѣтствуютъ содержанію и назначенію даннаго словеснаго произведенія. Въ научныхъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ свободное употребленіе варваризмовъ, сдѣлавшихся техническими словами и они въ этихъ сочиненіяхъ умѣстны. Точно также у лучшихъ нашихъ писателей встрѣчаемъ архаизмы и провинціализмы и они оказываются очень удачно и умѣстно употребленными ими.

б) Ясность рѣчи.

Ясность рѣчи и зависимость ея отъ степени знанія предмета, отъ характера содержанія, отъ подбора словъ; синонимы, образованіе ихъ; омонимы, образованіе ихъ; зависимость ясности рѣчи отъ расположенія словъ и предложеній. Значеніе для ясности письменной рѣчи знаковъ препинанія, а устной—способа произношенія.

Ясность или удобопонятность рѣчи—необходимое качество ея. «Нужно писать», говоритъ Квинти-

ліанъ, «такъ, чтобы другіе не могли насъ не понять».

Необходимымъ условіемъ ясности изложенія служитъ ясное, отчетливое знаніе пишущимъ предмета изложенія. Кто неясно, нераздѣльно понимаетъ предметъ, о которомъ пишетъ, тотъ и не можетъ ясно, раздѣльно изложить о немъ. Темнота мысли влечетъ за собою обыкновенно темноту въ изложеніи. На этомъ основанъ совѣтъ пишущему: «прежде чѣмъ писать, обдумай, выясни себѣ, умственно проговори то, что ты будешь писать».

Затѣмъ, для ясности изложенія имѣетъ вліяніе характеръ содержанія, подлежащаго изложенію: чѣмъ содержаніе отвлеченнѣе, тѣмъ труднѣе оно воспринимается читателемъ; чѣмъ конкретнѣе, тѣмъ легче. Вотъ почему отвлеченныя правила въ учебныхъ и вообще въ научныхъ сочиненіяхъ обыкновенно поясняются конкретными примѣрами.

Ясность рѣчи зависитъ также отъ подбора словъ и выраженій и отъ сочетанія ихъ. Употребляемыя въ сочиненіи слова должны быть понятны, точны и опредѣленны.

Непонятныя слова мало или ничего не говорятъ уму читателей и рѣчь для нихъ неясна. Такими словами являются техническія выраженія, малоупотребительные варваризмы, архаизмы, провинціализмы и неологизмы. При употребленіи такихъ словъ слѣдуетъ, для ясности изложенія, сопровождать ихъ поясненіями.

Неточныя слова могутъ вызвать въ читателѣ не тѣ представленія и понятія, которыя имѣлъ въ виду писатель. Неточность рѣчи часто является слѣдствіемъ неудачнаго употребленія синонимовъ.

Синонимами (σύν—съ, вмѣстѣ, ὄνομα—имя) называются слова различныя по внѣшней (звуковой) сто-

ронѣ, но болѣе или менѣе сходныя по внутренней сторонѣ, по значенію. Напр.: путь, дорога; старый, ветхій, древній; смотрѣть, видѣть.

Будучи близкими по значенію, синонимы представляютъ и нѣкоторое, иногда трудно уловимое, отличіе въ значеніи. Каждый синонимъ имѣетъ свой отличительный оттѣнокъ, свой особый смыслъ, свое особое содержаніе. Возьмемъ хотя приведенные выше синонимы. Путь, дорога. Путь означаетъ направленіе движенія, а дорога—означаетъ полосу земли, по которой ѣздятъ Нельзя сказать: морская дорога, а говорятъ: морской путь; точно также не говорятъ: желѣзный путь, а—желѣзная дорога. Старый, ветхій, древній. Старый—имѣющій много лѣтъ; ветхій—обветшалый отъ старости; древній—относящійся къ отдаленнымъ временамъ. Нельзя сказать: ветхій человѣкъ, а говорятъ: старый человѣкъ; нельзя сказать: ветхая исторія, а говорятъ: древняя исторія; точно также нельзя сказать: древнее (въ смыслѣ износившееся) платье, а говорятъ: ветхое платье. Смотрѣть, видѣть. Первое слово указываетъ на процессъ смотрѣнія, а второе—на результатъ его. Можно смотрѣть на предметъ, но не видѣть многихъ его признаковъ.

Образованіе синонимовъ въ языкѣ объясняется, во-первыхъ, забвеніемъ словопроизводства словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ первоначальнаго значенія. Такъ, напр., слова: прекрасный, превосходный, прелестный, являющіяся теперь синонимами, въ старину были очень далеки одно отъ другого по значенію: прекрасный значило—очень красный, превосходный—выше другихъ зашедшій, прелестный—весьма льстивый, обманчивый; во вторыхъ, образованіе ихъ объясняется вліяніемъ чужеземныхъ, а также древнерус-

скаго и славянскаго языковъ. Такъ, кромѣ слова конь (чисто русскаго) употребляется синонимическое татарское слово лошадь; кромѣ слова поясъ употребляется татарское слово кушакъ. Слова, заимствованныя изъ древне-славянскаго языка (напр.: чело, персты, ланиты, очи и друг.), будучи синонимами чисто русскихъ словъ (лобъ, пальцы, щеки, глаза и друг.), употребляются въ болѣе высокой, торжественной рѣчи. Напр.: «Чело его омрачилося думой». На лбу моемъ показались капли пота. «Перстами легкими, какъ сонъ, моихъ зѣницъ коснулся онъ». Врачъ пальцемъ прикоснулся къ зрачку больного глаза.

Неопредѣленныя слова и выраженія дѣлаютъ рѣчь неопредѣленною, неясною, такъ какъ читатель, не знаетъ какое значеніе имѣютъ въ сочиненіи такія слова и выраженія. Для устраненія неопредѣленности слѣдуетъ съ осмотрительностью употреблять такъ называемые омонимы. Омонимами называются слова, различныя по значенію, но сходныя по внѣшней (звуковой) сторонѣ. Такъ, напр., слово языкъ употребляется и въ смыслѣ физическаго органа рѣчи, и въ смыслѣ самой рѣчи; ключъ означаетъ и орудіе, которымъ запираютъ и отпираютъ замокъ, и источникъ. Коса означаетъ и сельско-хозяйственное орудіе, и заплетенные волосы, и узкую полосу земли, вдавшуюся въ воду. Провести означаетъ и указать дорогу, и обмануть. Во многихъ случаяхъ омонимическія слова получаютъ опредѣленное значеніе по связи ихъ съ другими словами или по смыслу всей рѣчи. Такъ слово «языкъ» принимаетъ опредѣленное значеніе въ выраженіяхъ: «показать языкъ» - «нашествіе дванадесяти языковъ»; слово «ключъ» принимаетъ опредѣленное значеніе во фразахъ: «гуляя, мы нашли ключъ и изъ него утолили жажду»; «гуляя, я

нашелъ ключъ отъ своихъ часовъ». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по связи съ другими словами омонимическое слово не принимаетъ опредѣленнаго значенія, приходится пояснять его.

Омонимы образовались въ языкѣ или а) вслѣдствіе перенесенія словъ отъ одного значенія къ другому. Напр.: слово «рука», обозначая часть человѣческаго тѣла, вслѣдствіе переноса значенія получаетъ совершенно иной смыслъ въ выраженіи: «Рука Всевышняго отечество спасла»; или же б) вслѣдствіе случайнаго звуковаго совпаденія. Напр.: «топить (печь) и «топить» (въ водѣ), «три» (числительное) и «три» (отъ тереть).

Ясность рѣчи зависитъ также отъ расположенія словъ въ предложеніи и отъ связи предложеній между собою. Что касается расположенія словъ, то оно должно быть таково, чтобы соотвѣтствовало тому смыслу, который желательно выразить, и чтобы ясно было отношеніе сказуемаго къ подлежащему и объясняющихъ словъ къ объясняемымъ. Что же касается связи предложеній, то въ сложномъ предложеніи придаточныя предложенія должны быть размѣщаемы такъ, чтобы ими не затемнялось отношеніе членовъ главнаго предложенія и чтобы ясно было, къ какимъ словамъ главнаго предложенія они относятся.

Не маловажное значеніе для ясности письменнаго изложенія имѣетъ правильное употребленіе знаковъ препинанія, такъ какъ ими обозначается отношеніе и связь предложеній между собою. При устномъ же изложеніи не маловажное значеніе для яснаго пониманія излагаемаго имѣютъ правильная интонація и правильныя остановки, дѣлаемыя при произношеніи, такъ какъ ими выражается такой или иной смыслъ рѣчи, такой иной оттѣнокъ въ содержаніи ея.

в) Изобразительность и выразительность рѣчи.

Изобразительность и выразительность рѣчи и связь между тѣмъ и другимъ качествомъ ея. Зависимость изобразительности и выразительности рѣчи. Средства къ изобразительности рѣчи: 1—эпитеты; постоянные эпитеты; отличіе эпитетовъ отъ опредѣленій; 2—сравненія, выраженіе ихъ; отрицательныя сравненія; уподобленіе; 3—описательныя выраженія; 4—тропы; виды ихъ: 1) метафора, олицетвореніе, аллегорія; 2) метонимія, виды ея; 3) синекдоха; 5—гиперболическія выраженія; 6—ироническія выраженія; иронія, юморъ, сарказмъ; 7—фигуральные обороты: а) пропускъ словъ, б) повтореніе словъ, в) параллелизмъ, антитеза, г) вопрошеніе, обращеніе, восклицаніе, д) звукоподражаніе, подборъ и расположеніе словъ; значеніе произношенія для изобразительности и выразительности рѣчи.

Изобразительной рѣчью называется такая, которая рисуетъ образъ или представленіе предмета, чѣмъ отличается отъ простой рѣчи, дающей лишь общее понятіе или общее знаніе о предметѣ. **Выразительной** рѣчью называется такая, которая дѣйствуетъ на чувство читателя.

Изобразительность рѣчи и выразительность ея находятся въ связи между собою, такъ какъ рѣчь, рисующая живые образы, тѣмъ самымъ вліяетъ и на чувство читателя, и наоборотъ: рѣчь, вліяющая на чувство читателя, въ состояніи вызывать въ сознаніи его соотвѣтственные образы.

Рѣчь является выраженіемъ извѣстнаго содержанія—идей, образовъ, чувствованій. Отъ характера этого содержанія зависитъ и характеръ рѣчи. То, что живо рисуется въ воображеніи писателя, что волнуетъ душу его, то найдетъ себѣ и выраженіе въ болѣе живой, **образной** и выразительной рѣчи.

Укажемъ средства къ изобразительности рѣчи

Остановимся на народной пѣснѣ «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море».

1. Въ этой пѣснѣ слово «сине», относящееся къ слову море, рисуетъ образъ моря. Оно является здѣсь не для отличія одного моря отъ другихъ, каковыми являются напр., названія: «Каспійское», «Черное», «Бѣлое» море, а служитъ лишь для возбужденія въ слушателѣ образа моря. Напоминая признакъ моря, слово «сине» даетъ слушателю возможность живѣе представить себѣ море.

Названіе живописующаго признака, прибавляемаго къ слову съ цѣлью усилить изобразительность его, называется эпитетомъ (ἐπίθετον отъ ἐπιτίθημι—прилагаю). Эпитетами въ той же пѣснѣ будутъ также слова: злодѣй—тоска, ретиво сердце, въ чистомъ полѣ, шелковый коверъ, удалъ добрый молодецъ, молодецкую кровь, горючую, сыру землю и друг. Въ описаніи «Днѣпра» Гоголя эпитетами являются: жаркому солнцу, голубаго неба, лѣтней теплой ночи, черный лѣсъ, горючими слезами, серебряную струю и др.

Въ народныхъ произведеніяхъ названія предметовъ сопровождаются одними и тѣми же эпитетами: ясное солнышко, свѣтелъ мѣсяцъ, темная ноченька, свѣча воску яраго, добрый молодецъ, бѣлая лебедь, гусли звончатые, зелено вино, стрѣлы каленыя, славный городъ и друг. Такіе эпитеты называются постоянными.

Въ поэзіи личной или искусственной выборъ эпитетовъ зависитъ отъ личнаго вкуса поэта Напр.:

Тучки небесныя вѣчные странники...

(Лермонтовъ).

Или: Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь....
(Пушкинъ)

Въ синтаксическомъ отношеніи, эпитетъ есть нечто иное, какъ опредѣленіе. Но не всякое опредѣленіе можетъ быть названо эпитетомъ. Если опредѣленіе не ограничиваетъ значенія слова, а служитъ лишь для изобразительности,—то оно называется эпитетомъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если опредѣленіе является лишь для ограниченія значенія даннаго слова (деревянный домъ, молодое деревцо) и не служитъ для усиленія изобразительности, оно не можетъ быть названо эпитетомъ. Одно и тоже прилагательное, смотря по своему назначенію, можетъ являться и простымъ опредѣленіемъ. и опредѣленіемъ—эпитетомъ. Напр.: черное перо (опредѣленіе), черный воронъ (опредѣленіе—эпитетъ).

2 Въ той же пѣснѣ («Ужъ какъ палъ туманъ») видимъ такое изобразительное выраженіе: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй—тоска въ ретиво сердце». Грусть-тоска, павшая въ сердце молодца, умирающаго среди поля, сравнивается съ непроглядньімъ туманомъ, окутавшимъ море. Сходство впечатлѣнія послужило основаніемъ для сравненія тоски съ туманомъ, и такое сравненіе тѣмъ болѣе удачно, что туманъ обыкновенно вызываетъ тоскливое, грустное настроеніе. Сравненіе является тоже средствомъ къ изобразительности рѣчи.

Въ художественномъ описаніи «Днѣпра» Гоголя мы видимъ слѣдующія сравненія: «Средь ночи (виденъ Днѣпръ), какъ средь дня»; Струя вспыхиваетъ, буд-

то полоса дамасской сабли»; «Пойдутъ горами синія тучи».

Сравненіе выражается—или однимъ словомъ, напр.: пойдутъ горами синія тучи; какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна;

или придаточнымъ предложеніемъ; напр.: «Словно какъ мать надъ сыновней могилой, стонетъ куликъ надъ равниной унылой»;

или же самостоятельнымъ по формѣ предложеніемъ; напр.: «Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются слезами: такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско».

Въ той же народной пѣснѣ мы видимъ и такое сравненіе: «Не звѣзда блеститъ въ чистомъ полѣ, курится огонечекъ малешенекъ». Это отрицательное сравненіе.. Можно подумать, что звѣзда блеститъ въ чистомъ полѣ, но это не звѣзда, а огонечекъ малешенекъ. Огонечекъ среди поля сравнивается со звѣздочкой.

Отрицательныя сравненія особенно часто употребляются въ народной поэзіи. Напр.:

Не ласточка, касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,—
Увивается его матушка родимая.
Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка...

(Народн. пѣсня).

Распространенное сравненіе, въ которомъ цѣлый рядъ понятій сравнивается съ другимъ рядомъ понятій, называется уподобленіемъ. Напр.:

Въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,

Окрѣпла Русь: такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

(Пушкинъ).

3. Въ той же народной пѣснѣ вмѣсто простого выраженія: я убитъ среди поля—находимъ такое выраженіе: «женился я на другой женѣ, за ней я взялъ поле чистое, насъ сосватала сабля острая». Такое образное выраженіе называется описательнымъ, т. е. такимъ, въ которомъ предметъ или дѣйствіе обозначается не однимъ соотвѣтствующимъ ему словомъ, а нѣсколькими словами.

Описательныя выраженія часто употребляются въ былинахъ. Напр.:

Илья Муромецъ крестъ кладетъ (вм.: крестится) по писаному,,
Поклонъ-то ведетъ (вм.; кланяется) по ученому.

И въ художественной поэзіи иногда употребляются описательныя выраженія. Напр.:

Желая свѣтлымъ днемъ налюбоваться,
Орелъ въ поднебесьи леталъ
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молніи родятся (т. е. въ облакахъ).
Или еще:
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

(Пушкинъ).

4 Въ той же народной пѣснѣ слово «сосватала» въ выраженіи: «насъ сосватала сабля острая» употреблено, очевидно, не въ буквальномъ, а въ переносномъ значеніи: названіе одного дѣйствія употреблено для обозначенія другого дѣйствія.

Слова и выраженія, употребляющіяся не въ собственномъ, а въ переносномъ значеніи, называются тропами (отъ τρέπω – обращаю).

По основанію, служащему для переноса слова отъ собственнаго къ несобственному значенію, тропы представляютъ слѣдующіе виды: 1) метафора, 2) метонимія и 3) синекдоха.

1) Метафора (μεταφορά—перенесеніе) есть перенесеніе слова отъ собственнаго къ несобственному значенію на основаніи сходства впечатлѣній, производимыхъ предметами, признаками предметовъ или дѣйствіями ихъ. Напр.: «повисли перлы дождевые»; «нива золотая»; «ручей нѣмѣетъ». Въ первомъ примѣрѣ слово «перлы» употреблено вмѣсто: капли; во второмъ примѣрѣ слово «золотая» употреблено вмѣсто: желтая; въ третьемъ примѣрѣ слово: «нѣмѣетъ» употреблено вмѣсто: не слышно звука.

Очевидно, что метафора есть результатъ сравненія: капли, какъ перлы; желтая, какъ золотая и т д.

Метафора отличается отъ сравненія тѣмъ, что при сравненіи называются оба предмета, свойства или дѣйствія: какъ сравниваемое, такъ и то, съ коимъ сдѣлано сравненіе; при метафорѣ же называется лишь тотъ предметъ, свойство или дѣйствіе, съ которымъ сдѣлано сравненіе (перлы, золотая, нѣмѣетъ).

Благодаря такому скрытому сравненію, метафора даетъ образъ, въ которомъ данный признакъ проявляется болѣе ярко, живо *).

*) Метафора, являясь средствомъ къ изобразительности рѣчи, служитъ также однимъ изъ средствъ къ росту (развитію) языка. Такъ, названіе „языкъ“, служившее сначала для обозначенія физическаго органа рѣчи, путемъ пе-

Къ метафорѣ относятся:

а) Олицетвореніе, т. е. такая метафора, въ которой неодушевленному или отвлеченному предмету приписываются признаки или дѣйствія предметовъ одушевленныхъ. Напр.:

Насъ сосватала сабля острая. (Нар. пѣсня).

Лѣса толпятся къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются къ нему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями.

(«Днѣпръ»—Гоголя).

Но склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И, опять ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ.

(Лермонтовъ).

Во всѣхъ трехъ примѣрахъ неодушевленнымъ предметамъ (саблѣ, лѣсамъ, Каспію съ Терекомъ) приписаны дѣйствія предметовъ одушевленныхъ.

реноса значенія, стало обозначать и самую рѣчь („русскій языкъ"), и свойство рѣчи („грубый языкъ"), и тѣ предметы, которые своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаютъ органъ рѣчи („языкъ колокола", „языкъ пламени"). Такія переносныя слова, вслѣдствіе привычки къ нимъ и постояннаго употребленія, перестали отличаться отъ словъ, употребляемыхъ въ собственномъ значеніи. Такъ, мы привыкли говорить: французскій и нѣмецкій языки, острая память, глубокія познанія, время бѣжитъ, не представляя себѣ тѣхъ предметовъ, по сравненію съ которыми сдѣлана въ этихъ выраженіяхъ замѣна названій. Для того, чтобы метафора служила средствомъ образности или выразительности рѣчи, она должна отличаться оригинальностью и свѣжестью.

Приписываніе животнымъ дѣйствій человѣка составляетъ тоже олицетвореніе. Напр.:

Онъ (конь) будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину...

(Нар. пѣсня).

Отвѣчаетъ конь печальный...

(Пушкинъ).

Сложная метафора, вслѣдствіе которой неодушевленный или отвлеченный предметъ получаетъ болѣе или менѣе полный образъ существа одушевленнаго, составляетъ тоже олицетвореніе. Напр.:

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря....

(Ломоносовъ).

Морозъ воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

(Некрасовъ).

б) Иногда все произведеніе имѣетъ переносное значеніе. Къ такимъ произведеніямъ относятся басни, въ которыхъ излагается о дѣйствіяхъ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ, а слѣдуетъ разумѣть дѣйствія людей. Такъ въ баснѣ «Слонъ и Моська» говорится о моськѣ, которая лаяла и бросалась на слона, не обращающаго на нее вниманія; разумѣть же подъ моськой слѣдуетъ мелкихъ и пустыхъ людей, которые бранятъ и критикуютъ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей, дабы тѣмъ обратить на себя вниманіе другихъ.

Въ баснѣ «Пушки и Паруса» изображенъ споръ между пушками и парусами о своемъ превосходствѣ; на самомъ же дѣлѣ нужно разумѣть споръ между лицами различныхъ сословій о своемъ превосходствѣ,—споръ, рѣшаемый заключительными словами басни. Къ такимъ же произведеніямъ относятся и такія стихотворенія, какъ «Воздушный корабль», «Споръ», «Тучки»—Лермонтова, «Туча»—Пушкина и др.

Перенесеніе значенія всего произведенія называется аллегоріей (иносказаніемъ), а произведеніе, имѣющее такое переносное значеніе, называется аллегорическимъ (иносказательнымъ).

2) Метонимiей (μετωνυμια—перемѣна имѣни) называется перенесеніе значенія слова на основаніи отношенія или связи, замѣчаемой между предметами. Напр.: «Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ» вмѣсто: медъ, запѣнясь, шипитъ. Здѣсь слово «ковши» употреблено вмѣсто слова «медъ», при чемъ рѣчь вышла образнѣе, живѣе: въ воображеніи читателя рисуются ковши съ пѣнящимся медомъ.

Метонимія является въ слѣдующихъ видахъ:

а) употребленіе названія содержащаго вмѣсто названія содержимаго. Напр.: «Я три тарелки (вмѣсто: столько—то кушанья) съѣлъ»; «не даромъ помнитъ вся Россія (вм.: всѣ жители Россіи) про день Бородина»;

б) употребленіе названія матеріала вмѣсто названія вещи, сдѣланной изъ него. Напр.: «Не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ»; янтарь въ устахъ его дымился;

в) названіе признака предмета или дѣйствія вмѣсто названія самого предмета или дѣйствія. Напр.: «Онъ бросилъ перчатку» вмѣсто: вызвалъ на дуэль; «непріятели открыли огонь» вм.: начали пальбу;

г) названіе слѣдствія вмѣсто названія причины

или названіе причины вмѣсто названія слѣдствія. Напр.: «Онъ носитъ смерть въ груди» вм.: онъ носитъ болѣзнь, отъ которой произойдетъ смерть; «жилъ торговлей» вм. доходами отъ торговли; «ужъ полдень (вм. полуденное солнце) надъ его главой пылалъ въ сіяніи веселомъ»;

д) названіе дѣйствія орудіемъ, посредствомъ котораго оно совершается. Напр.: «Перо его местію дышитъ»;

е) названіе автора вмѣсто названія произведеній его. Напр.: «Бранилъ Гомера, Өеокрита, зато читалъ Адама Смита»;

ж) названіе отвлеченнаго понятія словомъ, обозначающимъ конкретный образъ. Напр.: «И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы»; «въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ».

Метонимическое перенесеніе можетъ распространяться на цѣлое предложеніе или даже на рядъ предложеній, при чемъ дѣйствіе изображается посредствомъ второстепеннаго дѣйствія, находящагося въ тѣсномъ отношеніи къ главному. Напр.: «Въ меня всѣ ближніе мои бросали бѣшено каменья» (вм.: ближніе мои меня преслѣдовали, порицали, изгоняли); «посыпалъ пепломъ я главу, изъ городовъ бѣжалъ я нищій» (вм.: въ душевной печали поспѣшно ушелъ я изъ города).

3) Синекдохой (συνεκδοχή отъ συνεκδέχομαι— воспринимаю, собираю) называется перенесеніе названія по количеству: вмѣсто множественнаго числа употребляется единственное; напр.: «Все спитъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица»;—вмѣсто названія цѣлаго предмета употребляется названіе части, напр.: «Всѣ флаги будутъ въ гости къ намъ» (вм.: корабли всѣхъ государствъ);—вмѣсто названія предмета употребляется на-

званіе признака его; напр.: «Роптала юность удалая»;—вмѣсто названія неопредѣленнаго числа употребляется названіе опредѣленнаго числа; напр.: онъ тысячу (вм. много) терзаній испыталъ».

Облегчая дѣятельность воображенія, которому легче представить единичный предметъ, чѣмъ совокупность предметовъ, часть легче, чѣмъ сложное цѣлое, характерный признакъ легче, чѣмъ совокупность признаковъ, синекдоха тѣмъ самымъ способствуетъ изобразительности рѣчи.

5. Подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія или чувства, вызваннаго предметомъ или явленіемъ, поэтъ въ своемъ изображеніи этого предмета или явленія переходитъ иногда границы не только дѣйствительности, но и возможности. Получаются гиперболическія выраженія (ὑπερβάλλω—перебрасываю, превосхожу). Примѣры: «рѣкой съ бѣдняжки льется потъ»; «огурецъ съ гору»; онъ слабѣе мухи»; «тише воды, ниже травы»; «нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ».

Ступитъ (Суворовъ) на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду (городу) коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ. («На взятіе Варшавы»—Державина).

Описаніе Гоголемъ Днѣпра («Днѣпръ») носитъ гиперболическій характеръ, вызванный впечатлѣніемъ, произведеннымъ этой рѣкой на поэта.

6. Иногда поэтъ употребляетъ такія слова и выраженія, которыя въ данной рѣчи нужно понимать не въ прямомъ, а въ противоположномъ, часто насмѣшливомъ значеніи. Такъ, лисица, встрѣтяся съ осломъ, спрашиваетъ его: «Отколѣ, умная, бредешь ты, голова»? Очевидно, что выраженіе «умная голова», съ ко-

торымъ лисица обратилась къ ослу, совсѣмъ не показываетъ, что она считала его на самомъ дѣлѣ умнымъ.

Слова и выраженія, имѣющія противоположное и при томъ насмѣшливое значеніе, называются ироническими, а способъ такого выраженія—ироніей. Добродушная иронія называется юморомъ, а злая, оскорбительная—сарказмомъ.

Въ народной пѣснѣ:

«Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими
Что двумя ли столбами съ перекладиной»—

выраженія: «исполать тебѣ», «пожалую хоромами высокими» имѣютъ ироническое значеніе.

Въ словахъ Шуйскаго (въ драмѣ «Борисъ Годуновъ» —Пушк.):

«Какая честь для насъ, для всей Руси:
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха» ...—заключается тоже иронія.

7. Кромѣ означенныхъ средствъ, для живости и выразительности рѣчи служатъ также а) пропускъ словъ, б) повтореніе словъ, в) параллелизмъ, антитеза, г) вопрошеніе, обращеніе, восклицаніе, д) звукоподражаніе, подборъ и расположеніе словъ, соотвѣтственно быстрому или медленному движенію предмета и другіе фигуральные обороты рѣчи.

а) При наплывѣ сильныхъ чувствованій лицо не успѣваетъ полно выразить свои мысли, а лишь намѣчаетъ ихъ, переходя быстро отъ одной мысли къ дру-

гой. Въ поэмѣ «Полтава» Марія, увидѣвши пришедшую къ ней мать и услышавши отъ нея о предстоящей казни отца, произноситъ:

«Что со мною?
Отецъ... Мазепа... казнь... съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ домѣ, мать моя...
Нѣтъ, иль ума лишилась я» ...

Въ драмѣ «Борисъ Годуновъ»—Пушкина Басмановъ, находясь подъ наплывомъ сильныхъ чувствъ, вызванныхъ колебаніемъ: остаться ли вѣрнымъ сыну Бориса Годунова, или перейти на сторону самозванца, произноситъ:

«Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ.
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны!» ...

Въ драмѣ «Скупой рыцарь»—Пушкина Альберъ, возмущенный предложеніемъ еврея, говоритъ:

«Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ, держи его!... И смѣлъ ты мнѣ!» ...

При пропускѣ словъ, приковывается вниманіе читателя или слушателя къ произносимымъ или читаемымъ словамъ и, кромѣ того, возбуждается воображеніе его, которое дополняетъ недосказанное. Читатель или слушатель понимаетъ настроеніе говорящаго и неполная рѣчь послѣдняго становится выразительный.

б) Для выраженія длительности дѣйствія поэтъ иногда прибѣгаетъ къ повторенію одного и тоже же слова. Напр.:

Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ,
Колокольчикъ динь, динь, динь.

(«Бѣсы»—Пушкина)

Къ тому же средству поэтъ прибѣгаетъ иногда для усиленія понятія, выражаемаго повторяемымъ словомъ. Напр.:

Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
(«На смерть кн. Мещерскаго»—Державина).

Понятіе или представленіе, выражаемое повторяемымъ словомъ, привлекаетъ вниманіе читателя или слушателя и самая рѣчь становится для него болѣе выразительной.

Для большей раздѣльности воспріятія, авторъ иногда прибѣгаетъ къ повторенію одного и того-же союза. Напр.:

И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
(«Ангелъ» —Лермонтова).

Или:

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною.
(«Кубокъ» —Жуковскаго).

Нельзя не видѣть, что въ обоихъ этихъ примѣрахъ отъ повторенія союза «и» рѣчь вышла раздѣльнѣе, читатель останавливается отдѣльно на каждомъ предметѣ или на каждомъ дѣйствіи и не смѣшиваетъ ихъ, что и способствуетъ болѣе сильному воспріятію читаемаго или слышимаго.

в) Особый видъ фигуральныхъ выраженій составляетъ параллелизмъ, при чемъ предложенія или отдѣльныя слова располагаются симметрично, попарно.

Параллельныя предложенія—или развиваютъ одну и туже мысль, только другими словами. Напр.:

Не ревнуй злодѣямъ,
не завидуй дѣлающимъ беззаконіе,
ибо они, какъ трава будутъ подкошены
и, какъ зеленѣющій злакъ, увянутъ.
(Псаломъ 36).

Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже,
и духъ правый обнови внутри меня.
Не отвергни меня отъ лица Твоего
и Духа Твоего Святаго не отними отъ меня.
(Псаломъ 50).

Или образуютъ сравненіе. Напр.:

Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
(«Полтава» —Пушкина).

Или же выражаютъ противоположеніе (антитезу). Напр.:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю...
Я царь, я рабъ,—я червь, я Богъ.
(«Богъ»—Державина).

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ:
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики.
(«На смерть кн. Мещерскаго»—Держ.).

г) Къ фигурамъ, направленнымъ къ выразительности рѣчи, относятся также фигуры: вопрошенія, обращенія и восклицанія.

При фигурѣ вопрошенія писатель задаетъ вопросъ, не расчитывая получить отъ читателя или слу-

шателя отвѣтъ. Нерѣдко самъ же писатель и даетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Напр.:

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?—
Тому, чьи мысли неподкупны...
(«Подраж. псалму XIV»—Языкова).

Знаете ли вы украинскую ночь?—О, вы не знаете... (Гоголь).

Своимъ вопросомъ писатель привлекаетъ вниманіе читателя или слушателя, а вниманіе усиливаетъ впечатлѣніе отъ изложенія.

При фигурѣ обращенія писатель обращается съ рѣчью къ лицу отсутствующему или даже къ предмету неодушевленному. Напр.:

«Простите вы, поля, холмы родные!» (Жуковскій).

При фигурѣ восклицанія волнующее поэта чувство выражается восклицаніемъ предложеній или отдѣльныхъ словъ. Напр.:

«О, если бы крылья и мнѣ!» (Майкова).

д) Къ изобразительности и выразительности рѣчи служитъ также звукоподражаніе, при чемъ самые звуки подбираемыхъ словъ напоминаютъ звуки, производимые изображаемымъ предметомъ. Напр.:

«Изъ подъ топота копытъ
Пыль по полю катится» (Пушкинъ)—напоминаетъ звуки, издаваемые скачущею лошадью.

Или:

«И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ» (Жуковск.)—напоминаетъ звуки, слышимые изъ глубины водоворота.

Или:

«Мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался» (Крылова)—напоминаетъ звукъ, издаваемый разсыпанною дробью.

Въ баснѣ Крылова «Моръ звѣрей»:

Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ:
И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ» —частымъ повтореніемъ въ рѣчи носовыхъ звуковъ (н, м) напоминается мычаніе вола.

Наконецъ, для той же цѣли служатъ искусные подборъ и расположеніе словъ, соотвѣтственно быстротѣ или медлительности изображаемаго движенія предмета. Напр.:

У друга на носъ муха сѣла,
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ,—
А Муха на щекѣ, согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!»
И у друга на лбу подкарауля Муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ.

Въ этомъ примѣрѣ подборъ, расположеніе словъ соотвѣтствуютъ медленному движенію медвѣдя, когда онъ приготовляется убить муху, быстрому движенію его, когда онъ хватилъ друга камнемъ въ лобъ, неотвязчивому перелетанію мухи съ одного мѣста на другое.

Изложивши о средствахъ къ изобразительности и выразительности рѣчи, слѣдуетъ еще прибавить, что при устномъ изложеніи или при чтеніи для такой изобразительности и выразительности имѣетъ очень важ-

ное значеніе самое произношеніе или чтеніе. Умѣнье тономъ выдѣлить одни слова или предложенія въ ряду другихъ, умѣнье придать произносимому или читаемому надлежащій характеръ, умѣнье произношеніемъ словъ и предложеній рисовать образы, умѣнье чтеніемъ или произношеніемъ выразить то или другое чувств —все это имѣетъ очень большое вліяніе на изобразительность и выразительность рѣчи. Искусство выразительнаго чтенія или произношенія называется декламаціей.

К. Ельницкій.

Продолженіе будетъ.

Уроки объяснительнаго чтенія.

Домострой.

1) Каковы источники Домостроя?

2) Что въ немъ принадлежитъ самому Сильвестру?

3) Каково содержаніе Домостроя?

—а) обязанности къ Богу, царю и духовенству (15 главъ), б) обязанности къ женѣ, дѣтямъ и слугамъ (14 главъ), в) объ устройствѣ дома (34 главы), г) посланіе и «наставленіе» отъ отца къ сыну (послѣдняя глава).

4) Какія предписанія даетъ Домострой о религіозной жизни?

5) Каковы, по Домострою, обязанности мужа?

6) Каковы обязанности жены и матери?

7) Какъ надо воспитывать дѣтей?

8) Какія предписанія даетъ Домострой относительно веденія хозяйства и отношенія къ слугамъ?

9) Каковы черты семейнаго быта?

а) (Мужъ-господинъ, глава дома, все дѣлается по его волѣ, можетъ наказывать, б) жена-покорная, молчаливая, трудолюбивая хозяйка, в) отецъ-глава надъ дѣтьми).

Чему надо учить дѣтей?

(Мать воспитываетъ дѣтей, уча ихъ 1) страху Божію, 2) вѣжеству и 3) рукодѣлію).

Каковъ характеръ воспитанія мальчиковъ, дѣвочекъ и каковъ вообще характеръ воспитанія?

10) Каковъ вообще характеръ правилъ Домостроя?

(Религіозно-практическій, ибо Домострой совѣтуетъ 1) приспособляться къ людямъ, 2) рекомендуетъ

человѣкоугодничество. Домострой требуетъ 1) излишній аскетизмъ и 2) деспотизмъ въ семейной жизни).

11) Каковъ общій характеръ наставленій Домостроя?

1) (Они мелочны, 2) считаются непогрѣшимыми).

12) На основаніи Домостроя сказать, опредѣлить, каковъ былъ взглядъ на жизнь человѣка того времени?

(Міросозерцаніе было безотрадное. Главныя обязанности человѣка опредѣлялись двумя положеніями: «страхъ къ Богу» и—«страхъ къ людямъ». Надо исполнять волю Бога и бороться съ волей дьявола, боясь «страшнаго суда» и суда людского. Домострой даетъ выходъ изъ этого положенія: онъ говоритъ, какъ можно 1) умилостивить Бога и 2) жить въ ладу съ людьми, а въ то же время—сытно поѣсть и пожить въ довольствѣ.

Слѣдствіемъ этого является то, что Домострой даетъ рядъ правилъ, которые 1) по отношенію къ Богу носятъ характеръ внѣшняго благочестія, 2) по отношенію къ людямъ—характеръ приспособляемости, примѣнительности, угодливости).

13) Можетъ ли при такихъ условіяхъ свободно развиваться жизнь?

14) Есть ли въ Домостроѣ требованія общечеловѣческаго характера?

(Есть: 1) относительно труда—его надо любить; 2) относительно жизни—жить надо сообразно средствамъ; 3) относительно родителей—ихъ надо почитать).

15) Какъ мы должны отнестись къ идеаламъ Домостроя и съ нашей точки зрѣнія?

16) Можно ли настоящимъ измѣрять прошедшее?

17) Что же такое Домострой?

18) Каково его значеніе въ наше время, для насъ?

1) (Историческое: а) изображаетъ домашнюю жизнь

русскихъ въ XVI в. б) даетъ итогъ правилъ, выработанныхъ стариной. 2) Литературное (языкъ).

Макбетъ, трагедія Шекспира.

Предварительно сообщить свѣдѣнія о времени и условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ написано произведеніе.

Съ какихъ поръ Макбета стала волновать мысль о пріобрѣтеніи короны?

Какъ Макбетъ отнесся къ предсказаніямъ вѣдьмъ?

Когда впервые у Макбета является мысль объ убійствѣ короля?

Противится ли Макбетъ этой мысли?

Кто впервые толкаетъ его на преступленіе?

Почему жена Макбета рѣшается на преступленіе?

Какъ сначала Макбетъ относится къ рѣшительности жены?

Сразу ли рѣшается Макбетъ на преступленіе?

Испытываетъ ли онъ угрызенія совѣсти, совершивъ убійство? Есть ли въ немъ раскаяніе? Не предшествуетъ ли это раскаяніе убійству?

Каковы толчки, побужденія, понуждающія Макбета добиваться короны и совершить злодѣяніе?

Какія чувства затрогиваетъ въ Макбетѣ его жена, желая побудить его на злодѣяніе?

Почему Макбетъ, достигнувъ короны, опасался потерять ее? (—1) Съ нимъ могли поступить такъ же, какъ онъ съ Дунканомъ. 2) Вѣдьмы сказали Банко, что онъ—родоначальникъ королей).

Почему Макбету нужно было убить Банко?

Вслѣдствіе чего Макбетъ становится такимъ жестокимъ? Въ чемъ сказалась эта жестокость?

Почему онъ идетъ къ вѣдьмамъ? Каковы были ихъ предсказанья? Вѣритъ ли имъ Макбетъ?

Когда Макбетъ задумалъ убійство, приходилось ли ему бороться съ совѣстью?

Проснулась ли въ немъ совѣсть послѣ убійства?

Какъ понимать явленіе тѣни Банко на пиру?

Что такое совѣсть для Макбета? (—Страхъ предъ тѣми, кого онъ погубилъ: опасенія, какъ бы они не вмѣшались въ его жизнь и не отомстили ему).

Какъ повліяло на Макбета совершенное имъ убійство?

1) (Его преслѣдуетъ страхъ, порой даже паническій ужасъ, галлюцинаціи. 2) Ему чудятся враги, заговорщики. 3) Онъ теряетъ душевнос спокойствіе).

Есть ли у Макбета сила воли? Когда и какъ онъ доказалъ, что она у него есть?

Кокова расплата Макбета за преступленіе? («посѣвъ былъ золъ, такъ и пожнемъ мы злое»).

Какія же препятствія встрѣтилъ Макбетъ, желая сдѣлятьсн королемъ?

(—Протестъ совѣсти и карающую силу закона).

Какъ относится Макбетъ къ этимъ препятствіямъ?

Почему Макбетъ не хочетъ отступить предъ ними? Почему онъ не хочетъ раскаяться въ преступленіи?

Изъ чего создается борьба Макбета?

(Честолюбіе заставляетъ его стремиться къ коронѣ и убить короля; совѣсть—противъ этого. Сознаніе человѣческаго долга заставляетъ его удержаться отъ преступленія, ибо король его родственникъ и благодѣтель. Честолюбіе беретъ перевѣсъ. Макбетъ достигаетъ цѣли, но тогда выступаетъ законъ. Макбетъ этого препятствія одолѣть уже не можетъ).

Когда Макбетомъ овладѣваетъ рѣшительность отчаянія?

(«Я такъ глубоко погрузился въ кровь, что все равно не стоитъ возвращаться... д. III, сц. IV).

Когда Макбетъ начинаетъ уже не оберегать себя, а свирѣпствовать?

Каковъ Макбетъ въ послѣдней сценѣ, когда на его замокъ идутъ англійскія войска?

(«Идутъ враги, онъ будетъ биться!» Макбетъ здѣсь богатырь; онъ только согнулся подъ тяжестью жестокой участи).

Каковъ окончательный приговоръ Макбета надъ своей жизнью? («Догорай огарокъ». .)

Какова мысль этихъ словъ?

(Жизнь обманчива, непрочна).

Какія же разочарованія въ концѣ концовъ постигаютъ Макбета?

Какъ кончилась для него вся его борьба? Такъ ли, какъ онъ ждалъ?

Какой можно сдѣлать общій выводъ о личности Макбета?

(Замѣчательная личность: у Макбета громадная сила духа и сильныя страсти).

Вѣритъ ли онъ въ судьбу?

(Вѣритъ. «Когда судьбѣ угодно»... д. I, сц. 3) Тутъ Макбетъ имѣетъ въ виду законъ: при малолѣтствѣ принцевъ корона перейдетъ къ нему).

Сдѣлайте характеристику Макбета.

(Очень честолюбивъ, какъ удачливый, даровитый воинъ; энергиченъ, храбръ, мужественъ. Отъ природы онъ благороденъ, какъ знатный рыцарь и добръ (жена считаетъ его мягкосердечнымъ), онъ честный, душевный человѣкъ; онъ нѣжно любитъ свою жену; онъ добрый,

довѣрчивый, покладистый мужъ. Потомъ онъ становится злымъ, мстительнымъ, подозрительнымъ).

Нѣтъ ли противорѣчія въ характерѣ Макбета?

(Нѣтъ, но Макбетъ сложное, живое лицо, въ которомъ сочетались: великое мужество и доброе сердце; грозная отвага и слабость воли; отвращеніе къ неблагородному, лживому и способность быть злодѣемъ ради честолюбія. Самое главное въ характерѣ Макбета то, что голосъ совѣсти не умолкаетъ въ немъ даже во время злодѣянія).

Какже Макбетъ становится злодѣемъ?

Какова главная причина этого?

Каково наше отношеніе къ Макбету?

(Мы ужасаемся передъ злодѣемъ, но намъ жаль погибшаго благороднаго человѣка. Онъ «злодѣй съ душою глубокою и могучею, отчего... возбуждаетъ участіе». Бѣлинскій).

Сдѣлайте характеристику жены Макбета.

(Честолюбива, не отличается ни добротой, ни благородствомъ; главное для нея—почести, блескъ; натура рѣшительная; умъ ея сильный, ясный; у ней нѣтъ нравственной сдержки; она рѣшительна).

Любитъ ли она мужа?

(любитъ его больше, какъ героя, какъ короля, и меньше всего, какъ человѣка).

Въ чемъ ея главное мученіе?

(въ томъ, что она должна притворяться спокойной невинной).

Какова расплата ея за преступленіе?

Общіе вопросы.

Каковы главные моменты дѣйствія пьесы?

Нѣтъ ли въ пьесѣ чего лишняго, мѣшающаго развитію дѣйствія?

Что сдѣлало Макбета жестокимъ: природа или случайныя обстоятельства?

Возбуждаетъ ли Макбетъ сочувствіе зрителя и когда?

Какова идея пьесы?

Вслѣдствіе чего разрушается, гибнетъ зло, созданное Макбетомъ? (вслѣдствіе своихъ послѣдствій).

Когда это зло восторжествовало, то не явилась ли сейчасъ же и кара за это зло?

Такъ что же доказываетъ эта трагедія?

1) (что зло въ самомъ себѣ хранитъ зародышъ кары. «Посѣвъ былъ золъ...» 2) что обаяніе земного величія можетъ губительно подѣйствовать и на хорошаго по природѣ человѣка).

Скупой рыцарь, Пушкина, 1830 г.

А. Разборъ содержанія.

Какую черту въ характерѣ барона надо признать основной и почему?

Для чего онъ копитъ золото? Тратитъ ли онъ его? Исполняетъ ли онъ хоть одно изъ своихъ «хотѣній»?

Какже вліяетъ на барона его страсть?

Какое вліяніе оказала она на его 1) нравственное чувство, 2) на его отношенія къ сыну, 3) къ людямъ, 4) къ идеальнымъ цѣлямъ жизни, б) къ золоту, в) къ смерти?

Не оправдываетъ ли онъ чѣмъ нибудь свою страсть?

Какое впечатлѣніе производитъ баронъ: впечатлѣніе человѣка умнаго или глупаго? Сильнаго или слабаго волей?

Что вызываетъ личность барона? смѣхъ, удивленіе, сочувствіе, негодованіе? Почему?

Есть ли въ немъ какія-нибудь трогательныя, хорошія черты?

Какая сторона въ пьесѣ имѣетъ болѣе важное значеніе: общечеловѣческая или бытовая?

Типомъ кого надо считать барона?

Можно ли считать его вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ? Въ чемъ особенно ярко сказывается эта ненормальность? 1) (Онъ понимаетъ прелесть убійства. д. II. ст. 65. 2) Обожаетъ свое золото психопатической страстью. д. II.).

Быть можетъ, у него есть «нравственная идея»?

Не одержимъ ли онъ какой нибудь маніей?

Если есть манія, то въ чемъ она выражается? Чѣмъ объяснить увѣренность барона, что сынъ хочетъ обокрасть его?

Каковъ взглядъ на золото выражается въ монологѣ барона?

(Оно могущественное зло: 1) однимъ несетъ униженіе и рабство, 2) другихъ превращаетъ въ клеветниковъ и ненормальныхъ людей, 3) Оно же иногда мститъ (какъ здѣсь) за скупость).

Тема. Привести доводы, доказывающіе, что скупость дѣлаетъ сердца ужасными.

Характеристика барона. (1) Основная черта его характера. 2) А. Вліяніе скупости на умъ, волю, чувства барона, Б.—на отношеніе его къ людямъ, къ сыну, къ себѣ. 3) Оправданіе барономъ своей страсти. 4) Хорошія чувства у барона: чувство чести и вѣрноподданости).

Алберъ.

Кто представленъ въ лицѣ Албера?

Желаетъ ли онъ смерти отца?

Какую борьбу переживаетъ Альберъ послѣ ухода ростовщика?

Почему Альберъ рѣшается жаловаться на отца лишь въ концѣ 1-ой сцены? Обрадовался ли Альберъ дуэли, какъ средству освободиться отъ отца?

Сдѣлайте характеристику Альбера.

(1) Жизнерадостный, 2) добрый, 3) Любитъ удовольствія, развлеченія. 4) Честный, благородный. 5) Полонъ рыцарскихъ понятій о чести).

Б. Выводъ понятія «драматическое произведеніе» и выводъ отличія его отъ эпоса.

Вопросы.

1) Чѣмъ это произведеніе отличается по формѣ отъ эпоса? (разговорнымъ изложеніемъ).

2) Чѣмъ это произведеніе отличается отъ эпоса по развитію (изложенію) содержанія, т. е. какъ излагаются мысли въ эпосѣ и въ этомъ произведеніи?

(а) Въ эпосѣ писатель отъ своего лица передаетъ, разсказываетъ происшествіе, и вслѣдствіе этого лица не сами дѣйствуютъ, а о нихъ говорится, какъ они дѣйствуютъ; б) Въ эпическомъ произведеніи писатель разсказываетъ происшествіе, какъ уже совершившееся для самого автора, а въ этомъ произведеніи оно представляется совершающимся сейчасъ, на глазахъ зрителя; вслѣдствіе же этого здѣсь дѣйствуютъ сами выводимыя лица. Значитъ: а) въ эпосѣ—содержаніе представляется, изображается въ разсказѣ; б) въ этомъ же произведеніи содержаніе представляется въ дѣйствіи).

Какую цѣль поставилъ себѣ баронъ?

Чего хочетъ его сынъ?

Одинаковы ли ихъ желанія? Что является слѣдствіемъ столкновенія ихъ желаній?

(Первая борьба: сынъ жалуется, баронъ лжетъ).

Какія мысли вызываетъ въ баронѣ его золото? Думаетъ ли онъ о смерти? Думаетъ ли онъ о томъ, какъ накоплено это золото? Что является слѣдствіемъ этого?

(вторая борьба: душевная —съ совѣстью. Почему съ совѣстью? Ибо она мѣшаетъ ему осуществить свои желанья, цѣли).

Въ чемъ же выражается, состоитъ дѣйствіе въ этомъ произведеніи?

(въ борьбѣ дѣйствующихъ лицъ, преимущественно главнаго лица, съ препятствіями, которыя мѣшаютъ имъ осуществить извѣстныя цѣли).

На чемъ въ этомъ произведеніи основано дѣйствіе и развитіе этого дѣйствія?

(на главной чертѣ барона—страсти къ золоту).

Выводъ. Развитіе дѣйствія въ этомъ произведеніи сосредоточено на одномъ предметѣ

Сущность и значеніе монолога (см. 2 сц.).

Съ кѣмъ говоритъ баронъ? Почему онъ говоритъ съ золотомъ?

(Оно волнуетъ, возбуждаетъ его. Въ немъ разговариваютъ два состоянія: блаженство и угрызенія совѣсти, соединенныя съ ужасомъ).

Откуда въ баронѣ ужасъ?

(отъ сознанія, что онъ разстанется съ золотомъ).

Почему же баронъ говоритъ съ самимъ собой?

Выводъ. Монологъ—исповѣдь дѣйств. лица передъ самимъ собой, вызванная душевной борьбой или, вообще, волненіемъ, возбужденіемъ.

Какое значеніе для зрителей имѣетъ монологъ?

Что такое драматическое произведеніе?

(Изображеніе событія въ видѣ живого и натляднаго дѣйствія лицъ съ цѣлью раскрыть духовный міръ че-

ловѣка въ его борьбѣ со внѣшнимъ міромъ или съ самимъ собой).

Выводы Драматическое произведеніе отличается отъ эпоса 1) формою (изложеніе разговорное), 2) развитіемъ содержанія (а) выводимыя лица дѣйствуютъ сами, б) происшествіе представляется въ дѣйствіи, совершающимся сейчасъ).

Характерныя черты драматическаго произведенія: 1) Дѣйствіе выражается въ борьбѣ дѣйств. лицъ съ препятствіями.

2) Дѣйствіе основывается на главной чертѣ дѣйствующаго лица.

3) Составныя части произведенія: дѣйствіе (актъ), сцена, явленіе, картина, прологъ, эпилогъ, діалогъ, монологъ.

В. А. Водарскій.

АМЕРИКАНСКІЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

(Къ 25-тилѣтію смерти Эмерсона).

Въ ряду умовъ, благотворно вліявшихъ на интеллигентныя массы, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Эмерсонъ, этотъ американскій Паскаль, поэтъ по натурѣ, эстетикъ по складу воззрѣній, мыслитель по отношенію къ жизни. Античный и общечеловѣческій духъ, проникающій блестящія страницы его эскизовъ и крупныхъ трудовъ, обусловливаетъ глубину мысли, привлекательность и внутреннюю цѣнность выводовъ. Чувствуется, что отъ этихъ живыхъ, красивыхъ страницъ вѣетъ тѣми преданіями великихъ мастеровъ слова, которыми славны прошедшіе вѣка европейской культуры. Эмерсонъ не считается съ идеями вѣка ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону; въ этомъ отношеніи онъ далеко отъ Карлейля, Маколея, Тэна; онъ скорѣе напоминаетъ Рескина съ его широкими обобщеніями въ области эстетики и морали. У Эмерсона, какъ и у англійскаго эстетика, прекрасное разливается въ мірѣ широкой волной; оно налагаетъ свой отпечатокъ на явленія жизни и мысли, на факты далекаго прошедшаго и измѣнчиваго настоящаго. Оно даетъ возможность мыслителю возвыситься до самой сущности вещей, а читателю забыть на время тяжелую злобу дня, отдохнуть въ той сферѣ, куда не долетаютъ докучные голоса обыденной жизни, гдѣ царитъ вѣчная гармонія мысли и чувства. Живой, отзывчивый, склонный къ широкимъ обобщеніямъ умъ, подкупающая гуманность, блестящая форма изложенія дѣлали и дѣлаютъ донынѣ произведенія американскаго писателя въ одинаковой мѣрѣ популярными и философски поучительными. Влія-

нія его на широкіе круги образованнаго общества внѣ сомнѣнія, внѣ сомнѣнія стоитъ и цѣнность выводовъ его эстетической и моральной философіи для людей практики и жизни, такъ какъ Эмерсонъ въ одинаковой степени является поклонникомъ опыта и наблюденія, конкретныхъ выводовъ и философскихъ обобщеній. Цѣлью его литературной дѣятельности было пробудить въ обществѣ интересъ къ умственной работѣ, приблизить къ жизни выводы науки и философіи. Въ этомъ Эмерсонъ видѣлъ залогъ разумнаго общественнаго воспитанія, надежный противовѣсъ тѣмъ ненормальностямъ жизни, которыя озабочивали лучшихъ европейскихъ мыслителей XIX вѣка. Эмерсонъ не задается цѣлью, какъ это дѣлалъ Карлейль, раскрыть значеніе жизни, выяснить роль человѣка въ вѣчно измѣняющемся процессѣ міровой эволюціи. У него нѣтъ свойственныхъ Карлейлю качествъ: строгости мысли и глубокой пытливости ума. У Эмерсона мы учимся другому: пессимизмъ Карлейля смѣняется въ изящность произведеніяхъ американскаго мыслителя вѣрою въ прогрессъ, сознаніемъ мощи человѣческаго духа. Къ нему прекрасно подходятъ его же слова: мыслящій человѣкъ долженъ быть прозорливымъ, величавымъ и невозмутимымъ, долженъ сіять лучезарнымъ свѣтомъ идеальнаго міра. Идеализмъ, благо и красота, цивилизація и природа для Эмерсона громадныя книги, изъ которыхъ онъ черпаетъ то высокое и благородное, что приближаетъ человѣка къ высшимъ идеаламъ. Эмерсонъ ставитъ подъемъ мысли и духа цѣлью жизни, цѣлью человѣческой культуры. Его не привлекаютъ, какъ Карлейля, перспективы міровой мысли, міровыхъ страданій, не привлекаетъ борьба свѣтлыхъ началъ въ жизни. Эмерсонъ высоко цѣнитъ человѣка, какъ правоспособное существо для обладанія

сѣмь міромъ. По его взгляду, человѣкъ «пропорціонально своей мысли и воли вбираетъ въ себя міръ». Для Эмерсона этимъ опредѣляется значеніе личности. «Великія дѣянія учатъ насъ тому, что вселенная есть собственность каждаго индивидуума... Міръ существуетъ для души, чтобы удовлетворить ея чувство красоты». Эмерсонъ ссылается на работу мыслителя, создающаго въ своей системѣ другой, отвлеченный міръ, богатый образами и идеями, отражающій въ себѣ смыслъ реальнаго міра. Это стремленіе находить единство среди разнообразія, постигать сущность каждой вещи, воплощать идеи въ художественныхъ образахъ, проникаетъ всѣ сочиненія Эмерсона. Оно придаетъ особую прелесть свѣтлымъ и живымъ страницамъ его трактатовъ, ближе уясняетъ сущность его философіи. Эмерсонъ—весь свѣтъ, любовь, радость, надежда. Природа вѣчно юная, живая и разнообразная, а несуровая и непонятная, какъ у Карлейля, есть вѣчный источникъ жизни и силы; рядомъ съ нею стоитъ мощный духъ человѣка, этого діоскура созданія, съ его идеализмомъ, заключающимъ въ себѣ, по выраженію Эмерсона, «восхитительное пробужденіе высшихъ силъ». Это основы для воспитанія человѣка.

Эмерсонъ, какъ это оцѣнили нѣмецкіе мыслители, напр. Ницше, великій мастеръ не только изображать извѣстный предметъ или явленіе съ его привлекательной, эстетической стороны, но и извлекать изъ него все существенное. Американскій писатель не заботится о строгой системѣ изложенія; обиліе картинъ, деталей, сравненій часто не даетъ возможности уловить сущность его взгляда, но, вчитываясь въ него и привыкнувъ къ манерѣ Эмерсона, начинаешь понимать ходъ его мышленія; въ концѣ концовъ положенія этой античной по

духу философіи нравственности и красоты выступаютъ еще рельефнѣе. Въ нихъ видны лучшія стороны думы этого мыслителя, стремившагося выработать нормы эстетическаго міросозерцанія. Гармоническое сліяніе античныхъ и общечеловѣческихъ элементовъ придаетъ выводамъ Эмерсона большую широту и большую устойчивость, по сравненію съ туманными мистическими построеніями Карлейля.

Мистикъ и эстетикъ, пуританинъ и эллинъ, ригористъ и свободный мыслитель—такова параллель между Карлейлемъ и Эмерсономъ, связанными страннымъ образомъ узами тѣсной дружбы. Конечно, при этомъ различіи у обоихъ мыслителей было нѣчто общее, роднившее ихъ несходныя по складу и міровоззрѣнію натуры. Въ своей статьѣ о Карлейлѣ проф. Е. В. Тарле опредѣляетъ шотландскаго мыслителя, какъ «умъ необыкновенно разносторонній и отзывчивый». По словамъ Е. В. Тарле, Карлейль «присматривался и къ прошлому, и къ пестрому калейдоскопу настоящаго, и къ человѣческимъ дѣламъ, и къ человѣческому творчеству, и къ звукамъ и краскамъ природы съ тою жадностью, съ тѣмъ удивленіемъ, которое Шопенгауэръ назвалъ философскимъ. Онъ пришелъ въ міръ съ умомъ, который до конца дней его остался свободнымъ, не порабощеннымъ и не порабощаемымъ» (Сборникъ «Къ свѣту». Спб. 1904 г. стр. 439). Въ этомъ, конечно, надо искать источника сродства этихъ несходныхъ душъ. Тэнъ въ своей «Исторіи новѣйшей англійской литературы» отмѣчаетъ оригинальность Карлейля, говоря, что «у него все ново: идеи, направленіе, слогъ постройка фразъ, даже самое употребленіе словъ». Французскій историкъ выражается объ основной чертѣ творчества Карлейля слѣдующимъ образомъ: «Въ безбрежномъ сумракѣ прошедша-

го взоръ его отыскиваетъ рѣдкія свѣтлыя точки... Человѣкъ воскресаетъ передъ нимъ; онъ проникаетъ до его внутренняго я, сознаетъ его чувства, страданія и желанія такими же, какъ тотъ чувствовалъ, страдалъ и желалъ во времена забытыя и потерянныя. Онъ вѣрно угадываетъ характеръ, понимаетъ духъ прошедшихъ временъ» (Тэнъ. Новѣйшая англійская литература. Переводъ Д. Ивашинцева, стр. 177—178). Естественно, что глубина мысли должна была, въ концѣ концовъ, привести Керлейля къ тому же, къ чему привела Эмерсона ясность и сила художественной интуиціи. Метерлинкъ ставитъ въ заслугу Эмерсону то, что онъ могъ и умѣлъ поддержать въ людяхъ сознаніе не только цѣнности жизни, но и ея величія. «Онъ ближе всѣхъ другихъ къ нашей обычной жизни, говоритъ Метерлинкъ. Онъ наиболѣе внимательный, усердный, честный и, можетъ быть, наиболѣе человѣчный мудрецъ будничныхъ дней». Одинаково чуткое отношеніе къ людямъ и жизни, къ явленіямъ дѣйствительности и историческаго прошлаго сближало въ конечныхъ выводахъ шотландскаго и американскаго мыслителей.

Въ своихъ привлекательныхъ по тону и блестящихъ этюдахъ Эмерсонъ достигаетъ такого же мастерства, какъ и Маколей. Этотъ, по выраженію I. Шерра, «умный и краснорѣчивый провозвѣстникъ нѣмецкой философіи въ своемъ отечествѣ» считалъ легкую и изящную форму литературнаго очерка наиболѣе подходящею для широкаго распространенія культурныхъ идей. «Мы мало вѣримъ въ сокровища духа, въ его безсмертіе и всеобщность», замѣчаетъ Эмерсонъ. И онъ постепенно раскрываетъ въ цѣломъ рядѣ этюдовъ сущность природы, искуства, любви, поэзіи, законовъ нравственности, объединяя свои наблюденія и выводы въ синте-

зѣ природы и человѣческаго духа. Трактуя о возвышенной міровой думѣ, онъ считаетъ источники человѣческаго духа необъяснимыми для нашего сознанія. Способность обнимать всѣ явленія, постигать красоту Эмерсонъ считаетъ высшимъ откровеніемъ человѣческой души, предъ которымъ ничто пространство, время, самая природа. Выраженіемъ лучшихъ свойствъ души является поэзія, которую Эмерсонъ ставитъ очень высоко. Для него поэтъ есть глашатель и жрецъ прекраснаго, а поэзія съ ея чуднымъ, захватывающимъ языкомъ лучшій посредникъ между человѣкомъ, его духовной сущностью и внѣшнимъ міромъ. Въ языкѣ, который Эмерсонъ удачно называетъ архивомъ исторіи, таится могучая сила обновленія и прогресса. Характеръ человѣка американскій мыслитель ставитъ высоко, отдавая ему предпочтеніе передъ талантомъ; въ силу его устойчивости люди съ характеромъ для Эмерсона лучшіе выразители общественной совѣсти.

Вообще этюды Эмерсона могутъ быть разсматриваемы, какъ своего рода эстетическій и житейскій катихизисъ образованнаго человѣка. Этимъ объясняется и значительная популярность американскаго мыслителя, въ легкихъ и красивыхъ страницахъ котораго современное ему общество находило отвѣты на многіе вопросы морали и жизни. Въ 1836 г. появился первый изъ нихъ «Природа»; въ 1841 и 1844 г. вышли обѣ серіи этюдовъ. Главнымъ трудомъ Эмерсона являются его знаменитые «Представители человѣчества». Сочиненіе это вышло въ свѣтъ въ 1850 году: оно составилось изъ отдѣльныхъ лекцій. Это не «поклоненіе героямъ» Карлейля, а рядъ живыхъ, конкретныхъ эпизодовъ, яркихъ философскихъ характеристикъ, цѣль которыхъ указать наиболѣе высокіе образцы эволюціи человѣчества, куль-

минаціонныя точки, до которыхъ поднялось сознаніе человѣчества въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ духовной жизни. Этихъ преставителей немного: Платонъ въ своей философіи, Шекспиръ въ драмѣ, Гете въ области художественнаго пониманія жизни, Наполеонъ какъ человѣкъ воли, какъ міровой дѣятель. Къ нимъ Эмерсонъ присоединяетъ еще двухъ—Монтеня, типичнаго представителя скептицизма, и Сведенборга, величайшаго мистика. Въ предисловіи къ своему сочиненію Эмерсонъ выясняетъ значеніе великихъ людей вообще. Онъ видитъ въ нихъ высшіе тоны духовныхъ вождей. Вступленіе это, помимо своихъ ближайшихъ цѣлей, важно и въ томъ отношеніи, что въ немъ Эмерсонъ рѣшаетъ многіе вопросы своей философской системы.

Галлерея этихъ великихъ людей открывается изображеніемъ Платона. Эмерсонъ называетъ Платона Гете древности и видитъ вліяніе его въ художественномъ типѣ Гамлета и въ личности Сведенборга. Платоновы діалоги Тимей и Федръ для Эмерсона высокіе образцы поэзіи. Такое же значеніе для новоевропейской культуры имѣетъ Шекспиръ. Вся наша литература, философія, духовная жизнь проникнуты его вліяніемъ. Понадобилось цѣлое столѣтіе, чтобы оцѣнить достойнымъ образомъ этого генія. Шекспиръ довершилъ то, чему было положено начало культурой Египта и Индіи, вліяніемъ Фидія, архитектурой среднихъ вѣковъ, поэзіей Испаніи и Шотландіи. Въ немъ скрыто святое святыхъ человѣчества, таится огромная творческая сила. Параллели между Шекспиромъ и другими представителями художественнаго слова еще рельефнѣе оттѣняютъ значеніе творца Гамлета, этого перваго мощнаго типа въ развитіи человѣческаго духа. Нѣмецкій геній Гете дополняетъ великаго британца. Страницы Фауста воскреша-

ютъ для насъ обаяніе Платоновскихъ идей, глубину шекспировскаго творчества. Задача Гете покорить себѣ природу, овладѣть вѣковой мудростью человѣчества, дать первый опытъ всеобъемлющаго художественно-философскаго синтеза. Эмерсонъ въ концѣ этюда о Гете сравниваетъ великаго нѣмецкаго писателя съ Наполеономъ. Оба они трезвые реалисты; въ обоихъ обнаруживается реакція мечтательности и туманности сохраняющая свое значеніе для всѣхъ временъ.

Взглядъ Эмерсона на Наполеона характеренъ не только въ отношеніи психологіи этого замѣчательнаго человѣка. Наполеонъ, по словамъ Эмерсона, не герой въ высокомъ смыслѣ; онъ великій честолюбецъ, кумиръ толпы, свойства которой отразились въ немъ полно и ярко. Наполеонъ былъ врагомъ свободы, презиралъ такихъ людей, какъ Неккеръ и Лафайетъ. Это человѣкъ изъ камня и желѣза, способный десять часовъ подъ рядъ не слѣзать съ коня, небоявшійся затрудненій, сохранявшій всегда самообладаніе, вѣру въ себя. Онъ былъ грозою всѣхъ мечтателей и темныхъ умовъ. Наполеонъ поражалъ желѣзною послѣдовательностью своихъ поступковъ, неумѣренное честолюбіе помѣшало ему стать первымъ человѣкомъ въ мірѣ. Его желѣзной волѣ подчинялись въ сознаніи его мощи, сдѣлавшей этого завоевателя представителемъ своего вѣка. Эмерсонъ указываетъ на демократизмъ Наполеона и умѣнье пользоваться дарованіями своихъ сподвижниковъ. Ни темпераментъ, ни энтузіазмъ не владѣли имъ. Наполеонъ остается для Эмерсона истребителемъ отжившихъ преданій, обновителемъ своей родины, врагомъ привилегій и аристократизма. Недостатки его натуры, эгоизмъ, ненасытное честолюбіе, театральность погубили его самого и Францію. Судьба Наполеона великій урокъ для

человѣчества въ томъ смыслѣ, что она подтверждаетъ высокое значеніе строго этическихъ началъ и стремленій въ исторіи.

Эта характеристика, конечно, не можетъ претендовать на видное мѣсто въ оцѣнкѣ такой сложной личности, какой былъ Наполеонъ, ставшій кумиромъ поэтовъ, которыхъ онъ презиралъ. Эмерсонъ не внесъ ничего особенно глубокаго послѣ Байрона, Гейне, Мицкевича и Лермонтова, а также многочисленныхъ историковъ, писавшихъ о Наполеонѣ. У него не указаны тѣ стороны личности геніальнаго корсиканца, съ которыми мы встрѣчаемся въ поэзіи Беранже; строго историческая точка зрѣнія, пожалуй, была бы умѣстнѣе для характеристики этого кумира, тяготѣвшаго надъ царствами, по выраженію Пушкина. Въ освѣщеніи Карлейля Наполеонъ является несомнѣнно болѣе цѣльною личностью, чѣмъ въ изображеніи Эмерсона. Американскій мыслитель не считается съ богатой художественной литературой о Наполеонѣ, выводы которой значительно превосходятъ его эскизно набросанный очеркъ.

Въ опредѣленіи сущности мистицизма и скептицизма, представителями которыхъ Эмерсонъ считаетъ Сведенборга и Монтеня, американскій мыслитель исходитъ изъ теоріи духовной эволюціи человѣчества. Скептицизмъ есть преддверіе того храма духовнаго совершенства, въ который нѣкогда вступитъ человѣчество. Онъ напоминаетъ намъ, что жизнь слишкомъ сложна, что человѣчество только помощью вѣры въ жизнь, путемъ примиренія съ ея вѣковыми традиціями можетъ создать себѣ необходимый синтезъ этой жизни. Одной изъ формъ этого синтеза является мистицизмъ. Смѣлыя обобщенія Сведенборга уясняютъ то, надъ чѣмъ задумывалось еще

древнее человѣчество; въ нихъ слышенъ призывъ постигнуть единство мірозданія и единство жизни.

Таковы основы философіи Эмерсона. Многое въ нихъ не одинаковой цѣнности. Пытливый американецъ безстрашно стоялъ среди разнообразныхъ проявленій того, что онъ называетъ потокомъ мудрости и жизни; въ игрѣ этихъ смѣняющихъ другъ друга волнъ онъ старался уловить вѣчные образы человѣчества, тѣ начала, преемственность которыхъ опредѣляетъ ходъ духовной эволюціи. Попытка обозначить хотя бы общими чертами единство этого духовнаго развитія составляетъ наиболѣе важную заслугу Эмерсона. Далекій отъ историческаго пантеизма Карлейля, онъ также далекъ отъ безпощаднаго анализа Шопенгауэра и Ницше, Достоевскаго и Толстого. Въ немъ счастливо сочетается образованность англосакса, ясный умъ американца, глубина пониманія, свойственная лучшимъ нѣмецкимъ умамъ.

Адр. Круковскій.

Теорія словесности

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ ХРЕСТОМАТІИ *).

(Опытъ аналитико-историческаго курса).

Вѣстникъ.

Пентей, царь ѳиванскій! Я пришелъ къ тебѣ съ Киѳэрона, вѣчно покрытаго бѣлымъ сверкающимъ снѣгомъ...

Пентей.

Съ какими вѣстями спѣшишь ты явиться ко мнѣ?

Вѣстникъ.

Увидѣвъ бѣшеныхъ вакханокъ, которыя босыми убѣжали безъ оглядки изъ нашего города, я пришелъ разсказать тебѣ, царь, и сообщить гражданамъ объ ужасныхъ и удивительныхъ вещахъ, которыя тамъ творятся. Мнѣ хочется узнать, говорить ли съ тобой о томъ, что тамъ происходитъ, откровенно, или же не говорить всего?—Боюсь, царь, твоей раздражительности, вспыльчивости и слишкомъ деспотическаго характера...

Пентей.

Говори. Тебѣ ничего не будетъ отъ меня—на правду нельзя сердиться. Чѣмъ виновнѣе окажутся, по твоимъ словамъ, вакханки, тѣмъ строже накажу я (указывая на Діониса) этого молодца, научившаго женщинъ гадостямъ.

Вѣстникъ.

Я гналъ недавно стада скота на вершину горы въ то время, какъ солнце стало уже согрѣвать землю своими теплыми лучами. Я увидѣлъ вакханокъ, раздѣ-

---

*) Продолж. См. II—III, IV—V и VI в.в 1906 г., I, II—III, IV и V—VI в.в. 1907 г., I, II, III и IV в.в. 1908.

лившихся на три хора. Во главѣ одного была Автоноя, во главѣ другого—мать твоя, Агава, и во главѣ третьяго хора—Ино. Всѣ онѣ спали, раскинувшись, на спинѣ, однѣ на вѣтвяхъ елей, другія на листьяхъ дуба, скромно и непринужденно опустивъ долу свою голову. Ты оказался не правъ, говоря, что онѣ, въ пьяномъ видѣ, развратничаютъ, подъ звуки флейтъ, въ уединенныхъ мѣстахъ лѣса. Услыхавъ мычанье рогатыхъ быковъ, твоя мать стала посреди толпы вакханокъ и громко закричала, съ цѣлью разбудить ихъ. Тогда всѣ онѣ, и молодыя и старухи, замужнія и незамужнія, проснулись отъ глубокаго сна и встали, сохраняя замѣчательный порядокъ. Сперва онѣ распустили свои волосы по плечамъ, затѣмъ снова накинули на себя пестрыя оленьи шкуры, развязавъ на нихъ узлы, и опоясались змѣями, которыя лизали имъ щеки. Другія, у которыхъ грудь была полна молокомъ,—онѣ недавно родили, причемъ дѣтей оставили дома,— взяли себѣ на руки маленькихъ козъ, волчатъ и стали кормить ихъ своимъ бѣлымъ молокомъ. Третьи надѣли на себя вѣнки плющевые, дубовые или же изъ тиса въ цвѣту. Одна изъ нихъ схватила тирсъ и ударила имъ о скалу, откуда брызнула чистая вода, другая стукнула своимъ тирсомъ о земь, и богъ послалъ ей источникъ вина. Кому хотѣлось попить молока, тѣ рыли пальцами землю, и молока находилось для нихъ вдоволь. Изъ обвитыхъ плющемъ тирсовъ падали капли сладкаго меда, поэтому, еслибъ ты побывалъ тамъ, ты, при видѣ этого, обратился бы съ молитвой къ богу, котораго теперь бранишь. Мы, пастухи быковъ и овецъ, собрались побесѣдовать и поспорить другъ съ другомъ о томъ, какія удивительныя и странныя вещи продѣлываютъ вакханки. Одинъ изъ насъ, не разъ бывавшій въ городѣ и краснобай, сказалъ: «Жители горъ, посвященныхъ богамъ, не попытаться ли намъ поймать изъ толпы вакханокъ мать Пентея, Агаву?—Этимъ мы угодимъ царю». Мы рѣшили, что онъ говоритъ дѣло, и засѣли въ саду, спрятавшись въ кустахъ. Въ извѣстный часъ вакханки стали махать тирсами, справляя вакханаліи, и всѣ призывать сына Зевса,

Якха или Бромія. Вся гора и дикіе звѣри приняли участіе въ вакханаліяхъ: все дрожало и бѣгало... Случайно Агава понеслась, въ пляскѣ, возлѣ меня Я выскочилъ, желая схватить ее, выбѣжалъ изъ кустарника, гдѣ скрывался. Тогда она крикнула: «Эй, вы, вакханки, мои подруги! Насъ хотятъ поймать мужчины. За мной, за мной, вооружившись тирсами!» Мы бросились бѣжать, и такимъ только образомъ вакханки не разорвали насъ. Невооруженныя, онѣ напали на скотъ, пасшійся на травѣ. Видно было, какъ одна изъ нихъ держала руками телку съ красивыми сосцами, разорванную, но еще мычавшую; другія рвали на куски коровъ. Мы видѣли, какъ туда и сюда бросали бедра или ноги. Съ кусковъ, повѣшанныхъ на вѣтви елей, капала кровь. Свирѣпые быки, раньше страшные своими рогами, падали на земь подъ тысячами дѣвичьихъ рукъ. Шкуру рвали въ одинъ мигъ. Какъ летятъ по воздуху птицы на простирающіяся внизу равнины, у водъ Азопа, равнины, приносящія ѳиванцамъ богатую жатву, такъ налетѣли и вакханки на Гизію и Еритры, лежащія у подошвы Киѳерона, и, точно враги, не оставили, при своемъ нападеніи, ничего на старомъ мѣстѣ. Онѣ уносили дѣтей изъ домовъ. Изъ всего, что онѣ ни клали себѣ на плечи, ничего не падало на черную землю, ни мѣдь, ни желѣзо, хотя оно и не было привязано. Въ волосахъ у нихъ горѣлъ огонь; но онъ не жегъ ихъ. Въ раздраженьи, разоряемое вакханками населеніе взялось за оружіе. Тутъ, однако, царь, произошло чудо. Острыя копья не наносили вакханкамъ ранъ, тогда какъ отъ удара ихъ тирсовъ оставались раны. Кончилось тѣмъ, что женщины, не безъ помощи какого то бога, обратили въ бѣгство мужчинъ. Затѣмъ вакханки отправились на свое временное мѣстопребываніе, къ тѣмъ самымъ источникамъ, которые предоставилъ богъ въ ихъ распоряженіе, и смыли съ себя кровь, змѣи же слизали съ ихъ щекъ капли пота, очистили ихъ кожу. Итакъ, царь, кто бы ни былъ тотъ богъ, прими его у насъ въ городѣ,—онъ показалъ свою силу, между прочимъ, какъ я слышалъ отъ другихъ, въ томъ, что даровалъ людямъ

вино, разгоняющее печали. Безъ вина люди не знали бы ни любви, ни другихъ наслажденій...

Хоръ.

Мы боимся быть откровенными съ царемъ, тѣмъ не менѣе скажемъ, въ свою очередь, что Діонисъ ничуть не хуже другихъ боговъ.

Пентей.

Теперь близки вакханаліи, приближаясь какъ пожаръ къ страшному позору для грековъ. Нѣтъ, нельзя медлить. (Рабу). Ступай къ воротамъ Електры и прикажи собраться всей тяжелой пѣхотѣ и всадникамъ на ихъ быстрымъ коняхъ, наконецъ, легкой пѣхотѣ и стрѣлкамъ,—идемъ въ походъ противъ вакханокъ. Терпѣть отъ женщинъ то, что терпимъ отъ нихъ мы,—значитъ давать переходить границы дозволеннаго.

Діонисъ.

Слыша мои совѣты, ты, Пентей, не обращаешь на нихъ никакого вниманія. Несмотря, однако, на твои оскорбленія въ отношеніи меня, я предупреждаю тебя, чтобы ты не поднималъ оружія противъ бога, но оставался спокойнымъ,—Діонисъ не позволитъ прогнать вакханокъ съ горъ, гдѣ онѣ справляютъ вакханаліи.

Пентей.

Не читай мнѣ наставленій. Будь доволенъ, что ты свободенъ, иначе я снова накажу тебя.

Діонисъ.

Я предпочелъ бы принести богу жертву, какъ человѣкъ, нежели напрасно выказывать свое раздраженіе противъ него.

Пентей.

Я принесу ему ее послѣ того, какъ изобью въ долинахъ Киѳэрона множество женщинъ, какъ онѣ того заслуживаютъ.

Діонисъ.

Всѣ вы разбѣжитесь. Къ вашему стыду, вы повернете тылъ со своими обитыми мѣдью щитами—предъ тирсами вакханокъ.

Пентей.

Трудно вести намъ борьбу съ этимъ иностранцемъ,—ему-ли худо, отъ него ли нездоровится другимъ, онъ все равно не молчитъ.

Діонисъ.

Послушай, это еще можно уладить.

Пентей.

Какъ?—Неужели же я долженъ быть рабомъ моихъ рабынь?

Діонисъ.

Я приведу сюда этихъ женщинъ безоружными.

Пентей.

О ты уже начинаешь хитрить со мной!..

Діонисъ.

Какимъ же образомъ, если я своей ловкостью хочу спасти тебя?

Пентей.

Вы условились всегда праздновать вакханаліи.

Діонисъ.

Да, долженъ предупредить тебя, я условился объ этомъ съ богомъ.

Пентей.

(Рабамъ). Принесите мнѣ сюда орудіе. (Діонису). А ты замолчи.

(В. Алексѣевъ, стр 22—28. Дешевая библ.)

Чтобы вѣрнѣе подѣйствовать на Пентея и сильнѣе покарать его за кощунственное отношеніе къ божеству, Діонисъ предлагаетъ ѳивавскому властителю, нарядившись вакханкой, посмотрѣть на совершающіяся въ горахъ вакхическія празднества, причемъ вызывается быть проводникомъ его. Пока царь, удаляясь во дворецъ, колеблется въ своемъ рѣшеніи, Діонисъ сообщаэтъ вакханкамъ о предстоящей гибели ихъ общаго вра-

га, и хоръ, выражая искренее удовольствіе по поводу своей близкой побѣды, прославляетъ силу боговъ, медленно, но вѣрно наказывающихъ ихъ въ своёмъ ослѣпленіи, и одобряетъ одержавшихъ верхъ надъ всѣми испытаніями. Вскорѣ на вызовъ Діониса изъ дворца выходитъ въ сопровожденіи раба Пентей, одѣтый въ женское платье, и вступаетъ съ божествомъ въ объясненіе.

Пентей.

Право, мнѣ кажется, я вижу два солнца и двое семивратныхъ Ѳивъ... Ты — представляешься мнѣ быкомъ, выступающимъ впереди. На головѣ у тебя два рога... Неужели ты дѣйствительно звѣрь?—Ты въ самомъ дѣлѣ быкъ.

Діонисъ.

Богъ, раньше не милостивый къ намъ, теперь помирился съ нами. Это—онъ, въ качествѣ проводника. Наконецъ, увидишь ты то, что тебѣ необходимо видѣть.

Пентей.

Каковъ я по наружности?—Похожъ на Ино или на
Агаву, свою мать?

Діонисъ,

Глядя на тебя, я какъ бы гляжу на нихъ... Но твои волосы растрепаны, не лежатъ такъ гладко подъ повязкой, какъ я причесалъ ихъ.

Пентей.

Я растрепалъ ихъ во дворцѣ, когда кружился въ
вакхической пляскѣ.

Діонисъ.

Я снова приведу ихъ въ порядокъ. Я твой слуга.
Держи голову прямо.

Пентей.

Ну, наряжай меня. Дѣлай со мной, что хочешь.

Діонисъ.

(Поправляя волосы Пентея). У тебя развязался поясъ, а складки твоего платья не спускаются до земли.

Пентей.

(Осматриваясь). Да, мнѣ кажется,—съ правой стороны. Съ лѣвой платье сидитъ хорошо.

Діонисъ.

Ты разумѣется, будешь считать меня лучшимъ своимъ другомъ, если, сверхъ ожиданія, найдешь вакханокъ скромными.

Пентей.

Въ какую руку надо мнѣ взять тирсъ, чтобы болѣе походить на вакханокъ?—Въ правую или лѣвую?

Діонисъ.

Его надо держать въ правой и поднимать правую же ногу. Мнѣ нравится, что ты думаешь теперь иначе.

Пентей.

Могу я унести на своихъ плечахъ гору Киѳеронъ вмѣстѣ съ самими вакханками?

Діонисъ.

Можешь, если захочешь. Прежде ты говорилъ глупости, а теперь разсуждаешь здраво.

Пентей.

Слѣдуетъ мнѣ подложить ломъ, или же я оторву гору руками, упершись въ нее плечомъ, или обхвативъ руками?

Діонисъ.

Не разрушай мѣстопребыванія нимфъ и жилища Пана, гдѣ онъ играетъ на своей дудкѣ.

Пентей.

Ты правъ. Женщинъ надо побѣждать не силой. Я спрячусь подъ елями.

Діонисъ.

Если думаешь хитрить и идти подсматривать за вакханками, тебя спрячутъ такъ, какъ слѣдуетъ спрятать.

Пентей.

Мнѣ кажется, ихъ надо ловить какъ птицъ, въ любовныхъ сѣтяхъ.

Діонисъ.

Никакъ, ты для этого и идешь посмотрѣть за ними? (Въ сторону). Конечно, ты ихъ поймаешь, если только онѣ раньше не поймаютъ тебя.

Пентей.

Веди меня по улицамъ Ѳивъ. Одинъ я изъ ѳиванцевъ рѣшаюсь на это.

Діонисъ.

Одинъ ты трудишься за свой городъ, одинъ, поэтому тебя ждутъ достойныя тебя битвы. . Пойдемъ. Туда поведу тебя я, спасительный для тебя проводникъ, назадъ же приведетъ тебя другой.

Пентей.

Безъ сомнѣнія, мать...

Діонисъ.

На виду у всѣхъ.

Пентей.

Для этого я и иду.

Діонисъ.

На обратномъ пути тебя понесутъ.... *)

Пентей.

Ты хочешь намекнуть на мою изнѣженность.

Діонисъ.

(Продолжая). На рукахъ матери.

Пентей.

Ты намѣренъ сдѣлать изъ меня нѣженку.

---

*) на тирсѣ.

Діонисъ.

Въ этомъ случаѣ, я хочу понѣжить тебя.

Пентей.

Я стою этого.

Діонисъ.

Ты грозенъ, да, грозенъ, и приближаешься къ грознымъ несчастіямъ, которыя упрочатъ за тобой славу на небѣ *). (Пентей уходитъ). Агава, и вы, ея сестры, дочери Кадма, будьте готовы: я веду къ вамъ этого юношу на страшный бой. Діонисъ и я останемся побѣдителями. Остальное выяснится на дѣлѣ (Покидаетъ сцену»).

(В. Алексѣевъ, стр. 32—34. Дешевая библ).

Хоръ призываетъ евменидъ—богинь мщенія, богинь Правосудія и самаго Діониса для наказанія невѣрующаго безумца, послѣ чего на сценѣ появляется слуга съ крайне печальнымъ извѣстіемъ объ ужасной участи Пентея.

Вѣстникъ.

«О домъ старика—сидонца, который посѣялъ въ землю зубы дракона, какъ счастливъ былъ когда-то ты въ Греціи. Зато, теперь я горько плачу по тебѣ, хоть я и простой рабъ!—Сердцу честнаго раба близко горе господъ.

Хоръ.

Въ чемъ дѣло? Что новаго скажешь ты о вакханкахъ?

Вѣстникъ.

Сынъ Ехіона, Пентей, погибъ.

Хоръ.

Владыко Діонисъ, ты доказываешь, что ты могучъ какъ богъ.

---

*) Діонисъ думаетъ о томъ, какъ онъ посадитъ Пентея высоко на дерево.

Вѣстникъ.

Что вы говорите? Къ чему служатъ ваши слова? Или вы, женщины, радуетесь горю моихъ господъ?

Хоръ.

Мы, иностранецъ, радуемся, въ своихъ пѣсняхъ, какъ иностранки. Намъ не придется больше дрожать отъ страха предъ цѣпями.

Вѣстникъ.

Ужъ не считаете ли вы ѳиванцевъ трусами?

Хоръ.

Надъ нами имѣетъ власть Діонисъ, да, Діонисъ, а не ѳиванцы.

Вѣстникъ.

Я прощаю вамъ. Все-же, женщины, не хорошо радоваться чужому несчастію.

Хоръ.

Разскажи же намъ, пожалуйста, какою смертью умеръ безбожникъ, задумавшій безбожное дѣло?

Вѣстникъ.

Миновавъ Ѳивы, мы переправились черезъ рѣку Азопъ. Пентей, я, слѣдовавшій за своимъ господиномъ, и иностранецъ, вызвавшійся провести насъ къ мѣсту оргій, стали подниматься на гору Киѳэронъ. Прежде всего, мы усѣлись въ долинѣ съ густою травой, при чемъ старались идти тихо и молчать, чтобы могли видѣть другихъ, невидимые сами. Это была долина, окруженная утесами, пересѣкаемая источниками и поросшая соснами. Здѣсь сидѣли вакханки и весело проводили время. Однѣ изъ нихъ снова обвивали свои тирсы плющемъ, на которомъ не было зелени; другія, точно жеребята, съ которыхъ сняли цвѣтную упряжь, пѣли по очереди вакхическія пѣсни. Несчастный Пентей не видѣлъ толпы женщинъ и сказалъ: «Съ мѣста, гдѣ мы стоимъ, иностранецъ, я не вижу вакханокъ, не

смотря на свое желаніе. Взойду на холмъ или влѣзу на высокую сосну, чтобы мнѣ вполнѣ видѣть ихъ безчинства... Тогда я замѣтилъ, что иностранецъ сдѣлалъ нѣчто удивительное; онъ схватилъ верхушку ели и пригнулъ ее, да, пригнулъ къ черной землѣ. Она гнулась какъ лукъ или какъ ободъ колеса, описывающій дугу, когда его начинаетъ обдѣлывать колесникъ. Такимъ же образомъ иностранецъ пригнулъ къ землѣ руками верхушку дерева, сдѣлавъ то, чего не сдѣлать человѣку. Затѣмъ онъ посадилъ Пентея въ еловыя вѣтви и, стараясь не уронить его, мало по малу сталъ давать дереву прямое положеніе. Ель, на которой сидѣлъ мой господинъ, выпрямилась и поднялась вершиной къ небу. Вакханки увидѣли царя раньше, чѣмъ увидѣлъ ихъ онъ: только его можно было замѣтить на высотѣ, иностранецъ сдѣлался невидимъ, въ воздухѣ же раздался чей то голосъ, вѣроятно, Діониса. «Дѣвы», говорилъ онъ, «я привелъ къ вамъ того, кто смѣется надо мной и надъ вами, также и надъ оргіями. Накажите его»!. Когда онъ говорилъ это, съ неба надъ землею, сверкнула молнія. Въ воздухѣ настала тишь; деревья въ лѣсу съ его красивыми долинами перестали шелестѣть листьями; нельзя было услышать рева звѣрей. Вакханки не разслышали голоса ясно. Онѣ поднялись съ мѣста и стали осматриваться. Богъ повторилъ свое приказаніе. Тогда дочери Кадма ясно услышали приказаніе Діониса и помчались такъ же быстро, какъ летятъ голуби, побѣжали всѣ вмѣстѣ, всѣ вакханки, въ томъ числѣ и мать царя, Агава, съ ея родными сестрами. Возбужденныя словами бога, онѣ бѣгали по орошаемой ручьями долинѣ и скаламъ, какъ вдругъ замѣтили моего господина, сидѣвшаго въ вѣтвяхъ ели. Сначала онѣ вскарабкались на находившуюся насупротивъ скалу, своего рода башню, и стали кидать въ него со всей силы однѣ каменьями, другія бросать въ него еловыми сучьями. Третьи швыряли въ служившаго имъ цѣлью несчастнаго Пентея своими тирсами, но не попадали въ него. Онъ, бѣдный, сидѣлъ, въ безпомощномъ положеніи, слишкомъ высоко, вслѣдствіе чего оставался недоступенъ ихъ ударамъ. Нако-

нецъ, онѣ наломали дубовыхъ сучьевъ и принялись этими орудіями, не имѣющими ничего общаго съ желѣзными подкапывать корни у дерева. Онѣ еще не кончили работы, когда Агава вскричала, «Встаньте-ка, вакханки, вкругъ дерева и обхватите его, чтобы намъ поймать притаившагося въ его вѣтвяхъ звѣря, иначе, онъ раскажетъ о тайныхъ хороводахъ въ честь бога»!.. Тысячи рукъ ухватились за ель и вырвали ее съ корнемъ. Сидѣвшій на верхушкѣ Пентей съ громкимъ стономъ упалъ на земь—онъ чувствовалъ близкую бѣду. Первою бросилась на него мать, своего рода жрица, приступающая къ жертвоприношенію. Царь сорвалъ съ головы повязку, чтобы несчастная Агава узнала его и не лишила жизни. «Мать моя, я твой сынъ, котораго ты родила въ домѣ Ехіона», говорилъ онъ, прижимаясь къ ея лицу, «мать сжалься надо мной, не убивай своего сына за его грѣхи»!.. Но она, съ пѣной у рта, дико вращая глазами, не думая о томъ, о чемъ слѣдовало подумать, не обратила, въ бѣшенствѣ, на его слова никакого вниманія. Ухватившись за лѣвую руку несчастнаго и упершись ногой объ его бокъ, она вырвала ему руку по самое плечо, не потому, что была сильна,—сильными ея руки сдѣлалъ богъ. Въ свою очередь, стала терзать тѣло Пентея и Инò; примѣру ея послѣдовала и Автоноя со всей толпой вакханокъ. Всѣ онѣ кинулись съ крикомъ. Пока царь еще дышалъ, онъ стоналъ, вакханки же отвѣчали ему торжествующими криками. Одна изъ нихъ носилась съ его рукою, другая—съ ногою, обутою въ сапогъ. Ребра его обнажили отъ мяса. Каждая изъ вакханокъ разбрасывала своими окровавленными руками куски тѣла Пентея. Части его трупа валяются тамъ и самъ—и на не привѣтливыхъ скалахъ, и въ глубокихъ лѣсныхъ чащахъ. Собрать ихъ не легко Голову несчастнаго мать взяла въ руки, воткнула на остріе тирса и носится съ нею по Киѳэрону, считая ее головой свирѣпаго льва и оставивъ своихъ сестеръ въ толпѣ вакханокъ. Кичась своей ужасной добычей, она направляется сюда въ городъ, славя своего помощника и участника въ охотѣ, Діони-

са, который былъ для нея виновникомъ печальной побѣды. Уйду, прежде чѣмъ Агава войдетъ во дворецъ,— мнѣ не хочется смотрѣть на грустное зрѣлище. Быть благоразумнымъ и чтить боговъ—лучшее, что можно придумать; мнѣ кажется это самое умное, что въ состояніи дѣлать люди (Уходитъ)».

(В. Алексѣевъ, стр. 35—39. Дешевая библ.).

Съ радостію принявъ вѣсть о смерти Пентея, хоръ съ такимъ же злорадственнымъ наслажденіемъ ведетъ о томъ же разговоръ съ возвращающейся во дворецъ матерью покойнаго царя Агавой, торжественно показывающей голову сына, въ безуміи принятаго ею за молодаго льва. Увидѣвъ затѣмъ своего родителя Кадма, сопровождаемаго рабомъ съ останками злополучнаго Пентея, Агава сначала продолжаетъ безумствовать, но потомъ, мало-помалу успокоившись, приходитъ въ страшный ужасъ отъ совершеннаго ею злодѣянія, о которомъ съ подробностію распрашиваетъ отца. Въ заключеніе, въ образѣ божества, показывается Діонисъ и объявляетъ несчастнымъ изгнаніе; согласно божественному опредѣленію, Агава трогательно прощается съ Кадмомъ и удаляется къ сестрамъ, а хоръ воспѣваетъ всемогущую силу боговъ.

Въ драматическомъ произведеніи «Циклопъ» Эврипидъ воспроизводитъ въ дѣйствіи эпическое сказаніе Гомера о приключеніи Одиссея въ пещерѣ Полифема, прибавляя къ миѳическому повѣствованію девятой книги «Одиссеи» необходимую въ сатирической драмѣ игру сатировъ. Въ прологѣ престарѣлый Силенъ, отецъ сатировъ, стоя съ желѣзными граблями въ рукѣ предъ циклоповой пещерой, живо изображаетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми, отыскивая похищеннаго тирренскими морскими разбойниками Діониса, послѣ нѣкотораго плаванія, потерпѣлъ крушеніе и, будучи выброшенъ бурею къ страшнымъ обитателямъ Сициліи, попалъ въ рабство Полифема. Разсказъ о своихъ похожденіяхъ старикъ переполняетъ смѣшными хвастливыми примѣрами небывалой собственной храбрости. Вскорѣ появляются сатиры, приводя пасомыя или стада, людоѣда невольники

весело пляшутъ, какъ ни въ чемъ не бывало. и, образовавъ изъ себя пастушескій хоръ, поютъ, обращаясь къ животнымъ: «Куда, куда мечешься ты, сынъ благородныхъ отцовъ и матерей? Не тамъ твой крытый хлѣвъ, зеленое сѣно, кипящая вода потока, покоющаяся въ колодахъ вдоль пещеры, не тамъ раздается блеяніе твоихъ дѣтей.

«Шш.. шш... Зачѣмъ идешь туда, на этотъ склонъ, увлаженный росою? О, я пущу въ тебя камнемъ, если, длиннорогое созданье, ты не вернешься сію же минуту къ жилищу дикаго твоего пастуха, циклопа.

«А ты—дай мнѣ въ руки раздувшіеся сосцы, я подведу къ нимъ твоихъ ягнятъ, покинутыхъ на своемъ ложѣ. Они проспали цѣлый день, и теперь опять требуютъ, опять призываютъ тебя своимъ блеяніемъ. Скоро ли разстанешься ты съ полевою травой, чтобъ воротиться въ хлѣвъ, въ пещеры Этны»?

(Коршъ т. 1, часть 2. стр. 1057).

Въ это время къ берегу пристаетъ корабль Одиссея; вмѣстѣ съ спутниками герой направляется къ гроту съ цѣлію запастись провіантомъ. Силенъ, наблюдающій за иноземцами, сожалѣетъ о невѣдѣніи, благодаря которому они не боятся идти въ такое ужасное убѣжище, къ негостепріимному хозяину. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій съ сатирами Одиссей узнаетъ, къ какимъ варварамъ привела его судьба; но чудовище теперь на охотѣ, а грекамъ нужна провизія, и вождь троянскій спѣшитъ закупить необходимое, предлагая за это Силену такъ любимый послѣднимъ чудный напитокъ Діониса—сокъ винограда. Пока старикъ, охотно согласившійся на предложенное условіе, уходитъ, чтобы принести запроданное, сатиры распрашиваютъ Одиссея о троянской войнѣ, потѣшаются надъ ея виновницей Еленой и въ хоровой своей пѣснѣ насмѣшливо отзываются о женщинахъ вообще. Сдѣлка однако не удается грекамъ: къ концу ея приходитъ самъ Полифемъ, своимъ появленіемъ наводя ужасъ на всѣхъ; Циклопъ строго обращается съ рабами, и тѣ кое-какъ отдѣлываются шутками. Замѣтивъ пришельцевъ и около нихъ собранные

продукты, а у Силена покраснѣвшій, распухшій лобъ, чудовище воображаетъ, что эти неизвѣстные ему люди хотѣли обокрасть его и побили его вѣрнаго слугу за сопротивленіе ихъ намѣренію тѣмъ болѣе, что и Силенъ, заботящійся только о собственной безопасности, поддерживаетъ эту догадку, отвѣчая на опроверженія Одиссея даже клятвами. Разгнѣванный людоѣдъ, подстрекаемый къ тому же услужливымъ Силеномъ, рѣшается полакомиться иностранцами. Напрасно Одиссей убѣдительными доводами и краснорѣчивыми мольбами старается тронуть Полифема: черствая грубая душа циклопа болѣе склонна слѣдовать своимъ людоѣдскимъ, безчеловѣчнымъ потребностямъ:

«Жалкій смертный, богатство—богъ мудрыхъ: все остальное—звонкія слова, пустыя и напыщенныя выраженія. Что за дѣло мнѣ до побережныхъ храмовъ въ честь моего отца Посейдона? Зачѣмъ было тебѣ говорить о нихъ? А громовъ Зевса я не боюсь, чужеземецъ. Я что-то не слыхалъ, чтобъ Зевсъ былъ могущественнѣе меня; но это до меня не касается. А почему? Сейчасъ ты это узнаешь. Когда онъ посылаетъ дождь, я нахожу надежный пріютъ въ этой пещерѣ и, покойно разлегшись, набиваю животъ жаренымъ мясомъ теленка или какого-нибудь дикаго животнаго, и отъ времени до времени обливаю его молокомъ изъ полнаго сосуда, шумя своимъ громомъ на зависть небеснымъ перунамъ.

«Когда ѳракійскій вѣтеръ, Борей, разсѣеваетъ снѣгъ, я окутываю мое тѣло въ шкуру краснаго звѣря, развожу огонь, и тогда снѣгъ не тревожитъ меня. Земля, волей или неволей, по необходимости родитъ траву, отъ которой тучнѣютъ наши стада, и не для того, чтобъ я приносилъ ихъ въ жертву какому-нибудь другому божеству, кромѣ самого себя, кромѣ этого брюха, величайшаго изъ боговъ. Хорошо ѣсть, хорошо пить, согласно потребностямъ каждаго дня, и не мучить себя—вотъ настоящій Зевсъ для мудрыхъ. Я не перестану холить и тѣшить себя, и прежде всего я тебя съѣмъ. Во избѣжаніе упрековъ, моими дарами гостепріимства въ отношеніи къ тебѣ будутъ огонь и этотъ отцовскій ко-

телъ—теплое прикрытіе для нѣжныхъ твоихъ членовъ. Идите, пресмыкающіяся твари, идите въ пещеру и, заклланныя въ честь ея божества, доставьте мнѣ хорошій обѣдъ». (Коршъ, т. 1, ч. 2, стр. 1059).

Оплакавъ свою горькую участь и призвавъ Аѳину и месть Зевеса нарушителямъ гостепріимства, Одиссей вмѣстѣ съ другими греками входитъ въ опасное жилище неумолимаго дерзкаго великана. Со стороны хора слѣдуетъ серьёзное заявленіе ненависти къ варварству циклопа, послѣ чего на сцену снова выступаетъ царь Итаки съ подробнымъ разсказомъ, какъ людоѣдъ при немъ пожралъ двоихъ его товарищей, герой тутъ же прибавляетъ, что онъ намѣренъ напоить своего врага допьяна и затѣмъ ослѣпить его, каковую мысль и началъ уже приводить въ исполненіе. Сатиры въ восторгѣ отъ такого плана и даже хотятъ въ немъ непосредственно участвовать, такъ какъ отъ удачнаго исхода его зависитъ и ихъ собственное освобожденіе; они спорятъ о томъ, кто первый приложитъ руку къ дѣлу. Между тѣмъ изъ пещеры доносится безобразное пѣніе Полифема, на которое хоръ отвѣчаетъ стройными пѣснями въ честь вина и наслажденій. Отяжелѣвъ отъ обжорства и шатаясь отъ опьяненія чудовище показывается наружу, желая принять участіе въ общемъ пѣніи и сатиры привѣтствуютъ его словами, смутно предвѣщающими роковое несчастіе. Одиссей вступаетъ въ бесѣду съ своимъ злополучнымъ недругомъ, всячески потѣшая его, а Силенъ усердно поитъ его виномъ, не забывая конечно и себя; наконецъ силы измѣняютъ Циклопу: онъ возвращается въ пещеру и крѣпко засыпаетъ; теперь Одиссей приглашаетъ сатировъ оказать ему торжественно обѣщанную ими помощь, но дѣти Силена, опасаясь за свою жизнь, ничего не въ силахъ сдѣлать отъ страха и только предлагаютъ «пустить въ ходъ такую волшебную пѣсню Орфея, подъ звуки которой колъ направится самъ къ глазу циклопа». Обозвавъ ихъ трусами, отважный побѣдитель Трои одинъ, лишь при нѣкоторомъ содѣйствіи своихъ спутниковъ, приводитъ въ исполненіе свой хитрый замыселъ. Слышатся стоны По-

лифема; весь въ крови, выходитъ онъ изъ своего обиталища и вмѣсто соболѣзнованія своему горю встрѣчаетъ только колкія насмѣшки да дерзкія оскорбленія окружающихъ:

Хоръ.

«Что ты кричишь, циклопъ?

Циклопъ.

Я погибъ.

Хоръ.

Ты ужасенъ на видъ.

Циклопъ.

И очень несчастливъ.

Хоръ.

Ужъ не упалъ ли ты, въ пьяномъ видѣ, на горячія уголья?

Циклопъ.

«Никто» виновникъ моего несчастія.

Хоръ.

Никто, стало быть, не причинилъ тебѣ зла.

Циклопъ.

Говорятъ тебѣ, что мнѣ выкололи глазъ, что это сдѣлалъ «Никто».

Хоръ.

Ты, стало быть, не ослѣпъ?

Циклопъ.

Да будешь ты такимъ же зрячимъ, какъ я.

Хоръ.

Но возможно ли быть ослѣпленнымъ никѣмъ?

Циклопъ.

Ты издѣваешься. А гдѣ же «Никто»?

Хоръ.

Нигдѣ, циклопъ.

(Коршъ, т. 1, ч. 2, стр. 1060).

Внѣ себя отъ ярости, циклопъ хочетъ наказать пришельцевъ-обидчиковъ; по указаніямъ намѣренно обманывающаго его хора онъ ищетъ ихъ то тамъ, то здѣсь, пока сильно не ударяется головою въ утёсъ, тутъ-то раздается надъ его ухомъ голосъ Одиссея, на этотъ разъ называющаго себя по имени. Полифемъ припоминаетъ когда-то давно предсказанную ему гибель отъ руки Одиссея; желая хоть чѣмъ-нибудь отмстить своему ужасному врагу, онъ намѣревается съ горы бросить утёсъ въ судно троянскаго героя, который въ тоже время весело направляетъ его къ берегу вмѣстѣ съ сатирами, несказано довольными тѣмъ, что они могутъ, наконецъ, возвратиться къ своему прежнему господину Діонису.

«Алкестида», героиня трагедіи того же имени, представляетъ собою достойный образецъ жены, всецѣло преданной своему мужу: несмотря на свою молодость и на естественное желаніе жить и наслаждаться всѣми удовольствіями, которыя въ изобиліи могли доставлять ей ея положеніе и окружающая обстановка, она такъ сильно любитъ своего супруга Адмета, что для спасенія его отъ смерти охотно жертвуетъ собственною жизнію. Совсѣмъ иначе относится къ Язону Медея: пораженная его возмутительною измѣною, она въ порывѣ страшной— мучительной ревности и горестнаго отчаянія, добровольно умерщвляетъ не только свою молодую соперницу и ея родителя, но и собственныхъ дѣтей, которыхъ любитъ всѣми силами нѣжной материнской души своей. Подобнымъ образомъ и остальные герои и особенно героини драматическихъ произведеній Эврипида въ большинствѣ являются, какъ и у Софокла, дѣйствующими не столько подъ непреодолимымъ довленіемъ всепобѣждающей силы Судьбы, сколько подъ могущественнымъ вліяніемъ собственныхъ страстей, чувствъ и треволненій, подъ неотразимымъ воздѣйствіемъ своего душевна-

го настроенія; всѣ они, какъ и обыкновенные люди, полны недостатковъ и слабостей и также, какъ и прочіе смертные, только съ большею силою и настойчивостью борются съ своими жизненными невзгодами и неудачами, то изнемогая и падая подъ гнётомъ непосильной душевной борьбы, то выходя изъ нея при какомъ-либо чудесномъ стороннемъ содѣйствіи торжествующими побѣдителями. *Замѣтное ослабленіе могущества древняго Рока и замѣна послѣдняго силою неодолимыхъ, хотя и обычныхъ. страстей человѣка—первая и важнѣйшая особенность поэтическаго творчества Эврипида.* Вотъ почему Аристотель назвалъ Эврипида *самымъ трагическимъ* изъ поэтовъ, а Софоклъ отозвался о своёмъ знаменитомъ современникѣ такимъ выраженіемъ: Я изображалъ людей такими, каковы они должны бы быть; Эврипидъ изображаетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности» *). Слѣдуетъ прибавить къ этому, что Эврипидъ любилъ съ особенною полнотою и разнообразіемъ воплощать въ своихъ твореніяхъ сильные и величественные женскіе характеры, выставляя на видъ всю ихъ нравственную мощь какъ въ добрыхъ, такъ и въ худыхъ дѣлахъ и такимъ образомъ выступая философскимъ поборникомъ женскихъ правъ, благороднымъ защитникомъ общественнаго значенія женщины—этого въ то время загнаннаго и презираемаго пола. Здѣсь-то, можетъ быть, кроется одна изъ причинъ того выдающагося явленія, что Эврипидъ, вопреки своимъ великимъ предшественникамъ, почти совершенно оставилъ въ сторонѣ древнюю отечественную миѳологію, заимствуя изъ нея лишь одни имена своихъ героевъ, и всё содержаніе своихъ трагедій наполнилъ изображеніемъ современной ему дѣйствительности со всѣми хорошими и непривлекательными ея обнаруженіями. Потому же, между прочимъ, онъ усиленно защищалъ добродѣтели и заслуги рабовъ, отводя имъ въ своихъ драмахъ видное мѣсто и заставляя ихъ говорить не только съ достоинствомъ, но по временамъ и съ философской глубиной: сильный поэти-

*) См. „Поэтику“ Аристотеля.

ческій талантъ и не менѣе мощный философскій умъ соединились въ лицѣ Эврипида самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ.

Вмѣстѣ съ изображеніемъ серьезной внутренней и внѣшней борьбы дѣйствующихъ лицъ въ «Алкестидѣ» встрѣчаются и такія явленія, какъ неумѣстное препирательство Адмета съ Ферееомъ вовремя похоронъ героини, или несоотвѣтствующее общему направленію дѣла столкновеніе Геркулеса съ слугою; подобныя сцены, какъ вызванныя мелочными или ничтожными обстоятельствами, способны возбудить въ зрителяхъ не ужасъ и состраданіе, какъ дѣйствія противоположныя, а лишь смѣхъ и негодованіе; ихъ и принято называть *комическими* въ отличіе отъ сценъ важныхъ—*трагическихъ*. *Внесеніе въ трагедію на ряду съ основой трагической начала комическаго—вторая характерная черта драматическихъ произведеній Эврипида;* она прямо вытекаетъ изъ того свойства послѣднихъ, по которому въ нихъ затрогивается окружавшая поэта дѣйствительность, гдѣ серьезное и важное сплошь и рядомъ переплетается съ смѣшнымъ и ничтожнымъ.

Тяжелая участь Адмета завершается неожиданно счастливымъ переворотомъ: Геркулесъ силою вырываетъ Алкестиду изъ рукъ Царя загробныхъ тѣней и съ благодарностію за полученное гостепріимство возвращаетъ ее убитому невыносимымъ горемъ ферскому владыкѣ. *Благополучный исходъ изъ всевозможныхъ бѣдъ и страданій* нерѣдко допускается Эврипидомъ, что *образуетъ третью отличительную принадлежность его твореній,* также возникающую непосредственно изъ обыкновенія поэта воплощать въ своихъ созданіяхъ ту или иную сторону міра дѣйствительнаго. Два послѣднія качества трагедій Эврипида и дали поводъ Аристотелю наименовать ихъ «простыми—φαύλη τραγῳδία» въ противоположность трагедіи «серьезной—σπουδαία τραγῳδία», затрогивающей своимъ содержаніемъ исключительно серьезное и важное.

Хоръ ферскихъ старцевъ, выведенный Эврипидомъ въ «Алкестидѣ», занимаетъ самое второстепенное мѣсто

въ трагедіи: вся его дѣятельность опредѣляется выраженіемъ искренняго сочувствія злополучной судьбѣ царскаго дома; да онъ и не въ силахъ сдѣлать что-бы-то-ни-было больше; такимъ бездѣйствіемъ и слабостію надѣленъ хоръ въ «Медеѣ»: Здѣсь онъ прямо обнаруживаетъ свое безсиліе, когда, напр., слыша крикъ убиваемыхъ Медеей дѣтей, вмѣсто того, чтобы спасти несчастныхъ отъ угрожающей имъ смерти, останавливается въ какой-то нерѣшительности и ограничивается неумѣстными размышленіями по поводу происходящаго. Вообще, хоръ трагедій Эврипида, за исключеніемъ очень немногихъ, теряетъ свое прежнее значеніе: не принимая въ большинствѣ дѣятельнаго участія въ общемъ ходѣ драматическихъ событій и только изрѣдка вмѣшиваясь въ нихъ въ качествѣ довѣреннаго лица или сообщника героевъ, онъ обычно разсуждаетъ о самыхъ общихъ вопросахъ—о добродѣтели и мудрости, о силѣ и власти Судьбы, о неизбѣжности смерти, о надеждахъ и неудачахъ человѣчества, о строѣ вселенной и проч., становясь такимъ образомъ выразителемъ личныхъ чувствъ поэта, проводникомъ его философскихъ воззрѣній и убѣжденій; отсюда хоровыя оды Эврипида являются не столько необходимою принадлежностью его твореній, сколько случайнымъ ихъ украшеніемъ, существующимъ лишь въ силу установившагося обычая; потому-то многія изъ нихъ легко могутъ быть какъ вовсе опущены безъ всякаго ущерба, такъ равно и вставлены въ любую пьесу. *Упадокъ значенія хора, его полное обезличеніе—четвертый своеобразный признакъ трагедій Эврипида*, встрѣчающійся, впрочемъ, въ извѣстной степени и въ нѣкоторыхъ драматическихъ сочиненіяхъ Софокла.

Алкестида, Медея и другія драматическія произведенія Эврипида начинаются обыкновенно прологомъ (греч. πρόλογος предисловіе, вступленіе) или вступленіемъ, въ которомъ устами бога или какого-либо дѣйствующаго лица въ монологѣ, а иногда и въ діалогѣ передается вся суть предстоящаго сценическаго дѣйствія. Въ концѣ трагедій также весьма часто появляется совершенно неожиданно божество, а изрѣдка и какой-либо герой,

и своимъ вмѣшательствомъ рѣшаетъ тяжбу дѣйствующихъ лицъ, возвѣщая имъ ихъ судьбы и возстановляя миръ; такое окончаніе трагедій называется «deus ex machina», т. е. произвольнымъ, не вытекающимъ изъ самаго хода совершившихся на сценѣ событій завершеніемъ драматическаго дѣйствія. *Прологъ* и deus ex machina *существенное отличіе трагедій Эврипида со стороны ихъ плана или состава*; они были необходимы частію для уразумѣнія основного смысла драматическихъ твореній поэта, въ которыхъ древнія миѳологическія преданія излагались въ крайне измѣненномъ видѣ, частію для простого пополненія времени, пока аѳинскіе зрители шумно занимали свои мѣста въ началѣ театральнаго представленія и еще болѣе шумно оставляли ихъ при окончаніи зрѣлища. Вотъ почему прологи произносились на сценѣ первымъ попавшимся актеромъ и подчасъ съ значительнымъ измѣненіемъ, а послѣднія слова хоровъ до буквальности сходны во многихъ драматическихъ созданіяхъ Эврипида.

Что касается, наконецъ, языка и слога драматическихъ сочиненій Эврипида, въ этомъ отношеніи онъ также опередилъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ: языкъ поэзіи Эсхила рѣзко отличается отъ языка прозы особыми способами выраженія, выработанными и освѣщенными эпосомъ и лирикой; языкъ твореній Софокла гораздо проще къ обыкновенной, живой рѣчи; у Эврипида же онъ уже ничѣмъ не отличается отъ прозы, развѣ только искуснымъ подборомъ и изящнымъ расположеніемъ словъ, да ихъ метрическимъ сочетаніемъ, онъ ясенъ, гибокъ, красивъ и гармониченъ. Почти не употребляя тѣхъ условныхъ выраженій, которыя считались свойственными исключительно одной поэзіи, Эврипидъ умѣлъ такъ хорошо пользоваться обычною разговорною рѣчью, что она легко превращалась у него въ поэтическую. Оттого-то языкъ и слогъ героевъ Эврипида пахнетъ рынкомъ и современною поэту реторикой: на немъ говорили всѣ граждане; его слышали въ судѣ и въ народныхъ собраніяхъ. Оттого-то въ сочиненіяхъ Эврипида нѣтъ тѣхъ многочисленныхъ темныхъ мѣстъ,

которыя такъ затрудняютъ чтеніе Софокла и особенно Эсхила: хоры эврипидовыхъ трагедій почти одинаково доступны для пониманія, какъ и діалоги. *Простота и общепонятность слога и народность языка—последнее выдающееся качество поэтическаго таланта Эврипида.*

Изображеніе въ общедоступной и общепонятной формѣ драматическихъ дѣйствій внутренней душевной борьбы обыкновеннаго человѣка, борьбы обычныхъ человѣческихъ страстей съ таковыми же внушеніями трезвой мысли и здраваго разсудка, ставитъ произведенія Эврипида несравненно выше не только трагедій Эсхила, но и Софокла. Уступая послѣднему въ художественной цѣльности поэтическихъ образовъ и гармонической стройности сочетанія частей цѣлаго, Эврипидъ далеко превосходитъ его въ непосредственной истинности содержанія своихъ твореній, въ ихъ непреложной жизненной правдивости; въ этомъ случаѣ онъ выступаетъ съ одной стороны прекраснымъ выразителемъ передовыхъ воззрѣній образованной части современнаго ему общества, прямымъ руководителемъ его на пути къ разностороннему усовершенствованію, съ другой—первымъ проповѣдникомъ новыхъ началъ драматическаго творчества, основанныхъ на коренныхъ законахъ человѣческой природы, чему въ полной степени суждено было осуществиться лишь впослѣдствіи. Какъ родоначальнику новаго направленія въ области драмы, поэту выпало немного побѣдъ на драматическихъ состязаніяхъ: изъ двадцати его преній всего только пять были увѣнчаны первою наградою, да и то, пожалуй, благодаря партіи его хорошаго знакомаго Алкивіада, сильной не численностію, а богатствомъ и знатностію; за то послѣдующія поколѣнія прямо высказались за Эврипида: поэты восторженно называли его своимъ великимъ предшественникомъ и идеаломъ; Платонъ, Хризитъ и другіе философы считали его какъ-бы своимъ учителемъ; Плутархъ, Лукіанъ, Цицеронъ, Квинтиліанъ превозносили его до небесъ; скульпторы и живописцы пользовались для своихъ художественныхъ цѣлей его трагедіями; правители, какъ Александръ Великій, Діонисій Сиракузскій платили ему

должную дань уваженія; даже христіанскіе учители первыхъ вѣковъ видѣли въ его сочиненіяхъ смутное предчувствіе новой вѣры: Климентъ Александрійскій, напр., хвалитъ философію и нравственное ученіе Эврипида, а Григорію Двоеслову приписываютъ дошедшую до насъ трагедію «Страждущій Христосъ», составленную мѣстами изъ стиховъ Эврипидовыхъ «Вакханокъ». Во внутренней жизненности трагедій Эврипида и кроется основаніе, почему сравнительно многія изъ нихъ сохранились до нашего времени. Въ данномъ отношеніи какъ нельзя лучше оправдалось мнѣніе о своихъ литературныхъ трудахъ самого Эврипида, выраженное имъ въ одной бесѣдѣ съ трагикомъ Акесторомъ: когда на жалобу Эврипида, что ему въ три дня съ трудомъ удалось написать только три стиха, Акесторъ отвѣчалъ, что за это время онъ, Акесторъ, легко можетъ написать сотню ихъ; поэтъ замѣтилъ: «Да, но вѣдь между нами есть разница: ты пишешь свои стихи для трехъ дней, я—для вѣчности»... Въ произведеніяхъ Эврипида греческая трагедія сказала свое послѣднее завершительное слово; позднѣйшіе ея представители въ большинствѣ извѣстны только по именамъ, да нѣкоторые—по скуднымъ незначительнымъ обрывкамъ своихъ твореній; драматическое творчество Грековъ постепенно устремилось теперь на комедію.

Такимъ образомъ, важнѣйшія особенности греческой трагедіи, насколько отразились онѣ въ уцѣлѣвшихъ до насъ произведеніяхъ трёхъ величайшихъ трагиковъ—Эсхила, Софокла и Эврипида, слѣдующія:

1) Столкновеніе мощнаго, несокрушимаго характера при естественномъ стремленіи устроить жизнь по собственному желанію съ неизмѣнными опредѣленіями неодолимой Судьбы или Рока и вытекающая отсюда неизбѣжная гибель героя вслѣдствіе неравной борьбы, что впрочемъ, болѣе всего, замѣтно въ трагедіяхъ Эсхила и что значительно ослабѣваетъ и измѣняется въ сочиненіяхъ Софокла и особенно Эврипида.

2) Участіе въ драматическомъ дѣйствіи хора, который у Эсхила является собирательнымъ лицомъ, постоянно дѣйствующимъ наряду съ прочими соучастни-

ками драмы, у Софокла выступаетъ въ качествѣ идеальнаго зрителя или свидѣтеля всего происходящаго на сценѣ и представителя общественной совѣсти, одобряющаго или осуждающаго отъ лица народа слова и поступки прочихъ дѣйствующихъ лицъ, и у Эврипида занимаетъ самое второстепенное мѣсто, лишь нерѣдка вмѣшиваясь въ драматическое событіе въ видѣ довѣреннаго лица и сообщника героя и въ большинствѣ служа выразителемъ личныхъ философскихъ воззрѣній и убѣжденій поэта.

3) Исключительное господство начала трагическаго при полнѣйшемъ устраненіи основы комической, что, нарушается лишь въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Эврипида, и наконецъ,

4) изображеніе преимущественно внутренней, душевной борьбы героевъ и замѣна внѣшнихъ происшествій болѣе или менѣе длинными разсказами о нихъ вѣстниковъ; отсюда почти совершенное отсутствіе потребности въ перемѣнѣ мѣста и особенно времени совершенія драматическаго событія, вызвавшее знаменитое по своимъ послѣдствіямъ требованіе единства мѣста и времени, т. е., чтобы всякое драматическое дѣйствіе отъ начала и до конца совершалось на одномъ только намѣченномъ въ драмѣ мѣстѣ и продолжалось не болѣе однѣхъ сутокъ.

Устройство греческаго театра.

Участіе въ драматическомъ дѣйствіи хора и единство времени и мѣста весьма замѣтно отразились и на устройствѣ греческаго театра, хотя въ свою очередь и поэты, въ особенности позднѣйшіе, при составленіи своихъ драматическихъ твореній, несомнѣнно приспособлялись къ существовавшимъ въ ихъ время театрамъ. Въ періодъ наивысшаго развитія драматическаго творчества греческіе театры достигали огромныхъ размѣровъ, вмѣщая въ себѣ по нѣскольку десятковъ тысячъ разнаго люда, и устроялись съ величайшею прочностію и великолѣпіемъ. Обыкновенно они располагались на отлого-

стяхъ горъ, въ виду моря, строились безъ крышъ и состояли изъ трехъ главныхъ отдѣленій: собственно театра, гдѣ помѣщались зрители, оркестра (ὀρχήστρα; или помѣщенія для хора, и мѣста, гдѣ совершалось самое драматическое представленіе. Пространство, предназначенное для посѣтителей (τὸ κοῖλον—углубленіе, впадина), имѣло видъ полукруга, на которомъ поперечными полосами шли амфитеатромъ, т. е. уступали снизу вверхъ скамьи или сидѣнья (τὰ ἑδώλια); между послѣдними находились особыя площадки (τὰ διαζώματα—коридоры между отдѣльными ярусами въ театрѣ), которыя дѣлались гораздо шире скамейныхъ уступовъ и назначались для прохода кругомъ амфитеатра. Народъ входилъ обычно сбоку между отдѣленіемъ для игры актеровъ и мѣстами для сидѣній и поднимался вверхъ по лѣстницамъ (κατατομαί), лучеобразно прорѣзывавшимъ амфитеатръ и раздѣлявшимъ его на клинообразныя части (κερκίδες); иногда, впрочемъ, пристроивались и внѣшнія лѣстницы, которыя вели на верхъ театра, куда приходилось проникать чрезъ колоннаду. Внизу, впереди всѣхъ сидѣній, были запасныя мѣста (προεδρία—переднее, первое мѣсто), которыя раздавались духовнымъ сановникамъ, членамъ городскаго совѣта и иноземнымъ посламъ. Посѣщать театральныя зрѣлища дозволялось всѣмъ свободнымъ гражданамъ, но женщины и дѣти могли присутствовать только на трагедіяхъ. Цѣна за входъ, поступавшая на покрытіе расходовъ, назначалась самая умѣренная, дабы дать доступъ возможно большему числу людей пользоваться религіознымъ наслажденіемъ, доставляемымъ празднествомъ Діониса. Такъ, для аѳинскаго театра входная плата была установлена въ два обола *), которые во дни могущества Аѳинъ выдавались на этотъ предметъ бѣднѣйшимъ жителямъ города изъ общественныхъ суммъ. Между нижними скамейными уступами и одинаковой съ ними высоты помѣщеніемъ для театральныхъ представленій лежала довольно пони-

*) ὀβολός оболъ—шестая часть драхмы, около четырехъ копѣекъ.

женная площадь, значительная доля которой была выровнена, пуста и посыпана пескомъ, вслѣдствіе чего называлась «κονίστρα» (отъ κόνις, κονία—пыль, прахъ, песокъ; κονίστρα—мѣсто, посыпанное мелкимъ пескомъ для состязанія борцовъ); другая часть площади была занята высокими деревянными подмостками, носившими названіе оркестры въ тѣсномъ смыслѣ слова или мѣста для хоровыхъ плясокъ (ὀρχήστρα): оркестра съ одной стороны соединялась нѣсколькими ступенями съ болѣе возвышеннымъ мѣстомъ для игры актеровъ, съ другой противоположной—непосредственно примыкала къ постройкѣ, представлявшей собою возвышеніе со ступенями или подобіе алтаря, ѳимелѣ (θυμέλη—мѣсто жертвоприношенія, алтарь Діониса), имѣвшей значеніе Вакхова жертвенника и постоянно напоминавшей о происхожденіи греческаго театра. Входы въ оркестру были общіе съ таковыми же для народа—πάροδοι (отъ πάροδος—дорога мимо чего, проходъ около чего, путь, выходъ). Ѳимела служила средоточіемъ всего театральнаго устройства: съ величиною ея сообразовались размѣры всѣхъ остальнымъ частей театральнаго зданія; изъ нея же, какъ изъ основы, лучеобразно расходились входныя лѣстницы для зрителей. На ступеняхъ жертвенника располагался хоръ, когда по ходу драматическаго дѣйствія не требовалось его участія; въ противномъ случаѣ онъ вставалъ и подъ руководствомъ корифея (κορυφαῖος—глава, вождь), который всюду выступалъ первымъ, подавая собою примѣръ всѣмъ прочимъ, то пѣлъ около ѳимелы, плавно двигая кругомъ въ одну и другую стороны (строфа и антистрофа) и по временамъ останавливаясь (эподъ), то выполнялъ театральныя пѣсни и пляски въ оркестрѣ. Пѣснь, пѣвшаяся хоромъ на его постоянномъ мѣстѣ, въ оркестрѣ, называлась стазимомъ (στάσιμος—твердо стоящій, стойкій, спокойный; τὸ στάσιμον, т. е. μέλος пѣніе хора на опредѣленномъ мѣстѣ въ оркестрѣ), а исполнявшаяся имъ при движеніи—парадомъ (πάροδος—переходъ, путь, движеніе). Стазимы и пародъ дѣлили трагедію на составныя части, которыя нѣкоторымъ образомъ напоминаютъ нынѣшніе акты или дѣйствія и

которыя у грековъ носили свои особыя названія: отдѣлъ, предшествовавшій пароду, именовался прологомъ, промежуточные—между пародомъ и стазимомъ—и между стазимами—эпейзодами эпизодами (ἐπείσοδος—приходъ, появленіе, выступленіе новаго актера; τὸ ἐπεισόδιον—вставка въ рѣчи, въ разсказѣ, разговоры въ промежуткѣ пѣнія хора въ трагедіи, между—пѣніе) и слѣдовавшій за послѣднимъ стазимомъ—экзодомъ (ἔξοδος—выходъ, исходъ, конецъ, заключеніе; τὸ ἐξόδιον окончаніе, конецъ представленія, представленіе въ заключеніе трагедіи). Количество данныхъ частей въ различныхъ трагедіяхъ было неодинаково, что зависѣло отъ большей или меньшей сложности драматическаго дѣйствія и числа дѣйствующихъ лицъ; «Антигона» Софокла, напр., имѣетъ семь отдѣловъ и его же «Филоктетъ»—всего только три со включеніемъ сюда же и пролога. Хоровыя пѣсни выполнялись или цѣлымъ составомъ голосовъ—отъ 24-хъ до 50, или нѣкоторыми отдѣльными хористами; иногда вмѣстѣ съ хористами пѣли и дѣйствовавшія лица трагедіи; такія пѣсни назывались коммами (κομμός—печаль, плачъ, жалобное пѣніе актера и хора) и нерѣдко составляли самую значительную и трогательную часть всего драматическаго дѣйствія. Пѣніе время отъ времени сопровождалось игрою на духовыхъ и струнныхъ инструментахъ, но эта музыка никогда не заглушала голосовъ и громко звучала лишь тогда, когда хоръ или умолкалъ совсѣмъ или переходилъ отъ пѣсенъ, къ пляскѣ. Трагическій танецъ носилъ названіе эммеліи (ἐμμέλεια—согласіе въ пѣніи, созвучіе; музыка для танца, танецъ хора въ трагедіи, мѣрный, серьезный танецъ), и въ противоположность кордаксу—танцу комическому (κόρδαξ—неприличная пляска въ древнеаттической комедіи, впослѣдствіи вошедшая въ обычай при попойкахъ; канканъ) отличался торжественностію своихъ движеній; корифей и здѣсь управлялъ хоромъ, руководя всѣми его дѣйствіями и во всемъ показывая ему образецъ собою. Третье и самое главное отдѣленіе театра, гдѣ собственно и разыгрывались драматическія произведенія, имѣло видъ длинной и узкой площадки, которая огибала

все пространство отъ одного бока громаднаго круга зрителей до другого противоположнаго и была обнесена позади и съ двухъ боковыхъ сторонъ высокими стѣнами; задняя стѣна носила названіе сцены (σκηνή—крытое мѣсто, шатеръ, палатка, квартира, жилище) *), боковыя—назывались парасценіями (παρασκήνιον—помѣщенія по обѣ стороны сцены), самая площадка—предсценіемъ (προσκήνιον—передняя часть сцены), а лицевая сторона предсценія, сокрытая оркестрой, подсценіемъ (ὑποσκήνιον—мѣсто подъ сценой). Внизу предсценія, куда велъ особый проходъ, извѣстный подъ именемъ хароновой лѣстницы, устроялось иногда нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ стѣнъ и проходовъ, имѣвшихъ своё опредѣленное назначеніе при представленіяхъ, когда, напр., герои поглощались землею, цѣлые утесы падали въ море и проч., а вверху—помѣщался второй этажъ, называвшійся надсценіемъ (ἐπισκήνιον—мѣсто надъ сценой). Здѣсь за большимъ занавѣсомъ (κατάβλημα) скрывались довольно сложныя машины, дававшія возможность богамъ появляться на воздухѣ и обращаться къ актерамъ съ мѣста, именовавшагося сценою боговъ (θεολογεῖον). Около парасценіевъ укрѣплялись двѣ высокія, повертывавшіяся на столбахъ, трехугольныя призмы, носившія названіе періактовъ (περίακτος кругомъ вращающійся, αἱ περίακτοι т. е. μηχαναι—вращающіяся на оси трехстороннія пирамиды на сценѣ древняго театра, служившія вмѣсто нашихъ кулисъ). Задняя стѣна или сцена и боковыя парасценіи украшались живописными рисунками, изображавшими мѣсто дѣйствія и обстановку разыгрывавшагося драматическаго произведенія; подобныя театральныя украшенія принято называть декораціями (decoro украшаю; decoratio украшеніе). Обыкновенно декораціи сцены представляли царскій дворецъ съ его принадлежностями, декораціи лѣваго парасценія—городъ, въ которомъ или близъ котораго происходило совершавшее-

---

*) Такое наименованіе усвоено было данной части греческаго театра потому, что первоначально здѣсь находился царскій шатеръ или жилище главнаго дѣйствовавшаго лица.

ся драматическое дѣйствіе, и декораціи праваго параскенія—окрѣстности: село, поле, горы и т. п. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ декораціи, устроенныя предъ началомъ представленія, оставались безъ перемѣны до конца драматическаго дѣйствія, что вытекало изъ извѣстнаго требованія единства времени и мѣста; если же иногда по ходу игры требовалось ввести какія-либо измѣненія, то прибѣгали къ помощи періактовъ и машинъ—энкилема и экзостра. Повертывая періакты, выставляли новые потребные виды, нарисованные на ихъ запасныхъ сторонахъ, а также удаляли или открывали какія-либо временныя подвижныя постройки, какъ-то гробницу, шатеръ и т. п., а при посредствѣ энкилема и экзостра въ раздвинутыя двери изображеннаго на сценѣ зданія выдвигали и показывали его внутреннюю обстановку; такъ появлялись, напр., передъ зрителями Клитемнестра съ окровавленнымъ ножемъ надъ трупомъ убитаго ею супруга Агамемнона, Орестъ надъ тѣломъ казненной имъ матери Клитемнестры и проч. Для входа дѣйствовавшихъ лицъ было нѣсколько дверей: трое въ задней стѣнѣ—сценѣ и по одной—въ боковыхъ—параскеніяхъ; въ нѣкоторыхъ театрахъ существовали еще добавочныя двери съ обоихъ концовъ сцены, куда, по исполненіи своего дѣла, удалялись вѣстники, обычно уходившіе чрезъ оркестру. Сообразно основнымъ декораціямъ, средняя дверь сцены вела во внутренность дворца, занимаемаго самимъ царемъ, и называлась царской, другая,—бывшая по правую сторону царской,—въ особую часть дворца, назначенную для гостей и лицъ приближенныхъ къ государю, и третья—слѣва отъ царской—въ женское отдѣленіе, въ темницу и т. п.; дверь, находившаяся въ лѣвомъ параскеніи, открывала входъ въ городъ, а дверь праваго параскенія указывала путь за предѣлы города. Цари, герои и вообще главныя дѣйствовавшія лица входили чрезъ большую или царскую дверь, лица второстепенныя—въ одну изъ боковыхъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ царской, приходившіе изъ города—въ дверь лѣваго параскенія, а возвращавшіеся изъ пу-

тешествія—въ дверь параскенія праваго. Такое строго установленное назначеніе входовъ давало возможность зрителямъ и безъ театральныхъ аффишъ (франц. afficher, affiche—прибивать къ стѣнѣ, обнаруживать, разглашать, ярлыкъ, объявленіе, объявительный листокъ), которыхъ Греки не употребляли, сразу догадываться о томъ, какое значеніе въ игрѣ выпадало на долю того или другаго актера. Число актеровъ, которые носили общее названіе агонистовъ (ἀγωνιστής—состязающійся, борецъ), было очень ограничено и никогда не превышало трехъ, при чемъ въ представленіяхъ принимали участіе одни только мужчины, замѣняя собою, когда то требовалось драмой, и женщинъ. Актеръ, представлявшій собою лицо, наиболѣе страдавшее и потому возбуждавшее особенное сожалѣніе и сочувствіе, назывался протагонистомъ (πρωταγωνιστής—главный актеръ, играющій первую роль), два другіе, вызывавшіе меньшее состраданіе, по степени послѣдняго именовались—второй—девтерагонистомъ (δευτεραγωνιστής—слѣдующій, второй по значенію актеръ) и третій—тритагонистомъ (τριτάγωνιστής—актеръ, играющій третью или послѣднюю роль). Первоначально выборъ актеровъ и распредѣленіе между ними обязанностей принадлежали самимъ поэтамъ, но впослѣдствіи составители драматическихъ произведеній имѣли лишь общій надзоръ за выполненіемъ своихъ твореній; актеры же пріобрѣли самостоятельное положеніе; получая щедрое вознагражденіе отъ государства, лучшіе изъ нихъ содержали иногда на свой счетъ второстепенныхъ агонистовъ, съ которыми въ свободное отъ игры время переѣзжали изъ города въ городъ, устроивали представленія, чѣмъ конечно расширали свою дѣятельность и увеличивали свои средства; народъ относился къ нимъ такъ же восторженно, какъ и къ своимъ драматическимъ писателямъ: покупалъ мраморныя или бронзовыя ихъ изображенія, ставилъ имъ статуи и памятники. До насъ сохранилось нѣсколько именъ знаменитыхъ агонистовъ, каковы: Эагръ, Андроникъ, Тимофей, Молонъ, Θеодоръ, Аристодемъ и др. Чтобы походить на древнихъ, выступавшихъ въ драмѣ,

героевъ, которымъ народное воображеніе приписывало опредѣленную наружность, громадный ростъ и чудовищно-поразительную силу, а также помочь зрителямъ съ отдаленныхъ мѣстъ огромнаго амфитеатра яснѣе видѣть выраженія дѣйствовавшихъ лицъ и слышать ихъ голоса, агонисты прибѣгали къ нѣкоторымъ приспособленіямъ: они обувались въ котурны (κόθορνος—обувь трагическихъ актеровъ, возвышавшая ихъ ростъ посредствомъ высокихъ подошвъ), украшали головы удлиненными, имѣвшими форму шлема трагическими масками—«онкосъ» (ὄγκος—ноша, тяжесть, масса, объемъ, въ переносномъ смыслѣ достоинство, гордость, наборъ словъ, хвастовство), которыя изображали въ крупныхъ чертахъ, соотвѣтствовавшихъ установившемуся общенародному понятію, лицо того или другаго божества или героя и были надѣлены—снаружи приличными возрасту длинными прядями густыхъ черныхъ или сѣдыхъ волосъ, а внутри особымъ механизмомъ, усиливавшимъ голосъ, прикрѣпляли накладной животъ, на руки надѣвали большія перчатки и сверхъ всего этого облачались въ праздничныя вакхическія одежды, т. е. въ длинные, доходившіе до пятокъ пестрые хитоны (χιτών—нижнее платье безъ рукавовъ, подпоясываемое кушакомъ) и пурпурнаго или какого-либо другаго яркаго цвѣта хламиды или плащи (χλαμύς—хламида, мужское верхнее платье, плащъ) съ разными цвѣтными обшивками и золотыми украшеніями. Въ такихъ же праздничныхъ вакхическихъ одѣяніяхъ дѣйствовалъ на театральныхъ играхъ и хоръ. Самыя представленія давались обыкновенно днемъ и были пріурочены къ ежегодно отправлявшимся въ Аѳинахъ праздникамъ въ честь Діониса: весеннимъ или такъ называемымъ большимъ городскимъ Діонисіямъ—Διονύσεα ἀστικά, совершавшимся въ городѣ и продолжавшимся отъ половины марта до половины апрѣля, и Діонисіямъ зимнимъ или малымъ, Ленейскимъ—τὰ Λήναια, происходившимъ въ Ленеѣ-предмѣстьѣ Аѳинъ (τὸ λήναιον—участокъ въ Аѳинахъ, къ югу отъ Акрополя, посвященный Діонису, съ двумя храмами этого бога и театромъ, также построеннымъ въ честь Вакха)

и обнимавшимъ собою послѣднюю треть декабря и двѣ первыя трети января. Поэты состязались между собою тетралогіями, трилогіями и отдѣльными драмами, всякій разъ получая на это разрѣшеніе очереднаго архонта, позволявшаго болѣе надежнымъ изъ нихъ предварительно разучивать съ актерами представленныя ими для состязанія драматическія произведенія и располагать хоромъ; расходы по снабженію хора театральной одеждой и содержаніемъ и заботы о его упражненіяхъ падали на богатѣйшихъ гражданъ, которые подъ именемъ хореговъ (χορηγός предводитель хора, гражданинъ обязанный на свой счетъ поставить хоръ для драматическихъ представленій и покрыть всякаго рода издержки на музыкальныя состязанія во время того или другого праздника) несли эту обязанность, какъ государственную повинность. Сначала самъ народъ, присутствовавшій на театральныхъ зрѣлищахъ, непосредственно своими кликами опредѣлялъ относительное достоинство разыгрывавшихся твореній, но потомъ для этой цѣли изъ его среды выбирались по жребію пять человѣкъ— судей, которые тутъ же, въ театрѣ, и произносили свои приговоры послѣ приличнаго воззванія къ богамъ, безъ сомнѣнія, руководясь болѣе всего общимъ настроеніемъ зрителей. Имя побѣдителя начертывалось на общественныхъ памятникахъ между именами хорега, принявшаго на себя расходы на представленіе, и очереднаго архонта, по имени котораго назывался шедшій годъ, остальные соперники въ порядкѣ, указанномъ судьями, вносились въ особые списки.

Въ такомъ-то именно видѣ театръ и театральныя представленія существовали у грековъ; составляя одно изъ достойнѣйшихъ созданій человѣческаго творчества, они самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ были связаны со всѣмъ строемъ внутренней духовной жизни своихъ изобрѣтателей: рѣчами театральныхъ героевъ говорили греки и у себя дома и въ народныхъ собраніяхъ, въ школахъ и въ судахъ, въ исторіи и философіи. Неудивительно поэтому, если театръ считался въ Греціи важнѣйшимъ государственнымъ учрежденіемъ въ

дѣлѣ народнаго развитія и просвѣщенія и пользовался необыкновенной всеобщей любовью и уваженіемъ. Будучи воспитателемъ литературнаго вкуса и хранителемъ художественно обработанныхъ идеаловъ древности онъ перешелъ затѣмъ за скромные географическіе предѣлы греческаго міра—въ Македонію и Азію, Сицилію и Римъ и наконецъ распространился и у новыхъ христіанскихъ народовъ, пріобрѣтя здѣсь, соотвѣтственно высшимъ потребностямъ жизни, иной характеръ и направленіе.

М. Соколовъ.

Продолженіе будетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„НОВАЯ РУСЬ“

большая ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Издается при ближайшемъ участіи А. А. Суворина и постоянныхъ сотрудниковъ „Руси“.

Подписная цѣна на газ. „Новая Русь“:

	На годъ.	На 11 м.	На 10. м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ дост. и пер.	12 —	11.25	10.50	10. —	9. —	8. —
безъ дос.	10 —	9.20	8.50	7.70	6 90	6.15
загран.	20 —	19. —	18. —	17. —	15.—	18. —

	На 6 м.	На 5. м.	На 4 м.	На 3. м.	На 2 м.	На 1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ дост. и пер.	7. —	6.10	4 90	3.70	2.50	1.30
безъ дост.	5.50	4.40	3.80	2.90	2.—	1.—
загран.	11.—	10.—	8.—	6.—	4.—	2.—

Подписная цѣна для гг. студентовъ, сельскихъ учителей, сельскаго духовенства и сельскихъ фельдшеровъ на годъ 9 рублей, а помѣсячно 90 коп. Льготная подписка принимается исключительно въ Главной Конторѣ газеты **„Новая Русь“, СПБ. Мойка, 32.**

Гг. сельскіе учителя, сельское духовенство и сельскіе фельдшера могутъ подписываться кромѣ Главной Конторы въ Земскихъ Учрежденіяхъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ газеты «Новая Русь», СПБ. Мойка, 32.

ОТДѢЛЕНІЯХЪ:

Москва. П. С. Арсеньевъ, Большая Дмитровка, д № 15, кв. 26.

Вильна. И. И. Гродзенскій, Яковскій пер., д. № 15, кв. 24.

Варшава. Мерецкій, Медовая, 12.

Рига. Артель газетчиковъ, Ивановская, № 14.

Одесса. М. Арфинъ, Ришельевская ул. д. № 42.

Севастополь. Н. Н. Савостинъ, кіоскъ противъ памятника Нахимова.

И въ агенствахъ во всѣхъ городахъ Россіи.

Во избѣжаніе задержекъ на почтѣ и въ доставкѣ газеты „**Новая Русь**" необходимо писать полностью.

Издатель *Г. М. Михинъ.*

1-3 Редакторъ *И. К. Заіончковскій.*

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ выходитъ при сотрудничествѣ лицъ, работавшихъ въ редакціи «Ремесленной Газеты», издававшейся въ теченіе 20 лѣтъ покойнымъ К. А. Казначеевымъ и прекратившей существованіе послѣ его смерти. Сравнительно съ журналомъ Казначеева „Практическое ремесленное обозрѣніе“ издается по значительно расширенной программѣ и въ большемъ объемѣ.

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ ставитъ себѣ задачу: 1) держать подписчиковъ въ курсѣ ремеслъ и техники, постоянно сообщая всѣ новости, открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія въ формѣ, доступной пониманію всякаго; 2) знакомить съ новѣйшими пріемами работы; 3) приходить на помощь совѣтами и разъясненіями; 4) знакомить въ рисункахъ, эскизахъ и чертежахъ съ выдающимися по красотѣ, изяществу и практичности образцами издѣлій, достойными подражанія.

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ предназначается для практическаго пользованія ремесленниковъ кустарей, техниковъ практиковъ, ремесленныхъ мастерскихъ, некрупныхъ производствъ, для ремесленныхъ и техническихъ училищъ, а также, *ввиду крайней общедоступности изложенія для любителей ремесла и для семьи*

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ среди 52 нумеровъ даетъ 12 нумеровъ, т.-е. по 1 разу въ мѣсяцъ, подъ названіемъ

„Ремесленникъ-Любитель и Диллетантъ“,

по содержанію предназначенныхъ исключительно для любителей художественнаго ремесла и для лицъ, ищущихъ въ ручномъ трудѣ отдыха и развлеченія

Ремесленная газета „Что новаго?“ кромѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ выпусковъ *Практическое ремесленное обозрѣніе* даетъ въ видѣ безплатной преміи богатый *Альбомъ рисунковъ* образцовъ желѣзныхъ рѣшетокъ, оградъ, воротъ, зонтовъ, вывѣсокъ, лѣстницъ, баллюстрадъ и т. п. издѣлій во всѣхъ стиляхъ; *Руко-*

публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонних лицъ.

II Въ отдѣлъ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, библіографическіе отзывы и замѣтки

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Піонтковскій.*

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета. 1-3

ки, славянскія извѣстія, Rossica, рецензіи, новости по библіографіи и библіотечному дѣлу, справки по вопросамъ, касающимся книгъ, и, кромѣ того, ежемѣсячные систематическіе каталоги всѣхъ выходящихся новыхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ, списки книгъ, находящихся въ печати, арестованныхъ, запрещенныхъ изданій, спеціальные каталоги по разнымъ отраслямъ наукъ, указатели главнѣйшихъ журнальныхъ статей и т. п.

Оба отдѣла: «Вѣстникъ Литературы» и «Извѣстія по Литературѣ, Наукамъ и Библіографіи» —взаимно дополняютъ другъ друга, составляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы одно цѣлое, въ которомъ историко литературная и критическая часть сосредоточена преимущественно въ первомъ изъ нихъ, библіографическія и справочная— во второмъ.

Журналъ иллюстрируется снимками съ замѣчательныхъ произведеній печати, сценами изъ сочиненій выдающихся авторовъ (русскихъ и иностранныхъ), портретами, библіотечными знаками, рѣдкими автографами и пр., и пр.

1 р. Годовая подп. цѣна «Извѣстія по Литературѣ» и «Вѣстника Литературы», съ дост. **1 р.** и перес. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка).

Подписка принимается въ редакціи, въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д., а также въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гостиный Дворъ, 18, и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курындиной (противъ университета). 1-6

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ VI.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (бывш. Исаева).
1908.

Содержаніе VI в. „Филологическихъ Записокъ“.

Памяти В. М. Гаршина.

(Къ двадцатилѣтію его смерти).

Это было больное, израненное, молодое, отзывчивое сердце.

На него рано налегли тяжелыя оковы, давившія цѣлыя поколѣнія, и онъ явился искупительною жертвою за всѣ духовныя невзгоды, за всѣ слезы, за несбывшіяся надежды, рано и безжалостно помятыя суровымъ дыханіемъ жизни.— Гаршинъ, изнемогавшій въ тяжелой глухой борьбѣ, полной чисто ибсеновскаго трагизма, порвалъ свѣтлую нить, связывавшую его молодое творчество съ мотивами психологіи и поэзіи Достоевскаго. Эта молодая душа, привыкшая отзываться на наиболѣе чуткіе грустные запросы совѣсти, пробуждавшаяся для добра, свѣта, нѣжнаго чувства, усиленно реагировала на всякое, самое незамѣтное душевное движеніе. Въ Гаршинѣ насъ поражаетъ какая то женственность творчества, присутствіе особыхъ психологическихъ чертъ и свойствъ, придающихъ его очеркамъ и разсказамъ мягкость, тревожную отзывчивость, налетъ томящагося, грустнаго чувства. Изображаетъ ли онъ душевную тревогу хорошей дѣвушки, поставленной обстоятельствами между личнымъ неразгаданнымъ ею чувствомъ и общественными стремленіями (разсказъ „Трусъ“), спустится ли въ глубину души безумца или самоубійцы—вездѣ у него тихая грусть, глубокая жалость къ человѣку. Такъ жалѣть человѣка можетъ лишь женщина, молодая дѣвушка, юноша на порогѣ сознательной жизни. Такъ скорбитъ объ ужасахъ войны Берта Сутнеръ, избравшая своимъ лозунгомъ „долой оружіе!“ Не то мы видимъ у мощнаго таланта. Не говоря уже о Достоевскомъ, который черезъ всѣ преступленія и низости человѣческой

души приходитъ къ очищенію совѣсти, къ оправданію добра въ преступникѣ, Салтыковъ, Левъ Толстой, даже Короленко ведутъ насъ иными широкими путями. Сознательный противникъ войны, Левъ Толстой умѣетъ взглянуть на этотъ своеобразный процессъ соперничества культурныхъ народовъ, какъ на проявленіе могучей роевой силы. Вспомните его чудныя батальныя картины, поля Аустерлица, Бородина, изображеніе залитаго кровью, превращеннаго въ развалины Севастополя, и вамъ станетъ ясно, какими глазами нужно смотрѣть на войну. „Въ дурномъ обществѣ“ Короленко показываетъ намъ цѣнный міръ людей, не потерявшихъ своей совѣсти въ темныхъ подвалахъ и подземельяхъ захолустнаго городка „Сонъ Макара“, наиболѣе близкое къ Гаршину произведеніе Короленко, возвышается до аккордовъ могучей поэзіи, до яркихъ огней чистаго лиризма, обусловливаемыхъ широкими перспективами, которыхъ мы, конечно, не встрѣтимъ у автора „Краснаго цвѣтка“.

Гаршину приходилось прокладывать новую черту въ сложномъ и своеобразномъ русскомъ художественномъ творчествѣ. На произведеніяхъ этого писателя отразились и наслоенія пережитаго имъ времени и вліяніе крупныхъ талантовъ. Въ тихихъ и скорбныхъ перепѣвахъ лиры этой молодой симпатичной души сказалось ярко и опредѣленно то, что волновало въ годы общественнаго перелома молодое поколѣніе. И Гаршинъ, подобно Надсону, явился пѣвцомъ этихъ порывовъ, выразителемъ смутныхъ, но симпатичныхъ по своему существу чаяній. Онъ самъ переживалъ годы хорошихъ молодыхъ увлеченій, когда такъ легко кажется перестроить міръ, достигнуть торжества свѣтлыхъ нравственныхъ идеаловъ. Съ этой точки зрѣнія и нужно разсматривать его творчество, производить оцѣнку его міросозерцанія.

Когда говоришь о Гаршинѣ, невольно думаешь о Надсонѣ. Это два типичныхъ пессимиста восьмидесятыхъ годовъ,

два скорбника, вмѣстившіе въ своемъ сердцѣ все, чѣмъ болѣло современное имъ молодое поколѣніе. Сами они отдали дань этой идейной молодости, сами они пронесли черезъ свое сердце молодыя, несбывшіяся надежды, чистыя, свѣтлыя мечты.

Но мечты останутся мечтами; ихъ сладость, конечно, не можетъ замѣнить для послѣдующихъ поколѣній того, что составляетъ устои жизни. Самъ Гаршинъ прекрасно чувствовалъ это. Онъ бросаетъ высшее учебное заведеніе, жертвуетъ своей карьерой, вливается въ сѣрую массу солдатъ для того, чтобы найти тамъ оправданіе добра. Какъ всякой молодой отзывчивой душѣ, Гаршину было душно въ буржуазной сферѣ, среди интеллигенціи, оторванной отъ народа, живущей изо дня въ день. Типичны въ этомъ отношеніи его разсказы „Встрѣча“ и „Художники“, его записки рядового Иванова, его чудно благоуханные „Четыре дня“. Сродниться съ народомъ такъ, какъ сроднился съ нимъ Некрасовъ, этотъ могучій пѣвецъ народныхъ идеаловъ во всей ихъ широтѣ и силѣ, Гаршинъ не могъ, какъ не могъ и Надсонъ. Оба были слишкомъ молоды, оба только что приступали къ изученію жизни, которая, по удачному выраженію поэта, была для нихъ

вся въ волненіяхъ и звукахъ
Словно городъ дальній утромъ
Полный жизни, полный блеска.

Красочность и художественное прекраснодушіе Надсона, какъ сказалъ бы Бѣлинскій,—женственное чувство Гаршина имѣютъ мало общаго съ такими знатоками общественной и народной жизни, какъ Салтыковъ, Глѣбъ Успенскій, Некрасовъ. Оба они прекрасно сознавали это; Надсонъ болѣе, чѣмъ Гаршинъ. Въ отношеніи развитія творчества пѣвецъ „Христіанки“ былъ счастливѣе автора „Краснаго цвѣтка“. Говоря словами Брандеса, онъ былъ здоровѣе Гаршина,

Испробовавъ всю гамму молодыхъ впечатлѣній, золотыхъ грезъ сознательной юности, проявивъ при этомъ завидное мастерство формы, Надсонъ рѣшился покинуть эти тропинки творчества, рѣшился выйти на болѣе широкую дорогу изображенія жизни. Смерть остановила въ самомъ началѣ эту симпатичную работу. Не даромъ его наиболѣе близкое по тону къ некрасовской поэзіи стихотвореніе „Святитель“ носитъ на себѣ слѣды вдумчивой работы. Многое роднило Надсона съ Некрасовымъ; довольно вспомнить одинаковые сюжеты въ поэзіи того и другого—изображеніе матери, скорбные тоны лирики личнаго чувства, страстное вѣрованіе въ обновляющее значеніе поэзіи. Это несомнѣнно солидные задатки творчества, которые въ дальнѣйшемъ развитіи могли бы принести хорошіе плоды, принимая во вниманіе даровитость и отзывчивость натуры Надсона, который далъ законченный историческій типъ въ своей „Христіанкѣ“, этой изящной и законченной поэмѣ.

У Гаршина нѣтъ типовъ, и въ этомъ, можетъ быть, кроется трагизмъ его жизни и творчества. Если мы вспомнимъ, какъ дороги бываютъ писателямъ эти выношенные ими образы, съ какой чуткостью творца слѣдятъ за жизнью и духовнымъ ростомъ своихъ созданій, то намъ станетъ яснымъ этотъ трагизмъ. Вырваться на широкую свѣтлую дорогу творчества, подобно Достоевскому, можетъ не всякій пессимистъ-писатель. По складу своей натуры, слишкомъ впечатлительной, болѣзненно чуткой, съ преобладаніемъ сердечности надъ идеализмомъ, Гаршинъ не могъ быть объективнымъ изобразителемъ жизненныхъ явленій, какъ Короленко, не могъ быть уровновѣшеннымъ художникомъ. Личная настроенность наталкивала его на изображеніе типовъ случайныхъ, такъ сказать, мимолетныхъ. Всѣ его герои психически больные люди, какъ и самъ ихъ авторъ. Въ этомъ сіяніи личности автора съ натурою героя, мѣшавшемъ Гар-

шину возвыситься до созданія вполнѣ законченнаго, художественнаго типа, и заключается прелесть этихъ простыхъ и трогательныхъ разсказовъ. Создавая эскизы психически больныхъ, неуравновѣшенныхъ людей, Гаршинъ не могъ создать типа русской женщины, хотя послѣдняя и интересовала его. Въ его разсказѣ „Надежда Николаевна", наиболѣе серіознымъ по сюжету, мы напрасно стали бы искать той типичности образа, которой отличаются Короленко и Чеховъ. Точно также блѣдно и эскизно набросанъ образъ другой женщины въ разсказѣ „Трусъ".

Перечитывая разсказы Гаршина (всего около двадцати), мы невольно поражаемся пестротою ихъ сюжетовъ. Трудно сказать, какая область жизни привлекала молодого беллетриста. Тутъ и сцены военной жизни, и изображеніе больной интеллигенціи, и отдѣльные красивые разсказы, въ родѣ Attalea princeps, и легенда о гордомъ Аггеѣ, и красивая картинка съ натуры „Медвѣди".

Не сосредоточившись на опредѣленныхъ явленіяхъ жизни, не отмежевавъ себѣ художественной полосы, Гаршинъ естественно не могъ возвыситься до художественнаго синтеза. Зато у него чудно передается настроеніе; уже въ первомъ разсказѣ, сразу опредѣлившемъ его дарованіе, въ высшей степени ярко отмѣчаются всѣ перипетіи чувства, чудно переплетаются любовь къ жизни, фатализмъ смерти, послѣдніе учеты разума и совѣсти, производимые умирающимъ человѣкомъ. И эта сторона творчества Гаршина, налагавшая свой отпечатокъ на всѣ его разсказы, спасла его имя отъ забвенія, заставила не только его современниковъ, но и послѣдующія поколѣнія простить даровитому пессимисту недочетъ его творчества. Она же сдѣлала Гаршина любимцемъ всѣхъ угнетенныхъ жизненной борьбой, страдающихъ отъ внутренняго, душевнаго разлада. Послѣ Тургенева едва ли можно указать другого писателя, у кого бы

эти мягкіе тоны, эти нѣжныя струны творчества звучали бы съ такой опредѣленностью, какъ у Гаршина. Всѣ его разсказы напоминаютъ стихотворенія въ прозѣ, и нѣкоторые изъ нихъ особенно Attalea princeps въ отношеніи формы достигаютъ высокаго совершенства.

А между тѣмъ герои Гаршина, за немногими исключеніями, несимпатичны; это заурядные люди, не одухотворенные свѣтлыми лучами, которыми Достоевскій разгоняетъ окружающую тьму жизни. Многіе изъ нихъ могутъ сказать о себѣ словами героя разсказа „Ночь“: „Я всю жизнь долженъ самому себѣ. Теперь насталъ срокъ разсчета. И я банкротъ, злостный, завѣдомый“.

Въ заключеніе разсказа „Надежда Николаевна“ кровавая развязка смывается трогательными словами раскаянія и всепрощенія.

„Страшныя подробности послѣдняго дня вѣчно стоятъ передъ моимъ духовнымъ взоромъ, и какой-то голосъ, не переставая, нашептываетъ мнѣ на ухо о томъ, что я убилъ человѣка...

„Меня не судили.

„Дѣло прекращено: было признано, что я убилъ защищаясь.

„Но для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь.

„Мнѣ не долго уже нести ее. Скоро Господь проститъ меня, и мы встрѣтимся всѣ трое тамъ, гдѣ наши страсти и страданія покажутся намъ ничтожными и потонутъ въ свѣтѣ вѣчной любви“.

Стремленіе къ этой вѣчной любви проникало все существо благороднаго юноши пессимиста. Онъ горячо любилъ своего падшаго брата; если ему и не удавалось сдѣлать того для оздоровленія личности и общества, что сдѣлали До-

стоевскій и Салтыковъ, то во всякомъ случаѣ Гаршинъ является эоловой арфой восьмидесятыхъ годовъ, къ звону которой прислушивались и люди позднѣйшихъ поколѣній. И теперь Гаршинъ дорогъ намъ, какъ былъ дорогъ своимъ современникамъ.

Больное, измученное сердце искало отрады, переносясь въ міръ дѣтства, этимъ объясняются дѣтскіе разсказы Гаршина. Обращаетъ вниманіе его прекрасная, чисто андерсеновская сказка о жабѣ и розѣ. Тутъ мы видимъ двойную красоту смерти—смерть милаго ребенка и увяданіе пышнаго красиваго цвѣтка. Вся сказка обвѣяна чудной поэзіей природы и чувства въ томъ ихъ сочетаніи, которое было доступно только Гаршину.

Въ его военныхъ разсказахъ есть прекрасная страница, изображающая смотръ въ Плоешти. Этотъ шедевръ Гаршинскаго описанія, можно сказать, единственный у нашего писателя по законченности и цѣльности. Нельзя лучше выразить стихійное чувство, овладѣвшее этими молодыми сердцами людей, шедшихъ на смерть за родину. Въ этомъ эскизѣ Гаршинъ приближается къ лучшимъ военнымъ разсказамъ Толстого, здѣсь онъ возвышается до откровеній народности, до ея незыблемыхъ идеаловъ.

Гаршину, при его пессимизмѣ, при исключительности и эскизномъ изображеніи жизни, не былъ чуждъ глубокій, здоровый реализмъ. Его можно видѣть въ народныхъ разсказахъ „Сказаніе о гордомъ Аггеѣ“ и „Сигналъ“. Послѣдній пріобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность, наравнѣ съ произведеніями подобнаго рода Л. Толстого.

Реализмъ, художественная правдивость писателя охраняли Гаршина отъ увлеченія міровой скорбью во вкусѣ Гартмана, спасли его отъ нищеалиства, дали возможность избѣжать увлеченій толстовства. Онъ унесъ съ собой въ могилу имя трезваго художника, тѣмъ болѣе почтенное, что желан-

холія, припадки безумія и самая трагическая смерть не наложили на него того непріятнаго оттѣнка, которымъ отличается Эдгаръ Поэ въ своихъ причудливыхъ разсказахъ.

Гаршинъ остался умнымъ, симпатичнымъ, любящимъ человѣка писателемъ, способнымъ отъ гамлетовскихъ мукъ своего поколѣнія спускаться въ здоровые и чистые тайники народности.

Можно пожалѣть, что обстоятельства личной жизни удалили писателя отъ этого источника, въ которомъ онъ могъ обрѣсти не только элементы для индивидуальнаго оздоровленія, но и прочные устои для развитія своего симпатичнаго таланта.

Конечно, странно было бы видѣть въ Гаршинѣ чуткую совѣсть своего времени, какъ это дѣлали и дѣлаютъ иные критики. Совѣсть, какъ выраженіе нравственнаго начала эпохи, нужно видѣть не въ Гаршинѣ, а въ Достоевскомъ, Салтыковѣ, если хотите, Глѣбѣ Успенскомъ—писателяхъ большаго таланта, большей духовной зрѣлости и широты, чѣмъ молодой, не установившійся въ своемъ творчествѣ Гаршинъ. Да и можно ли говорить о совѣсти, какъ о чемъ то сознательномъ, въ годы молодыхъ увлеченій, когда высота нравственной идеи заслоняется симпатичными, но нѣсколько смутными и расплывчатыми исканіями правды. Такимъ искателемъ и былъ Гаршинъ. Глѣбъ Успенскій прекрасно опредѣлилъ стихійное настроеніе молодого писателя. Мысль Гаршина, какъ птица, перелетала и ныряла въ туманѣ сумерекъ двухъ десятилѣтій, опредѣлившихъ идейный переломъ русской жизни. Гаршинъ является застрѣльщикомъ, смутнымъ предвѣстникомъ другихъ болѣе сильныхъ по духу и цѣльности по изображенію жизни писателей, во главѣ которыхъ стоятъ Чеховъ и Короленко.

Это гейневскій глашатай и идейный боецъ. Онъ, по завѣту Некрасова, пережилъ свое время, такъ какъ отда-

валъ свои силы, душу и сердце на борьбу за брата—человѣка. Исканіе иныхъ чистыхъ и тернистыхъ путей вело его черезъ мучительныя, печальныя полосы безотраднаго душевнаго состоянія къ высокимъ порывамъ, въ которыхъ выразились лучшія стороны этой страдальчески-благородной натуры.

Прошло два десятилѣтія со дня безвременной кончины этой отравленной жизнью любящей души, и попрежнему со страницъ его разсказовъ вѣетъ духомъ жизни, свѣжестью образовъ, теплотою простого, непосредственнаго чувства.

Адр. Круковскій.

Изъ уроковъ по теоріи словесности *).

(Систематическое изложеніе).

Б) Сочетаніе предложеній (строеніе рѣчи).

Виды строенія рѣчи.

Рѣчь по своему строенію (сочетанію предложеній) бываетъ: а) отрывистая, б) періодическая и в) разговорная. Скажемъ о каждомъ изъ этихъ видовъ строенія рѣчи.

а) Отрывистая рѣчь.

Какая рѣчь называется отрывистою? Примѣнимость ея. Лаконическая рѣчь.

Возьмемъ примѣръ отрывистой рѣчи:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы...

(Пушкинъ).

Здѣсь мы видимъ рядъ короткихъ предложеній, изъ которыхъ каждое изображаетъ одинъ изъ признаковъ картины украинской ночи. И всѣ предложенія въ своей совокупности рисуютъ эту картину.

Возьмемъ еще примѣръ:

Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;

---

*) Продолж. См. V в. 1908 г.

Движенья быстры; онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ...

Всѣми этими краткими предложеніями изображенъ величественный образъ Петра В., вышедшаго изъ шатра для руководства битвой. Каждое предложеніе выставляетъ ту или другую сторону. тотъ или другой признакъ изображаемаго предмета. И всѣ они въ своей совокупности рисуютъ данный предметъ.

Еще примѣръ:

Вы выходите на крыльцо... На темно сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный неясный шепотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... (Тургеневъ).

И здѣсь мы видимъ рядъ простыхъ предложеній, изъ которыхъ каждое изображаетъ какое-нибудь изъ тѣхъ многочисленныхъ впечатлѣній, которыя пришлось воспринять при выѣздѣ на охоту весной до зари. Тутъ и звѣзды, и вѣтерокъ, и неясный шепотъ ночи, и слабый шумъ деревьевъ, облитыхъ тѣнью, и приготовленіе къ отъѣзду, и фырканье пристяжныхъ, и проснувшіеся гуси, и храпъ сторожа. Все это соединено въ одну картину ранняго весенняго утра.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что отрывистою рѣчью называется такая, которая состоитъ изъ короткихъ предложеній, имѣющихъ между собою лишь внутреннюю связь—единство предмета.

Отрывистая рѣчь примѣнима особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится описывать предметъ, имѣющій много признаковъ или много сторонъ. Каждое предложеніе выставляетъ особый признакъ или особую сторону изображаемаго предмета. При чтеніи отрывистой рѣчи умственно соединяемъ въ одинъ образъ всѣ черты его, выраженныя короткими отдѣльными предложеніями.

Рѣчь, доведенная до высшей степени краткости, называется лаконическою, по имени лакедемонянъ, не любившихъ многословія. Примѣры: «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ»—доносилъ Цезарь Сенату о своей побѣдѣ надъ царемъ Фарнакомъ. «Со щитомъ или на щитѣ!»—сказала спартанка своему сыну, отправляя его на войну. «Приди и возьми»—отвѣтилъ Леонидъ Ксерксу. «Прага у ногъ Вашего Величества! Ура!»—доносилъ Суворовъ Императрицѣ Екатеринѣ II.

б) Періодическая рѣчь.

Понятіе о періодѣ. 1. Поясняемая и поясняющая части періода; повышеніе и пониженіе. 2. Восходящій и нисходящій періодъ. 3. Части и члены періода. Сложный періодъ. 4. Виды періодовъ: а) сравнительный, б) послѣдовательный, в) условный, г) причинный, д) заключительный, е) раздѣлительный, ж) соединительный, з) изъяснительный, и) противительный, к) уступительный. 5. Смѣшанный періодъ. 6. Употребленіе періодической рѣчи.

Періодическою рѣчью называется такая, въ которой преобладаютъ періоды. Для составленія понятія о періодѣ возьмемъ примѣръ періода:

Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крылами, вдругъ останавливается распластанный среди воздуха на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца перепела: такъ Тарасовъ сынъ Остапъ налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку. (Гоголь).

Здѣсь мы видимъ законченную, полно выраженную мысль. Для показанія быстроты, съ которой Остапъ накинулъ на хорунжаго веревку, приведено сравненіе съ движеніемъ ястреба, который, давши много круговъ, останавливается на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца перепела. Такимъ образомъ въ приведенномъ періодѣ мы различаемъ двѣ части: поясняющую и поясняемую. Первая часть—отъ начала періода до нарѣчія «такъ», а вторая—отъ этого нарѣчія до конца періода. Обѣ части тѣсно связаны между собою, такъ какъ онѣ въ своей совокупности выражаютъ одну мысль. Кромѣ того, весь періодъ выраженъ плавно, стройно, изящно.

Такимъ образомъ періодомъ называется такое сложное предложеніе, которое, выражая законченную мысль, состоитъ изъ поясняемой и поясняющей части и выражено плавно, стройно, изящно.

При чтеніи первой части приведеннаго періода голосъ замѣтно повышается, при чтеніи же второй онъ понижается. Отсюда и самыя части періода называются повышеніемъ и пониженіемъ.

2) Приведенный выше періодъ начинается второстепенною (поясняющею) мыслью и оканчивается главною (поясняемою) мыслью. Къ главной мысли мы восходимъ, приближаемся. И самый періодъ называется восходящимъ. Но встрѣчаются періоды, въ которыхъ

сначала высказывается главная мысль, а за нею слѣдуетъ уже поясняющая мысль. Напр.:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полночная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ.

Въ этомъ періодѣ главная (поясняемая) мысль помѣщена въ началѣ и за нею уже слѣдуетъ поясняющая мысль. Такой періодъ называется нисходящимъ.

3) Поясняемая и поясняющая мысли составляютъ части періода. Каждая изъ этихъ частей можетъ состоять изъ одного или нѣсколькихъ членовъ. Напр.:

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка; |
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой; |
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ: ||
Тогда смиряется души моей тревога;
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

(Лермонтовъ).

Поясняющая часть въ этомъ періодѣ состоитъ изъ трехъ членовъ, начинающихся нарѣчіемъ «когда»; поясняемая же часть состоитъ изъ четырехъ членовъ, на

чинающихся нарѣчіемъ «тогда», подразумѣваемымъ въ послѣднихъ двухъ членахъ.

Періоды, въ которыхъ поясняемая или поясняющая или же обѣ эти части состоятъ изъ двухъ или болѣе членовъ, называются **сложными** періодами.

4) Части періодовъ (повышеніе и пониженіе) находятся между собою въ различныхъ логическихъ отношеніяхъ: или одно явленіе (одна часть періода) служитъ сравненіемъ (поясненіемъ къ другому, другой части), или слѣдуетъ за другимъ, или служитъ условіемъ, причиной, основаніемъ другого, или одна мысль въ періодѣ усиливаетъ другую, или находится въ противоположности съ нею, или же ограничиваетъ ее. Отсюда являются слѣдующіе виды періодовъ: а) сравнительный, б) послѣдовательный, в) условный, г) причинный, д) заключительный, е) раздѣлительный, ж) соединительный, з) изъяснительный, и) противительный и і) уступительный.

а) Въ **сравнительномъ** періодѣ одна мысль сопоставляется съ другою, по сходству съ нею въ какомъ-либо отношеніи (сравненіе, уподобленіе, примѣръ). Приведенный выше періодъ: «Какъ плавающій въ небѣ ястребъ»... восходящій сравнительный періодъ.

Вотъ еще примѣръ нисходящаго сравнительнаго періода:

Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ плескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали: || **такъ** убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила,

и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами. («Днѣпръ»—Гоголя).

б) Послѣдовательнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ излагаются дѣйствія или явленія, связанныя между собою по времени (одно дѣйствіе или явленіе предшествуетъ другому, или одновременно съ нимъ, или же слѣдуетъ за нимъ) или по мѣсту.

Приведенный выше примѣръ: «Когда волнуется желтѣющая нива»... можетъ быть отнесенъ къ послѣдовательнымъ періодамъ.

Вотъ еще примѣръ послѣдовательнаго періода:

Когда смоленскій князь
Противу дерзости искусствомъ вооружаась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ: ||
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя собралися,
И вотъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья темный рой.

(«Ворона и Курица» Крылова»).

Еще примѣръ:

Гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ,— || тамъ сохраняютъ вѣрность престолу. (Филаретъ).

Въ послѣдовательныхъ періодахъ одни явленія часто могутъ быть разсматриваемы, какъ условіе или причина другихъ явленій. Въ такихъ случаяхъ послѣдовательные періоды могутъ быть разсматриваемы и какъ условные или причинные періоды. Такимъ образомъ приведенный выше послѣдовательный періодъ: «Когда волнуется желтѣющая нива»....—можетъ быть разсма-

триваемъ и какъ условный періодъ. Точно также последовательный періодъ: «Гдѣ священный законъ»... — можетъ быть разсматриваемъ и какъ причинный періодъ.

Но авторъ можетъ придать своему періоду исключительно условный или исключительно причинный характеръ, и тогда періодъ называется уже условнымъ или причиннымъ.

в) Въ условномъ періодѣ одна часть относится къ другой, какъ условіе къ слѣдствію. Напримѣръ:

—Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ; если хотите испытать этотъ неизъясни мо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій,— || ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. (Загоскинъ).

Еще примѣръ:

Автору надобно имѣть доброе, нѣжное сердце, || если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ нашей души;— | если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; | если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословеніе народовъ. (Карамзинъ).

г) Въ причинномъ періодѣ мысли, выраженныя въ повышеніи и пониженіи, относятся между собою какъ явленіе къ его причинѣ. Напр.: мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно грекамъ и римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: || слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда вѣстницею бытія ея. (Карамзинъ).

И простой гражданинъ долженъ читать исторію: || она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ | утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали ужаснѣйшія и государство не разрушалось; | располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества. (Карамзинъ).

д) Заключительнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ повышеніе относится къ пониженію, какъ основаніе къ слѣдствію. Напр:

Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: || слѣдовательно, всѣ могутъ наслаждаться плодами искуства и науки (Карамзинъ).

Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ подражатель въ такой же степени воспламеняется образцомъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго: || слѣдовательно подражатель, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинаковое съ нимъ воображеніе, одинаковое искуство слога, одинаковую силу въ умѣ и чувствахъ. (Жуковскій).

Еще примѣръ:

Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государство отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленія (отсюда слѣдуетъ): || какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣла есть возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія. (Карамзинъ).

е) Раздѣлительнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ изъ данной причины выводится нѣ-

сколько слѣдствій, изъ которыхъ одно какое-нибудь имѣетъ мѣсто,—или къ данному слѣдствію подводится нѣсколько причинъ, изъ которыхъ тоже одна только имѣетъ значеніе. Напр:

Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само по себѣ не сохраняетъ сильнаго жара:—или быть вѣрну одной истинѣ, быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. (Гоголь).

Или еще: Человѣкъ, у котораго, почему бы то ни было, не окажется своего личнаго труда, теряетъ настоящую дорогу; | и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: || дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, | или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуниженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. (Ушинскій).

ж) Соединительнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ соединяемыя мысли усиливаютъ одна другую. Напр.:

Іоаннъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ,— || но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи. (Карамзинъ).

Еще: Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за

ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ,—одинмъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество. (Карамзинъ).

з) Изъяснительнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ выясняется степень, сила, качество основной мысли періода. Напр.:

Сильная мысль, истинная красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и наполняютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ, || что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ вовсе иное земное счастье. (Карамзинъ).

Еще: Дурныя привычки, пріобрѣтаемыя въ ранней юности, не встрѣчающія со стороны родителейи воспитателей противодѣйствія, такъ внѣдряются въ сердце человѣка, || что ни годы несчастій, ни сознаніе ошибокъ, вызывающихъ искреннее раскаяніе, не въ силахъ истребить ихъ окончательно.

и) Противительнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ мысли повышенія и пониженія находятся въ отношеніи противоположности или ограниченія однихъ другими. Напр.:

Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, || а душа зрѣлая—справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. (Карамзинъ).

Или: Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ неодолимый,
И стая тонетъ кораблей. (Жуковскій).

Или еще:

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и
битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста. (Пушкинъ).

к) Уступительнымъ періодомъ называется такой, въ которомъ въ пониженіи высказывается мысль, ограничивающая мысль, высказанную въ повышеніи. Напр.:

Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, || однакоже ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. (Карамзинъ).

Или: Не смотря на то, что его (Карамзина) время представляло мало условій для политическаго образованія, || онъ обладалъ удивительно зрѣлымъ политическимъ умомъ, который онъ воспиталъ и укрѣпилъ своими историческими изученіями. (Катковъ).

Или еще:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, ||
Но за нее всякъ умѣетъ взяться. (Крыловъ).

5. Встрѣчаются періоды, въ которыхъ повышеніе или пониженіе, а иногда и обѣ эти части, будучи взяты отдѣльно, сами по себѣ составляютъ періодъ. Такимъ образомъ получается смѣшанный періодъ. Напр.:

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ

болѣе надѣется на долголѣтіе: || Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, || такъ что исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. (Карамзинъ).

Повышеніе этого изъяснительнаго періода представляетъ собою сравнительный періодъ. Получился, такимъ образомъ, смѣшанный періодъ, состоящій изъ сравнительнаго и изъяснительнаго періодовъ.

Еще примѣръ:

Битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; || Такъ какъ сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: || Но исторія не романъ, а міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. (Карамзинъ).

Повышеніе этого противительнаго періода представляетъ собою изъяснительный періодъ. Получился, такимъ образомъ, смѣшанный—изъяснительно--противительный періодъ.

6. Періодическая рѣчь употребляется преимущественно тогда, когда авторъ имѣетъ въ виду выставить не разнообразіе фактовъ, явленій и мыслей, а связь и зависимость ихъ. Останавливаясь на отдѣльныхъ мысляхъ, стараясь выразить каждую изъ нихъ возможно полно, округленно и плавно, авторъ пользуется преимущественно періодическою рѣчью.

Лучшіе образцы періодической рѣчи представляетъ «Исторія Государства Россійскаго»—Карамзина, а также повѣсти Гоголя (напр., начало «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ) и друг.

в) Разговорная рѣчь.

Какая рѣчь называется разговорной? Примѣнимость ея.

Въ своей устной или разговорной рѣчи мы, въ зависимости отъ предмета ея и нашего настроенія, употребляемъ и простыя короткія предложенія, и сложныя предложенія и даже періоды. Въ одномъ и томъ же нашемъ разсказѣ можно видѣть какъ, въ зависимости отъ внутреннихъ причинъ, одна изъ этихъ формъ смѣняется другою Со времени появленія повѣстей Карамзина и его «Писемъ русскаго путешественника» наша письменная рѣчь стала приближаться къ устной, разговорной рѣчи. («Пиши, какъ говоришь, а говори, какъ слѣдуетъ писать», т. е. правильно). Такимъ образомъ получился такъ называемый разговорный слогъ, состоящій частью изъ простыхъ предложеній, частью изъ сложныхъ предложеній и даже періодовъ; слогъ этотъ является среднимъ между отрывистою и періодическою рѣчью. Вотъ примѣръ разговорнаго слога:

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастью для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина.

(«Герой нашего времени»—Лермонтова).

Прозаическія сочиненія и поэтическія произведенія; отличіе тѣхъ отъ другихъ.

Прозаическія сочиненія, какъ выраженіе дѣйствительности; поэтическія произведенія, какъ созданіе поэта, на основаніи дѣйствительности. Слогъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій. Выраженіе идей, мыслей въ прозаическомъ сочиненіи и поэтическомъ произведеніи. Эстетическое наслажденіе.

Всѣ словесныя произведенія могутъ быть раздѣлены на два вида: прозаическія сочиненія и поэтическія произведенія.

Въ прозаическомъ сочиненіи авторъ, ознакомившись съ предметомъ или явленіемъ міра внѣшняго или внутренняго, излагаетъ свои знанія объ этомъ предметѣ, не допуская вымысла, не создавая ничего отъ себя. Такъ, напр., познакомившись съ какимъ-нибудь деревомъ, напр., съ дубомъ, онъ составляетъ описаніе этого дерева, стараясь дать читателю по возможности вѣрное и точное знаніе о немъ. Познакомившись съ явленіями и законами свѣта, авторъ старается точно и вѣрно описать и объяснить эти явленія и тѣмъ дать читателю точное и вѣрное знаніе этихъ явленій Излагая какое-либо историческое событіе, авторъ старается, чтобы изложеніе его согласовалось съ историческими памятниками, и не допускаетъ вымысла.

Такимъ образомъ, при составленіи прозаическаго сочиненія авторъ не «творитъ», не создаетъ ничего отъ себя. Онъ старается дать читателю только вѣрное и точное знаніе предмета.

Не то мы замѣчаемъ при созданіи поэтическихъ произведеній. Возьмемъ, напр., поэтическое произведеніе «Старосвѣтскіе помѣщики» —Гоголя. Въ немъ мы видимъ живые, опредѣленные образы Афанасія Ивано-

вича и Пульхеріи Ивановны, находимъ живое изображеніе ихъ жизни, привычекъ, интересовъ и т. п. Въ дѣйствительности не было Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановы, съ которыхъ поэтъ могъ бы срисовать портретъ Значитъ, лица повѣсти, съ ихъ жизнью, созданы поэтомъ. Но всякій, знакомый съ бытомъ, жизнью прежнихъ малороссійскихъ помѣщиковъ, находитъ, что лица, созданныя Гоголемъ, похожи своими чертами на этихъ помѣщиковъ. Бытъ, жизнь и нравы послѣднихъ нашли свое выраженіе въ Афанасіи Иванавичѣ и Пульхеріи Ивановнѣ.

Значитъ, на основаніи дѣйствительности поэтъ создалъ своихъ лицъ. Онъ ознакомился съ бытомъ и нравами прежнихъ малороссійскихъ помѣщиковъ, подмѣтилъ ихъ особенности и все подмѣченное изобразилъ въ созданныхъ имъ лицахъ. Оттого то эти лица и похожи своими чертами на дѣйствительно существовавшихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Въ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеніяхъ выводятся историческія событія и выставляются историческія лица. Такъ, напр., въ произведеніи «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» изображена смерть Олега. Но и въ этомъ произведеніи мы видимъ проявленіе творчества поэта. Поэтъ создалъ рядъ картинъ, изображающихъ это событіе. Олегъ ѣдетъ съ дружиной въ походъ и встрѣчаетъ вышедшаго изъ лѣса кудесника. Князь разговариваетъ съ нимъ и спрашиваетъ его о своей судьбѣ. Кудесникъ предрекаетъ ему смерть отъ любимаго коня. «Чело и взоръ князя омрачилися думой». Онъ слѣзаетъ съ коня, гладитъ и треплетъ его «прощальной рукой» и поручаетъ его отрокамъ. Походъ конченъ. Олегъ пируетъ съ дружиной и, во время пира, вспоминаетъ о своемъ конѣ. Онъ ѣдетъ на холмъ, гдѣ лежатъ кости

его; ступаетъ на черепъ, изъ котораго выползаетъ змѣя. Она жалитъ князя и тотъ вскрикиваетъ.

Всѣ эти картины созданы поэтомъ, при чемъ въ основаніе произведенія положенъ прозаическій разсказъ Карамзина о смерти Олега, взятый имъ изъ лѣтописи.

Въ «Полтавѣ» Пушкина изображена битва подъ Полтавой и выведены Петръ В., Карлъ XII, Кочубей и другія историческія лица. И это произведеніе является плодомъ творчества, созданія поэта. Хотя поэтъ и взялъ изъ исторіи какъ самый фактъ битвы, такъ и историческихъ лицъ, однако на этой основѣ онъ создалъ рядъ образовъ и живыхъ характеровъ, являющихся не буквальнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительно бывшаго факта и сущесвовавшихъ характеровъ, а лишь правдоподобныхъ, не противорѣчащихъ дѣйствительности. Въ изображеніи, напр., Петра В. во время Полтавской битвы и въ изображеніи казни Кочубея мы находимъ такія подробности и такія обстоятельства, о которыхъ нѣтъ свидѣтельства ни въ какомъ историческомъ источникѣ и которыя явились плодомъ творчества поэта. Постигнувъ характеръ и стремленія Петра В. и характеръ эпохи, къ которой относятся изображаемыя событія, поэтъ создалъ свои образы, и эти образы не противорѣчатъ тому, что могло быть въ дѣйствительности. Читая изображеніе Петра В. во время Полтавской бытвы:

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ»! Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.

Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза».

Мы хотя навѣрно и не знаемъ, былъ ли Петръ В. дѣйствительно такимъ во время битвы, какимъ онъ изображенъ поэтомъ, однако полагаемъ, что такимъ онъ могъ быть, ибо изображеніе не противорѣчитъ его характеру и внѣшнему виду.

Точно также читая въ изображеніи казни Кочубея, что въ толпѣ водворилось гробовое молчаніе, когда Кочубей легъ на плаху, и «все поле охнуло», когда отскочила его голова, мы полагаемъ, что изображенное могло быть, такъ какъ оно согласно съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое картина казни производитъ на людей.

Въ поэтическихъ изображеніяхъ картинъ природы проявляется тоже творчество, такъ какъ поэтъ не описываетъ тѣ или другія существующія въ природѣ картины, а создаетъ ихъ на основаніи собственныхъ воспріятій изъ дѣйствительности. Таковы, напр., изображеніе «заглохшаго сада» Гоголя, изображеніе «барской усадьбы» Тургенева и т. п.

Въ произведеніяхъ, выражающихъ чувства поэта, мы видимъ тоже проявленіе творчества въ созданіи формы для выраженія чувства. Такъ, напр., въ стихотвореніи «Туча» Пушкинъ въ созданномъ имъ образѣ одинокой тучки, плывущей по лазурному небу, изобразилъ грустное чувство, оставшееся въ душѣ послѣ перенесенной тревоги.

Такимъ образомъ, всѣ поэтическія произведенія, даже такія, содержаніемъ для которыхъ послужили дѣйствительно существующіе, или существовавшіе пред-

меты и явленія, составляютъ плодъ творчества поэта *). (Поэзія отъ ποίησις—творчество).

Поэтъ создаетъ образы, которые служатъ выраженіемъ его мыслей, идей и чувствъ. Прозаическій же писатель выражаетъ свои мысли, свои знанія о предметѣ въ отвлеченной формѣ. Сообразно съ этимъ, и слогъ поэтическихъ произведеній, при надлежащей правильности и чистотѣ, отличается изобразительностью и выразительностью; слогъ же прозаическихъ сочиненій преимущественно простой, отвлеченный.

Прозаическія сочиненія своею простою, отвлеченною формою и своимъ содержаніемъ вліяютъ преимущественно на разсудочную, познавательную силу читателя. Поэтическія же произведенія своею живою, образною формою и своимъ содержаніемъ вліяютъ преимущественно на воображеніе и чувство его.

Своимъ содержаніемъ и своею формою поэтическое произведеніе вызываетъ въ читателѣ или слушателѣ эстетическое наслажденіе. И чѣмъ выше въ художественномъ отношеніи словесное произведеніе, тѣмъ силь-

*) Хотя поэтическія произведенія представляютъ плодъ творчества поэта, однако въ нихъ могутъ встрѣчаться мѣста, въ которыхъ излагаются существующіе или существовавшіе факты, безъ всякаго поэтическаго вымысла и украшенія Такія мѣста можно встрѣтить, напр., въ историческихъ романахъ и повѣстяхъ. Эти прозаическія мѣста не мѣшаютъ произведенію, въ которомъ они находятся, быть отнесеннымъ къ поэзіи, если только они не преобладаютъ надъ поэтическимъ элементомъ произведенія, подобно тому, какъ послѣдній не мѣшаетъ быть прозаическимъ сочиненіемъ такому сочиненію, въ которомъ встрѣчаются мѣста поэтическія.

нѣе эстетическое удовольствіе, испытываемое читателемъ или слушателемъ.

Основныя формы сочиненій

Три основныя формы сочиненій: описаніе, повѣствованіе, разсужденіе съ ораторскою рѣчью. Различіе между ними. Преобладаніе въ сочиненіи той или другой формы.

Сочиненіе можетъ представлять собою или а) указаніе признаковъ предмета въ данный моментъ, или б) изложеніе измѣненій, которымъ предметъ подвергался въ извѣстный періодъ времени, или же в) изслѣдованіе о предметѣ, т. е, выясненіе цѣли существованія предмета, причинъ и условій его существованія, составленіе выводовъ изъ сопоставленія предметовъ или явленій и т. п. Отсюда различаются три основныя формы сочиненій: I—описаніе, II—повѣствованіе и III—разсужденіе. Къ разсужденіямъ относится ораторская рѣчь, въ которой ораторъ имѣетъ цѣлью не только выяснить данную мысль, но и подѣйствовать на чувство и волю слушателей.

Примѣры описаній: «Рейнскій водопадъ» Жуковскаго, «Классная комната»—Толстого, «Баобабъ»—Ковалевскаго, «Днѣпръ»—Гоголя, «Новороссійская степь»—Гоголя и др.

Примѣры повѣствованій: «Битва на Куликовомъ полѣ»—Карамзина, «Завоеваніе Сибири»—его-же; «Біографія Ломоносова»—Ламанскаго; «Тарасъ Бульба»—Гоголя и друг.

Примѣры разсужденій: «О счастливѣйшемъ времени жизни»—Карамзина, «О любви къ отечеству»—его-же, «Твердость и упрямство»—Жуковскаго, «Предисловіе къ Исторіи государства Россійскаго»—Карамзина, «От-

вѣтственность писателя»—Гоголя, «Взаимодѣйстіе явленій природы»—Рульe и друг.

Примѣры ораторской рѣчи: «Слово въ Великій Пятокъ»—Иннокентія, «Похвальное слово Петру В».—Ломоносова, «Рѣчь Юлія Цезаря противъ сообщниковъ Кателины» и друг.

Описаніе, повѣствованіе и разсужденіе не составляютъ совершенно отдѣльныхъ одно отъ другого родовъ сочиненій. Напротивъ, въ каждомъ сочиненіи можно различить и указаніе признаковъ, служащихъ къ описанію предмета, и изложеніе измѣненій, которымъ предметъ подвергался въ извѣстный періодъ времени, и разсужденіе о предметѣ.

Но сочиненіе относится или къ описанію, или къ повѣствованію, или къ разсужденію, смотря по тому, что̀ въ немъ преобладаетъ: или изложеніе признаковъ предмета, или разсказъ о жизни его и измѣненіяхъ, происшедшихъ съ нимъ, или же разсужденіе о немъ.

I. Описаніе.

Описаніе. Подборъ признаковъ. 2. Поясняющія обстоятельства въ описаніи. 3. Простыя и художественныя описанія. 4. Общія и частныя описанія. 5. Единичныя и сложныя описанія. Путевыя записки, требованія отъ нихъ. 6. Планъ описаній 7. Опредѣленіе 8. Характеристика—единичная и общая; планъ характеристики.

Описаніемъ предмета называется, какъ уже сказано, изображеніе его въ одинъ моментъ, настоящій или прошедшій.

Описать предметъ—значитъ изложить его признаки.

Описаніе имѣетъ сходство съ живописью, которая тоже изображаетъ предметъ въ одинъ моментъ.

При составленіи описанія предмета признаки его возникаютъ въ сознаніи пишущаго по ассоціаціи смежности, или вызываются настроеніемъ и чувствомъ его, или же обусловливаются цѣлью описанія.

2) Кромѣ изложенія признаковъ описываемаго предмета, въ описаніе можетъ входить—а) обозначеніе об становки, въ которой описываемый предметъ находится; б) указаніе точки зрѣнія, принятой для описанія предмета (такъ, въ статьѣ «Рейнскій водопадъ» Жуковскій указываетъ два пункта, съ которыхъ изображенъ водопадъ: 1, издали и 2, съ галлереи, построенной у водопада), и в) указаніе обстоятельствъ, въ которыхъ описываемый предметъ находится. Такъ, въ статьѣ «Кремль» Загоскина описанъ Кремль въ лунную ночь; въ описаніи «Днѣпръ» Гоголя представлена картина Днѣпра въ тихую погоду, ночью и въ бурю.

3. По способу изображенія предметовъ, описанія бываютъ: а) простыя (прозаическія) и б) художественныя.

а) Простое (прозаическое) описаніе имѣетъ своею задачей дать читателю вѣрное и точное изображеніе предмета—посредствомъ изложенія замѣчаемыхъ въ немъ признаковъ. Таковы, напр., описанія предметовъ въ географіи, естественной исторіи и вообще всѣ научныя описанія. «Лѣсъ» Аксакова, «Троицкая Лавра» Карамзина, «Севильскій соборъ» Боткина, «Пирамиды» Ковалевскаго и друг. относятся тоже къ простымъ описаніямъ.

б) Художественное описаніе отличается живостью, образностью. Оно большею частью входитъ въ составъ поэтическаго произведенія и само является плодомъ творчества поэта. Примѣромъ художественнаго описанія могутъ служить «Степь», «Днѣпръ», «Садъ»,

«Украинская ночь»—Гоголя, «Щитъ Ахиллеса» (изъ «Иліады»)—Гнѣдича и друг.

Одинъ и тотъ-же предметъ можетъ быть описанъ и простымъ (прозаическимъ), и художественнымъ образомъ. Такъ, напр., при простомъ описаніи Кавказа авторъ изложитъ высоту Кавказскихъ горъ надъ уровнемъ моря, ихъ направленіе и развѣтвленіе, минеральное богатство Кавказа и растительность на немъ и т. п. При художественномъ же описаніи Кавказа писатель изобразитъ рядъ картинъ его. Таково описаніе Пушкина («Кавказъ подо мною»....).

4) По объему изображаемыхъ предметовъ, описанія бываютъ: а) общія и б) частныя.

а) Общимъ описаніемъ называется такое, подъ которое подходятъ всѣ однородные предметы. Напр., подъ описаніе въ зоологіи волка, медвѣдя, обезьяны, подходятъ всѣ волки, медвѣди и обезьяны. «Лѣсъ» Аксакова относится тоже къ общимъ описаніямъ, такъ какъ подъ это описаніе подходятъ всѣ лиственные лѣса.

Въ общее описаніе входятъ только такіе признаки, которые присущи всѣмъ однороднымъ предметамъ, подходящимъ подъ описаніе.

б) Частнымъ описаніемъ называется такое, которое относится къ одному описываемому предмету. Напр., «Рейнскій водопадъ»—Жуковскаго, «Севильскій соборъ» — Боткина.

Въ частное описаніе, кромѣ общихъ, входятъ и частные признаки, отличающіе описываемый предметъ отъ другихъ однородныхъ предметовъ.

5) По количеству изображаемыхъ предметовъ, описанія бываютъ единичныя и сложныя.

Въ единичномъ описаніи описывается одинъ предметъ. Напр., описаніе горы, описаніе степной рѣч-

ки, описаніе водопада Иматры, описаніе Новороссійской степи.

Сложныя описанія состоятъ изъ цѣлаго ряда описаній различныхъ предметовъ. Напр., сочин. «Фрегатъ Паллада» Гончарова представляетъ собою рядъ описаній различныхъ предметовъ, видѣнныхъ писателемъ.

Къ сложнымъ описаніямъ относятся, между прочимъ, путевыя записки, очерки и путешествія. Въ нихъ авторъ описываетъ тѣ предметы, которые встрѣчались ему на пути. Здѣсь мы находимъ и картины природы, и изображеніе народнаго быта, и описаніе памятниковъ, и историческія замѣтки объ описываемыхъ предметахъ, и разсужденія о томъ или другомъ предметѣ. Примѣромъ путевыхъ записокъ и очерковъ, кромѣ названнаго выше сочиненія «Фрегатъ Паллада» —Гончарова, могутъ служить еще: «Путешествіе въ Арзерумъ» —Пушкина, «Письма русскаго путешественника»--Карамзина, «Письма объ Испаніи»—Боткина, «Путешествіе по Святымъ мѣстамъ» —Муравьева. «Воспоминаніе о Крымѣ» —Маркова, «Путешествіе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича» и друг,

Путешественникъ во время своего путешествія можетъ останавливать свое вниманіе преимущественно на одномъ какомъ-либо предметѣ или явленіи: или на народномъ образованіи, или на народныхъ обычаяхъ, или на торговлѣ и промыслахъ и т. п.,—и въ своихъ путевыхъ запискахъ излагать результаты своихъ наблюденій. Такія записки имѣютъ значеніе, какъ матеріалъ для изученія предмета или явленія, подлежавшаго спеціальному наблюденію путешественника.

Отъ путевыхъ записокъ требуется: а) вѣрное изображеніе страны и образа жизни населяющихъ ее людей

и б) изложеніе преимущественно такихъ предметовъ и явленій, которые имѣютъ общее значеніе.

6) Планъ описаній бываетъ разнообразенъ, въ зависимости отъ намѣреній автора и отъ содержанія, подлежащаго изложенію. Такъ, при описаніи предметовъ съ физической ихъ стороны авторъ иногда руководится пространственною послѣдовательностью, т. е. изображаетъ предметы, ихъ части и признаки по порядку занимаемаго ими мѣста. (Напр., «Кавказъ» — Пушкина). Иногда авторъ описываетъ предметъ въ той послѣдовательности, въ какой онъ открывается наблюдателю («Рейнскій водопадъ» — Карамзина), или въ какой онъ принимаетъ свою настоящую форму («Щитъ Ахиллеса»). Случается, что авторъ располагаетъ признаки предмета въ причинной зависимости ихъ («Нидерланды» — Тэна). При описаніи предмета, состоящаго изъ нѣсколькихъ, ясно отдѣлимыхъ одна отъ другой, частей, авторъ указываетъ части предмета и затѣмъ описываетъ отдѣльно каждую изъ нихъ. При описаніи группы однородныхъ предметовъ авторъ иногда дѣлитъ ее на подгруппы и затѣмъ описываетъ въ отдѣльности каждую изъ послѣднихъ. Путевыя записки принимаютъ форму или дневника, или форму писемъ, или же форму отдѣльныхъ статей или главъ, изъ которыхъ въ каждой излагается объ особомъ предметѣ.

7. Отъ описанія нужно отличать опредѣленіе предмета. Опредѣлить предметъ — значитъ подвести его подъ ближайшее родовое понятіе и указать, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода. «Дубъ есть дерево, имѣющее желуди и лопастные листья»; «Грамматика есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ законовъ языка» — будутъ опредѣленія предметовъ «дубъ» и «грамматика», а не описанія ихъ. При опредѣленіи

понятія не требуется изложенія подробностей и впечатлѣній, какъ это бываетъ при описаніи. Опредѣлять можно только понятія, но нельзя опредѣлять единичные предметы; послѣдніе можно только описывать. Такъ, напр., можно сдѣлать опредѣленіе, что такое столъ вообще; данный же столъ можно только описывать, т. е. перечислить замѣчаемые въ немъ признаки. Точно также можно сдѣлать опредѣленіе степи вообще; но одну данную степь можно только описать; напр., описаніе «Новороссійской степи».

8) Къ описательнымъ сочиненіямъ относятся также характеристики. Характеристикой называется изображеніе внутреннихъ качествъ и свойствъ лица. Описаніе внѣшнихъ признаковъ лица можетъ входить въ характеристику лишь настолько, насколько они служатъ къ изображенію его характера.

Характеръ человѣка проявляется въ его поступкахъ и словахъ. Сообразно съ этимъ и при изображеніи характера лица нужно выставить такіе его поступки и такія рѣчи, которые очерчивали бы ту или другую сторону его характера.

Такъ какъ дѣйствія человѣка обусловливаются не только его наклонностями, его внутреннимъ, душевнымъ настроеніемъ, но также и внѣшними обстоятельствами, то потому, при изображеніи дѣйствій человѣка, обрисовывающихъ его характеръ, указываются и внѣшнія обстоятельства, при которыхъ они проявились.

Характеристика бываетъ единичною и общею.

Единичною характеристикой называется такая, въ которой изображается характеръ одной извѣстной личности. Таковы, напр., характеристика Іоанна III-го, составленная Карамзинымъ; Святослава, составленная

имъ же; Людовика IX, составленная Грановскимъ; Крылова, составленная Плетневымъ, и друг.

Общею характеристикой называется такая, въ которой раскрываются характерныя черты или извѣстнаго класса людей, или всего общества въ извѣстную эпоху, или же цѣлаго народа. Таковы напр., характеристика рыцарства, характеристика аѳинянъ и т. п. Сюда же относятся характеристики въ художественныхъ произведеніяхъ. Напр., характеристика скупого («Плюшкинъ»)—Гоголя, характеристика празднаго мечтателя («Маниловъ»)—его-же, характеристика спесиваго (стих. «Спесь»)—Толстого.

Изложеніе характерныхъ особенностей того или другого вида животныхъ, того или другого вида птицъ и т. п. носитъ названіе тоже характеристики. Такъ, напр., характерное описаніе въ естественной исторіи лисицы, волка, зайца, называютъ «характеристикой» лисицы, волка, зайца.

Планъ характеристики обусловливается или сторонами характера, при чемъ онѣ раскрываются одна послѣ другой, или послѣдовательностью событій въ жизни характеризуемаго лица.

II. Повѣствованіе.

Повѣствованіе—фактическое и прагматическое. 2) Единичное и сложное повѣствованіе. 3) Простыя и художественныя повѣствованія. 4) Планъ повѣствованій. 5) Виды повѣствовательныхъ сочиненій: 1) лѣтопись, русская лѣтопись, характеръ ея источники ея; отрывокъ изъ лѣтописи; 2) мемуары, характеръ и значеніе ихъ; 3) исторія; составленіе ея; источники. Дѣленіе исторіи по объему и по времени. Особыя исторіи. Простое и художественное изложеніе исторіи. Требованія отъ исторіи; 4) біографія; житіе; некрологъ; автобіографія, исповѣдь.

Повѣствованіемъ, какъ сказано, называется изложеніе событій въ жизни людей (народа или отдѣльнаго

лица) или измѣненій въ предметѣ. Такъ, изложеніе о Куликовской битвѣ, о жизни и дѣятельности Петра В., разсказъ о событіяхъ въ Россіи отъ Рюрика до крещенія Руси, изложеніе развитія мореплаванія въ Россіи— будутъ повѣствовательныя сочиненія.

Въ повѣствованіи «Куликовская битва» (Хрест. Галахова, ч. 1-ая) мы видимъ, что событія, вошедшія въ него, изложены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они происходили одно за другимъ: 1) совѣщаніе: перейти ли рѣку или нѣтъ; 2) переходъ черезъ Донъ; 3) осмотръ войска и ожиданіе битвы; 4) начало битвы; 5) разгаръ битвы, нападеніе засаднаго полка и пораженіе татаръ; 6) сборъ войска послѣ битвы; 7) отысканіе князя Димитрія; 8) дѣйствія и распоряженія князя.

Кромѣ того, въ этомъ повѣствованіи мы видимъ, что событія изложены такъ, что видна причинная связь послѣдующихъ событій съ предшествовавшими: 1) переходъ войска черезъ Донъ совершенъ, благодаря благоразумному совѣту князей; 2) побѣда одержана, благодаря переходу черезъ Донъ, храбрости войска, воодушевленнаго ободреніемъ и молитвой князя, и нападенію засаднаго полка князя Владиміра. Изъ предшествовавшихъ побѣдѣ событій авторъ остановился преимущественно на тѣхъ, которыя подготовляли къ побѣдѣ.

Такимъ образомъ, событія въ повѣствованіи могутъ излагаться въ порядкѣ слѣдованія ихъ и въ причинной ихъ связи

Если въ повѣствованіи соблюдается только послѣдовательность во времени, оно называется фактическимъ. Если же въ немъ проведена, кромѣ того, причинная связь между предшествовавшими и послѣдовавшими событіями, оно называется прагматическимъ.

Въ повѣствовательномъ сочиненіи, кромѣ проведе-

нія причинной связи событій, можетъ быть указываемо также значеніе излагаемыхъ событій для жизни народа и человѣчества. Въ этомъ случаѣ повѣствовательное сочиненіе принимаетъ уже характеръ разсужденія.

2) Повѣствованіе можетъ заключать или изложеніе одного какого-нибудь событія, напр., наводненія въ Петербургѣ въ 1824 году, или изложеніе ряда событій, связанныхъ между собою послѣдовательностью во времени, или причинною связью, напр., изложеніе исторіи Петербурга отъ основанія его до настоящаго времени. Отсюда повѣствованія раздѣляются на единичныя и сложныя. Изложеніе наводненія въ 1824 году—единичное повѣствованіе, а исторія Петербурга—сложное повѣствованіе.

3) Повѣствованія, какъ и описанія, бываютъ простыя и художественныя: первыя имѣютъ цѣлью дать ясное понятіе о событіяхъ, вторыя—дать живое представленіе о нихъ.

4) Планъ повѣствованій обусловливается обыкновенно хронологическою послѣдовательностью событій. Но нерѣдко случается, особенно въ художественныхъ повѣствованіяхъ, что писатель, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, отступаетъ отъ хронологическаго изложенія событій. Такъ, иногда онъ начинаетъ съ разсказа о событіи, бывшемъ въ срединѣ ряда событій, и затѣмъ уже излагаетъ предшествовавшія и послѣдующія событія. Случается также, что онъ вставляетъ въ свой разсказъ изложеніе эпизодовъ, не связанныхъ по времени съ повѣствуемыми событіями. Во многихъ повѣствовательныхъ сочиненіяхъ событія, какъ сказано, излагаются не только во временной, но и въ причинной послѣдовательности, чѣмъ и обусловливается планъ такихъ повѣствованій.

5) Повѣствовательныя сочиненія представляютъ слѣдующіе виды: 1) лѣтопись, 2) записки или мемуары, 3) исторія и 4) біографія.

1) Лѣтописью называются записи событій по годамъ. Если встрѣчались такіе годы, подъ которыми нечего было записать, то они обыкновенно не пропускались, а выставлялись въ лѣтописи. Первоначальною формою для лѣтописи послужили пасхальныя таблицы, которыя имѣлись въ церквахъ и монастыряхъ, для опредѣленія дня празднованія Пасхи. На поляхъ этихъ таблицъ въ старину монахи записывали, подъ соотвѣтственными годами, замѣчательныя событія. Впослѣдствіи грамотные монахи стали вести по годамъ отдѣльныя замѣтки, съ цѣлью оставить память о дѣлахъ своего времени. Такъ получились лѣтописи—древнѣйшая форма историческаго повѣствованія.

Лѣтописцы смотрѣли на трудъ лѣтописанія, какъ на богоугодное дѣло. Они записывали все, что находили нужнымъ записать: «войну и миръ, управу государей, угодниковъ святыя чудеса, пророчества и знаменья небесны» (Пушкинъ). Между излагаемыми въ лѣтописи событіями не соблюдалась внутренняя связь. Лѣтописцы не входили и въ объясненіе причинъ и слѣдствій излагаемыхъ событій. Они излагали ихъ кратко, просто, «не мудрствуя», какъ выразился Пушкинъ.

Первымъ русскимъ лѣтописцемъ считается Несторъ, монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, жившій въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтія. Лѣтопись его озаглавлена такъ: «Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть».

Подлинникъ Несторовой лѣтописи къ намъ не дошелъ. Сохранился только списокъ ея отъ 1377 года.

Этотъ списокъ начинается исчисленіемъ земель, раздѣленныхъ между потомками Ноя; затѣмъ въ немъ характеризуются племена славянскія, говорится о призваніи князей и т. д. Погодная запись ведется съ 852 года. Запись же событій, современныхъ Нестору, ведется лишь съ конца XI вѣка и продолжается до 1110 года.

Источниками для Несторовой лѣтописи служили: а) греческія лѣтописи, б) народныя преданія, в) сказанія современниковъ и г.) собственныя наблюденія.

Приведемъ. для показанія формы и характера лѣтописнаго повѣствованія, отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи:

«По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Сербъ, и Хорутане.... Тако же и тіи Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсахъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи.... Тако разидеся Словѣньскій языкъ»....

«Въ лѣто 6469 (отъ сотворенія міра). Въ лѣто 6470.—Въ лѣто 6471.—Въ лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавъшю, нача вои собирати многи и храбры и легко ходя аки пардусъ (барсъ), войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ пославъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочіи вои его вси бяху»...,

«Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Казары. Слышавъше же Козары, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ и сътупишася битъ; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлувежю взя, Ясы побѣди и Касоги» .....

«Въ лѣто 6536. Знаменье зміево явися на небеси, яко видѣти всей земли».

Въ лѣто 6537. Мирно бысть по всей землѣ Рустѣй отсюду».

«Въ лѣто 6538. Ярославъ Белзы взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече ему имя Всеволодъ. Въ семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на Чюдь и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ, и пріиде къ Новугороду, и собравъ отъ старостъ и презвитеровъ дѣтей 300 и повелѣ учити книгамъ. Того же лѣта преставися архіепископъ Новгородскій Акимъ». ...

«Въ лѣто 6572. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущя акы кровавы, въсходящи съ вечера на заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 днiй..... Се же проявляше не на добро: по семъ же быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровопролитье»....

2) Записками или мемуарами называется изложеніе событій, въ которыхъ самъ авторъ принималъ участіе, былъ ихъ свидѣтелемъ, или о которыхъ слышалъ отъ очевидцевъ.

Записки отличаются отъ лѣтописей большею послѣдовательностью и связью въ изложеніи событій. Личность автора, его чувства, его взгляды, сильнѣе выступаютъ въ запискахъ, чѣмъ въ лѣтописи. Нерѣдко составитель записокъ останавливается на изложеніи толь-

ко тѣхъ событій, которыя имѣли прямое отношеніе къ его личности.

Записки, заключая въ себѣ подробности современныхъ автору событій, характеристики личностей, эпохи, представляютъ вообще интересный матеріалъ для чтенія и даютъ, подобно лѣтописямъ, фактическій матеріалъ для исторіи. Но близкое участіе, принимаемое авторомъ записокъ въ излагаемыхъ имъ событіяхъ, мѣшаетъ ему относиться къ этимъ событіямъ съ должнымъ безпристрастіемъ, что и слѣдуетъ имѣть въ виду, пользуясь ими какъ источниками для исторіи.

Къ древнѣйшимъ запискамъ у насъ относятся «Исторія князя Великаго Московскаго (Іоанна IV) о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ людей и яже видѣхомъ очима нашими» князя Курбскаго († 1583 г.) Затѣмъ слѣдуетъ назвать интересныя записки Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». По нимъ мы знакомимся съ бытовой стороной Московскаго государства. Слѣдуетъ назвать также записки Долгоруковой, Данилова, Глинки, поэта Державина, Порошина, Вигеля и др.

3) Исторіей называется послѣдовательное и связное изложеніе явленій или перемѣнъ, происшедшихъ въ данномъ предметѣ, или изложеніе жизни и дѣятельности даннаго общества или цѣлаго народа. Напр., въ исторіи даннаго учебнаго заведенія излагаются тѣ перемѣны, которыя происходили съ нимъ и въ немъ въ извѣстный періодъ времени; въ «Исторіи Государства Россійскаго» излагается, какъ образовалось Русское государство, какъ оно развивалось и жило и т. п.

Исторія народа (государства) называется политической исторіей.

Для составленія исторіи необходимо: а) собраніе

фактическихъ данныхъ, касающихся предмета исторіи, и критическая провѣрка ихъ; б) уразумѣніе связи между фактами и проведеніе этой связи въ исторіи, такъ чтобы читателю видно было, какъ послѣдующія событія вытекали изъ предшествовавшихъ, иногда отдаленныхъ; в) ясное и по возможности живое изложеніе историческихъ событій.

Для изученія минувшей жизни историки пользуются источниками письменными, устными и вещественными. Къ письменнымъ источникамъ относятся: лѣтописи, записки современниковъ, юридическіе акты и друг.; къ устнымъ относятся: преданія, народныя произведенія и т. п.; къ вещественнымъ относятся: монеты, памятники, остатки домашней утвари и т. п.

Политическая исторія по объему раздѣляется на всеобщую, или всемірную, и частную. Первая излагаетъ жизнь всѣхъ народовъ; напр., «Всеобщая исторія» Шлоссера. Вторая излагаетъ жизнь одного какого-нибудь народа; напр., исторія Россіи, Англіи. Частная исторія получаетъ названіе отъ народа, жизнь котораго она изображаетъ.

По времени исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую съ новѣйшею.

Въ жизни и дѣятельности народа различается много сторонъ; каждая изъ нихъ можетъ быть предметомъ исторіи; отсюда получаются исторіи: военная, церковная, исторія просвѣщенія, литературы, торговли, мореплаванія и т. п.

Изложеніе исторіи, какъ и всякаго другого повѣствовательнаго сочиненія, бываетъ или простое, или художественное. При простомъ изложеніи авторъ заботится о вѣрности излагаемыхъ событій, при художествен-

номъ же изложеніи онъ заботится также и о живости и образности изложенія.

Въ настоящее время отъ хорошаго историческаго сочиненія требуется какъ вѣрность излагаемыхъ событій, такъ и художественность изложенія ихъ. Примѣромъ такихъ историческихъ сочиненій могутъ служить сочиненія Костомарова, Грановскаго и друг.

(Образцы историческихъ сочиненій помѣщены въ хрестоматіяхъ Филонова, Галахова, Поливанова).

4) Біографіей (βιός—жизнь и γράφω—пишу; жизнеописаніе) называется изложеніе жизни отдѣльнаго лица. Въ біографіи слѣдуетъ показать, какія обстоятельства имѣли вліяніе на образованіе изображаемой личности и въ какихъ дѣйствіяхъ она себя проявила. Чѣмъ больше изложено подходящихъ фактовъ, касающихся изображаемой личности, тѣмъ біографія, конечно, выходитъ полнѣе.

Біографіи историческихъ лицъ входятъ, какъ составныя части, въ исторію. Такъ, напр., въ «Исторіи» Карамзина встрѣчаемъ значительное число біографій. Но біографіи могутъ составлять и самостоятельныя сочиненія; въ такомъ случаѣ онѣ обыкновенно отличаются большею подробностью.

Если въ біографіи обращается вниманіе преимущественно на характеръ изображаемаго лица, то біографія переходитъ въ характеристику.

Лучшими біографіями у насъ считаются: «Сперанскій» --Корфа; «Фонъ-Визинъ»—Вяземскаго; «Крыловъ»--Плетнева; «Ломоносовъ»—Ламанскаго; «Кольцовъ»—Бѣлинскаго; «Жуковскій»—Зейдлица; «Державинъ»—Грота, «Гоголь»—Шенрока, Авенаріуса и др.

(Примѣры біографій—въ хрестоматіяхъ Филонова, ч. IV, Галахова, ч. 1-ая, Поливанова, ч. III).

Біографія лица, признаннаго Церковью святымъ, называется житіемъ. Напр., «Житіе Θеодосія Печерскаго», написанное Несторомъ. «Житія святыхъ» въ древней Россіи были самымъ любимымъ чтеніемъ; они представляли образцы подвижнической и вообще высокой христіанской жизни и тѣмъ имѣли благотворное вліяніе на читателей.

При митрополитѣ Макаріи (въ XVI в.) житія святыхъ были собраны въ одинъ сборникъ, названный Четія—Минеями. Святый Димитрій, митрополитъ Ростовскій, составилъ (въ XVII ст.) сокращенный сборникъ Четіи—Миней, названный Малыми Четія—Минеями, въ отличіе отъ Большихъ или Макарьевскихъ Четіи—Миней.

Краткое письменное сообщеніе о жизни, дѣятельности и характерѣ лица, недавно умершаго, называется некрологомъ (νεκρός—покойникъ и λόγος—слово). Некрологи обыкновенно печатаются въ газетахъ или журналахъ.

Если авторъ описываетъ собственную жизнь, то такая біографія называется автобіографіей (αὐτος—самъ). Напр., «Записки Державина о своей жизни».

Автобіографія, въ которой авторъ говоритъ о своихъ стремленіяхъ о своемъ образѣ мыслей и своихъ недостаткахъ или достоинствахъ, называется признаніемъ или исповѣдью. Исповѣдь составляется по какому-нибудь особенному внутреннему побужденію. Такъ, Фонъ-Визинъ въ своей «Исповѣди» («Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ») говоритъ: «да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другого подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и беззаконія моя возвѣщу».

III. Разсужденіе.

1) Предметъ разсужденія. 2) Синтетическое и аналитическое расположеніе мыслей. 3) Дѣленіе понятія и требованія отъ него. 4) Доказательства и роды ихъ. 5) Простыя и сложныя разсужденія. А. Простыя разсужденія и виды ихъ. Хрія. B. Сложныя разсужденія: 1) курсы наукъ—ученые и учебные; 2) монографіи, и диссертація; 3) критика, рецензія.

Разсужденіемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ излагается изслѣдованіе о данномъ предметѣ или явленіи. Такое изслѣдованіе можетъ состоять: или а) въ раскрытіи сходства и отличія между данными предметами или явленіями. Такъ, напр., въ разсужденіи Павлова: «Различіе между изящными искусствами и науками» авторъ раскрываетъ отличіе научныхъ сочиненій отъ изящныхъ искусствъ и въ частности отъ поэтическихъ произведеній;

или б) въ составленіи общаго вывода, заключенія, изъ частныхъ явленій, фактовъ. Такъ, напр., изъ разсмотрѣнія фактовъ языка составляются общіе грамматическіе законы. Изъ разсмотрѣнія возрастовъ жизни человѣка Карамзинъ въ своемъ разсужденіи «О счастливѣйшемъ времени жизни» дѣлаетъ выводъ, что счастливѣйшею порой жизни, по сравненію, слѣдуетъ признать зрѣлый возрастъ;

или в) въ разъясненіи общей мысли общаго понятія примѣрами, частными случаями. Такъ, напр., общая мысль: «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ»—раскрывается частными примѣрами, показывающими, какъ человѣкъ терпѣніемъ и трудомъ преодолѣвалъ препятствія и достигалъ намѣченной цѣли;

или г) въ указаніи причинъ даннаго явленіи. Такъ, напр., въ разсужденіи на тему: «Причины крестовыхъ походовъ» выставляются причины, вызвавшія кресто-

вые походы. Въ разсужденіи Карамзина «О любви къ отечеству» выясняются причины любви къ отечеству и по этимъ причинамъ самая любовь раздѣляется на физическую, нравственную и политическую;

или д) въ раскрытіи значенія даннаго предмета или явленія. Такъ, напр., въ разсужденіи «Сужденіе о Петрѣ В». Полевой доказываетъ великое историческое значеніе Петра I-го.

2) Расположеніе мыслей въ разсужденіи можетъ быть или синтетическое, или аналитическое.

Синтетическимъ расположеніемъ мыслей называется такое, при которомъ авторъ начинаетъ съ общаго положенія, закона, и затѣмъ уже переходитъ къ частнымъ фактамъ, явленіямъ, примѣрамъ, подтверждающимъ общее положеніе. Такъ, въ разсужденіи «О любви къ отечеству» авторъ, исходя изъ общей мысли, что любовь къ отечеству присуща всѣмъ людямъ, дѣлитъ эту любовь, по происхожденію ея, на три вида и доказываетъ каждый видъ примѣрами, свидѣтельствами. Ученіе о глаголѣ въ грамматикѣ будетъ изложено синтетически, если авторъ сначала сдѣлаетъ общее опредѣленіе глагола, какъ разряда словъ, потомъ раздѣлитъ глаголы по залогамъ, видамъ, и разсмотритъ каждую принадлежность глагола въ отдѣльности.

Аналитическимъ расположеніемъ мыслей называется такое, при которомъ авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія частныхъ случаевъ, примѣровъ, и отъ нихъ послѣдовательно переходитъ къ общему выводу, правилу, закону. Такъ, въ первой части разсужденія «О счастливѣйшемъ времени жизни» авторъ сначала разбираетъ и опровергаетъ мнѣніе Цицерона, считавшаго старческій возрастъ самымъ лучшимъ,—мнѣніе Ж. Ж. Руссо, считавшаго младенчество лучшимъ періодомъ жиз

ни,—мнѣніе Лейбница и Попе, полагавшихъ, что все въ мірѣ прекрасно и ведетъ къ лучшему; затѣмъ уже переходитъ къ общему заключенію, что полнаго счастья для человѣка на землѣ нѣтъ и что самое понятіе о счастіи должно быть понимаемо относительно: «одно лучше другого -вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастье». Ученіе о глаголѣ будетъ изложено аналитически, если авторъ сначала остановится на примѣрахъ глагола, укажетъ, какія принадлежности въ нихъ различаются, и затѣмъ уже выведетъ общее опредѣленіе глагола, какъ разряда словъ.

Нужно замѣтить, что въ одномъ и томъ же разсужденіи могутъ быть примѣнены оба способа расположенія мыслей. Такъ, напр., въ первой части разсужденія «О счастливѣйшемъ времени жизни», какъ сказано, мысли расположены аналитически, во второй же части его мысли идутъ синтетически.

3) Для выясненія даннаго понятія авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ дѣленію этого понятія на низшія (видовыя) понятія, этихъ послѣднихъ на слѣдующія низшія понятія и т. д. Такъ понятіе о любви къ отечеству раздѣлено Карамзинымъ (въ разсужденіи «О любви къ отечеству») на физическую, нравственную и политическую любовь. Выяснивши предметъ каждой изъ нихъ, авторъ тѣмъ самымъ выяснилъ понятіе о любви къ отечеству. Пернатую дичь Аксаковъ раздѣлилъ на четыре разряда: 1) болотную, 2) водяную, 3) степную или полевую и 4) лѣсную («Дичь» въ хрест. Поливанова, ч. III-я). Въ зоологіи животныя дѣлятся на классы, классы на роды, роды на виды и т. д. Въ грамматикѣ слова раздѣляются на разряды (им. существ., прилагат., глаголъ и т. д.).

Для правильности логическаго дѣленія необходимо, чтобы—

а) было принято одно основаніе (одинъ существенный признакъ) дѣленія. Такъ, любовь къ отечеству Карамзинъ раздѣлилъ по причинѣ, отъ которой она происходитъ. Дичь раздѣлена Аксаковымъ на разряды по мѣсту жительства. Слова̀ въ грамматикѣ дѣлятся по значенію и т. д. Въ одномъ и томъ же разсужденіи одно и то-же понятіе можетъ быть раздѣлено сначала по одному основанію, затѣмъ—по другому, потомъ—по третьему и т.. д. Напр., люди могутъ быть раздѣлены сначала по племенамъ, затѣмъ—по религіи, потомъ по мѣсту обитанія и т. д.;

б) чтобы всѣ члены дѣленія въ своей сложности соотвѣтствовали раздѣляемому понятію. Такъ, напр., члены дѣленія: имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе, глаголъ и т. д. въ сложности обнимаютъ всѣ слова языка;

в) чтобы всѣ члены дѣленія были одной и той же ступени по отношенію къ дѣлимому понятію: т. е. были видовыми его понятіями. Неправильно было бы дѣленіе звуковъ на гласные, согласные, полугласные, губные, зубные, гортанные, такъ какъ губные, зубные, гортанные звуки являются видами уже согласныхъ звуковъ.

Раздѣленіе высшихъ понятій на низшія, этихъ послѣднихъ на слѣдующія низшія и т. д. до самыхъ низшихъ ступеней составляетъ классификацію понятій, имѣющую существенное значеніе въ каждой наукѣ.

4) Въ разсужденіи нерѣдко приводятся доказательства выраженной авторомъ мысли. Доказываемая мысль.

называется тезисомъ, а сужденія, обосновывающія тезисъ, называется доводами или аргументами.

Доказательства бываютъ различныхъ родовъ. Такъ, а) общее сужденіе можетъ быть доказываемо рядомъ частныхъ примѣровъ, фактовъ, свидѣтельствъ; б) частныя сужденія могутъ быть доказываемы подведеніемъ ихъ подъ доказанное уже общее сужденіе; в) вѣрность данной мысли можетъ быть доказана путемъ опроверженія мыслей, ей противоположныхъ (косвенное доказательство); г) данная мысль можетъ быть выяснена путемъ сравненія, уподобленія, аналогіи и т. п.

5) Разсужденія дѣлятся на А) простыя и Б) сложныя.

А) Въ простыхъ разсужденіяхъ доказывается одна какая-нибудь истина. Къ нимъ относятся: а) приведеніе доказательствъ вѣрности даннаго положенія. Напр., приведеніе доказательствъ, что земля вращается около своей оси; б) указаніе причинъ даннаго явленія. Напр., указаніе причинъ, по которымъ люди селятся большею частью возлѣ рѣкъ; в) указаніе слѣдствій даннаго явленія. Напр., изложеніе слѣдствій изобрѣтенія книгопечатанія; г) изъясненіе смысла изреченія философа, поэта и т. п. Напр., раскрытіе смысла изреченія Горація: «Смерть за отечество прекрасна и славна»; д) раскрытіе смысла, заключающагося въ данномъ понятіи. Напр., раскрытіе смысла понятія: «христіанская любовь».

Для составленія простого разсужденія древними греками и римлянами выработана была общая форма (планъ), представляющая части сочиненія: 1) приступъ, 2) изъясненіе, 3) доказательства или причины, 4) доказательства отъ противнаго, 5) доказательства по подобію, 6) примѣры, 7) свидѣтельства и 8) заключе-

ніе. Такая форма (планъ) разсужденія называется хріей *).

Само собою разумѣется, что форма эта не можетъ считаться обязательной для разсужденій. Многихъ изъ указанныхъ частей не бываетъ въ разсужденіяхъ. Разсужденіе можетъ состоять лишь изъ разъясняемой мысли (темы или тезиса) и мыслей, служащихъ къ раскрытію темы или къ доказательству тезиса.

Б) Въ сложныхъ разсужденіяхъ раскрывается рядъ истинъ, связанныхъ между собою единствомъ предмета. Къ нимъ относятся: 1) курсы наукъ, 2) монографіи и 3) критика.

---

*) Приведемъ примѣръ хріи на тему: «Смерть за отечество прекрасна и славна».

1) Приступъ. «Смерть за отечество прекрасна и славна», говоритъ римскій поэтъ Горацій, коего произведенія полны изреченій, продиктованныхъ ему жизненной мудростью.

2) Изъясненіе. Когда отечество въ опасности, то высшая слава и лучшее украшеніе для его сыновъ—отдать за него драгоцѣннѣйшее изъ благъ—свою жизнь.

3) Причина. Отечество есть общая наша мать. Въ немъ находится все для насъ дорогое: родители, родственники, друзья, родина, родной очагъ.

Съ другой стороны, смерть за отечество не остается безъ награды: признательность современниковъ, слава въ потомствѣ, безсмертіе въ исторіи, образецъ поколѣніямъ грядущимъ—все это самыя благородныя и высокія награды

4) Противное. Кто не внемлетъ призыву отечества, кто считаетъ свои потери, когда обстоятельства сулятъ общую гибель, кто малодушно боится за свою жизнь, кто изъ личныхъ выгодъ служитъ врагу: тотъ заслуживаетъ всеобщаго презрѣнія и навсегда покрываетъ свое имя позоромъ.

5) Подобіе. Неразумное животное защищаетъ мѣсто своего рожденія, если ему угрожаетъ опасность. Собака

1) **Курсомъ науки** называется систематическое изложеніе истинъ (правилъ, законовъ), относящихся къ области однородныхъ предметовъ и явленій. Такъ, напр., изложеніе законовъ, относящихся къ языку, составляетъ науку—грамматику; изложеніе законовъ величинъ составляетъ науку—математику.

Систематичностью изложенія, причемъ одни свѣдѣнія вытекаютъ изъ другихъ, органически связаны съ ними или строятся на нихъ, курсъ наукъ отличается отъ лексикона (математическій лексиконъ, философскій лексиконъ), въ которомъ свѣдѣнія излагаются безъ связи одного съ другимъ.

изъ-за куска хлѣба сторожитъ дворъ своего хозяина. Пчелы нападаютъ на того, кто намѣревается завладѣть ихъ медомъ.

6) Примѣръ. Кодръ. Децій Мусъ. Сусанинъ. Герои Севастополя.

7) Свидѣтельство. Рѣчь Святослава къ дружинѣ: „Не посрамимъ земли русской, но ляжемъ костьми: вѣдь мертвымъ нѣтъ срама; если же побѣжимъ, то осрамимъ себя". Державинъ говоритъ:

Слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ:
Она тамъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ".

8) Заключеніе Не забывайте, юноши, вѣками сознанную и высоко оцѣненную истину, что въ мимуты опасности умереть за отечество и славно, и прекрасно.

Курсы наукъ бываютъ двухъ родовъ: ученые и учебные.

Въ первыхъ, предназначаемыхъ для лицъ, въ нѣкоторой мѣрѣ знакомыхъ съ предметомъ науки и подготовленныхъ къ чтенію научныхъ сочиненій, предметъ излагается во всей полнотѣ и въ строго научной системѣ безъ всякаго примѣненія къ какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствамъ.

Во вторыхъ, предназначаемыхъ для лицъ, приступающихъ только къ изученію предмета, изложеніе приспособляется къ пониманію ихъ. Ради доступности изложенія, расположеніе учебнаго матеріала иногда отступаетъ отъ научной послѣдовательности; кромѣ того, самый учебный матеріалъ излагается въ такомъ лишь объемѣ, въ какомъ умѣстно сообщать его лицамъ, для которыхъ предназначается учебное сочиненіе.

2) Монографіей называется изслѣдованіе по какому-нибудь частному научному вопросу. Такъ, напр., научное изслѣдованіе о видахъ глаголовъ, объ образованіи флексій именъ, о созданіи «Иліады», составитъ монографію.

Научное сочиненіе, написанное для пріобрѣтенія ученой степени, называется диссертацeiй.

3) Критикой (χρίνω—сужу; χριτιχὸς—судящій, разбирающій, оцѣнивающій) называется разборъ или оцѣнка сочиненія или произведенія какого-нибудь искусства *).

Разобрать или оцѣнить сочиненіе или произведеніе искусства—значитъ указать его достоинства и недостат-

*) Подъ критикой въ обширномъ смыслѣ разумѣется разборъ всякаго дѣйствія человѣка. Можетъ., напр , подлежать критикѣ планъ сраженія и выполненіе этого плана.

ки, его значеніе въ ряду другихъ однородныхъ произведеній.

Само собою разумѣется, что для составленія критики сочиненія или произведенія искусства нужно вполнѣ быть знакомымъ съ предметомъ, къ которому разбираемое сочиненіе или произведеніе искусства относится. Для разбора произведеній изящныхъ искусствъ нужно, кромѣ того, обладать еще надлежащимъ вкусомъ, дающимъ возможность различать изящество произведеній.

Общія положенія или начала, на основаніи которыхъ разбирается сочиненіе или произведеніе искусства, называется критеріумомъ.

При разборѣ литературнаго произведенія можно разсматривать или форму его, т. е. языкъ, построеніе сочиненія, соотвѣтствіе частей идеѣ цѣлаго и т. под.; или содержаніе его, т. е. указывать согласіе или несогласіе его съ дѣйствительностью, правильность или неправильность сдѣланныхъ авторомъ выводовъ и т. п. Отсюда критику раздѣляютъ на эстетическую и историческую. Само собою разумѣется, что въ одной и тойже критикѣ можетъ быть разсматриваема и та и другая сторона сочиненія. Такъ, во многихъ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго разбираются сочиненія и со стороны формы, и со стороны содержанія ихъ.

Разбирая литературное произведеніе, явившееся задолго до настоящаго времени, не слѣдуетъ упускать изъ виду, въ какомъ состояніи находилась литература въ то время, въ которое разбираемое произведеніе явилось. Было бы неосновательно прилагать нынѣшнія требованія отъ произведеній словесности къ сочиненіямъ, явившимся задолго до настоящаго времени.

Изъ лучшихъ литературныхъ критиковъ слѣдуетъ назвать Бѣлинскаго, который разобралъ произведенія

Гоголя, Пушкина, Лермонтова и друг. Затѣмъ слѣдуетъ назвать Добролюбова (разборъ произведеній Островскаго и друг.), Григорьева и др.

(Примѣры критики—въ хрестоматіи Галахова: «О комедіи Недоросль»—Вяземскаго; «О комедіи Горе отъ ума»—его же; «Эдипъ—царь»—Кудрявцева; «Басни Крылова»—Гоголя; «Недоросль и Горе отъ ума»—его-же и друг.).

Краткій отзывъ о сочиненіи называется рецензіей (recensere—обозрѣвать, осматривать). Въ нее большею частью входитъ выраженіе впечатлѣнія, произведеннаго прочитаннымъ сочиненіемъ. Рецензіи помѣщаются въ библіографическомъ отдѣлѣ журналовъ.

Возраженіе на критику называется антикритикой.

Ораторская рѣчь.

Что называется ораторскою рѣчью? 2) Ораторскія сочиненія у древнихъ грековъ и римлянъ. 3) Форма ораторской рѣчи, выработанная древними. 4) «Похвальное слово Петру Великому»—Ломоносова 5) Уклоненія отъ формы, выработанной древними. 6) Значеніе убѣжденности и чувства оратора. 7) Произношеніе рѣчи. 8) Слогъ ораторской рѣчи. 9) Дѣленіе ораторскихъ сочиненій. а) Духовныя ораторскія сочиненія. б) Свѣтскія ораторскія рѣчи: общественныя, судебныя, академическія, похвальныя и спичи.

Для показанія, что называется ораторскою рѣчью, остановимся на примѣрѣ такой рѣчи. Возьмемъ «Слово въ Великій Пятокъ» арх. Иннокентія:

«Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (св. Антоній), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія, давайте плакать»,—и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго въ гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били въ перси своя (Лук. 23. 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать!»

Это слово было произнесено въ Великую Пятницу передъ плащаницей, изображавшей Спасителя во гробѣ. Слушателями были христіане, собравшіеся въ церковь для поклоненія плащаницѣ. Ораторъ имѣлъ цѣлью вызвать въ нихъ чувства, соотвѣтствующія воспоминаемому событію: «Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать!»

Такимъ образомъ ораторскою рѣчью (orare — публично говорить) называется такая, которая произносится передъ слушателями, съ цѣлью подѣйствовать не только на ихъ умъ, но и на ихъ чувство, и склонить ихъ къ извѣстному образу дѣйствій.

2. Ораторскія сочиненія достигли высокой степени своего развитія у древнихъ грековъ и римлянъ, причиной чему служило то, что у этихъ народовъ общественныя дѣла рѣшались въ народныхъ собраніяхъ, въ которыхъ и вырабатывались ораторы.

3. Древніе греки и римляне составили и форму для построенія ораторскихъ рѣчей. Форма эта представляетъ слѣдующія части ораторской рѣчи: I—приступъ,

II—предложеніе, III - раздѣленіе IV—главная часть, V—патетическая часть и IV—заключеніе.

I. Въ приступѣ ораторъ или излагаетъ поводъ, по которому онъ рѣшается говорить, или указываетъ причины, побуждающія его говорить, или же старается возбудить вниманіе слушателей указаніемъ новизны и важности предмета рѣчи.

Древніе различали три рода приступа: естественный, искусственный и внезапный. Въ приступѣ естественномъ ораторъ прямо начинаетъ съ предмета, о которомъ намѣренъ говорить; въ приступѣ искуственномъ онъ постепенно, часто косвеннымъ путемъ, подготовляетъ слушателей къ предмету своей рѣчи. Приступъ внезапный является въ томъ случаѣ, если ораторъ сильно взволнованъ обстоятельствомъ, подавшимъ поводъ къ произнесенію рѣчи, и потому начинаетъ съ самыхъ сильныхъ мыслей. Таковымъ является, напр., приступъ въ рѣчи Цицерона противъ Кателины, явившагося въ Сенатъ: «Доколѣ, наконецъ, Кателина, будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ!» ...

II. Въ предложеніи ораторъ кратко указываетъ предметъ рѣчи, тему ея.

III. Въ раздѣленіи онъ указываетъ, съ какихъ сторонъ разсмотритъ предметъ или, что тоже, въ какомъ порядкѣ изложитъ предметъ своей рѣчи. Члены дѣленія должны рѣзко разграничиваться другъ отъ друга.

IV. Въ главной части рѣчи подробно развиваются стороны или части, намѣченныя въ раздѣленіи. Въ эту часть можетъ входить: а) изложеніе обстоятельствъ дѣла (повѣствованіе); б) приведеніе доказательствъ истины, положенной въ основаніе рѣчи (доводы); в) опроверженіе мыслей, противныхъ доказываемой.

V. Въ патетической (πάϑος—чувство, страсть)

части ораторъ, послѣ изложенія предмета рѣчи, старается воспламенить чувство слушателей, для чего прибѣгаетъ къ яркимъ картинамъ и сильнымъ, дѣйствующимъ на чувство, мыслямъ.

IV. Наконецъ, въ заключеніи ораторъ или дѣлаетъ выводъ изъ изложеннаго въ рѣчи, или кратко повторяетъ сущность рѣчи, или обращается съ воззваніемъ къ лицу или съ молитвой къ Богу и святымъ Его.

4. Примѣромъ ораторской рѣчи, содержащей въ себѣ всѣ изложенныя части, можетъ служить «Похвальное слово Петру Великому»—Ломоносова. (Хрест. Галахова, Филонова, Поливанова).

Въ приступѣ этого слова авторъ указываетъ поводъ, по которому, въ день коронованія Елисаветы, намѣренъ говорить о Петрѣ В. Императрица Елисавета, принявши скипетръ, явилась наслѣдницею и продолжательницею Петровыхъ дѣлъ. «Слѣдовательно», говоритъ ораторъ, «похваляя Петра, похвалимъ Елисавету».

Въ предложеніи авторъ указываетъ предметъ или тему своей рѣчи: «представить ясными изображеніями» славу Петра и «превознести несравненныя дѣла его».

Въ раздѣленіи авторъ послѣ колебанія, съ какихъ сторонъ разсмотрѣть Петра В. и его дѣянія, заявляетъ, что сначала скажетъ о его дѣлахъ, потомъ о препятствіяхъ, которыя онъ преодолѣлъ, и, наконецъ, о его добродѣтеляхъ, способствовавшихъ въ его предпріятіяхъ.

Въ главной части ораторъ, согласно сдѣланному раздѣленію, повѣствуетъ: а) о дѣлахъ Петра, а именно: о распространеніи знаній и наукъ въ Россіи, объ устройствѣ войска и побѣдахъ надъ врагами, объ устройствѣ флота, о внутреннихъ учрежденіяхъ: увеличеніи государ-

ственныхъ доходовъ, улучшенія путей, учрежденія Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода и проч.; б) о препятствіяхъ, которыя Петру В. пришлось преодолѣть: опасности путешествій: враги—внутренніе и внѣшніе и т. п.; в) о добродѣтеляхъ Петра: благочестіи, премудрости, великодушіи, мужествѣ, справедливости, снисходительности и трудолюбіи.

Въ патетической части ораторъ подыскиваетъ въ древнемъ и новомъ мірѣ лицо, съ которымъ можно было бы сравнить Петра В., и не находитъ таковаго: «Я вижу въ древности и новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда: передъ другими велики, однако передъ Петромъ малы»... «Кому же я героя нашего уподоблю?»... «ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію найти надобно: кромѣ Петра В. не обрѣтаю».

Въ заключеніи ораторъ упоминаетъ снова объ Елисаветѣ, какъ преемницѣ дѣлъ Петра, и оканчиваетъ рѣчь моленіемъ къ Богу и обращеніемъ къ духу Петра: «Прими въ знакъ благодаренія недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!»

5. Нельзя сказать, что каждая ораторская рѣчь бываетъ построена по означенной формѣ и имѣетъ всѣ названныя части. Очень многія рѣчи уклоняются отъ этой формы и не имѣютъ всѣхъ указанныхъ частей. Такъ, напр., приведенное выше «Слово въ Великій Пятокъ» по построенію не подходитъ подъ древнюю форму и не имѣетъ нѣкоторыхъ ея частей: въ немъ нѣтъ ни раздѣленія, ни предложенія, ни патетической части. Наиболѣе существенными частями ораторской рѣчи можно считать: изложеніе, заключеніе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, патетическую часть; остальныя же части имѣ-

ютъ второстепенное значеніе, а потому нерѣдко опускаются.

6. Такъ какъ цѣль оратора своею рѣчью возбудить въ слушателяхъ извѣстное чувство и убѣдить ихъ въ предлагаемой имъ истинѣ, то потому онъ самъ долженъ быть проникнутъ чувствомъ и быть убѣжденнымъ въ томъ, въ чемъ хочетъ убѣдить другихъ. Трудно убѣдить другихъ въ томъ, въ чемъ самъ не убѣжденъ, и трудно возбудить въ другихъ чувство, которымъ самъ не проникнутъ. «Пусть рѣчь наша, говоритъ Квинтиліанъ, изливается изъ того-же чувства, какое вдохновляемъ въ слушателей. Ужели они будутъ соболѣзновать тому, о чемъ мы говоримъ хладнокровно? Ужели заставимъ плакать, если сами равнодушны?»

7. Убѣжденіе и чувство оратора естественно должны отразиться въ интонаціи голоса его. Кромѣ надлежащей интонаціи голоса, необходимо еще, чтобы рѣчь была произносима громко, отчетливо, выразительно. Выразительное произношеніе рѣчи имѣетъ существенное значеніе для достиженія цѣли ея.

8. Слогъ ораторской рѣчи долженъ быть простъ, естественъ, т. е. соотвѣтствовать предмету или содержанію рѣчи. Излишняя изысканность, напыщенность слога признается недостаткомъ его.

9. Ораторскія сочиненія дѣлятся на а) духовныя и б) свѣтскія.

а) Духовныя ораторскія сочиненія называются проповѣдями или «словами». Они произносятся отъ имени Церкви лицами духовнаго званія и имѣютъ задачей или утвердить слушателей въ истинахъ христіанскаго ученія, или наставить ихъ на путь христіанской жизни, или представить имъ примѣръ христіанской жизни въ лицѣ чтимаго Церковью святаго.

Основой духовнаго краснорѣчія служитъ священное писаніе, къ которому проповѣдники обыкновенно обращаются при составленіи своихъ поученій.

Приведенное выше «Слово въ Великій Пятокъ» относится къ духовному краснорѣчію.

Старинная наша литература богата произведеніями духовнаго краснорѣчія. Напр.: поученія Ѳеодосія Печерскаго, проповѣди Кирилла Туровскаго, Серапіона, епископа Владимірскаго и др. Изъ русскихъ духовныхъ ораторовъ новаго времени болѣе замѣчательны: Филаретъ митрополитъ Московскій, Иннокентій архіепископъ Херсонскій и друг.

б) Къ свѣтскимъ ораторскимъ рѣчамъ относятся: общественныя, судебныя, академическія, похвальныя и спичи.

Въ общественныхъ рѣчахъ разсматриваются вопросы, касающіеся общественной жизни (города, уѣзда, губерніи или всего государства). Эти рѣчи произносятся въ народныхъ собраніяхъ, въ государственныхъ учрежденіяхъ и т. п. Этотъ видъ краснорѣчія достигъ высокаго развитія у древнихъ грековъ (Демосѳенъ) и римлянъ (Цицеронъ).

Къ судебнымъ рѣчамъ относятся такія, въ которыхъ ораторъ, во имя закона, или обвиняетъ подсудимаго, или старается защитить его отъ обвиненія. Этотъ видъ краснорѣчія развивается съ введеніемъ гласнаго и состязательнаго судопроизводства.

Къ академическимъ рѣчамъ относятся такія въ которыхъ ораторъ развиваетъ передъ слушателями какую-нибудь научную истину.

Къ похвальнымъ рѣчамъ или панегирикамъ (отъ πανήγυρις—народное празднество, на которомъ ораторами обыкновенно произносились восхваленія

божествъ, героевъ) относятся такія, въ которыхъ ораторъ выставляетъ заслуги и дѣла лица, о которомъ говоритъ, съ цѣлью вызвать въ слушателяхъ уваженіе къ нему. Напр., «Похвальное слово Петру В.»—Ломоносова. Къ похвальнымъ словамъ относятся также привѣтственныя и надгробныя слова.

Спичами называются небольшія, проникнутыя чувствомъ рѣчи, произносимыя при какомъ-нибудь случаѣ, напр., при торжествѣ, встрѣчѣ важнаго общественнаго дѣятеля и т. п.

К. Ельницкій.

Продолженіе будетъ.

Теорія словесности

съ присоединеніемъ хрестоматіи *).

(Опытъ аналитико-историческаго курса).

Трагедія у Римлянъ.

Обстоятельства, выпавшія на долю развитія трагедіи у Римлянъ, были далеко не такъ благопріятны какъ въ Греціи. Съ одной стороны, скудная по содержанію отечественная миѳологія Римлянъ никоимъ образомъ не могла дать трагедіи той обильной пищи, каковую доставляли ей богатыя до роскоши миѳическія преданія Греціи, съ другой, правильный ростъ трагедіи значительно задерживали и самыя природныя свойства Римскаго народа, мало расположеннаго ко всему изящному и болѣе склоннаго слѣдовать различнаго рода житейскимъ выгодамъ и соображеніямъ, жить, какъ говорится, злобою дня, прямыми и ближайшими насущными потребностями. Вполнѣ естественно поэтому, что римская трагедія не пошла далѣе беззастѣнчиваго подражанія своимъ великимъ старшимъ предшественницамъ. Правда, были у римскихъ поэтовъ попытки создать трагедіи и съ народнымъ содержаніемъ, въ которыхъ между прочимъ главное дѣйствовавшее лицо являлось, вмѣсто греческаго плаща, въ одеждѣ римскихъ государственныхъ властей претекстѣ (praetexta—окаймленная пурпуромъ тога) и которыя въ силу этого назывались «fabulae praetextae» или просто «praetextae—претекстами», но за недостаткомъ подходящаго матеріала въ собственной миѳической поэзіи этотъ видъ трагедіи не имѣлъ ровно никакого успѣха и палъ самъ собою, не

*) Продолж. См. II—III, IV—V и VI в.в 1906 г., I, II—III, IV и V—VI в.в. 1907 г., I, II, III, IV и V в.в. 1908.

вызвавъ къ себѣ надлежащаго сочувствія даже среди современниковъ. Все, что удалось сдѣлать римскимъ трагикамъ въ своей области, касалось исключительно одной внѣшности и состояло въ уничтоженіи трагическаго хора, для котораго впрочемъ не устроилось и отдѣльнаго помѣщенія въ римскомъ театрѣ, и въ отмѣнѣ трагическихъ масокъ, появляющихся на римской сценѣ уже въ позднѣйшее время—въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Хр. Главнымъ греческимъ драматургомъ, оказавшимъ наиболѣе сильное вліяніе на римскую трагедію, былъ Эврипидъ, хотя и соотвѣтствующія сочиненія Эсхила и Софокла не остались безъ подражанія. Родоначальникомъ подражательной римской трагедіи считается Ливій Андроникъ, дѣйствовавшій на литературномъ поприщѣ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр., за нимъ выступаетъ цѣлый рядъ подражателей, каковы: Гней Невій (274—204 г. до Р. Хр), Квинтъ Энній (239—169 г. до Р. Хр.), Маркъ Пакувій (220—130 г. до Р. Хр.), Л. Аттій или Акцій (170—84 г. до Р. Хр.) и знаменитый философъ Л. Анней Сенека (ум. въ 65-мъ г. по Р. Хр.). Отъ драматическихъ произведеній перечисленныхъ писателей, за исключеніемъ трагедій Сенеки, сохранились только нѣкоторыя заглавія да незначительные отрывки, могущіе дать лишь самое общее представленіе о направленія и характерѣ греко-римской трагедіи. Ливію Андронику принадлежатъ девять съ небольшимъ стиховъ «ex incertis fabulis—изъ неизвѣстныхъ драмъ» и около двадцати трехъ полныхъ стиховъ изъ девяти трагедій, носящихъ слѣдующія названія: «Achilles—Ахиллъ, Aegisthus—Эгистъ, Ajax—Аяксъ биченосецъ, Andromeda—Андромеда, Danae—Даная, Equus Trojanus—Троянскій конь, Hermiona—Герміона, Tereus—Терей» и «Ino—Ино»; ни одинъ изъ этихъ отрывковъ по своему размѣру не обнимаетъ болѣе двухъ стиховъ. Отъ Гнея Невія уцѣлѣли—семь заглавій его трагедій: «Andromacha—Андромаха, Danae—Даная, Equus Trojanus—Троянскій конь, Hector proficiscens—Отправляющійся Гекторъ, Hesiona—Гезіона, Iphigenia—Ифигенія» и «Lycurgus—Ликургъ», съ очень

небольшими выдержками, составляющими въ общей сложности до шестидесяти пяти неполныхъ стиховъ, а также двѣ претексты «Clastidium» (имя города въ Цизальпинской Галліи, при которомъ Римляне, подъ предводительствомъ Марцелла, въ 222-мъ году до Р. Хр. одержали большую побѣду надъ галльскимъ полководцемъ Вирдомаромъ) всего съ семью словами и «Alimonium Remi et Romuli aut Lupus—Воспитаніе Рема и Ромула или Волкъ»—съ четырьмя слишкомъ стихами. Какъ первые представители грекоримской трагедіи, Ливій Андроникъ и Гней Невій напоминаютъ собою двухъ начальныхъ греческихъ драматурговъ—Өесписа и Фриниха; поэтическая же дѣятельность трехъ послѣдующихъ римскихъ трагиковъ—Квинта Эннія, Марка Пакувія и Аттія или Акція нѣкоторымъ образомъ можетъ быть поставлена въ уровень съ таковою же трехъ важнѣйшихъ греческихъ писателей—Эсхила, Софокла и Эврипида. Старшій изъ первоклассныхъ римскихъ поэтовъ Квинтъ Энній, по замѣчанію Горація (Ep. 11, 3, 260), обнаружилъ въ своихъ трагедіяхъ особенную серьезность и возвышенность; ему усвояютъ около двадцати двухъ дошедшихъ до насъ по названіямъ трагедій, отъ которыхъ осталось очень много отрывковъ; лучшей изъ нихъ еще въ древности считалась «Медея», составленная по Эврипиду, не признавать значенія которой могъ, по словамъ Цицерона, развѣ только «(inimicus nomini Romano—врагъ римскому имени» De fin. 1, 2, 4). Извѣстны также по заглавіямъ двѣ ретексты Квинта Эннія съ пятью отрывочными изъ нихъ стихами: «Ambracia Амбракія», изображавшая конечно завоеваніе этого города М. Фульвіемъ Нобиліоромъ, и «Sabinae—Сабинянки», о содержаніи которой нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Съ именемъ Марка Пакувія, считавшагося у Римлянъ, подобно Софоклу у Грековъ, лучшимъ трагикомъ—«summus tragikus», соединяется до четырехъ сотъ тридцати полныхъ и неполныхъ стиховъ, относящихся частію къ неизвѣстнымъ драматическимъ произведеніямъ, частію—къ двѣнадцати трагедіямъ съ слѣдующими названіями «Антіопа», наиболѣе

знаменитое изъ всѣхъ твореній Пакувія, удостоившееся со стороны Цицерона одинаковаго отзыва съ «Медеей» Квинта Эннія, «Судъ объ оружія, Аталанта Хризъ, Дулорестъ, Эрміона, Иліона, Медъ, Ниптра, Пенѳей, Перивая, Тевкръ» и одной претекстѣ—«Павелъ», прославлявшей, вѣроятно, подвиги Л. Эмилія Павла, побѣдителя Персея. Существенное достоинство трагедій Марка Пакувія Квинтиліанъ находилъ «въ возвышенности мыслей, силѣ выраженій и важности характеровъ дѣйствовавшихъ лицъ». Какъ человѣкъ глубокообразованный, основательно изучившій греческую литературу, миѳологію и философію, славившійся даже въ вѣкъ Цицерона и Августа (отъ 81 г. до Р. Хр. по 14-й г. по Р. Хр.), по тогдашнему выраженію, своею ученостію, Маркъ Пакувій болѣе всего подражалъ Эврипиду, хотя иногда слѣдовалъ Софоклу и даже Эсхилу. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его трагедій, могущихъ дать нѣкоторое понятіе о томъ міровоззрѣніи, какое поэтъ распространялъ среди своихъ современниковъ. Въ трагедіи «Chryses—Хризъ» проводится такой взглядъ на природу:

«Смотри, что сверху и кругомъ обхватываетъ землю
И держитъ,
Что блеститъ, когда восходитъ солнце, что мракъ при закатѣ,
То, что мы небомъ называемъ, что—Эѳиръ у грековъ:
Но что ни будь, оно живетъ, творитъ, питаетъ, множитъ, зиждетъ,
Беретъ назадъ и все въ себѣ скрываетъ, всѣмъ вещамъ отецъ,
Въ немъ все беретъ начало, въ немъ же и кончается...
Земля есть мать, она рождаетъ тѣло, душу же эѳиръ даетъ».

Въ этомъ же произведеніи высказывается отрицательное отношеніе писателя къ искусству авгуровъ, ко-

торые имѣли весьма важное значеніе въ государственной жизни Римлянъ:

«Людей, которые языкъ птицъ понимаютъ,
И больше узнаютъ изъ печени чужой, чѣмъ собственной,
Мнѣ кажется, скорѣе должно слушать, чѣмъ ихъ слушаться».

Объясненіе такому явленію можно видѣть въ слѣдующемъ стихѣ изъ неизвѣстной по заглавію трагедіи: «Кто предвидѣть могъ-бы, что случится, былъ-бы равенъ Зевсу». Въ другомъ отрывкѣ, тоже изъ неуцѣлѣвшаго по имени драматическаго сочиненія, ведется разсужденіе о судьбѣ, показывающее, на сколько авторъ въ этомъ былъ близокъ къ Эврипиду:

«Судьба глупа, слѣпа, безумна, думаютъ философы
И заявляютъ, что она сидитъ на камнѣ, все катящемся,
(И что, куда случайно пущенъ онъ, туда судьба направлена)..
Безумна потому, что жестока, невѣрна, вѣтрена;
Слѣпа же потому, что безъ разбору пристаетъ къ людямъ;
Глупа, когда не можетъ въ людяхъ различать достоинства.
Но есть философы, совсѣмъ судьбы не признающіе,
Которымъ кажется, что случай лишь дѣлами управляетъ.
И это ближе къ истинѣ, и познается опытомъ.
Ну вотъ Орестъ: недавно былъ онъ царь, теперь же нищій онъ?»

Подтвержденіемъ того, что древніе не даромъ высоко цѣнили Пакувія, признавая его лучшимъ римскимъ трагикомъ, а многіе даже предпочитая его Софоклу и Эврипиду (Cicer de opt gen. orat 6), можетъ, напр. служить одно мѣсто изъ «Иліоны», которое, по мнѣнію Цицерона (Tusc. 1, 44), при печальной музыкѣ могло-

бы разжалобить весь театръ. Убитый сынъ Иліоны, явившись во снѣ своей матери, весьма трогательно проситъ у нея погребенія:

«Мать, тебя зову! Ты сномъ свои заботы облегчаешь,
И тебѣ меня не жалко! Встань же, погреби ты сына,
Покуда дикій звѣрь и птица трупъ его не растерзали!
Не допусти, чтобы запекшіеся кровью клочья тѣла
Валялись по землѣ въ разбросъ, а кости голыя лежали!»

Въ испугѣ мать вскакиваетъ съ постели и, стараясь удержать уходящую тѣнь сына, произноситъ:

«Постой, побудь, послушай, повтори еще мнѣ разъ!». *)

Третій и послѣдній крупный представитель римской трагедіи Аттій или Акцій пользовался среди своихъ соотечественниковъ не меньшею славою и уваженіемъ, чѣмъ старшій его современникъ Маркъ Пакувій. Въ рѣчи за Планка (гл. 24) Цицеронъ говоритъ о немъ: «Gravis et ingeniosus poeta—важный и даровитый поэтъ» и въ другомъ мѣстѣ (pro Sest. 56)—«summus poeta»; Овидій видитъ въ Аттіи писателя, владѣющаго воодушевленіемъ—«animosique Attius oris» (Amor, 1, 15, 19), а Веллей Патеркулъ считаетъ его даже средоточіемъ римской трагедіи (1, 17); наконецъ Квинтиліанъ пологаетъ достоинство трагедій Аттія въ томъ же, въ чемъ и достоинство трагедій Марка Пакувія, усвояя ему большую силу дарованій сравнительно съ Пакувіемъ, превосходившимъ его своею ученостью (X, 1, 97), о чемъ замѣчаетъ еще Горацій (Ep. 11, 1, 53). Аттію

---

*) Всѣ приведенные отрывки взяты изъ «Всеобщей исторіи литературы подъ редакціей В. Ө. Корша, т. 1, ч. 2», стр. 1385—1386 и изъ «Лекцій по исторіи Римской литературы В. И. Модестова», стр. 130—131.

приписываютъ до семи сотъ сорока (740) стиховъ; изъ нихъ около полусотни принадлежатъ неизвѣстнымъ трагедіямъ, сорокъ—двумъ претекстамъ: «Brutus—Брутъ», гдѣ изображалось изгнаніе Тарквинія Гордаго и водвореніе республики, и «Aeneadae» aut «Decius» Потомки Энея или «Децій», имѣвшей своимъ содержаніемъ прославленіе геройскаго подвига II. Деція Муса, посвятившаго себя на смерть за отечество въ войнѣ съ Галлами въ 295-мъ году до Р. Хр.; остальные шесть сотъ пятьдесять (650) стиховъ составляютъ уцѣлѣвшіе остатки отъ сорока пяти (45) трагедій съ опредѣленными заглавіями: «Ахиллъ, Мирмидонцы, Эгистъ, Клитемнестра, Потомки Агамемнона, Эригона, Алькеста, Алкмеонъ, Алфесивія, Амфитріонъ, Потомки Персея, Андромеда, Потомки Антенора, Деифобъ, Антигона, Судъ объ оружіи, Астіанаксъ, Атамантъ, Атрей, Вакханки, Хризитъ, Діомедъ, Эпигоны, Эрифила, Эпинавзимаха, Эризакъ, Элленъ, Прометей, Медея, Меланиппъ, Мелеагръ, Миносъ» или «Минотавръ, Неоптолемъ, Троянки, Гекуба, Ночное пробужденіе, Эномай, Пелопиды, Филоктетъ, Потомки Финея, Финикіянки, Ѳиваида, Мятежники, Телефъ, Терей». Направленіе и характеръ трагедій Акція, судя по сохранившимся отъ нихъ отрывкамъ, таковы же, что и у Марка Пакувія: стремленіе къ распространенію среди соотечественниковъ міровоззрѣнія греческихъ философовъ, тоже стараніе дѣйствовать силою слова на настроеніе зрителей и проч. Такъ, въ трагедіи «Астіанаксъ» недовольный Калхантомъ Агамемнонъ смѣло и рѣзко выражаетъ свое недовѣріе къ умѣнью жрецовъ узнавать будущее:

«Не вѣрю я авгурамъ, что словами наполняютъ
Чужія уши, чтобъ свои дома наполнить золотомъ».

Въ «Антигонѣ» приводится отрицательный взглядъ на отношеніе божества къ природѣ и человѣку:

«Боги ужъ не правятъ,
И верховный царь боговъ о людяхъ не заботится».

Два самыхъ длинныхъ отрывка дошли до насъ изъ претексты «Брутъ» и оба касаются сновидѣнія Тарквинія Гордаго. Царь разсказываетъ свой сонъ:

«Когда покою я ночному предалъ тѣло,
Чтобъ утомленные сномъ члены облегчить,
Явился мнѣ во снѣ пастухъ, который гналъ ко мнѣ
Покрытыхъ шерстію овецъ, красивыхъ чрезвычайно.
Я выбралъ между ними двухъ барашковъ однокровныхъ
И сталъ колоть я одного, что покрасивѣе,
Какъ братъ его родной поднялся на меня,
Рогами сталъ бодать и съ ногъ свалилъ ударомъ
Затѣмъ простертый на землѣ и тяжко раненый,
Я вижу, лежа навзничь, въ небѣ чудо дивное,
Великое: шаръ солнца огненный и весь въ лучахъ,
Направясь вправо, шелъ дорогой новою».
«Царь, то, что въ жизни люди видятъ, о чемъ думаютъ, заботятся,
Что наяву творятъ и дѣлаютъ, коли во снѣ пригрезится,
Не диво; но такіе сны не даромъ боги посылаютъ намъ.
Поэтому смотри, чтобъ тотъ, кто тупъ, какъ скотъ, по твоему,
Не выказалъ себя съ душою, укрѣпленной мудростью,
И съ царства не согналъ тебя. Что съ солнцемъ видѣлъ ты—случилось,
То предвѣщаетъ перемѣну въ самомъ скоромъ времени
Народу. Но да обратится это ему въ счастіе!
Что могучее свѣтило слѣва вправо путь взяло,
Это всего лучше предвѣщаетъ римское величіе». *)

*) См. у Корша стр. 1388—1389 и у Модестова стр. 134—135.

Аттіемъ или Акціемъ завершается развитіе римской трагедіи, предназначавшейся для представленія въ театрѣ; въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи она мало-по-малу сходитъ съ театральной сцены, уступая свое мѣсто другимъ, низшимъ видамъ драматическаго творчества и разнороднымъ невысокой пробы народнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ; становясь наконецъ обычнымъ сочиненіемъ для общественнаго чтенія, она и вовсе перестаетъ преслѣдовать высшія цѣли драматическаго творчества нравственно-эстетическое воспитаніе зрителей и начинаетъ руководствоваться исключительно одностороннею ближайшею задачею—вліять на слушателей риторическими средствами. Стремленіе къ болѣе или менѣе изящнымъ выраженіямъ, къ блестящимъ оборотамъ рѣчи быстро беретъ перевѣсъ надъ внутренними достоинствами трагедіи и въ концѣ концовъ превращаетъ ее въ простыя риторическія упражненія. Въ такомъ-то именно духѣ и составлены дошедшія до нашего времени девять трагедій философа Л. Аннея Сенеки: «Hercules furens—Неистовый Геркулесъ, Tyestes—Тіестъ, Phaedra—Федра, Oedipus—Эдипъ, Troades—Троянки, Medea—Медея, Agamemno—Агамемнонъ, Hercules Oeteus—Геркулесъ Этейскій» и два отрывка трагедіи «Thebanis—Ѳиваида: Oedipus—Эдипъ» и Phoenissae—Финикіянки». Представляя по своему содержанію и формѣ полнѣйшее воспроизведеніе греческихъ трагиковъ—Софокла и въ особенности Эврипида съ удержаніемъ даже хора, который всегда опускали прежніе римскіе драматурги, данныя произведенія вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить превосходными образчиками школьныхъ декламацій, т. е. тѣхъ упражненій въ краснорѣчіи, которыми занимались въ риторскихъ школахъ: вмѣсто живыхъ дѣйствующихъ лицъ, близкихъ намъ по своей духовной природѣ, мы видимъ здѣсь какія-то мертвыя тѣни изъ устъ которыхъ постоянно слышатся общія философскія разсужденія—о судьбѣ, о непостоянствѣ и скоротечности всего земного и т. п., наполненныя искусственнымъ воодушевленіемъ и изложенныя по всѣмъ правиламъ риторики. Лучшую сторону трагедій Сенеки со-

ставляютъ замѣчательно правильный поэтическій языкъ и разнообразный строго выдержанный стихъ; эта до тщательности обработанная внѣшность и была прежде всего главною причиною того явленія, что драматическія созданія поэта философа оказали значительное вліяніе на драматурговъ испанскихъ, на творенія французкихъ писателей Корнеля и Расина и даже на англійскаго поэта Шекспира, чѣмъ, главнымъ, образомъ, и опредѣляется ихъ существенное значеніе. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, весьма мѣтко опредѣляющій указанныя свойства знаменитаго римскаго драматурга философа:

Разсказъ о гибели Ипполита изъ трагедіи «Ипполитъ»—Вѣстникъ. «Какъ только изгнанникъ покинулъ городъ тревожной поступью, направляя скорый бѣгъ поспѣшными шагами,—быстро подводитъ подъ высокое ярмо звонконогихъ, и привязываетъ морды ихъ, украшенныя подтянутыми удилами. Потомъ, много бесѣдуя съ самимъ собою, страшась за родину, неоднократно взываетъ онъ къ Отцу (Юпитеру) и, опустивъ возжи, сильно потрясаетъ бичемъ Какъ вдругъ обширное море загремѣло въ глубинѣ и возросло до звѣздъ. На морѣ не дулъ ни малѣйшій вѣтеръ; нигдѣ не шумѣло спокойное небо, и собственная буря гонитъ спокойное море. Не такъ сильно Австеръ волнуетъ Сицилійскій проливъ, и не такъ свирѣпо вздымается Іонійскій заливъ, когда царствуетъ сѣверозападный вѣтръ и скалы дрожатъ вмѣстѣ съ волнами и бѣлая пѣна поражаетъ вершину Левкотскую: поднимается огромная волна на подобіе обширнаго вала, и стремится къ землѣ вздутое чудомъ море. Не такова зараза, показывающаяся на судахъ и грозящая берегамъ. Волна медленно катится впередъ: не знаю, что несетъ тяжелая волна въ своихъ отягченныхъ нѣдрахъ, какая земля обнаруживаетъ небесамъ новую главу? Не рождается ли новый Цикладскій островъ? Скрылись (отъ взоровъ) утесы, жилище эпидаврскаго бога, и скалы Скирона, извѣстныя злодѣйствомъ, и земля, заключенная двумя заливами. Пока въ оцѣпенѣніи мы стараемся разсмотрѣть это—все море вдругъ засто-

надо. Утесы со всѣхъ сторонъ кипятъ; орошается водою самая вершина и, когда вода отхлынула, съ нея стекаютъ попеременно то пѣна, то потоки воды. Подобно тому, какъ движется по волнамъ океана огромный китъ, выбрасывая изъ пасти своей воду: такъ поднялся валъ потрясенныхъ водъ; онъ распался и несетъ гибель, превосходящую спасеніе. Море устремляется на сушу и слѣдуетъ за своимъ чудовищемъ. Трепетъ потрясаетъ насъ.

Т е з е й.

Каковъ былъ видъ огромнаго тѣла?

В ѣ с т н и к ъ.

Огромный быкъ, вздымающій лазоревую шею, поднялъ высокую гриву и зеленѣющій лобъ; стоятъ мохнатыя уши; цвѣтъ глазъ непрестанно мѣняется: то онъ таковъ, какъ у вожака дикаго стада, то таковъ, какъ у рожденнаго въ волнахъ; глаза то извергаютъ пламя, то отливаютъ лазурью. Широкія ноздри свистятъ при алчныхъ вздохахъ. Тучная шея поднимаетъ вздувшіеся мускулы. Сплошнымъ мохомъ зеленѣютъ грудь и подгрудокъ; длинный бокъ окрапленъ краснѣющимся пурпуромъ. Далѣе за стѣною станъ получаетъ видъ чудовища, и огромное чешуйчатое животное влачитъ безконечный хвостъ. Таковъ въ крайнемъ морѣ пилоносъ, поглощающій или сокрушающій суда. Содрогнулась земля; оглушенный скотъ бѣжитъ въ разбродъ по полямъ, а пастырь забылъ слѣдовать за своими телятами; убѣгаетъ изъ дикой лощины всякій охотникъ, содрогается, блѣдный отъ леденящаго ужаса. Въ ужасѣ передъ солнцемъ, Ипполитъ сдерживаетъ коней тугими удилами и понукаетъ оробѣвшихъ знакомымъ голосомъ. Чрезъ разсѣвшіяся горы ведетъ къ Аргосу дорога, примыкающая къ сосѣднимъ пространствамъ ближняго моря. Здѣсь ярится то чудовище и готовитъ гнѣвъ свой. Лишь только набралось оно мужества и, напередъ испытывая себя, достаточно измѣрило силы своего гнѣва, какъ устремляется поспѣшнымъ бѣгомъ, едва касаясь въ быстрыхъ движеніяхъ поверхности земли, и, свирѣпое, останови-

лось передъ трепещущими конями. Сынъ же твой, выпрямившись грозно съ неустрашимымъ видомъ, не мѣняясь въ лицѣ, гремитъ великое слово: «Этотъ пустой страхъ несокрушаетъ моего мужества; мнѣ врождено отъ отца побѣждать быковъ». Кони, не повинуясь болѣе удиламъ, понесли колесницу и ужъ не по дорогѣ, а куда влекъ бѣшенныхъ заставляющій трепетать ужасъ. Здѣсь направляютъ они путь свой и несутся по утесамъ. Подобно тому, какъ кормчій охраняетъ судно отъ вздувшагося моря, (заботясь о томъ), чтобы судно не накренилось, и искусно обманываетъ волны: такъ сынъ твой управляетъ стремящеюся колесницей-то притягиваетъ морды коней, стянутыя тѣсными удилами, то унимаетъ ихъ, (ударяя) по спинамъ крученымъ бичемъ. Спутникъ то неотступно слѣдуетъ и ползетъ на равномъ разстояніи, то напротивъ, несется навстрѣчу, наводя своей массой ужасъ. Не стало возможности (конямъ) продолжать путь: навстрѣчу имъ забѣжалъ страшный морской рогоносецъ, ужасая своимъ взоромъ. Тогда звонконогіе, смятенные духомъ и трепещущіе, не слушаютъ (болѣе) приказаній, бьются, стараясь вырваться изъ ярма и, поднявшись на дыбы, сбрасываютъ ношу, обременяющую ихъ колесницу. Разбитый, стремглавъ падая ницъ, онъ запуталъ свое тѣло крѣпкимъ ремнемъ, и чѣмъ болѣе бьется онъ, тѣмъ сильнѣе затягиваетъ быстро образующіеся узлы. Почуяли животныя, что случилось, и никѣмъ не управляемыя, несутся, куда увлекаетъ ихъ страхъ. Такъ, почуявши незнакомаго сѣдока, негодуя на день, выбросила въ воздухъ Фаэтона, довѣрившагося обманчивому солнцу, колесница невѣрно стремящеюся осью. На далекое пространство обагряетъ сынъ твой кровью берега, и избитая голова скачетъ по утесамъ. Терновые кусты отрываютъ его волосы, и грубый камень терзаетъ прекрасное лицо. Быстрые кони увлекаютъ его члены, обреченные смерти, и погибаетъ злополучная красота отъ множества ранъ. Наконецъ стволъ, зацѣпивъ обожженнымъ сучкомъ, прямымъ сукомъ захватываетъ его подъ пахъ— и колесница постепенно останавливается вслѣдъ за

тѣмъ, какъ былъ пронзенъ ея хозяинъ... Жесткіе терны острыми ежевичными кустами и стволъ унесли часть тѣла. Блуждаютъ по полямъ толпы печальныхъ слугъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ растерзанный Ипполитъ кровавымъ слѣдомъ означаетъ длинный путь. Печальныя собаки бѣгутъ по слѣдамъ членовъ своего господина. Усердный трудъ скорбящихъ слугъ его еще не могъ вполнѣ собрать части тѣла. Это ли красота образа? Онъ, недавно славный соучастникъ отцовской власти и надежный наслѣдникъ, блеснулъ подобно небеснымъ свѣтиламъ. Тамъ и сямъ собираютъ его для послѣдняго костра и сносятъ для погребенія».

Что касается вообще до нравственнаго воздѣйствія трагедій на римское общество, въ этомъ отношеніи ихъ вліяніе было, безспорно, благотворное: составляя любимое чтеніе людей образованныхъ, грекоримская трагедія всегда знакомила ихъ съ лучшими, возвышенными сторонами духовной жизни греческаго народа, съ важнѣйшими основами греческой миѳологіи и философіи. Въ тоже время чрезъ посредство наиболѣе развитыхъ, передовыхъ членовъ римскаго населенія, греческое міровоззрѣніе римскихъ драматическихъ писателей, естественно, проникало и въ низшіе слои его, неизбѣжно оставляя и тамъ болѣе или менѣе чувствительные слѣды своего существованія. Нагляднымъ подтвержденіемъ всему этому могутъ служить сочиненія Цицерона, сильно испещренныя разнообразными выдержками изъ римскихъ трагиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшіяся глубокимъ уваженіемъ и значительнымъ распространеніемъ среди его соотечественниковъ.

М. Соколовъ.

Продолженіе будетъ.

Объ изученіи писемъ литературныхъ дѣятелей.

При изученіи писемъ, дневниковъ, воспоминаній и такъ называемыхъ «чисто-сердечныхъ признаній въ дѣлахъ и помышленіяхъ «выдающихся дѣятелей (ученыхъ, писателей, политиковъ) или же ихъ устныхъ бесѣдъ, записанныхъ близкими людьми [1]), историки обыкновенно ставятъ себѣ слѣдующія цѣли: во-первыхъ, выясненіе «внѣшней» среды, «навязанной» обстановки, въ которой авторъ жилъ и работалъ, и того, что принято называть духомъ времени и—во-вторыхъ, выясненіе личности автора и средствъ творчества его жизнечувствованія» и, наконецъ, плановъ міровоздѣйствія. Изучаемая личность въ данномъ случаѣ есть прежде всего внутреннее единство, внутренняя связь всѣхъ чувствъ и стремленій. Оставляя совершенно въ сторонѣ сложный вопросъ о взаимоотношеніи «единаго» и «всѣхъ», личности и общества, индивидуальнаго ума и коллективнаго сознанія, мы лишній разъ подчеркнемъ здѣсь всю обязательность при изученіи исторической роли той или другой личности самаго подробнаго ознакомленія со всей структурой современнаго общества, ибо, въ конечномъ счетѣ, данная личность и получила собственно

---

[1]) Напр., извѣстное собраніе разговоровъ Гете, увѣковѣченныхъ Эккерманомъ. Любопытно, что А. И. Тургеневъ въ письмѣ своемъ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 7-го мая 1827 года изъ Лейпцига говоритъ о необходимости издать разговоры Карамзина (Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ т. III, 1824—1836 гг., стр. 154).

возможность активнаго воздѣйствія на окружающее только благодаря тому, что разумно направляла свои поступки и не растрачивала силъ въ безуспѣшной борьбѣ съ исторіей»[2]). Fata volentem ducunt, nolentem trahunt.

Можно, конечно, при изученіи переписки ставить и другія, болѣе спеціальныя цѣли, напр., изслѣдованіе особенностей стиля писателя, хотя замѣтимъ здѣсь, что изученіе стиля поэта по его письмамъ не всегда возможно. Развѣ письма Кольцова къ Бѣлинскому даютъ матеріалъ для сужденія о своеобразномъ языкѣ стихотвореній этого пѣвца свободнаго крестьянскаго труда? Можетъ быть, дѣйствительно (на что указывалъ еще Ломоносовъ), въ литературномъ языкѣ есть особый «темпъ стиля», присущій только письмамъ, темпъ, который, по глубокому замѣчанію Нитче, «переноситъ насъ черезъ всѣ опасности, кроющіяся въ вещахъ и словахъ»[3]).

Есть глубокое и коренное различіе между письмами и дневниками—этими мгновенными снимками настроеній съ одной стороны, и мемуарами и автобіографіями—съ другой.

Чувства, еще неостывшія; сужденія, еще не провѣренныя жизнью; надежды, еще не обманувшія и опасенія, еще не разсѣявшіяся—проявляются въ письмахъ съ самой непосредственной силой; въ воспоминаніяхъ же все это смотритъ на автора уже изъ «прекраснаго далека». Передъ нимъ окаменѣвшее прошлое...

---

[2]) С. Булгаковъ: «О закономѣрности соціальныхъ явленій» въ «Вопр. фил. и псих. 1896, кн. V (35).

[3]) Нитче: «По ту сторону добра и зла». Переводъ Н. Полилова. Спб. 1905 г.

Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно... Такъ

характеризовалъ Пушкинъ настроеніе человѣка, живущаго прошлымъ. Князь Вяземскій говоритъ о воспоминаніи:

Мнѣ чудится, бытьемъ обратнымъ я живу,
Видѣнья прошлыхъ дней мнѣ снятся на яву,
И сердцу тяжело, но сладостнѣе вдвое
Въ затишьи памяти переживать былое
И видѣть въ зеркальной прозрачности ея
И тѣни прошлаго и самого себя [4]).

Недаромъ Милюковъ замѣчаетъ объ автобіографіи Герцена:—«Думы» слишкомъ заслоняютъ въ нихъ былое [5]).

Въ воспоминаніяхъ и оживаетъ не голый фактъ—«былое»; его сопровождаетъ всегда объясненіе— «думы», и получается такимъ образомъ «толкованіе, а не текстъ».

Извѣстнаго рода анахронизмы здѣсь неизбѣжны. Въ подтвержденіе приведемъ одинъ примѣръ, именно разсказъ Герцена о своихъ отношеніяхъ къ московскимъ славянофиламъ и въ частности—къ «Бѣлинскому славянофильства»—Константину Аксакову. Это трогательное слово примиренія, сказанное послѣ долгихъ лѣтъ разлуки съ идейными «братьями—врагами»,—не былое, но лишь грустная дума о не возвратномъ быломъ.

Еще болѣе сложнымъ въ психологическомъ отношеніи явленіемъ должны быть признаны такъ называемыя автобіографіи и «чистосердечныя признанія».

---

[4]) Кн. П. А. Вяземскій: Полн. Собр. соч. Спб. 1875 т. XII, стр. 490.

[5]) П. Н. Милюковъ: «Изъ исторіи русской интеллигенціи», Стр. 117.

«Немудрствуя лукаво», могутъ описывать свою жизнь очень и очень немногія уравновѣшенныя натуры, лишенныя мучительнаго самоанализа, въ большинствѣ случаевъ довольныя собой и міромъ. Таково извѣстное жизнеописаніе швейцарскаго педагога Θомы Платтера [6]). Два противоположныхъ начала обыкновенно господствуютъ въ разсказахъ о себѣ людей самыхъ глубокихъ и искреннихъ: самообвиненіе или самооправданіе. Вспомнимъ Исповѣди Ж. Ж. Руссо и нашего Л. Н. Толстого.

1) Изученіе переписки выдающихся дѣятелей открываетъ часто весьма важные новые факты изъ жизни автора и лицъ, съ нимъ соприкасающихся, иногда принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ, имущественнымъ и политическимъ группамъ, религіямъ и національностямъ, но объединенныхъ личностью автора, его духовными или матеріальными интересами. Переписка «фернейскаго монарха»—Вольтера даетъ много данныхъ для характеристики почти всѣхъ представителей «просвѣщеннаго абсолютизма». Такіе факты не «пѣсня славная о Микенахъ богатыхъ», но сами златообильные Микены», изъ мертвыхъ вставшіе передъ Генрихомъ Шлиманомъ. «Намъ важны—говоритъ академикъ Веселовскій въ своемъ классическомъ изслѣдованіи: «Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія— «именно эти факты, трепещущіе жизнью».

2) Въ перепискѣ находитъ критикъ и объясненіе фактовъ, уже извѣстныхъ, м тивы и намѣренія дѣйствующихъ лицъ. Въ результатѣ—получается открытіе не одного внѣшняго факта, но и его психики—animus rei. Въ этомъ отношеніи письма и дневники играютъ роль незамѣнимую.

---

[6]) Θома Платтеръ, Автобіографія, переводъ Н. Сперан. М. 1896 г.

3) Письма представляютъ самую подробную исторію творчества художника или ученаго: первоначальную идею и планъ его произведенія, всѣ послѣдовательныя измѣненія, непосредственное вліяніе друзей и критиковъ при самомъ созданіи, наконецъ хронологическія даты. Изданныя, напримѣръ, Литературнымъ фондомъ (съ большими пропусками) письма И. С. Тургенева указали на огромное вліяніе автора, между прочимъ, на нашихъ талантливыхъ поэтовъ: Фета и Полонскаго. Такую роль по отношенію къ кн. П. А. Вяземскому, какъ видно изъ его переписки, играли А. И. Тургеневъ, Жуковскій и Карамзинъ. Переписка между И. С. Тургеневымъ и семьей Аксаковыхъ («Вѣстникъ Европы», 1894, кн. I и II) даетъ очень многое для объясненія художественной работы Тургенева и для комментарія къ «Дворянскому гнѣзду» въ частности. Переписка Бѣлинскаго съ Боткинымъ, появившаяся въ извѣстномъ изслѣдованіи А. Н. Пыпина, уяснила намъ крупное историческое значеніе Василія Боткина, мало кому извѣстнаго и никѣмъ не читаемаго. Благодаря этой перепискѣ, выяснилось обстоятельство первостепенной важности: критика Бѣлинскаго въ извѣстной степени не была личнымъ творчествомъ «неистоваго Виссаріона», но явилась результатомъ коллективнаго созданія цѣлаго кружка, изъ котораго всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу» [7]).

Письма Гоголя, изданныя подъ редакціей Б. И. Шенрока, дали возможность глубже взглянуть въ душу этого загадочнаго человѣка, освѣтить хоть нѣсколько «душевныя потемки»; письма эти даже въ большей степе-

---

[7]) Сборникъ О-ва Вспомощ. нуждающимся литер. и ученымъ за XXV лѣтъ. Спб. 1884 г. стр. 500.

пени, чѣмъ произведенія Гоголя, послужили матеріаломъ для характеристики «писателя—гражданина», какъ личности [8]), для опредѣленія его художественнаго метода [9]).

Письма Кольцова къ Бѣлинскому помогутъ будущему историку разобраться въ сложномъ вопросѣ, насколько благотворно вліялъ на душу пѣвца—прасола философскій кружокъ Станкевича; можетъ быть, придется отказаться и отъ мнѣнія слишкомъ кансервативнаго Де-Пулэ, и отъ слишкомъ радикальнаго взгляда В. Майкова.

4) Изученіе писемъ тѣмъ болѣе важно, что цензурныя условія существованія литературы часто совершенно искажаютъ смыслъ ея произведеній и только въ интимной передачѣ «священныхъ думъ, глубокихъ вдохновеній» бьетъ еще нервъ настоящей, неискалѣченной жизни. Извѣстная статья Пушкина о Радищевѣ [10]) болѣе характерна для цензуры того времени, чѣмъ для политическихъ воззрѣній автора. Припомнимъ стихъ о Радищевѣ, такъ тщательно вытравленный впослѣдствіи изъ оды Пушкина: «Памятникъ» [11]).

О литературѣ несвободной приходится согласиться

---

[8]) С. А. Венгеровъ: «Писатель-гражданинъ» въ «въ Очеркахъ по исторіи р. лит». Спб. 1007 г. Стр. 161—240.

[9]) Д. Н. Овсянико-Куликовскій «Гоголь». Спб. 1907 г. гл. I—II.

[10]) Пушкинъ, Соч, изд. Лит. фонда, т. V.

[10]) Объ этомъ см. «Путешествіе» Радищева, изд. Сильванскаго и Щеголева: Жизнь Радищева» Стр. LXXI. О мукахъ подневольнаго творчества, терзавшихъ Пушкина, въ интересной статьѣ Анненкова: «Общественные идеалы Пушкина» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1880 г. кн. VI.

съ мнѣніемъ кн. П. А. Вяземскаго [12]), что «она не есть передовой застрѣльщикъ общественнаго мнѣнія». «Наша письменность даже и въ тѣхъ пріемахъ, которые наиболѣе пугаютъ нѣкоторыхъ своею мнимою наступательностью, все еще далеко отстаютъ отъ общаго изустнаго мнѣнія. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ своихъ она развѣ дозволяетъ себѣ, или позволяютъ ей, говорить кое-что и кое-какъ о томъ, что у всѣхъ и на умѣ и на языкѣ и что говорится громогласно на всѣхъ перекресткахъ обширнаго нашего отечества» Въ той же статьѣ «Обозрѣніе нашей современной литературной дѣятельности съ точки зрѣнія цензурной», написанной кн. Вяземскимъ въ 1857 году, авторъ поясняетъ: «Вопросы, вытѣсненные изъ печатной литературы, которая, не смотря на своевременныя уклоненія, невольно держится въ берегахъ, опредѣленныхъ ей цензурнымъ уставомъ, эти вопросы свободнымъ разливомъ вторгаются въ рукописную литературу (тѣмъ болѣе, конечно, въ письмо» [13]).

Эти «вѣчно-текущія» настроенія общественно-политической жизни, часто даже не встрѣчающія себѣ и робкаго отклика въ литературѣ «общей», создаютъ—по терминологіи Боткина—особую «интимную» письменность. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ знаменитой полу-автобіографической книгѣ «La Russie et les Russes» [14]) въ свою очередь указываетъ на «рукописную

---

[12]) Кн. П. А. Вяземскій. «Полное собраніе сочиненій». Спб. 1882 г. т. VII, Стр. 37. Ту же мысль встрѣчаемъ мы въ одной изъ самыхъ раннихъ статей Н. Полеваго.

[13]) Кн. Вяземскій, VII, 46

[14]) Вышелъ I й выпускъ русскаго перевода («Библіотека декабристовъ» т. II)

литературу, какъ на одинъ изъ важныхъ источниковъ, по которому можно узнать о настроеніи общественнаго мнѣнія въ странахъ, гдѣ нѣтъ свободы печати», аналогичное показаніе Вильгельма Кюхельбекера приведено въ сочиненіи Богдановича: «Исторія царствованія Александра I» [15]). Такой рукописной литературой, какъ извѣстно, часто являлись «частныя» письма, затрогивающія общественныя или политическія темы; они распространялись и у насъ въ сотняхъ экземпляровъ. Сокровенныя мысли нашихъ великихъ пизателей выражались иногда только въ «эпистоліяхъ, объятыхъ сердца жаромъ». «О варваръ—восклицаетъ Пушкинъ въ своемъ «первомъ посланіи Цензору» —

Кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры
Не проклиналъ твоей губительной сатиры?
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Голосъ правды—мятежомъ,—Куницына Маратомъ...

Но пробужденное сознаніе общества должно такъ или иначе проявиться и при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ цензурной опеки. Вспомнимъ благородное письмо Бѣлинскаго, этого вдохновеннаго праведника русской литературы [16]).

---

[15]) Богдановичъ: Ист. царствованія Александра I, т. VI, стр. 412.

[16]) Письмо это впервые было помѣщено въ «Полярной звѣздѣ» Герцена (1855 г.). Н. П Барсуковъ («Жизнь и труды Погодина», т. 8-й) напечаталъ отрывки письма. Въ концѣ 1905 г. письмо Бѣлинскаго было цѣликомъ издано Петербургскимъ книгоиздательствомъ «Свѣточъ» съ предисловіемъ С. А. Венгерова, есть теперь еще одно изданіе—Яковлева).

5) Въ «душевныхъ эпистоліяхъ» скрытъ богатый матеріалъ для характеристики эпохи—состоянія науки, искусствъ и общественности. Достаточно указать на переписку Миллера и Гете, такъ вѣрно отразившую въ себѣ совершенныя ей теченья въ нѣмецкой философіи. Только въ письмѣ къ Кёрнеру, приведенному у Томашека, [17]) Шиллеръ высказываетъ свое откровенное мнѣніе о Гёте, какъ философѣ. Ф. Іодль [18]) неоднократно цитируетъ письма Шиллера и Гете, разсматриваетъ ихъ какъ драгоцѣнные памятники философскаго настроенія всей эпохи.

Въ «Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи» Шилгера мы находимъ болѣе подробно разработанныя мысли, положенныя въ основу его глубокаго стихотворенія: «Художники» [19]). Письма поэта—толкованіе его твореній.

Французскіе историки для изображенія стараго порядка и революціи пользуются теперь частной перепиской, правдиво освѣщающей насущныя потребности страны, надежды и опасенія народа.

«Чтобы понять среду—говорить Тэнъ—необходимо объяснить отдѣльный культурный типъ въ его сокровенныхъ мысляхъ и повседневныхъ работахъ»).

Гдѣ же лучше разглядѣть эти намѣренія, какъ не въ разговорахъ и перепискѣ?

К. Бархинъ.

---

[17]) Tomaschek: «Schiller in seinem Verhältnisse Zur Wissenchaft» Стр. 142.

[18]) Іодль: «Исторія этики въ новой философіи», пер. подъ ред. В. С. Соловьевд. т. II.

[19]) Гетнеръ: Litteraturgeschihte, d—18 Jahrh». I, 150.

Слѣды архива М. А. Максимовича.

1) Письма О. М. Сомова къ М. А. Максимовичу. Сообщены **В. Даниловымъ** (Русскій Архивъ. 1908 г. 10. 257—268).

2) Письма русскихъ писателей къ М А. Максимовичу. В. Л. Пушкинъ, В. А. Жуковскій, П. А. Вяземскій, Ѳ. Н. Глинка и А. Н. Майковъ. **В. В. Даниловъ** (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1908. № 3-й, 169—189).

В. В. Даниловъ. О. М. Сомовъ, сотрудникъ Дельвига и Пушкина. (Тамъ же, 190—203, IV:, 316—331).

Профессоръ естествознанія, этнографъ и поэтъ, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ велъ обширное знакомство и переписку со многими видными и менѣе замѣтными писателями 20—30 хъ годовъ прошлаго столѣтія. Переписка такого дѣятеля, который издавалъ альманахи «Денница» и «Кіевлянинъ», несомнѣнно, заключаетъ обильный матеріалъ для біографій и изображенія дѣятельности такихъ писателей, о которыхъ въ литературѣ подчасъ, кромѣ имени, ничего неимѣется. Интимность этой переписки могла дать обильный матеріалъ для раскрытія псевдонимовъ, коими наполнены альманахи и журналы 20—30 хъ годовъ вышеупомянутаго столѣтія. Всѣ эти соображенія возникали у насъ, когда мы собирали матеріалъ о третьестепенныхъ звѣздахъ и совсѣмъ маленькихъ свѣтилахъ «Пушкинской плеяды». Тогда же возникла настоятельная потребность разузнать, гдѣ и у кого хранится Максимовическій архивъ. Всѣ наши попытки узнать что-либо о слѣдахъ названнаго архива были безплодны. Но вотъ въ 1907 г.

г. В. В. Даниловъ, публикуя письма разныхъ лицъ къ Максимовичу, тѣмъ самымъ далъ знать ученому міру, что ему посчастливилось получить доступъ къ архиву Максимовича и указать его слѣды.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ тѣ письма, которыя напечатаны въ № 10 Русскаго Архива за текущій годъ, и статья въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ.

Письма О. М. Сомова къ М. А. Максимовичу даютъ изслѣдователю и біографу нѣсколько данныхъ о жизни и дѣятельности теперь совсѣмъ забытаго литературнаго работника. Пользуясь этими письмами, мы постараемся отмѣтить то новое, чего не знали біографы О. М. Сомова. Кромѣ того, намъ приходится пересмотрѣть нѣкоторые вопросы біографіи Сомова, уже рѣшенные г. Даниловымъ въ статьѣ о немъ, какъ сотрудникѣ Дельвига и Пушкина. Прежде всего изъ этихъ писемъ ясно виденъ тотъ интересъ, какой проявилъ Сомовъ къ этнографіи, въ частности къ этнографіи малорусской. Сомовъ не только обработываетъ малороссійскія преданія въ формѣ повѣстей, но пишетъ прекрасную статью о Мерзляковѣ, какъ о подражателѣ народной пѣсни. Въ частности о жизни Сомова узнаемъ слѣдующія данныя: родился онъ въ Волчанскѣ Слободско-Украинской губерніи. 30-го іюля 1831 г. у него родился сынъ Николай. Послѣ прекращенія «Литературной Газеты», Сомовъ предполагалъ издать въ 1832 г. шесть книгъ сборниковъ отчасти для удовлетворенія подписчиковъ за недоданные номера Лит. Газеты.

Натолкнувшись въ архивѣ Максимовича на письма О. М. Сомова, г. Даниловъ рѣшился разсмотрѣть дѣятельность его, какъ журналиста. Правда онъ оговорился, что эту дѣятельность онъ разсмотритъ «во внѣ-

шнихъ ея очертаніяхъ»; правда, заглавіе его статьи намѣчаетъ болѣе скромную задачу—разсмотрѣніе журнальной дѣятельности Сомова только по отношеніямъ его къ Пушкину и Дельвигу. Но и въ указанныхъ предѣлахъ г. Даниловъ затронулъ нѣсколько спорныхъ вопросовъ, рѣшенію которыхъ здѣсь отводимъ мѣсто. Рожденіе Сомова слѣдуетъ отнести къ началу декабря 1793 г. 13-го декабря онъ праздновалъ день своего ангела, какъ это видно изъ его показанія Тайному Комитету, учрежденному по дѣлу декабристовъ [1]). Принимая во вниманіе обычай у малороссовъ «давать молитву» вскорѣ послѣ рожденія, можно сказать, что Сомовъ родился 10—11 декабря.

Его этнографическія наклонности сказались очень рано: еще будучи студентомъ, онъ во время каникулъ путешествовалъ по своей родинѣ (см. Литер. Газ. № 23. 1831 г.), несомнѣнно, записывая преданія и пѣсни.

Въ виду того, что подъ его первыми стихотвореніями, напечатанными въ Украинскомъ Вѣстникѣ 1816, стоитъ помѣта «Спб.», слѣдуетъ предположить, что въ столицу онъ прибылъ изъ родного Волчанска не позднѣе 1815-го года.

Г. Даниловъ, передавъ, со словъ Греча, разсказъ о не совсѣмъ красивой шуткѣ Сомова надъ Ѳ. Булгаринымъ (Р. Ф. В. 1908 г. № 3, 194—195 стр.), не знаетъ разсказа Бурнашева о томъ, какъ Булгаринъ выдалъ Сомова жандармамъ послѣ событій 14 дек. 1825 г. Этотъ разсказъ болѣе вѣроятенъ, чѣмъ разсказъ Греча, во 1-хъ, потому, что согласенъ съ общею

---

[1]) За сообщеніе намъ копіи съ дознанія и показаній Сомова приносимъ глубокую благодарность П. Е Щеголеву

дѣятельностью Булгарина, котораго подозрѣваютъ въ томъ, что онъ состоялъ на службѣ въ III-мъ отдѣленіи; во 2-хъ, онъ подтверждается слѣдственнымъ дѣломъ по поводу декабрьскихъ событій. Г. Даниловъ совершенно не знаетъ о допросѣ Сомова, которому событіе 14 дек. 1825 г. дало себя знать вдвойнѣ.

15 го декабря 1825 г. генералъ-адьютантъ Ивашевъ допрашивалъ Сомова, который показалъ на поставленные вопросы слѣдующее:

Имя, чинъ, присягалъ ли?	Орестъ Михайловичъ Сомовъ; служу въ американскомъ правленіи. Нѣтъ, не присягалъ, ибо надѣялся со всѣми чиновниками присягать вмѣстѣ.
Что дѣлалъ во время происшествія; когда объ этомъ узналъ? съ кѣмъ былъ въ тѣсной связи и наконецъ съ кѣмъ видѣлся?	Во время происшествія находился до двухъ часовъ въ домѣ американскаго общества, въ два часа пошелъ я къ издателямъ журнала Булгарину и Гречу. Перваго не засталъ я дома и, пройдя къ послѣднему, нашелъ ихъ вмѣстѣ, гдѣ получилъ всѣ свѣдѣнія о разныхъ приключеніяхъ случившихся. Оттолѣ пріѣхалъ я домой, гдѣ пробылъ до пріѣзда чиновниковъ для забранія бумагъ Г. Бестужева, живущаго со мною, и чрезъ нѣсколько часовъ былъ взятъ полицейскимъ чиновникомъ и представленъ во дворецъ.

Когда вы узнали о зломъ намѣреніи, отъ кого и кто въ ономъ участвовалъ?	О намѣреніи узналъ я рѣшительно въ последнее воскресенье, участники были въ ономъ: Рылѣевъ, четверо Бестужевыхъ, Каховскій, к. Оболенскій, к. Щепинъ-Ростовскій, Одоевскій, Кюхельбекеръ, морского экипажа Арбузовъ, Московскаго полку к. Кудашевъ, Якубовичъ, Сутговъ (?), Корниловичъ, к. Трубецкой.

Изъ этого показанія ясно видно, почему М. А. Бестужевъ зашелъ 13 декабря къ Сомову: его братъ Ал. Ал. Бестужевъ жилъ у послѣдняго; соображеніе же г. Данилова—«такъ какъ послѣдній (Сомовъ) былъ боленъ, и надо думать серьезно, если Бестужевъ (Мих. Ал.) считаетъ нужнымъ зайти къ нему наканунѣ рѣшительнаго дня»—не имѣетъ никакой цѣны. Мих. Ал. Бестужевъ могъ зайти къ Сомову, 13 дек., послѣ совѣщанія у Рылѣева, еще и потому, что въ этотъ день Сомовъ былъ имениникъ. Болѣзнь его не была серьезна, если онъ навѣщалъ Булгарина и Греча 14-го декабря.

Показаніе, данное Сомовымъ ген-адьют. Ивашеву, показалось неудовлетворительнымъ. И вотъ 29 дек того же 1825 г. его подъ присягою допросили въ присутствіи высочайше учрежденнаго Комитета. Поставлено было 7 запросныхъ пунктовъ, на которые онъ отвѣтилъ такъ:

На 1-й пунктъ

«Какъ присланному ко мнѣ духовному отцу, въ лицѣ котораго исповѣдовалъ и показывалъ я самому

Богу все, что зналъ и о чемъ могъ догадываться, такъ и нынѣ Высочайше учрежденному комитету, свидѣтельствуясь Богомъ, повторяю, что ни къ какому тайному обществу не принадлежалъ я и не принадлежу. Если кто и дѣлалъ на меня Комитету лживыя показанія, то мнѣ остается только просить Господа, да откроетъ Онъ истину сему лжесвидѣтелю и да оправдаетъ меня на судѣ земномъ, какъ я надѣюсь оправдаться предъ судомъ небеснымъ. Клянусь еще: я никѣмъ никогда не былъ избранъ въ члены Тайнаго Общества и никого самъ не избиралъ. О существованіи же Тайнаго Общества узналъ я не прежде какъ изъ предшествовавшихъ дѣланныхъ мнѣ допросовъ. Дотолѣ принималъ я все дѣло въ такомъ видѣ, какъ оно мнѣ было представлено,... какъ покушеніе временное, какъ нежеланіе будто бы цѣлаго войска давать вторичную присягу».

На 2-й 3 й пункты.

Не зная ни дѣйствій, ни пособій Тайнаго Общества, не зналъ даже какъ выше я показалъ, о самомъ его существованіи, я не могу дать никакихъ свѣдѣній ни о мѣрахъ, ни о способахъ, которыми оно предпологало достигнуть своей цѣли. Лицъ, которыя въономъ находились, я также вовсе не зналъ; а о тѣхъ, которыхъ я упоминалъ въ прежнихъ моихъ показаніяхъ, показалъ я по слухамъ, что они были на площади вмѣстѣ съ войсками, по прежнимъ моимъ догадкамъ и соображеніямъ, и потому, что пріѣзжавшій ко мнѣ въ ночи 14 декабря г. полицеймейстеръ Дершау разспрашивалъ у меня о квартирѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ».

На 4 й пунктъ.

Въ воскресенье 13 числа, бывъ по утру нездоровъ,

не выходилъ я никуда до самого обѣда. Пообѣдавъ, легъ я отдохнуть и не велѣлъ никого пускать къ себѣ; ибо это былъ день моихъ имянинъ. А какъ я боялся разстроить себя посѣщеніями, то и не хотѣлъ никого принимать. Вечеромъ, чувствуя себя лучше, въ девять часовъ пошелъ я къ издателю журналовъ Булгарину, съ которымъ, равно какъ и съ товарищемъ его Гречемъ, имѣлъ связи по журналамъ, ибо былъ ихъ сотрудникомъ, и доставлялъ имъ статьи. У Булгарина пробылъ я до 11 часовъ ночи, и возвратясь легъ спать. Слѣдовательно, что происходило у Рылѣева, не знаю и отчета о томъ не могу дать никакого. Самъ же я, не бывъ въ соучастіи съ ними не получалъ никакого назначенія».

На 5-й пунктъ.

О суммахъ, назначенія оныхъ и издержкахъ Общества я также нисколько неизвѣстенъ. Могу только увѣрить честію и совѣстію моею предъ лицемъ Бога, что мнѣ никто никогда не предлагалъ на сей предметъ дѣлать никакихъ вкладовъ или единовременныхъ выдачь»..

На 6-й пунктъ.

Равномѣрно и о 500 кольцахъ, кѣмъ, у кого, съ какою надписью и съ какимъ намѣреніемъ оныя были заказаны, я клятвенно утверждаю, что мнѣ неизвѣстно.

На 7-й пунктъ.

«Что касается до оберъ-прокурора Краснокуцкаго, то, какъ я имѣлъ честь изустно объяснять тайному Комитету, я не видалъ его болѣе трехъ лѣтъ, развѣ иногда на улицѣ. Знакомства у меня съ нимъ не было; въ показанное же выше сего время встрѣчалъ я въ домѣ родственниковъ его, г.г. Кочубеевъ. У Рылѣева же не

встрѣчалъ его ни однажды. О Г. Горскомъ услышалъ я вчера въ первый разъ; дотолѣ же не зналъ даже и о существованіи.

Въ заключеніе имѣю честь объяснить Тайному Комитету, что связь моя съ А. Бестужевымъ и Рылѣевымъ была съ самаго начала и до конца совершенно литературная, и совѣтовъ и сотрудничества отъ меня они требовали только по изданію Полярной Звѣзды; иногда же читали мнѣ литературныя свои произведенія. У меня былъ совершенно особый кругъ знакомствъ и домовъ, которые я посѣщалъ. Съ Рылѣевымъ, служа въ одномъ мѣстѣ, видался почти каждое утро, но здѣсь разговоръ нашъ ограничивался дѣлами Россійско-Американской компаніи. Съ Бестужевымъ же, хотя онъ и жилъ съ прошедшаго сентября мѣсяца въ моей квартирѣ; но по большей части мы были вмѣстѣ только тогда, когда вставали и ложились спать. Прочее время мы давали одинъ другому совершенную свободу быть тамъ, гдѣ кому за благо разсудилось, даже не разспрашивая о томъ послѣ».

31-го декабря допрошены были по вопроснымъ пунктамъ Рылѣевъ, Ал. Бестужевъ, кн. Трубецкой и Ник. Бестужевъ. На тотъ пунктъ, въ которомъ спрашивали о Горскомъ и Сомовѣ, показали—Рылѣевъ:

«Ни Сомовъ, ни Горскій, сколько мнѣ извѣстно, никогда не принадлежали нашему обществу. Горскаго никто, я думаю, изъ членовъ нашихъ и не зналъ, а Сомова мы полагали вовсе неспособнымъ на подобное предпріятіе, какъ наше, и потому никогда ему не пред лагали и не говорили».

Ал. Бестужевъ:

«Дворянинъ Сомовъ къ обществу нашему никогда не принадлежалъ, и мы отъ него всегда таились, кро-

мѣ такъ сказать ходячаго либерализма. Иногда говорили кой-что и при немъ, но онъ очень тугъ на ухо—мы впрочемъ щитали его вовсе безполезнымъ какъ по слабости здоровья его, такъ и послабости духа и неимѣнію званія. До послѣднихъ дней онъ ни о чемъ не зналъ, и только въ первый разъ говорили мы при немъ съ московскими офицерами открыто, пивши чай (мы вмѣстѣ жили), объ обществѣ же не зналъ онъ ничего, и меня мучитъ совѣсть, что я вовлекъ его невиннаго въ бѣду, тѣмъ что жилъ съ нимъ. Въ день 14 декабря не принималъ никакого участія»...

Кн. Трубецкой:

«О принадлежности къ обществу дворянина Сомова я не слыхалъ, почему и не могу ничего объяснить касательно время принятія его, никѣмъ онъ былъ принятъ. Въ совѣщаніяхъ нашихъ онъ не участвовалъ; по крайней мѣрѣ со мною вмѣстѣ онъ не былъ. Въ числѣ бывшихъ здѣсь членовъ, коихъ мнѣ называлъ Рылѣевъ, о Сомовѣ онъ не поминалъ. Также неизвѣстно мнѣ, какое онъ принималъ участіе въ происшествіи 14 декабря; но участникомъ въ ономъ я полагалъ его потому, что когда по утру 15 числа я писалъ объясненіе мое въ кабинетѣ Государя Императора, то въ другомъ концѣ комнаты, не помню кто, генералъ допрашивалъ одного человѣка во фракѣ, который назвалъ себя Сомовымъ. Отъ сего единственно я и полагалъ, что онъ былъ участникомъ».

Николай Бестужевъ:

«Сколько мнѣ извѣстно, дворянинъ Сомовъ не принадлежалъ нашему обществу; и хотя братъ мой Александръ Бестужевъ жилъ у него, но г. Сомовъ никогда никакого участія въ совѣщаніяхъ не принималъ. 14 декабря я, заходя къ брату своему, видѣлъ г. Сомова

спокойно сидѣвшаго за переводомъ какой-то французской книги»...

Изъ другихъ показаній не всѣ были благопріятны для Сомова. Такъ Глѣбовъ показалъ: «въ день происшествія въ вечеру былъ у Александра Бестужева, гдѣ засталъ Сомова»; Оржицкій: «14 декабря многіе ему стали извѣстны, въ томъ числѣ и Сомовъ»; Бриггенъ: «Въ 1825 году предъ отъѣздомъ ево общество составляли: П. Муравьовъ, Рылѣевъ, Бестужевъ, Одоевскій, Оболенскій, Сомовъ и, кажется ему, Грибоѣдовъ».

Комитетъ въ докладной запискѣ Государю, послѣ приведенныхъ отзывовъ, испрашивалъ милостиваго воззрѣнія Его Императорскаго Величества на дворянина Сомова, который оказывается ни къ Обществу не принадлежащимъ, ни на сенатской площади во время возмущенія, ни въ заговорѣ не былъ.

Императоръ Николай I на докладной запискѣ карандашомъ изволилъ написать: «Полагаю выпустить». Но Сомовъ не былъ оставленъ въ покоѣ, выпущенный на свободу.

И тутъ виною оказались литературныя связи его съ Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, издавали альманахъ «Полярная Звѣзда»; въ 1825 году они готовили альманахъ «Звѣздочка», которая должна была замѣнить «Полярную Звѣзду». Корректура статей новаго альманаха поручена была Сомову. Между другими статьями, предназначавшимися для «Звѣздочки», находились «За́мокъ Эйзенъ» соч. А. Бестужева и «Гайдамакъ» пов. Сомова. Обыкновенно въ типографію возвращалась только послѣдняя корректура, а предпослѣдняя оставалась у Сомова. Вотъ изъ-за этихъ то оставшихся у Сомова корректурныхъ листовъ С.-Петербургскій полиціймейстеръ полковникъ К. Ѳ. Дершау

21 февраля 1827 г. потребовалъ у Сомова, служившаго при главномъ управленіи Россійской Американской Компаніи столоначальникомъ, объясненій. В. М. Сомовъ показалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Весною... минувшаго 1826 года, издатель «Невскаго Альманаха» г. Аладьинъ, который не знаю для чего самъ искалъ моего знакомства, пришедъ ко мнѣ и узнавъ изъ разговоровъ, что мною была написана . .повѣсть (Гайдамаки), просилъ у меня оной для просмотрѣнія; и какъ у меня не было ея переписанной набѣло, то я рѣшился дать ему оную въ корректурныхъ листахъ, ни мало не подозрѣвая, чтобъ онъ могъ сдѣлать какое либо изъ оныхъ употребленіе безъ воли тѣхъ, кому принадлежатъ піесы въ собственность... Отдавая не долѣе какъ на сутки—время, въ которое можно было только прочесть оныя статьи, я тѣмъ болѣе былъ спокоенъ, что оныя печатались съ одобренія цензуры и, слѣдовательно, не могли считаться въ числѣ запрещенныхъ. ...Г. Аладьинъ и дѣйствительно на другой же день по утру возвратилъ мнѣ оные, и съ тѣхъ поръ случай сей вовсе вышелъ у меня изъ памяти, какъ маловажный и изъ котораго я не предвидѣлъ и не ожидалъ никакихъ послѣдствій. Наконецъ, 3-го декабря, г. Аладьинъ, послѣ нѣсколькихъ настоятельныхъ просьбъ дать въ альманахъ піесу моего сочиненія (чего, по болѣзни и не имѣя времени, не могъ я сдѣлать), писалъ ко мнѣ, прося позволенія помѣстить повѣсть «Гайдамаки» въ «Невскомъ Альманахѣ». Считая себя въ правѣ распологать своею собственностію, я далъ ему на то позволеніе и ожидалъ, что онъ будетъ просить у меня самой піесы для переписанія съ черновой моей тетради; но крайне былъ удивленъ, когда въ вышедшемъ въ началѣ сего года «Невскомъ Альманахѣ» нашелъ не толь-

ко мою повѣсть, но и повѣсть А. Бестужева, подъ другимъ заглавіемъ [1]). Я тогда же заготовилъ было письмо къ г. Аладьину, но какъ дѣло сіе показалось мнѣ весьма щекотливымъ, ибо въ письмѣ я по необходимости долженъ былъ говорить объ его поступкѣ не въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ; то и отложилъ объясненія съ нимъ по сему дѣлу до личнаго свиданія».... [2]).

Въ дѣло вмѣшался Ѳ. Булгаринъ, и потому Сомову пришлось давать объясненія. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ послѣдній отголосокъ дѣла декабристовъ также сошелъ благополучно для Сомова, потому что г. Аладьинъ, самъ прикосновенный къ полицейскому вѣдомству, умѣлъ потушить скандалъ.

Все здѣсь расказанное осталось неизвѣстнымъ г. Данилову, съ которымъ мы случайно совпали въ работѣ о Сомовѣ [3]). Помимо незнанія многихъ матеріаловъ, даже печатныхъ, о Сомовѣ (ихъ читатели узнаютъ изъ упомянутой моей монографіи), г. Даниловъ невѣрно освѣтилъ въ своей статьѣ отношенія Дельвига и Пушкина къ Сомову.

---

[1]) Въ „Звѣздочкѣ" печаталась подъ заглавіемъ «Кровь за кровь».

[2]) См. Русск. Старину, 1901 г. № 11, 267—269.

[3]) Начало моей монографіи «Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ», куда войдутъ біографіи, письма и произведенія Сомова, бар. Е. Розена, Карлгофа, Якубовича Л., Туманскаго В. И., Сіянова и мн. др., появится на стр. Русск. Фил. Вѣд. въ № 4 за тек. г. и въ №№ за 1909 г. Моя работа уже болѣе года лежала въ редакціи изданія «Пушкинъ и его современники", задержанная печатаніемъ, что и побудило меня перенести печатаніе ея въ Русск. Ф. Вѣстникъ.

Изъ писемъ Сомова къ М. А. Максимовичу, напечатанныхъ самимъ г. Даниловымъ въ Русскомъ Архивѣ за текущій годъ, ясно видно, что, Орестъ Михайловичъ былъ своимъ человѣкомъ у Дельвига. Это подтверждается и записками - воспоминаніями А. П. Кернъ (см.—Майковъ Л. Н. Пушкинъ. СПб. 1899 г., 259 стр.). О близости къ Дельвигу Сомова видно изъ письма его къ поэту Е. А. Баратынскому, напечатанному г. Шляпкинымъ (см. изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г., 134—135 стр.). Только близкій человѣкъ, искренній другъ, можетъ такъ оплакивать покойника, какъ оплакиваетъ Сомовъ Дельвига. «Утрата сія для меня горьче, нежели утрата ближняго родняго», говоритъ въ письмѣ Сомовъ. Уже эта близость Сомова къ Дельвигу могла служить указаніемъ на возможную близость его и къ Пушкину, искренно любившему Дельвига. Но имѣемъ свидѣтельства неопровержимыя, что Сомовъ былъ близокъ и къ нашему великому поэту. Помимо указаній на постоянныя сношенія съ Пушкинымъ въ письмахъ Сомова къ Теплякову (См. Русск. Стар. 1896, III, 659—662), помимо свидѣтельства Никитенка (Повѣсть о самомъ себѣ. Спб. 1904 г., I, 217), о дружескихъ отношеніяхъ свидѣтельствуетъ письмо Сомова къ великому поэту, опубликованное г. Шляпкинымъ (изъ неизданныхъ бум. Пушкина) Лучше всего знать отношенія Пушкина къ Сомову могъ очень близкій первому писатель Е. Ѳ. Розенъ. И вотъ этотъ человѣкъ, узнавъ о смерти Сомова, спѣшилъ извѣстить Пушкина о времени погребенія, увѣренный, что послѣдній не преминетъ отдать печальный долгъ покойному другу (Письма Пушкина и къ Пушкину. Изд. Скорпіонъ. Москва. 1903 г. 190 стр.). Наконецъ, могъ ли Пушкинъ, постоянно вращаясь въ обществѣ Сомова,

не оцѣнить этого скромнаго, но честнаго, образованнаго и преданнаго литературѣ работника такого же не чиновнаго дворянина, какимъ былъ и самъ онъ. Послѣ всего доселѣ сказаннаго находимъ ни на чемъ не основанными слѣдующія соображенія г. Данилова: «Изъ сотрудничества Пушкина не вытекаетъ никакихъ примѣчательныхъ отношеній его къ Сомову. «Литературная Газета» была органомъ цѣлаго кружка писателей, вышедшихъ изъ дворянскаго сословія, болѣе или менѣе обезпеченныхъ и занимающихся литературою изъ любви къ ней, безъ настойчивой мысли о какой-либо матеріальной пользѣ отъ этихъ занятій... Сомовъ былъ на службѣ у этого кружка литературнаго дворянства. Литература была для него кускомъ хлѣба, онъ былъ писатель-профессіоналъ. Это въ значительной мѣрѣ отдаляетъ его отъ кружка Пушкина. Они могли сходиться въ своихъ литературныхъ взглядахъ и потому работать вмѣстѣ, но въ жизни духовно не могли: Сомовъ былъ рабочій конь, Пушкинъ и его друзья—горныя лани. Для нихъ въ журнальной жизни Сомовъ былъ необходимымъ человѣкомъ, но въ кругу тѣхъ свободныхъ отъ жизни настроеній, въ области тѣхъ надземныхъ чувствъ, которыя переживали они, Сомову уже не находилось мѣста» (Р. Ф. В. 1908 г. № 4-й, 316).

Подчеркнутыя нами мѣста, во-1-хъ, представляются туманными и психологически невѣрными, если они имѣютъ въ виду поэтическое настроеніе; во-2-хъ, къ Сомову эти слова не примѣнимы. Недаромъ же Пушкинъ такъ возмутился выходкою Баратынскаго, назвавшаго въ своей сатирѣ къ Гнѣдичу Сомова «безмундирнымъ». Пушкинъ въ письмѣ къ Дельвигу возмущался этою шуткою, заступаясь за независимость писателя, нашедшаго себѣ средства къ жизни въ трудѣ писателя.

Не вполнѣ правильно, по нашему мнѣнію, рисуются г. Данилову и отношенія Сомова къ Гоголю. Нѣтъ сомнѣнія, что въ «Сѣверные цвѣты» попалъ Гоголь черезъ Пушкина; что расположеніе къ Гоголю Сомова, какъ опытнаго журналиста, объясняется, во 1-хъ, землячествомъ, во 2-хъ, сотрудничествомъ: Сомовъ хвалилъ Гоголя, какъ своего молодого сотрудника, что было въ нравахъ литературы 20—30 хъ годовъ XIX столѣтія. Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Въ концѣ своей замѣтки г. Даниловъ пишетъ: «Кромѣ» Литературныхъ Сборниковъ», Сомоваувлекали замыслы другихъ новыхъ литературныхъ предпріятій. По осени 1831 года онъ писалъ Максимовичу: «Что-то Богъ пошлетъ на слѣдующій годъ! У насъ здѣсь есть затѣи, только ихъ, кажется, отложить надо въ долгій ящикъ еще на годъ». Нѣтъ сомнѣнія, что Сомовъ подъ «затѣями» разумѣлъ хлопоты Пушкина объ изданіи газеты «Дневникъ», въ которой расчитывалъ, вѣроятно, быть фактическимъ хозяиномъ, какъ и въ «Литературной Газетѣ» Дельвига. Если Пушкинъ впослѣдствіи, изъ-за невозможности платить Сомову жалованье, далъ довѣренность Тарасенко-Отрѣшкову, то первоначально, несомнѣнно, имѣлся въ виду Сомовъ: недаромъ Гречъ такъ успокоивалъ Булгарина, что «Сомовъ совершенно отринутъ Пушкинымъ и никакого участія ни въ чемъ съ нимъ не имѣетъ» (см. оп. ст. Пиксанова: Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ» (1831—1832) изъ V вып. изданія «Пушкинъ и его современники»).

Разставаясь съ статьею г. Данилова, мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобы онъ энергичнѣе разбиралъ архивъ Максимовича и публиковалъ хранящійся въ немъ матеріалъ. Еще лучше, конечно, было бы ему убѣдить кого слѣдуетъ уступить этотъ архивъ одному

изъ публичныхъ книгохранилищъ г. Петербурга, гдѣ могли бы пользоваться и разработывать богатое наслѣдіе Максимовича всѣ тѣ, кто изслѣдуетъ русскую литературу съ 20-хъ до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

С. Брайловскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Различія ст.-ц.-славянскаго языка отъ др.-русскаго въ этимологіи.

1. *Въ именахъ существительныхъ.* Гдѣ во флексіяхъ мягкаго склоненія существительныхъ ст.-ц.-славянскаго языка былъ ѧ, соотвѣтствующій звуку ы твердаго склоненія, тамъ въ др.-русскомъ языкѣ было ѣ: ȥемлѧ (род. пад. ед. ч. и имен. и вин. пад. множ. числа)—землѣ, мѫжѧ (вин. пад. множ. ч.)—мужѣ.

2. *Въ именахъ прилагательныхъ.* Именит. пад. муж. р. един. числа именъ прилагательныхъ въ ст.-ц.-славянскомъ имѣлъ окончаніе ын, въ др.-русскомъ—окончаніе он. На послѣднее указываетъ современное окончаніе имен. пад. прилагательнаго ой подъ удареніемъ: худой, удалой, лихой. Род. пад. ед. числа муж. рода имени прилагательнаго въ старо-славянскомъ имѣлъ окончаніе ааго, а въ др.-русскомъ ого. На послѣднее указываетъ и современное окончаніе родит. падежа, когда на него падаетъ удареніе (худо́го, удало́го, лихо́го). Гдѣ въ ст.-ц.-слав. языкѣ окончаніе ѧ, тамъ въ др.-русскомъ ѣ: добрыѧ (род. пад. ед. чис. жен. рода)—доброѣ.

3. *Въ мѣстоименіяхъ.* Гдѣ въ окончаніи ст.-ц.-славянскихъ мѣстоименій ѧ, тамъ въ др.-русскомъ ѣ: ѥѩ (род. п. ед. ч. ж. р.)—ѥѣ (ѥѥ), тоѩ—тоѣ.

4. *Въ глаголахъ.* Преходящее время, употреблявшееся въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ съ примѣтой аа, ꙗа, въ др.-рус. имѣло стяженную примѣту а, ꙗ: хождааше-хожаше, любльꙗаше-люблꙗше.

5. *Въ причастіяхъ.* Причастіе настоящ. врем. дѣйствит. залога по фонетическому закону, указанному выше,

въ ст.-ц.-слав. языкѣ имѣло въ суффиксѣ звукъ шт (щ), а въ др.-русскомъ ч: ходаште (-щє)—ходяче.

Синтактическія особенности древне-русскаго языка [1]).

1. Въ др.-русскомъ языкѣ, какъ и въ ст.-ц.-славянскомъ, въ составномъ сказуемомъ всегда употреблялся именительный падежъ: ст..-ц.-сл. Бѫдєтє мои оучєници (Остр. Ев.). Др.-рус. Мы ти будемъ помощници. (Лавр. лѣт). Буди ми другъ. (Тамъ же). Его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ. (Тамъ же). Инии же несвѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ. (Тамъ же).

2. Какъ въ ст.-ц.-славянскомъ, такъ и въ древне-русскомъ связка въ составномъ сказуемомъ не опускалась: ст.-ц.-сл. Въ истинѫ сынъ Божии єси. (Остр. Еванг. Матѳ. XIV, 33). Др.-рус. Оба есвѣ Святославлича. (Сл. о пол. Иг.). Впрочемъ въ др.-русскомъ языкѣ иногда встрѣчаются случаи опущенія связки, глагола быть въ настоящ. времени: Богъ послухъ тому (Лавр. лѣт.). Добръ послухъ сынъ твой Георгій (Слово митр. Илар.).

3. Въ др.-рус. языкѣ, какъ и въ ст.-церк.-славянскомъ, въ составныхъ сказуемыхъ, въ составъ которыхъ входило причастіе, кромѣ глаголовъ, употребляемыхъ и теперь въ качествѣ связки, употреблялись и другіе глаголы. Причастіе такихъ оборотовъ въ позднѣйшемъ языкѣ передается различно: частью придаточнымъ предложеніемъ, частью неопредѣленнымъ наклоненіемъ, частью причастіемъ въ творительномъ падежѣ, частью дѣепричастіемъ: ст.-ц.-сл. Мьнѣахѫ доухъ видащє (Остр. Ев. Лук. XXIV, 37). Это значитъ: думали, что видятъ духа. Др.-рус. Мнимся Бога любяще

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей свойственны и ст.-ц.-славянскому языку, что отмѣчено въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

(Лавр. лѣт.)—думаемъ, что любимъ Бога. И мняшеся умомъ сѣдя у церквы (=ему думалось, что сидитъ у церкви, воображалъ себя сидящимъ. (Сказ. о Бор. и Глѣбѣ). Отче! еда одинъ мнишися ходя? (Лавр. лѣт.)—неужели ты думаешь, что ты ходишь одинъ? И яко скончя зижа, украси ю иконами (Лавр. лѣт.)—когда окончилъ строить и проч. Данило... сожалиси отславъ сына си Льва и воѣ (Ипат. лѣтоп.)=пожалѣлъ, что отослалъ.

4. Въ составномъ дополненіи [1]) употреблялись вторые согласуемые косвенные падежи. То же въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ. Въ подобныхъ оборотахъ употреблялись второй винительный, родительный и дательный. *Второй винительный*: Глаголѭ вы рабы (Остр. Ев.) Постави Меѳодья епископа въ Панонiи (Лавр. лѣт.). *Второй родительный*: Оуже не глаголѭ васъ рабъ. (Остр. Ев. Іоан. гл. XV, 15). Не можемъ своеѣ землѣ пусты оставити. (Ипат. лѣт.). *Второй дательный*: Нелѣпо есть намъ, братіе, инокомъ сущимъ и отврьгшимся мирскихъ, съ браніе паки творити имѣній въ келіи своей. (Поуч. Ѳеод. Печерскаго).

Изъ составного дополненія съ дательными падежами образовался дательный самостоятельный, свойственный какъ старо-церковно-славянскому, такъ и древне-русскому языкамъ.

---

[1]) Составнымъ дополненіемъ называется сочетаніе двухъ дополненій, возникшихъ при перемѣнѣ оборота, въ частности при перемѣнѣ страдательнаго залога въ дѣйствительный, изъ подлежащаго и именного сказуемаго. Напр.: Киръ избранъ бысть царь Избраша Кира царя. Слова: Кира царя представляютъ собою составное дополненіе. Изъ этихъ двухъ падежей образовавшійся изъ подлежащаго называется первымъ косвеннымъ падежомъ составного дополненія, а образовавшійся изъ именного сказуемаго—вторымъ косвеннымъ падежомъ.

Единою бо ми и сварящу и оному мьнущю усние престорже черевн рукама. (Лавр. лѣт.).

5. *Свойство перваго винительнаго въ древне-русскомъ языкѣ.* Кругъ употребленія перваго винительнаго въ древнемъ языкѣ былъ обширнѣе, чѣмъ теперь: послѣ verba sentiendi, cognoscendi, declarandi мы ставимъ въ винительномъ падежѣ безъ предлога только ближайшій объектъ, непосредственный предметъ воспріятія, отличая другими способами другой, болѣе далекій объектъ. Мы говоримъ: „слышать пѣвца", но, съ другой стороны: „слышать о пѣвцѣ". Первое обозначаетъ, что мы сами слышали пѣвца, воспринимали звуки его пѣнія, а второе обозначаетъ, что мы слышали отъ другихъ, какъ поетъ пѣвецъ. Въ древнемъ языкѣ когда-то не было такого различія: Кіяне же услышавше Изяслава (=объ Изяславѣ, о его приближеніи) изидоша противу ему. (Ипат. лѣт.). Слышавъ же Ярославъ волхвы (=про волхвовъ) приде Суздалю. (Лавр. лѣт.).

6. *Союзъ между причастіемъ и глаголомъ сказуемымъ.* Въ тѣхъ случаяхъ, когда причастіе, согласованное съ подлежащимъ, ближе тяготѣло къ сказуемому (т. е. въ случаяхъ, какъ, напр., сѣдъ оучаашє), въ ст.-ц.-славянскомъ, а еще чаще въ др.-русскомъ языкѣ между причастіемъ и глаголомъ-сказуемымъ ставится союзъ. Ст.ц.-слав. простьръ ржкж и извлѣче ножь свои (О. Ев. Матѳ. XXVI, 51). шьдъ же и оумыса и придє вида (О. Ев. Іоан. гл. IX). Др.-рус. Заутра въставъ и рече. (Лавр. лѣт.) Приникъши Ольга и рече имъ. (Тамъ же). Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ аркучи. (Слово о пол. Иг.). Въ др.-рус. языкѣ въ данномъ оборотѣ кромѣ союзовъ и и а употреблялись еще союзы: ти, та, таже, тоже, толи, ноли. Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и, цѣловавше, блюдѣте. (Лавр.

лѣт. „Поуч. Влад. Мон.). Съ теченіемъ времени согласованіе причастія теряется: Жены русскія всплакашась а ркучи. (Слово о пол. Игор.).

7. *Именительный самостоятельный*. Дальнѣйшимъ развитіемъ указаннаго только что оборота является именительный самостоятельный (именительный падежъ съ согласованнымъ съ нимъ причастіемъ, присоединяемый при помощи союза къ предложенію съ другимъ подлежащимъ). Этотъ оборотъ чаще встрѣчается въ др.-русскомъ, чѣмъ въ ст.-ц.-славянскомъ языкѣ. А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити (Новг. I лѣт.). И тѣ учаще ны безпрестани, а мы едина беззаконья держимся. (Слово еп. Серапіона). То же съ утратой согласованія: А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ, а въ Кіевѣ ролился могучъ богатырь. (Былина о Волхѣ Всеслав.).

8. *Причастіе безъ личнаго глагола, связанное со сказуемымъ при помощи относительнаго слова*. Въ ст.-ц.-славянскомъ и др.-русскомъ языкахъ въ случаяхъ, когда придаточное предложеніе связывается съ главнымъ при помощи относительныхъ словъ (мѣстоименій и нарѣчій), въ придаточномъ предложеніи ставилось вмѣсто глагола съ личнымъ окончаніемъ причастіе. Ст.-ц.-слав. Не вѣдать бо ся, чьто творяще (О. Ев. Лук. XXIII, 34). Др.-рус.: да видиши, какоѣ чьсти Господь тя тамо съподобивъ. (Слово митр. Илар.). И не бысть, кто помилуя ихъ. (Ипат. лѣт.). Не хождаше зять но невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче. (Лавр. лѣт.). Съказають, яко великую честь прiялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. (Тамъ же). Его же умѣючи, того не забывайте, а его же не умѣючи, тому ея учите. (Лавр. лѣт., Поуч. Влад. Мон.). Изъ выраженій: куда хотя, кто хотя и т. п., построенныхъ по образцу выше приведенныхъ, образовались современныя выраженія: хоть куда,

хоть кто и т. д. Напр.: „стали умны хоть куда (Гриб. „Горе отъ ума“).

9. *Неопредѣленное наклоненіе съ мнимострадательнымъ значеніемъ.* Въ др.-рус. языкѣ при сказуемомъ глаголѣ быть съ подлежащимъ существительнымъ ставится неопредѣленное наклоненіе, которое по отношенію къ подлежащему имѣетъ страдательное значеніе, но сохраняетъ дѣйствительное значеніе по отношенію къ явному или подразумѣваемому дополненію въ дательномъ падежѣ. Въ современномъ языкѣ подлежащее въ такихъ оборотахъ переходитъ въ прямое дополненіе. „Вода же его (Іордана) мутна и сладка вельми пити“. (Хожд. игум. Даніила). Буквально: Вода сладка пьющаяся. Въ совр. яз.: сладко пить воду. Како мужу учити жена своя“ (Домострой)—совр. „какъ мужу учить жену свою. „Како избная порядня устроити хорошо и дешево. (Тамъ же).

Измѣненія, происшедшія въ русскомъ языкѣ.

Въ фонетикѣ.

1. Глухіе гласные звуки (ъ и ь) утратились. Слѣдствіемъ этого было:

a) Замѣна утраченныхъ глухихъ гласныхъ звуками о и е тамъ, гдѣ это было необходимо для удобства произношенія слова.

b) Измѣненіе произношенія согласныхъ звуковъ. Съ исчезновеніемъ глухихъ гласныхъ звуковъ въ срединѣ и концѣ словъ, произошло, во-первыхъ, стеченіе согласныхъ, которое въ древнемъ языкѣ наблюдалось значительно рѣже, и, во-вторыхъ, согласныя окончанія, которыя древнимъ языкомъ не допускались. И первое и второе изъ только что указанныхъ явленій повлекли за собою измѣненіе произношенія согласныхъ: въ срединѣ словъ звучные передъ от-

звучными стали переходить въ отзвучные и наоборотъ, свистящіе передъ шипящими въ шипящіе, въ концѣ словъ звучные стали переходить въ отзвучные.

2. Звукъ є (=современному э), который йотировался при стеченіи двухъ гласныхъ (дѣлаємъ), подъ вліяніемъ этого явленія сталъ йотироваться и послѣ согласныхъ, что повлекло за собою смягченіе предшествующаго согласнаго звука: напр., вєди измѣнилось въ вѥди и стало произноситься, какъ вьэди (пишется веди).

3. Звукъ ѣ въ большинствѣ велико-русскихъ говоровъ и въ литературномъ русскомъ языкѣ замѣнился звукомъ е (ѥ).

4. Звукъ е подъ удареніемъ, если въ слѣдующемъ слогѣ есть твердый гласный звукъ *), а также въ концѣ слова измѣняется въ ё (jо послѣ гласныхъ и ьо послѣ согласныхъ: моёмъ (мојомъ), моё (мојо), мёлъ (мьолъ), шёлъ (шолъ), ёлка (јолка). Съ другой стороны слово ель произносится, какъ йэль, такъ какъ буква ь обозначала собою мягкій гласный звукъ

Это правило допускаетъ довольно много исключеній. Такъ е не переходитъ въ ё въ слѣдующихъ случаяхъ:

a) Тамъ, гдѣ е пишется неправильно вмѣсто ѣ: напр., предъ вмѣсто прѣдъ, вредъ вм. врѣдъ.

b) Подъ вліяніемъ ц.-славянскаго языка: напр. современный, левъ, крестъ, небо.

c) Тамъ, гдѣ за ударяемымъ е стоялъ мягкій гласный звукъ ь, теперь утраченный: напр., усердный, полезный, дверца.

d) Тамъ, гдѣ вмѣсто современнаго ъ былъ ь: напр., отецъ, гребецъ.

e) Въ иностранныхъ словахъ: напр., газета, тарелка, нервы.

---

*) Сюда включается и бывшій гласный ъ.

Наоборотъ, ударяемое **е** обращается въ ё передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

α) Когда за ударяемымъ е нѣкогда стоялъ твердый гласный **ъ**, теперь утраченный: напр.. лёгкій. Ё въ словахъ. какъ л е г к і й можетъ быть также объяснено тѣмъ, что вмѣсто современнаго окончанія **ій**, имѣлось въ древности окончаніе **ьи** и **ъи**.

β) Подъ вліяніемъ формъ, въ которыхъ е правильно перешло въ ё: напр., слово щ е к и произносится. какъ щ о к и подъ вліяніемъ род. пад. мн. ч. щ ё к ъ; р в ё ш ь, р в ё т е имѣютъ ё подъ вліяніемъ формы р в ё т ъ.

γ) Въ творительномъ надежѣ ед. числа сущ. 2-го склоненія: напр., землёю.

Указанное явленіе имѣетъ мѣсто только въ йотированномъ э; нейотированное э, рѣдко встрѣчающееся въ современномъ русскомъ языкѣ (этотъ, эхъ, эва, экій, экъ), измѣненію въ **о** не подлежитъ.

Ѣ подъ удареніемъ не переходитъ въ ё за исключеніемъ немногихъ случаевъ (звѣзды, гнѣзда, сѣдла и проч.).

Переходъ **е** въ ё (ьэ, йэ въ ьо, йо) не слѣдуетъ смѣшивать съ древнимъ усиленіемъ є (=э) въ о, которое и теперь существуетъ въ русскомъ языкѣ въ видѣ усиленія е (ьэ, jэ) въ о (соберу, соборъ).

5. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи и въ литературномъ русскомъ языкѣ развилось такъ называемое а к а н ь е. Послѣднее состоитъ въ слѣдующемъ: гласный звукъ, находясь подъ удареніемъ, сохраняетъ первоначальное произношеніе, напр , **о** произносится, какъ **о**, **е**, за указанными выше исключеніями, какъ **е**; тѣ же звуки безъ ударенія измѣняютъ свое первоначальное произношеніе: **о** произносится почти какъ **а** (отсюда названіе „аканье"), иногда близко къ **ы**, **е** почти какъ **и**: напр., сущ. с т ó л ъ произносится с т о л, но с т о л á произносится почти какъ с т а л á,

слово вчера произносится, как вчирá. Неударяемое а послѣ шипящихъ звуковъ произносится близко къ и: напр., слово счастли́вый произн. щисли́вый.

6. Гортанные согласные въ окончаніяхъ склоненій и отчасти спряженій перестали смягчаться передъ узкими гласными: напр. волкѣ вм. волцѣ, помоги вм. помози. (Съ другой стороны: поможетъ). Смягченіе въ суффиксахъ сохранилось: кружить отъ кругъ, пророчество отъ пророкъ, изреченіе отъ изреку. Это смягченіе сохраняется и въ случаѣ перехода узкаго звука въ широкій: напр, окруженъ (произн.: окружонъ) Что касается до смягченія передъ утраченнымъ гласнымъ звукомъ ь, то оно иногда наблюдается, а иногда отсутствуетъ: напр. дружный, лужскій (изъ дружьный-другьный, лужьскій-лугьскій отъ Луга); съ другой стороны: петербургскій.

7. Въ окончаніяхъ род. пад. ед. ч. муж и средн. рода мѣстоименія личнаго 3 лица и другихъ мѣстоименій и именъ прилагательныхъ звукъ г перешелъ въ в: напр., его, того, кого, добраго, злого произносятся, какъ ево, таво, каво, до́брава, зло́ва.

8. Звукъ т въ соединеніи съ слѣдующимъ за нимъ с переходитъ въ ц. Это бываетъ въ глаголахъ на ся (бывш. сѧ) и въ другихъ случаяхъ: напр., найдется произносится, какъ найдьоца, братскій произносится, какъ брацкій.

9. Широкій звукъ ы послѣ гортанныхъ замѣнился узкимъ и: вмѣсто Кыевъ, хытрыи, ногы стали произносить: Кіевъ, хитрый, ноги.

Указанныя измѣненія кромѣ обозначенныхъ въ пунктахъ 1а, 6 и 9 современнымъ намъ правописаніемъ не обозначаются. Для обозначенія измѣненія е (=jэ, ьэ) въ jo, ьо существуетъ надстрочный знакъ надъ е (··), но онъ рѣдко

употребляется. Ё послѣ шипящихъ иногда передается согласно произношенію буквой о: напр., скачовъ, плечо (вм. скачекъ, плече).

Въ этимологіи.

1. Утрачено особое окончаніе звательнаго падежа единств. числа именъ существительныхъ.

2. Утрачены формы двойственнаго числа именъ существительныхъ. Форма именительнаго падежа двойственнаго числа существительныхъ муж. рода 1-го склоненія дала матеріалъ для образованія въ современномъ русскомъ языкѣ формы числа нѣсколько, которое употребляется только вмѣстѣ съ числительными два, оба, три и четыре. Форма числа нѣсколько звукомъ окончанія (но не значеніемъ) сходна съ родительнымъ падежомъ единств. числа, почему часто ошибочно принимается за родительный падежъ един. числа: напр., два брата, двѣ рукú, три гóда, четыре столá.

3. Въ 1-мъ склоненіи тема на а взяла перевѣсъ надъ темою на у за исключеніемъ родительнаго падежа множеств. числа муж. рода: стола, столу, о столѣ, но столовъ. Остатки отъ темы на у (пудъ сахару, въ саду), а также родит. пад. множ. числа муж. рода темы на а (пять человѣкъ) встрѣчаются, какъ исключеніе.

4) Дательный, творительный и предложный падежи множественнаго числа 1-го склоненія приняли окончанія соотвѣтствующихъ падежей 2-го склоненія (столамъ, столами, о столахъ, мѣстамъ, мѣстами, о мѣстахъ

5. Нѣкоторыя окончанія падежей мягкаго склоненія именъ существительныхъ уподобились окончаніямъ твердаго склоненія: мы имѣемъ въ нестоящее время предлож. пад. един. числа 1 склон. учителѣ, морѣ (какъ волкѣ, мѣстѣ) вмѣсто древняго учители; дат. и предл. падежъ

един. ч. 2 склон. землѣ (какъ водѣ) вмѣсто древняго земли; род. пад. ед. ч. 2 скл. земли (по сходству съ род. пад. воды) вм. древне-русскаго землѣ.

6. Собирательныя имена существительныя дали новыя окончанія для именительнаго падежа множеств. числа именъ существительныхъ мужескаго и отчасти средняго рода 1-го склоненія. Такъ древне-русское существительное собирательное 2-го склоненія господа̀ (имен. пад. един. ч. жен. р.: напр., господа моя) стало употребляться, какъ именительный падежъ множественнаго числа отъ сущ. господинъ. По образцу господа образовались именительные падежи множ. числа: города̀, острова̀, лѣса̀ и т. п. Въ др.-рус. языкѣ было имя сущ. собирательное прутье (имен. пад. ед. числа сред. рода): Возьмуть на ся прутье младое (Лавр. лѣт.). Отъ него образовалось совр. прутья, представляющее именит. пад. множ. числа существ. м. р. 1-го склоненія прутъ. Такимъ же образомъ отъ братія (имен. пад. ед. ч.) произошло братья (имен. пад. мн. ч.).

7. Утрачено двойственное число именъ прилагательныхъ.

8. Утрачено двойственное число глагола.

9. Утрачено достигательное наклоненіе.

10. Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія ти (чи) измѣнилось въ ть (чь) за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда удареніе находится на послѣднемъ слогѣ слова (вестѝ, нестѝ и т. п.).

11. Окончаніе 2 л. ед. ч. настоящаго и будущаго времени ши измѣнилось въ шь: даеши—даешь.

12. Окончаніе 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія и ослабилось въ ь послѣ согласныхъ и въ й послѣ гласныхъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на и находится удареніе: встань, брось, дай, знай, идѝ, берѝ.

13. Конечный ь въ 3 лицѣ ед. и множ. числа настоящаго и будущаго времени измѣнился въ ъ: идетъ, идутъ. вмѣсто древняго идеть, идуть.

14. Аористъ и преходящее время исчезли изъ русскаго языка къ концу XIV вѣка, а можетъ быть, и раньше. Эти времена замѣнились сложнымъ прошедшимъ временемъ, образовавшимся изъ несклоняемаго причастія прошед. времени на—лъ съ глаголомъ быти въ настоящемъ времени (напр., ходилъ юсмь). Послѣдняя форма перешла въ современное прошедшее время такимъ образомъ: сначала глаголъ быти сталъ подразумѣваться въ 3 лицѣ единств. и множ. числа, а потомъ, когда стало развиваться употребленіе мѣстоименій личныхъ въ качествѣ подлежащихъ при глаголахъ, онъ сталъ подразумѣваться и при другихъ лицахъ, а потомъ и вовсе исчезъ.

15 Исчезло сложное давнопрошедшее время (далъ бѣахъ) и условное будущее время (далъ бѫдѫ).

16. Въ условномъ прошедшемъ времени (далъ быхъ) измѣняемая форма аориста превратилась въ неизмѣняемую частицу бы.

Въ синтаксисѣ.

1. Въ древнемъ языкѣ (ц.-сл. и русск) имена прилагательныя краткія (безчленныя) употреблялись и въ качествѣ опредѣленія и въ качествѣ части составного сказуемаго: И налѣзоша быкъ великъ и силенъ. (Лавр. лѣт.). Добри гости придоша (тамъ же). Совокуться и будутъ нази (тамъ же). Съ теченіемъ времени прилагательное въ соединеніи съ членомъ стало тяготѣть къ существительному, а прилагательное безъ члена стало тяготѣть къ глаголу, благодаря

чему первое употребляется теперь въ качествѣ опредѣленія, а второе въ качествѣ части составного сказуемаго: Добрый человѣкъ старается помочь ближнему. Этотъ человѣкъ добръ.

2 Древне-русское причастіе, соединенное съ членомъ, съ теченіемъ времени стало тяготѣть къ существительному, а не соединенное съ членомъ стало тяготѣть къ глаголу Причастіе перваго рода въ русскомъ языкѣ къ концу XIV в. или совсѣмъ исчезло или превратилось въ имя прилагательное (горячій, сидячій, лежачій, стоячій и т. п.). Причастіе второго рода перешло въ дѣепричастіе. Въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ употребляются ц.-славянскія причастія настоящаго времени дѣйствит. залога, а также и другія причастія, не свойственныя простонародному русскому языку.

3. Въ составномъ сказуемомъ глаголъ быть въ настоящемъ времени, употребляемый въ качествѣ связки, обыкновенно опускается. Это явленіе замѣчается иногда и въ древне-русскихъ памятникахъ. Въ связи съ нимъ наблюдается совершенное исчезновеніе изъ современнаго русскаго языка формъ настоящаго времени глагола быть за исключеніемъ формъ есть и суть.

4. Именительный падежъ составного сказуемаго весьма часто замѣняется творительнымъ предикативнымъ (творительнымъ сказуемаго), при чемъ наблюдается разница значенія между выраженіями: „Онъ былъ человѣкъ" и „Онъ былъ человѣкомъ".

5. Вторые согласуемые косвенные падежи въ составномъ дополненіи замѣняются несогласуемыми: древнее: „Избраша Кира царя", замѣняется оборотомъ: „Избрали Кира царемъ".

6. Внесена большая стройность въ построеніе предложеній, благодаря чему утратились нѣкоторые древніе обо-

роты въ родѣ союза между причастіемъ и глаголомъ—сказуемымъ.

7. Сильно развилось употребленіе придаточныхъ предложеній, которыя замѣнили отчасти нѣкоторые обороты, входившіе въ составъ простого предложенія.

ТЕКСТЫ

Остромирово Евангеліе.

Ев. отъ Іоанна, гл. а҃. Искони бѣ слово и слово бѣ отъ б҃а и б҃ъ бѣ слово. се бѣ искони оу б҃а и тѣмь вса бышѧ, и безъ него ничьто же не бысть иже бысть. въ томь животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ. и свѣтъ въ тьмѣ свьтиться, и тьма иего не обатъ. бысть ч҃лвкъ посъланъ отъ б҃а има иемоу иоанъ. тъ приде въ съвѣдѣтельство да съвѣдѣтельствоуіеть о свѣтѣ, да вьси вѣрж имѫть имь не бѣ тъ свѣтъ, нъ да съвѣдѣтельствоуіеть о свѣтѣ. бѣ свѣтъ истиньнъıи, иже просвѣщаіеть в'сѧкого ч҃лка, градѫща въ миръ.

Ев. отъ Луки, гл. к҃д Въ оно врѣмѧ петръ въставъ тече въ гробоу. и приникъ видѣ ризы иедины лежаща и иде въ себѣ дивасѧ бывъшоуоумоу. И се дъва отъ нихъ бѣста идѫща въ гъжде дьнь въ вьсь отъстоѩщѫѩ стадии шестьдесатъ отъ иероусалима, иеиже има еммаоусъ и та бесѣдоваста въ себѣ о вьсѣхъ приключьшиихъсѧ сихъ и бысть бесѣдоующема има и сътазаѭщемасѧ, самъ іс҃ъ приближьсѧ идѣаше съ нима. оч и же иею дьржастесѧ, да иего не познаіета. рече же къ нима: чьто сѫть словеса си, о нихъ же сътазаіетасѧ къ себѣ идѫща и иеста драхла? отъвѣщавъ же иединъ, иемоу же има клеопа, рече къ иемоу: ты ли иединъ пришьльць иеси въ иероусалимѣ и не оувѣдѣ бывъшиихъ въ н'емь въ дьни сиѧ? и рече има: кыихъ? она же рѣста иемоу: иже о іс҃ѣ назарѣнинѣ, иже бысть мѫжь пр҃ркъ сильнъ дѣлъмь и словъмь прѣдъ богъмь и вьсѣми людьми и како и прѣдаша архиереи и кънязи наши на осѫждениіе съмьрти и распаша и. мы

же надѣꙗахомъса, ꙗко сь ѥсть хотаи нꙁбавнти нꙁ҃лꙗ. нъ н надъ вьсѣми снми третнн се дьнь нматъ дьньсь, отънеанже сн быша. н жены етеры отъ насъ оужасниша ны бывъша рано оу гроба н не обрѣтъше тѣлесе ѥго прндоша глаголѭща н ꙗвлѥние аньгела внꙗдѣша нже глѭть жнва. н ндоша еднни отъ насъ къ гробоу н обрѣтоша тако, ꙗко же н жены рекоша. самого же не внꙗдѣша н тъ рече къ нима: ѡ несъ мысльна н мьдьльна срьдьцьм срьдьцьмь вѣровати о вьсѣхъ, ꙗже глаша пророцн. не тако лн подобаше. пострадати хоу н вънити въ славѫ своѭ? н начьнъ отъ моусеа н отъ вьсѣхъ пророкъ, съказааше нма отъ вьсѣхъ кънигъ, ꙗже бѣахѫ о нѥмь. н прибдижиша са въ вьсь, въ нѭже ндꙗаста, н тъ творааше са далече нтн. н нѫждааста н глаголѭща: облаꙁн съ нама, ꙗко прн вечерѣ ѥсть н прѣклоннлъ са ѥсть дьнь. н вънндс съ нима облещь. н бысть, ꙗко въꙁлеже съ нима н прнимъ хлѣбъ бл҃гослови н прѣломль дааше нма. онѣма же отъвьрꙁоста са очи н поꙁнаста н, нтъ нщеꙁе отъ нею. н рѣста къ себѣ: не сьрдьце лн наю гора бѣ въ наю, ѥгда глаше къ нама на пѫтн н ꙗко съкаꙁааше нама писаниꙗ? н въставъша въ .ꙇ҃. часъ въꙁвратнстаса въ нероусалимъ.

Еванг. отъ Матѳ. гл. ке҃. Тъгда оуподобнт са црс҃твие небесьное ꙇ҃ дѣвъ, ꙗже приимъша свѣтильникы своꙗ, нꙁидоша протнвѫ женихоу н невѣстѣ. Пать же отъ нихъ бѣ боуи; н пать мѫдръ. Боуꙗꙗ бо приимъша свѣтильникы своꙗ, не въꙁаша съ собоѭ елеа: а мѫдрыꙗ въꙁаша елеи въ съсѫдѣхъ своихъ съ свѣтильникы своими. Моудаштоу же женихоу, въꙁдрѣмаша са вьса, а съпаахѫ. Полоунощи же въпль бысть: се женихъ градеть, исходите въ сърѣтенне ѥмоу. Тъгда въсташа вьса дѣвы ты, н оукрасиша свѣтильникы своꙗ. Боуꙗꙗ рекоша мѫдрыимъ: дадите н

намъ отъ олеа вашего, юко свѣтильници наши оугасаѭть. Отъвѣщаша же мѫдрыя глѭщіа: ѥда како недостанеть вамъ и намъ; идѣте же паче къ продаѭщиимъ, и коупите себѣ. Пдѫщамъ же имъ коупить, приде женихъ: и готовыя вънидоша съ нимь на бракъ, и затворены быша двьри. Послѣдь же придоша и прочая дѣвы, глѭщіа: гй, гй, отврьзи намъ Онъ же отъвѣщавъ рече: аминь глѭ вамъ, не вѣмь васъ. Бѫдите оубо, юко не вѣсте дьне, ни часа, въ ньже сынъ чл҃вчьскыи придеть.

Еванг. отъ Луки гл. є҃. Во врѣмл оно стоюаше ис҃с при ѥзерѣ геннсаретьсцѣ: И видѣ дъва корабица стоѩща при ѥзерѣ: рыбари же ошьдъше отъ нею, плакаахѫ мрѣжа своѩ. Вълѣзъ же въ ѥдинъ отъ корабицоу, иже бѣ симоновъ, моли и отъ земли отъстѫпити мало: и сѣдъ оучааше ис корабла народы. Юко же прѣста гл҃ѩ, рече къ симоноу: възѣди въ глѫбинѫ и въметѣте мрѣжа ваша въ ловитвѫ. И отъвѣщавъ симонъ, рече ѥмоу: наставьниче‘ об нощь вьсѫ троуждьшеса, ничесо же не юхомъ: по гл҃оу же твоѥмоу въврьжемъ мрѣжѫ. И се сътворьше, обаіша множьство рыбъ мъного. прѣтрьзаахѫ же са мрѣжа ихъ. И поманѫша причастьникомъ, иже бѣахѫ въ дроузѣмь корабли, да пришьдъше помогѫть имъ: и придоша, и наплънишіа оба корабла, юко погрѫжати са има. Видѣвъ же симонъ петръ, припаде къ колѣнома ис҃овома гл҃ѩ: изиди отъ мене, юко мѫжь грѣшьнъ ѥсмь, гй. Оужасъ бо одрьжааше и и вьсѩ, иже бѣахѫ съ нимь, о ловитвѣ рыбъ, юже юшѩ.

Еванг. отъ Марка, гл. г҃. И вънидє пакы въ съборище: и бѣ тоу чл҃къ соухѫ рѫкѫ имы. И назираахѫ ѥго, аще въ сѫботы исцѣлить и, да на нь възглѭть. И гл҃а чл҃коу имѫщоуоумоу соухѫ рѫкѫ: стани посрѣдѣ. И гл҃а

нимъ: достоить ли въ сѫботы добро творити, ли ꙁъло сътворити: дш҃ѫ сп҃сти, ли погоубити; они же млъчаахѫ. И възьрѣвъ на ня съ гнѣвъмь, скръбя о окаменении ср҃дца ихъ. гл҃а чл҃коу: простьри рѫкѫ твоѭ. и прострѣ: и оутврьдися рѫка его съдрава ꙗко и дроугаꙗ.

Еванг. отъ Матѳея, гл. в҃. Исоусоу рожьшоуся въ виѳлѣеми иоудейстѣи, въ дьни ирода цр҃я, се влъсви отъ въстока придоша въ иер҃слимъ, гл҃юще: Къде есть рождиися цр҃ь иоудейскъ; видѣхомъ бо ꙁвѣꙁдѫ его на въстоцѣ, и придохомъ поклонитъся емоу. Оуслышавъ же иродъ цр҃ь съмятеся, и вьсь иер҃салимъ съ нимь. И събьравъ вься архиереꙗ и кънижьникы людьскыꙗ, въпрашааше ꙗ: къде хс҃ъ раждаеться; Они же рекоша емоу: въ виѳлееми иоудейстѣи, тако бо писано есть пр҃ркъмь: И ты, виѳлеоме, ꙁемле иоудовл, ничимьже мьньши еси въ вл҃дкахъ иоудовахъ: ис тебе бо иꙁидеть вл҃кл, иже оупасеть люди моꙗ иꙁл҃ꙗ. Тогда иродъ отаи приꙁъвавъ влъхвы, испыта отъ нихъ врѣмя ꙗвльшаꙗся ꙁвѣꙁды. И посълавъ въ виѳлеомъ рече: шьдъше испытаите иꙁвѣстьно о отрочате: егда же обращете, повѣдите ми, да и аꙁъ шьдъ поклоняся емоу. Они же послоушавъше цр҃я, идоша, и се ꙁвѣꙁда, юже видѣша на въстоцѣ, идѣаше прѣдъ ними, доньдеже пришьдъши ста вьрьхоу, идеже бѣ отроча. Видѣвъше же ꙁвѣꙁдѫ, въꙁрадовашася радостиѭ великоѭ ꙁѣло. И вънидъше въ храминѫ, видѣша отроча съ мариеѭ материѭ его, и падъше поклонишася емоу: и отврьꙁъше съкровища своꙗ, принесоша емоу дары, ꙁлато и ливанъ и ꙁмурьнѫ. И отъвѣтъ приимъше въ сънѣ не въꙁвратитися къ иродоу, нъ инѣмь пѫтьмь отидоша въ странѫ своѭ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Слава тебѣ гн҃и ц҃арю нбсьныи. ꙗко сподоби ма написати Еѵ҃лие' се. почахъ же е' писати. въ лѣто ҂ѕфѯд. А оконьчахъ е въ лѣто ҂ѕфѯе. Написахъ же Еѵ҃лие' се рабоу божию нареченоу същоу въ кр҃щении иосифъ. а мирьскы остромиръ. близокоу сѫщоу изаславоу кънѧзоу. изаславоу же кънѧзоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти. и оц҃а своего ꙗрослава и брата своего володимира. Самъ же изаславъ кънѧзь правлꙗаше столъ оц҃а своего ꙗрослава кыевѣ. А брата своего столъ поржчи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ. Мънога же лѣ дароуи Бъ҃ сътажавъшоумоу Еѵ҃лие' се на оутѣшение мъногамъ дш҃амъ кр҃стиꙗньскамъ. дан емоу Гдь Бъ҃ бл҃ние ст҃ыхъ. евангл҃истъ Иіоана. Матѳеа. Лоукы. Мар҃ и ст҃ыхъ пра҃оць. Авраама, Исаака и Іакова. самомоу емоу. и подроужию е'го Ѳеофанѣ и чадомъ е'ю и подроужиемъ чадъ ею. съдравьствуите же многа лѣ҃ съдрьжаще пороучение' свое. Аминь. Азъ Григории диꙗконъ написахъ еѵ҃гли е'. да иже горазнѣе сего напише. то не мози зазьрѣти мънѣ грѣшьникоу. почахъ же писати мц҃а окт҃а кд҃ на памать илариона. А оконьчахъ мц҃а маиꙗ въ ві на памать епифана. Молю же вьсѣхъ почитаѭщиихъ не мозѣте клати. нъ исправльше. почитаите. Тако бо и ст҃ы ап҃лъ Паулъ гл҃еть: Бл҃те. А не кльнѣте. Аминь.

Б. Гвоздиковъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стрόка.	Напеч.	Должно быть.
10	3 снизу (въ прим.)	(въ ζ и т. п.	(въζ и т. п.)
11	3 снизу (въ прим.)	доброуэмоу	доброуѥмоу
13	15 снизу	(ϝεῖδα)	(ϝοῖδα)
15	1 снизу	гласны	гласные.
16	18 сверху	пѧть=греч. πέντε	пать=греч. πέντε
—	21 сверху	передовали	передавали.
—	26 сверху	czombat	szombat
17	1 снизу	сѣма,	сѣма, изъ
18	15 сверху	на ъ м	на ъм
37	1 снизу	ы „ ѧ	ы „ н
39	3 снизу	господьн-ѭмн	господьн-ѭмъ
—	2 снизу	господнь-ѭмъ	господьн-ѭмн
—	1 снизу (въ примѣч.)	нась вась)	нась, вась).
41	6 сверху	кѧмен-ню [оу]	камен-ню [оу]
42	2 снизу (правый стол.)	Д. М. вѫѭ	Р. М. вою
43	2 сверху	И.-Р.	И.—Р.
44	15 сверху	особен	особен-
45	2 снизу	Т. кѣмь	Т. цѣмь
58	6 сверху	пѧть	пать,
64	Въ таблицѣ сбоку.	Единственнаго	Единственное.
—	1 снизу	—ал-с-та [тє]	—ал-с-та [тє]
66	14 сверху	давно прошедшее	давнопрошедшее.
—	5 снизу	слав	слав.
70	1 снизу	кы	кы.

79	9 снизу	въ ȥблагодать	въȥ благодать
—	2 снизу	мѣстоиме	мѣстоиме-
—	1 снизу	ѥ	ѥ.
80	11 снизу	глаголаахѫ	глаголаахѫ.
—	7 снизу	жига	жита
81	8 сверху	кѫдѣ	къде

Критико-библіографическія замѣтки.

Изъ родной литературы послѣгоголевскаго періода. *Составили Городецкій, Дворниковъ и др* Изданіе И. Д. Сытина. Ц 2 р.

Въ послѣднее время, когда поднялись толки о ненормальностяхъ преподаванія русскаго языка въ средней школѣ, о плохихъ хрестоматіяхъ и учебникахъ по этому предмету, появилось очень много книгъ въ новомъ духѣ. Нужно замѣтить, что изъ множества появившихся хрестоматій хорошихъ очень мало. Ничего особеннаго не даетъ и хрестоматія, заглавіе которой выписано выше. Составители въ своемъ предисловіи, между прочимъ, указываютъ, что они старались включить сюда наиболѣе характерныя произведенія того или другого писателя. Это намѣреніе однако осталось невыполненнымъ. Такъ, изъ произведеній Островскаго взята лишь «Гроза», а изъ Тургенева—«Бурмистръ» и отрывокъ изъ «Отцовъ и дѣтей». Но развѣ это характерно для Тургенева? Развѣ другія произведенія Тургенева, «Записки Охотника», «Дворянское гнѣздо», «Рудинъ», «Стихотворенія въ прозѣ»,—не заслуживаютъ вниманія? Русское общество давно уже оцѣнило ихъ. Совсѣмъ не дано мѣста въ хрестоматіи Гончарову, Никитину и нѣкоторымъ другимъ писателямъ. Изъ Достоевскаго нѣтъ даже отрывковъ изъ произведеній: «Бѣдные люди», «Униженные и Оскорбленные» и «Записки изъ мертваго дома». «Дѣтство и Отрочество», «Война и міръ» Л. Толстого сюда тоже не вошли. Не помѣщенъ изъ В. Короленко «Слѣпой музыкантъ». Чеховъ тоже слабо представленъ. Матерьялъ скорѣе подобранъ тенденціозный,

чѣмъ характерный для того или другого писателя. Таковы промахи. Внѣшность книги въ общемъ удовлетворительна, но портреты писателей заставляютъ желать лучшаго.

К. Д. Бальмонтъ.—*Жаръ Птица. Свирѣль славянина.* Москва. 1908 г. Ц. 2 р.

Декаденство—направленіе романтическаго характера. Романтизмъ въ былое время принесъ ту пользу, что его представители обратили вниманіе на народное творчество, разработывали эти произведенія, использовали ихъ для своихъ произведеній. Нынѣшніе декаденты и въ этомъ направленіи идутъ въ унисонъ съ романтиками стараго типа. Изъ нынѣшнихъ декадентовъ Бальмонтъ въ своей книгѣ «Жаръ-птица» сдѣлалъ попытку поэтически разработать русское эпическое народное творчество,—переложилъ въ стихи заговоры, былины, духовные стихи, пѣсни въ честь боговъ. Такую попытку надо привѣтствовать, такъ какъ у насъ вообще очень мало использовано въ этомъ родѣ народное творчество. Можно назвать немногихъ русскихъ писателей, которые занимались этимъ матерьяломъ. Что касается Бальмонтовскихъ переложеній, то они тѣмъ отличаются отъ предыдущихъ пытокъ, что авторъ стремится не передѣлать то или другое произведеніе по своему, а передать его возможно ближе къ оригиналу. Особенно удались ему былины: «Отчего перевелись витязи на Руси», «Садко», «Микула Селяниновичъ», «Чурило Пленковичъ», «Глубинная книга» и многіе заговоры. Намъ кажется, что было бы хорошо эту книгу использовать для класса;—послѣ изученія какой-либо былины и т. п. можно прочитать нѣкоторыя изъ этихъ переложеній. Что касается языка стиховъ, то, по наше-

му мнѣнію, авторъ иногда слишкомъ увлекается архаизмами и псевдо-архаизмами, которые не столько напоминаютъ старину, сколько смѣшатъ. («Златоцвѣтность», «Звѣздоцвѣтность»...)

И. Є. Михеевъ.—*Сочиненіе въ начальной школѣ по картинкамъ*. 2-е изданіе. Казань. 1907 г.

Въ послѣднее время стали замѣнять обычныя письменныя упражненія: диктовки, пересказы и списыванія новымъ пріемомъ—составленіемъ простенькихъ сочиненій по картинкамъ. Конечно, дѣло хорошее—пріучать ученика къ болѣе самостоятельной работѣ по русскому языку, но, намъ кажется, этимъ средствомъ нужно пользоваться умѣренно и умѣло, не увлекаясь и не придавая ему доминирующаго значенія, такъ какъ оно не даетъ достаточно матерьяла для грамматическихъ упражненій. Картинки помогутъ развить въ ученикѣ способность сочинять, но сомнительно, чтобы онѣ научили его грамматикѣ. Слѣдовательно, старыя письменныя упражненія все-таки стоятъ на первомъ планѣ, а потомъ—уже можно прибѣгать и къ картинкамъ.

Затѣмъ, сами по себѣ картинки—вещь не столь ужъ цѣнная, чтобы примѣнять ихъ въ широкихъ размѣрахъ въ школѣ даже и при сочиненіяхъ. Онѣ тоже несовершенное средство. Если итти до конца по избранному пути—изгнанія мертвечины изъ школы, то и—картинки не дадутъ полнаго представленія о дѣйствительной жизни, которую онѣ изображаютъ. Лучше бы ученика пріучать составлять сочиненія въ томъ же духѣ, пользуясь наблюденіями и впечатлѣніями изъ дѣйствительной жизни. Матерьяла, понятнаго ученику, здѣсь много: ученикъ могъ бы описать свою школу, церковь,

свое село, свою улицу, свою рѣку, разсказать, какъ проходитъ у нихъ день въ полѣ и на лугу, какъ проходитъ учебный день и т. д. Недостатка въ матерьялѣ у находчиваго учителя не будетъ.

Къ этому же должно побуждать и то, что картинокъ вполнѣ удовлетворительныхъ мы еще не видѣли. Недавно вышедшія вторымъ изданіемъ (вѣроятно, по новизнѣ) названныя книжки слабы. Методическія свѣдѣнія здѣсь самыя краткія, мало дающія учителю. Картинки таковы, что учащимся иногда трудно догадаться, что на ней изображено. Такъ, напр., пламя въ разсказѣ «Пожаръ отъ куренія» изображено такъ, что оно похоже на кустъ какаго-то растенія; не видно, бросили-ли свои окурки мальчики и куда именно. Другой недочетъ этого изданія тотъ, что изображенія слишкомъ неправильны, грубы. На это нужно бы обратить особое вниманіе, потому что у ученика такими картинками художественный вкусъ развивается въ дурную сторону. А этимъ нельзя пренебрегать. Въ средней же школѣ онѣ могутъ возбуждать смѣхъ, такъ какъ способные ученики сами рисуютъ лучше. Еще должно добавить, что присоединенныя къ методикѣ для учителей сочиненія учениковъ, какъ будто, передѣланы, пересочинены взрослыми лицами. Это можетъ замѣтить всякій. По нашему мнѣнію если популяризовать новые методы, такъ нужно издавать хорошія пособія, а не такія, которыя стряпаетъ со своими доморощенными иллюстраторами г. Михеевъ.

Проф. Д. Кудрявскій — *Какъ жили люди въ старину.* Очерки первобытной культуры. Ц. 40 к.

Хорошихъ, популярно изложенныхъ, книгъ вообще у насъ мало. Многимъ изъ нихъ не достаетъ или науч-

ности, или популярности изложенія. По исторіи первобытной культуры, можно сказать, совсѣмъ у насъ нѣтъ популярныхъ книгъ. И названная книжечка извѣстнаго ученаго-санскритолога, профессора Д. Кудрявскаго, вышедшая уже третьимъ изданіемъ, должна быть прямо рекомендуема учащимся. Здѣсь изложена кратко и простымъ языкомъ исторія матеріальной и духовной культуры первобытнаго человѣка. Намъ особенно дорогъ отдѣлъ объ умственной жизни первобытнаго человѣка и въ частности—о происхожденіи языка, счисленія, письма. Этотъ мудреный вопросъ здѣсь излагается въ доступной формѣ для ученика, и преподаватели исторіи и словесности могутъ посовѣтовать прочитать его ученикамъ дома. Досадный,—правда, незначительный недостатокъ—это иллюстраціи, исполненныя нѣсколько грубовато.

А. П.

Изданіе сочиненій А. Н. Веселовскаго.

Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ начато изданіе собранія сочиненій академика Александра Николаевича Веселовскаго. По почину сына покойнаго А. А. Веселовскаго, въ декабрѣ 1906 г. находившіеся въ С.-Петербургѣ ученики А. Н. Веселовскаго образовали въ своей средѣ коммиссію для выработки плана изданія, подъ предсѣдательствомъ проф. Ѳ. А. Брауна. По утвержденіи этого плана общимъ собраніемъ учениковъ покойнаго ученаго, учреждена была издательская комиссія, на которую возложено ближайшее руководство изданіемъ. Въ составъ этой комиссіи вошли, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ учениковъ А. Н. Веселовскаго, Ѳ. Д. Батюшкова и съ правомъ присоединенія новыхъ членовъ слѣдующія лица: Е. В. Аничковъ Ѳ. А. Браунъ, Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовскій, П. О. Морозовъ, Д. К. Петровъ, К. Ѳ. Тіандеръ, А. А. Шахматовъ и В. Ѳ. Шишмаревъ. Секретаремъ избранъ Ю. Н. Верховскій.

По намѣченному плану все изданіе распадается по содержанію на 6 серій, независимыхъ другъ отъ друга, съ такимъ разсчетомъ, чтобъ какъ подготовительныя работы, такъ и печатаніе можно было вести одновременна по нѣсколькимъ серіямъ.

Въ предѣлахъ каждой серіи сочиненія будутъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и каждый томъ будетъ снабженъ предисловіемъ и указателемъ. Установленныя серіи распредѣлены между членами комиссіи слѣдующимъ образомъ:

I. Поэтика—2 тома—Ѳ. А. Брауна.

II. Эпоха возрažденія—5 томовъ. Батюшковъ и Д. К. Петровъ.

III. Романъ и повѣсть—4 тома—П. О. Морозовъ.

IV. Розысканія въ области русскаго духовнаго языка—4 тома—В. З. Шишмаревъ.

V. Легенда, фольклоръ—5 томовъ—Е. В. Аничковъ и Ѳ. Д. Батюшковъ.

VI. Былины—3 тома—Ѳ. А. Браунъ и А. А. Шахматовъ.

VII. Новая русская литература—2 тома—Алексѣй Н. Веселовскій.

VIII. Varia—I томъ—К. Ѳ. Тіандеръ. Такимъ образомъ получатся 26 томовъ сочиненій, къ которымъ нужно прибавить еще 2 тома, біографіи и переписки. Послѣдніе два тома взялъ на себя сынъ покойнаго А. А. Веселовскій. Слѣдовательно все изданіе будетъ обнимать 28 томовъ.

Такъ какъ предполагается выпускать въ свѣтъ ежегодно не меньше двухъ томовъ, то все изданіе должно быть закончено, въ крайнемъ случаѣ, въ 14 лѣтъ.

Вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ два первыхъ тома второй серіи, приготовленные къ печати Д. К. Петровымъ изъ нихъ первый—выйдетъ раньше. Приготовленъ къ печати Ѳ. А. Брауномъ первый томъ первой серіи.

Всѣ расходы по изданію, а также вознагражденіе секретаря издательской комиссіи взяло на себя отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, при чемъ согласно желанію А. А. Веселовскаго, изъ чистаго дохода съ изданія должна быть учреждена стипендія имени А. Н. Веселовскаго при романо-германскомъ отдѣленіи Историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета.

Н. Н. Вакуловскій

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ выходитъ при сотрудничествѣ лицъ, работавшихъ въ редакціи «Ремесленной Газеты», издававшейся въ теченіе 20 лѣтъ покойнымъ К. А. Казначеевымъ и прекратившей существованіе послѣ его смерти. Сравнительно съ журналомъ Казначеева **„Практическое ремесленное обозрѣніе“** издается по значительно расширенной программѣ и въ большемъ объемѣ.

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ ставитъ себѣ задачу: 1) держать подписчиковъ въ курсѣ ремеслъ и техники, постоянно сообщая всѣ новости, открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія въ формѣ, доступной пониманію всякаго; 2) знакомить съ новѣйшими пріемами работы; 3) приходить на помощь совѣтами и разъясненіями; 4) знакомить въ рисункахъ, эскизахъ и чертежахъ съ выдающимися по красотѣ, изяществу и практичности образцами издѣлій, достойными подражанія.

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ предназначается для практическаго пользованія ремесленниковъ кустарей, техниковъ практиковъ, ремесленныхъ мастерскихъ, некрупныхъ производствъ, для ремесленныхъ и техническихъ училищъ, а также, *ввиду крайней общедоступности изложенія для любителей ремесла и для семьи*

„Практическое ремесленное обозрѣніе“ среди 52 нумеровъ даетъ 12 нумеровъ, т.-е. по 1 разу въ мѣсяцъ, подъ названіемъ

„Ремесленникъ-Любитель и Диллетантъ“,

по содержанію предназначенныхъ исключительно для любителей художественнаго ремесла и для лицъ, ищущихъ въ ручномъ трудѣ отдыха и развлеченія.

Ремесленная газета „Что новаго?“ кромѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ выпусковъ *Практическое ремесленное обозрѣніе* даетъ въ видѣ безплатной преміи богатый *Альбомъ рисунковъ* образцовъ желѣзныхъ рѣшетокъ, оградъ, воротъ, зонтовъ, вывѣсокъ, лѣстницъ, баллюстрадъ и т. п. издѣлій во всѣхъ стиляхъ; *Руко-*

водство по травленію и окрашиванію дерева. Руководство по устройству безъ помощи мастера электрическихъ элементовъ, электрическаго освѣщенія, проведенія звонковъ, установкѣ телефоновъ и пр.

Подписная цѣна на Ремесленную газету «Что новаго» съ еженедѣльными выпусками «Практическое ремесленное обозрѣніе» и всѣми приложеніями 6 рублей съ пересылкой и доставкой.

Пробный нумеръ за 21 коп

Вся корреспонденція и подписныя деньги адресуются: Москва, Борисоглѣбскій пер., д. Балашевой, редакціи газеты «Что новаго?». 2-3

Открыта подписка на 1909-й годъ—II годъ изданія.

„ГОЛОСЪ"

Двухнедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный литературѣ, общественной жизни, искусствамъ и наукѣ.

Второй годъ изданія.

„ГОЛОСЪ" въ 1909-мъ году будетъ выходить въ увеличенномъ объемѣ въ г. **Москвѣ** при пополненномъ составѣ сотрудниковъ въ художественной обложкѣ. Изящная внѣшность.

Въ журналѣ **„ГОЛОСЪ"** принимаютъ участіе: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ив. Бунинъ, А. Вербицкая, Дм. Глушковъ, А. Доброхотовъ, С. Дрожжинъ, П. Засодимскій, Борисъ Зайцевъ, Александръ Истоминъ, Н. Киселевъ, А. И. Купринъ, Л. Малининъ, Р. Могучая, М. Михайловская, Н. Могучій, Сергѣй Пимусъ, А. Пругавинъ, Н. Степаненко, Проф. Н. Сумцовъ, Н. Телешовъ, Н. Тимковскій, Павелъ Тулубъ, А. Туркинъ и мн. др.

Въ Журналѣ **„ГОЛОСЪ"** помимо широко поставленнаго беллетристическаго отдѣла, будутъ помѣщаться

публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А Піонтковскій.*

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета. 2-3

ки, славянскія извѣстія, Rossica, рецензіи, новости по библіографіи и библіотечному дѣлу, справки по вопросамъ, касающимся книгъ, и, кромѣ того, ежемѣсячные систематическіе каталоги всѣхъ выходящихся новыхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ, списки книгъ, находящихся въ печати, арестованныхъ, запрещенныхъ изданій, спеціальные каталоги по разнымъ отраслямъ наукъ, указатели главнѣйшихъ журнальныхъ статей и т. п.

Оба отдѣла: «Вѣстникъ Литературы» и «Извѣстія по Литературѣ, Наукамъ и Библіографіи» —взаимно дополняютъ другъ друга, составляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы одно цѣлое, въ которомъ историко литературная и критическая часть сосредоточена преимущественно въ первомъ изъ нихъ, библіографическія и справочная— во второмъ.

Журналъ иллюстрируется снимками съ замѣчательныхъ произведеній печати, сценами изъ сочиненій выдающихся авторовъ (русскихъ и иностранныхъ), портретами, библіотечными знаками, рѣдкими автографами и пр., и пр.

1 р. Годовая подп. цѣна «Извѣстія по Литературѣ» и «Вѣстника Литературы», съ дост. **1 р.** и перес. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка).

Подписка принимается въ редакціи, въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с д., а также въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гостиный Дворъ, 18, и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курындиной (противъ университета). 2-6

Изъ королевскихъ дворцовъ. Что дѣлается во внутреннихъ покояхъ далай-ламы шаха, султана etc..? Тайны масоновъ, замкнутыхъ сектъ, спиритуалистовъ и пр. Тайны Востока. И др.

Панорама курьезовъ. Жизнь московскихъ курликовъ. Московскіе чудаки. Феномены животнаго и растительнаго міра. Оригинальныя постройки. Геніальныя дѣти. И др.

Король репортеровъ. Любопытныя рѣдкости, хранящіяся въ честныхъ рукахъ. Московскіе бриллъянты. Сколько проживаетъ Москва въ кафе-шантанахъ? Азартные проигрыши Эсперантисты. Живые трупы. Проекты ученыхъ. Въ психіатрическихъ лѣчебницахъ. Обычая и нравы рецидивистовъ. Честное богатство. Стоны на бойняхъ. Московскія могилы. И др.

Картограммы. Пятибальная система для губернаторовъ. Исключительныя положенія. Причина сумасшествія. Урожай 1908 г. Самоубійца прежде и теперь. Половой адъ. Увеличеніе и убыль населенія въ разн. государст.

Иллюстраціи. Только такія, которыя не были и не будутъ ни въ одномъ періодическомъ изданіи.

Четвертое измѣреніе. Неоспоримое факты.

Небывалое портреты. Воры, отказавшіеся воровать; проститутки, вступившія на честныйпуть; развратники, пожелавшіеся отвернуться отъ разврата и нуждающіеся въ нравственной поддержкѣ.

Экзаменаторъ. Дивиденды, располож. по нисход. и восходящ. степенямъ. Сравнительн. стоимость тожеств. сооруженій.

Memento mori. Послѣдн. слова умирающихъ, Причины самоубійства. Фотограф. снимки погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и скоропостижно умершихъ, личность которыхъ не установлена.

Секретарь читателя. Отмѣчаетъ только тѣ интересныя и оригинальныя мысли, разбросанныя по новѣйшимъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ, которыя поражаютъ своей абсолютной новизною.

На крыльяхъ фантазіи. Выдержки изъ послѣдн.

беллетристич. произведеній или изъ статей и фельетоновъ періодическихъ изданій, трактующихъ о «грядущемъ».

Обзоръ. аикѣмъ, кромѣ «Новостей міра» не получаемыхъ газетъ изъ Китая, Японіи, Бразиліи, Парагвая, Австраліи, Трансвааля, Конго, Канады, Мадагаскара, Сандвичевыхъ острововъ, Цейлона и пр.

Міровая литература. Краткій конспектъ содержанія новѣйшихъ литературныхъ произведеній всѣхъ народовъ Европы, Азіи, Африки, Америки, и Австраліи.

Въ беллетрическомъ отдѣлѣ «Новостей міра» читатель найдетъ всѣ текущія новости сезона

Кромѣ еженедѣльнаго журнала подписчики получатъ въ теченіи года:

24 книжки русскихъ и иностранныхъ писателей. Будутъ напечатаны произведенія Оскара Уайльда. С. Пшибышевскаго, Кнута Гамсуна, П. Альтенберга, М. Швобр. М. Метерлинка, Оле Гансона, Р. Киплинга, Татмайера, Жеромскаго, А. Шнитцлера, и мн. друг.

12 №№ «Моды». Благодаря особому соглашенію мы имѣемъ возможность дать новости первыхъ домовъ Парижа, Лондона, Вѣны, С.-Франциско, Чикаго, Нью-Іорка. Впервые въ Россіи «мужскія моды», какъ нужно одѣваться элегантному мужчинѣ.

12 №№ «Для дѣтей» сказки, картинки, шарады и т д.

12 №№ «Музыкальная библіотека». Ноты, романсы, танцы и т д

1 Стѣнной календарь «Новостей міра».

Подписная цѣна журнала: для Москвы съ доставкой 3 р. 50 к.; съ пересылкой и доставкой въ С.-Петербургъ и провинцію 4 р.; ½ г.—2 руб. 50 к., 3 мѣс. 1 руб. 50 коп.

Первые 1000 годовыхъ подписчиковъ получатъ роскошную премію: шесть копій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ размѣра 10×6. Айвазовскаго, Клевера, и другія.

Редакція и Главная контора помѣщаются: Москва, Петровскій бульваръ, д. Малюшина, кв. 5. Телефонъ 215-05. Редакторъ *В. А. Эрнстъ* 1 3

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1909 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части— 1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1909 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Г.г. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

но-Литературнаго и Научнаго Журнала въ изящныхъ художественныхъ обложкакъ.

12 роскошныхъ многокрасочныхъ картинъ знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

12 картинъ наклеенныхъ, на паспарту, исполненныхъ цвѣтными красками.

24 картины, отпечатанныхъ автотипіей.

12 портретовъ выдающихся современныхъ дѣятелей.

12 выпусковъ «юмористическіе разсказы».

12 выпусковъ «веселый театръ». Пьесы.

5 выпусковъ въ листахъ художественныхъ работъ изъ картона исполненныхъ множествомъ красокъ съ оригиналовъ всемірно-извѣстныхъ художниковъ: Ганса Макарта, Бугеро, Биссона, Асти и друг.

Изъ нихъ:

1) Изящный, художественный стѣнной портфель для писемъ.

2) Художественныя ширмочки для украшенія письменнаго стола съ картинами Ганса Макарта

3) Изящный, исполненный множествомъ красокъ вѣеръ

4) Художественный абажуръ.

5) Большая художественная рамка для кабинетнаго портрета

12 изящныхъ томиковъ разсказовъ современныхъ иностранныхъ писателей: 1) Франціи, 2) Германіи, 3) Англіи, 4) Италіи, 5) Испаніи, 6) Даніи, 7) Швеціи и Норвегіи, 8) Турціи, 9 Японіи и Китая, 10) Польскіе разсказы, 11) Австро-Венгріи, 12) Разсказы Американскихъ писателей.

Роскошный художественный альбомъ для фотографическихъ портретовъ въ великолѣпно исполненной красками и тисненой золотомъ папкѣ

Право на полученіе альбома имѣютъ только годовые подписчики подписавшіеся на журналъ своевременно до 1-го января 1909 года.

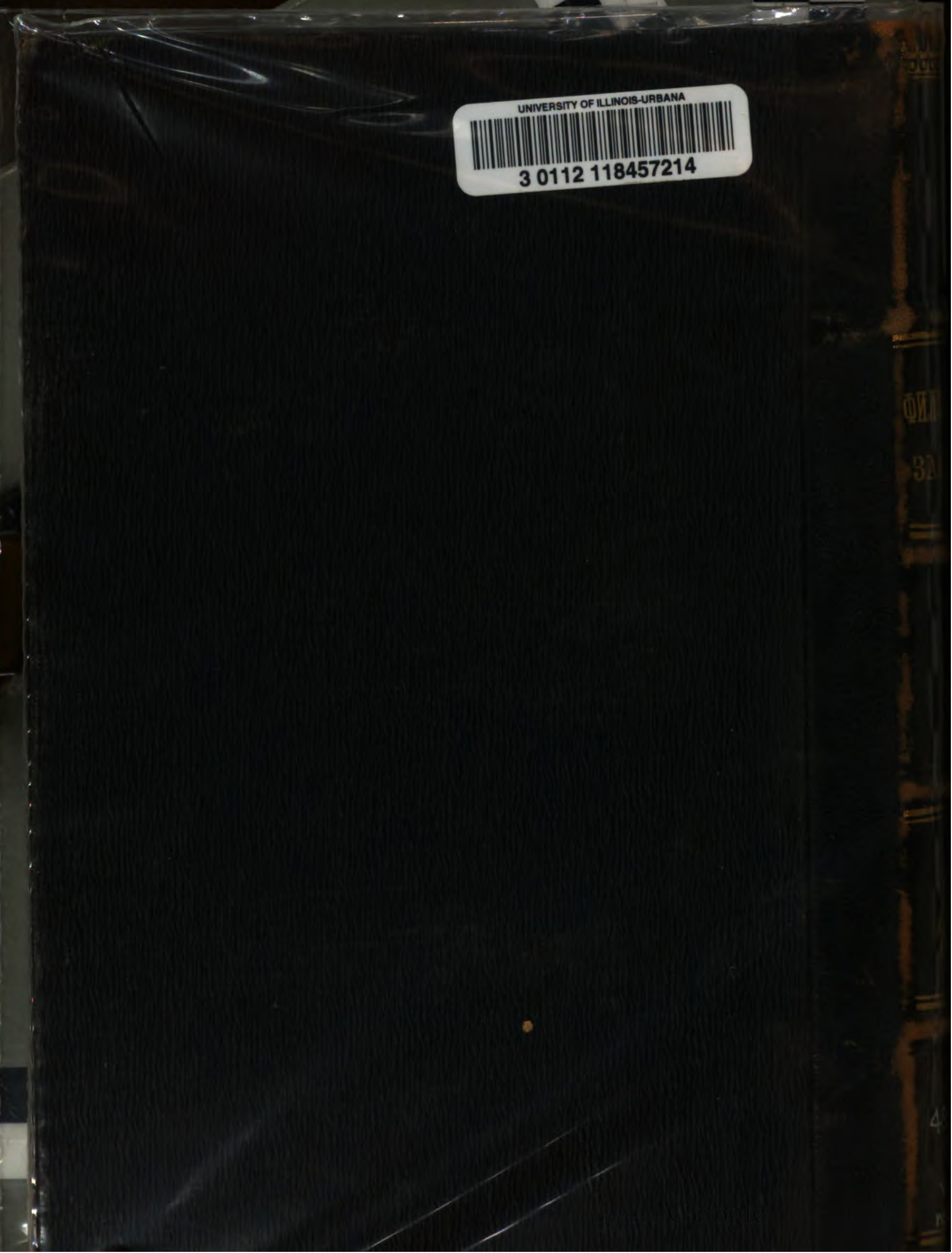
ПОДПИСНАЯ: ЦѢНА На годъ (безъ доставки) 6 руб.; съ доставкой и пересылкой во всѣ города 7 руб.; на полгода 4 рубля, на 3 мѣсяца 2 руб.; за границу 10 рублей. На сроки менѣе 3-хъ мѣсяцевъ подписка не принимается.

Адресъ редакціи: С.-П.-Б. Троицкая 6. Редакція журнала «ПРОБУЖДЕНІЕ».

1-4 Редакторъ-Издатель *Н. В. Корецкій.*

CoLibrì
COVER SYSTEM ®

05-14 STD
8 032919 991409
www.colibrisystem.com

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457214